

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

Ю. К. Кузьменко

РАННИЕ ГЕРМАНЦЫ И ИХ СОСЕДИ

ЛИНГВИСТИКА,
АРХЕОЛОГИЯ, ГЕНЕТИКА

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011

УДК 811.11:81.42
ББК 81.2+81.0
К89

К89 **Кузьменко Ю. К.**

Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика /отв. редактор Н. Н. Казанский. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 266 с.

ISBN 978-5-98187-870-1

Задача настоящей книги — установить, насколько данные лингвистики, археологии и генетики сопоставимы при изучении формирования общегерманского языка, общегерманского этноса и генетического пула ранних германцев, и что сравнение этих данных может дать для решения вопроса о прародине германцев. Основное место в исследовании уделено лингвистической реконструкции, данные которой сравниваются с археологическими и генетическими реконструкциями.

УДК 811.11:81.42
ББК 81.2+81.0

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Категории
праиндоевропейского глагола», проект № 10-04-00293а
(рук. Н. Н. Казанский)

и

гранта № НШ-5630.2010.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

Печатается при финансовой поддержке Ньюкастлского университета (University of Newcastle upon Tyne) в рамках проекта П. М. Долуханова и А. Шакурова “The Formation of Europe: Prehistoric Population Dynamics and the Roots of Socio-Cultural Diversity” (FEPRE), EC Contract Ref No. 028192, task (d) “Comparison with linguistic data on the pre-Indo-European substrate in (a) Celtic Languages, (b) Germanic languages, and (c) Slavic languages”.

ISBN 978-5-98187-870-1

© Издательство «Нестор-История», 2011
© Ю. К. Кузьменко, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Вводные замечания.....	5
1.1. Археологическая культура и язык.....	5
1.2. Этнос и язык.....	8
2. Самоназвание германцев.....	12
2.1. <i>Germānī</i>	12
2.2. <i>Suēbī</i>	18
3. Инновации протогерманского в сопоставлении со сходными инновациями в других индоевропейских языках и в финно-угорских языках.....	26
3.1. Описание инноваций.....	29
3.2. Исключительные протогерманские инновации.....	79
3.3. Поздние германские инновации, распространение которых могло начаться в общегерманский период.....	80
3.4. Схематическое изображение протогерманских инноваций.....	82
3.5. Относительная хронология фонологических инноваций.....	83
4. Результаты сопоставления общих инноваций.....	89
4.1. Предварительные замечания.....	89
4.2. Общие инновации по группам языков.....	92
4.2.1. Германский – армянский, германский – греческий.....	92
4.2.2. Германский – индоиранский.....	93
4.2.3. Германский – иллирийский и албанский.....	93
4.2.4. Германский – балтийский и славянский.....	94
4.2.5. Германский – итальянский и кельтский.....	96
4.2.6. Германский – саамский и прибалтийско-финский.....	98
4.3. Лексические и словообразовательные параллели.....	98
4.3.1. Предполагаемые лексические заимствования из неизвестного субстрата.....	99
4.3.2. Германо-балтийские и герmano-балто-славянские лексические и словообразовательные параллели.....	103
4.3.3. Германо-италийские лексические и словообразовательные соответствия.....	108
4.3.4. Германо-кельтские лексические и словообразовательные параллели.....	112
4.3.5. Германо-иллирийские и герmano-албанские лексические и словообразовательные соответствия.....	113
4.3.6. Саамо-прибалтийско-финские лексические заимствования из германского.....	114
4.4. Предварительные выводы.....	117

5. Появление германцев по археологическим данным.....	123
5.1. Гипотеза 1: Германцы – первое население северной Европы (10000–5000 гг. до н. э.).....	123
5.2. Гипотеза 2: Германцы появились в эпоху культуры воронковидных кубков (4500–2700 гг. до н. э.).....	127
5.3. Гипотеза 3: Германцы – результат слияния носителей индоевропейской культуры шаровых амфор с аборигенными культурами северной Европы (3600–2150 гг. до н. э.).....	130
5.4. Гипотеза 3: Германцы – результат слияния индоевропейской культуры шнуровой керамики с аборигенными культурами северной Европы (3000–2000 гг. до н. э.)	131
5.5. Гипотеза 4: Германцы сформировались в раннем бронзовом веке в центральной Германии в результате обособления группы носителей унетицкой культуры (2300–1600 гг. до н. э.).....	133
5.6. Гипотеза 5: Германцы сформировались в бронзовом веке в рамках культуры «северного круга» (1800–800 гг. до н. э.).....	135
5.7. Гипотеза 6: Германцы сформировались в железном веке в эпоху культуры Ясторф (600–100 гг. до н. э.).	140
5.8. Гипотеза 7: Германцы сформировались в эпоху Римской империи.....	142
5.9. Дискуссия.....	142
6. Сравнение археологических и лингвистических данных	147
6.1. Археологические корреляты предполагаемых субстратных элементов в германском.....	147
6.2. Соседи германцев с юго-запада.....	148
6.3. Соседи германцев с юго-востока.....	167
6.4. Соседи германцев с севера.....	176
7. Данные популяционной генетики о прародине и ранних контактах германцев.....	187
7.1. Хромосомные гаплогруппы германоязычного населения Европы (Y-ДНК).....	191
7.1.1. Гаплогруппы I1 и I2b.....	191
7.1.2. Гаплогруппа R1b.....	197
7.1.3. Гаплогруппа R1a.....	201
7.1.4. Гаплогруппа N1c.....	204
7.2. Митохондриальные гаплогруппы германоязычного населения Европы (mtДНК).....	206
7.2.1. Гаплогруппа H.....	209
7.2.2. Гаплогруппы U и V.....	210
7.3. Выводы.....	214
8. Заключение.....	219
9. Список литературы.....	225
10. Index verborum.....	250

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Задачи настоящей книги – установить, насколько данные лингвистики, археологии и генетики сопоставимы при изучении формирования общегерманского языка, общегерманского этноса и генетического пула ранних германцев, и что сравнение этих данных может дать для решения вопроса о прародине германцев. Основное место будет при этом уделено лингвистической реконструкции, данные которой будут сравниваться с реконструкциями археологическими и генетическими. Однако прежде чем обратиться к сравнению данных трех наук, рассмотрим некоторые общие вопросы.

1.1. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

Основная методологическая проблема междисциплинарных исторических исследований – насколько данные археологии, этнографии, антропологии и лингвистики сопоставимы в исторических реконструкциях. Дискуссии на эту тему продолжаются уже более века. Долгое время у археологов была популярна концепция тождества, которая предполагала, что археологическая культура, антропологический тип и язык ее носителей должны совпадать. В последнее время к этому комплексу признаков добавились и генетические признаки. Представление о том, что ареалы распространения археологических культур соответствуют ареалам распространения народов и языков, было характерно и для XIX века, однако, наиболее отчетливо концепция тождества была сформулирована немецким археологом Коссинной и его последователями в начале XX века¹. Несмотря на то, что это положение фактически сразу же было поставлено под сомнение (ср., напр.: Bremer 1900; позднее Krahe 1954; Жирмунский 1964)² и подвергается критике до

¹ Ср.: «Отчетливо ограниченные культурные провинции всегда покрываются областями определенных народов или племен» (Kossinna 1911: 17).

² Ср.: «Из данных доисторической археологии нельзя извлечь ничего надежного для определения национальности ... нет никаких оснований для предположения, будто на основании границ распространения тех или иных предметов можно было бы провести на карте границы этнографические» (Bremer 1900: 751) или: «Нам представляется, во всяком случае, весьма неясным должны ли обязательно совпадать культурные общности, устанавливаемые археологией с языковыми единствами, которые предполагает лингвистика» (Krahe 1954: 99). «Сомнительнее всего отождествление материальных памятников с границей распространения того или иного языка или диалекта, поскольку язык не прикреплен к определенным этническим носителям и может перениматься одним народом у другого независимо от особенностей материальной культуры» (Жирмунский 1964: 38).

сих пор³, многие археологи и лингвисты продолжают разделять его⁴. Следствием концепции тождества явилось представление о том, что любое изменение археологической культуры свидетельствует о смене этноса и языка.

Несомненно, существуют ситуации, когда ареалы распространения материальной культуры, языка и даже антропологического и генетического типа населения совпадают. Так во многом обстоит дело с саамами и с саамскими языками. Однако во многих областях распространения единой материальной и духовной культуры мы находим разные этносы и разные языки. Так, в области распространения единой индейской культуры Пуэбло (юго-запад США) обнаруживают несколько языковых семей. Причем в индейской Америке такое несовпадение культур и народов является правилом, и такое состояние характерно не только для Америки (Wenskus 1961: 127–129). Корреляции между языком и культурой либо вовсе не было, либо она была очень слабой и у народов Сибири (Salminen 2001). Очевидно, что изменение материальной и духовной культуры может происходить без изменения этнического состава населения. С другой стороны, при смене населения возможно сохранение важнейших черт материальной культуры⁵.

Новое понимание природы археологической культуры появилось в результате учета результатов работы этнографов, описывающих современные племена и народы. При исторически засвидетельствованных изменениях материальной и духовной культуры мы имеем дело чаще всего с автохтонным развитием, которое бывает либо результатом контактов, но без всеобщего переселения народов (так распространяется большинство навыков, в том числе

³ «Археологические культуры не могут считаться действующими лицами истории, поскольку они не были реальными единицами, поэтому они не могут быть равноценными другим единицам, таким как “племя”, “общество” и “этническая группа”» (Lang 1998: 87–88). Об отсутствии тождества между археологической культурой и этносом см., также, Schlette 1974, Jentgens 2001; Brather 2004; Prien 2005. Некоторые высказывания кажутся даже чересчур категоричными, см., напр.: «Этничность и культурная идентичность редко оставляет след в материальной культуре» (Werbart 1999: 341) или еще более категорично: «Нет никакой связи между этнической группой и археологической культурой» (Werbart 2002: 29, 102).

⁴ Хотя иногда утверждается, что в современной науке тезис Коссинны преодолен (ср., напр., Lund 1998: 19), многие продолжают отождествлять этнос, язык и археологическую культуру до сих пор, ср. особенно серию «Археология и язык» (См. *Archeology and language* 1997–1999), в большинстве из статей которой археологические культуры идентифицируются с областью распространения языков.

⁵ Ср., напр.: «Стабильность материальной культуры не обеспечивает единства этнической идентичности, и, наоборот, резкие перемены в развитии материальной культуры не обязательно соотносятся с этническими изменениями» (Ament 1986: 251).

земледелие и обработка металлов), либо вообще только следствием развития внутренних тенденций или изменения внешней среды. Очевидно, что такие, устанавливаемые в результате наблюдений над историческими процессами закономерности должны быть релевантны и для доисторических времен, с которыми имеет дело археология и лингвистическая реконструкция.

Под влиянием современной этнографии археологическая культура стала пониматься как явление, обусловленное, прежде всего, экономическими, социальными и идеологическими факторами, и, соответственно, изменения археологической культуры стали трактоваться не как следствие миграций и смены населения, а как результат внутренних экономических, социальных и идеологических изменений. Во многих современных археологических работах традиционное представление о миграциях, в частности о миграции носителей культуры воронковидных кубков, занявших территорию бывшей культуры Эртебёлле в северной Европе, или о миграции индоевропейских «шнуровиков», как о причине изменения археологических культур в центральной и северной Европе, подвергается критике, и традиционное представление о распространении археологических культур как о свидетельстве миграции сменилось представлением об изменениях культур, как о процессе, вызванном внутренними факторами (см., напр.: Dam 1991; Tilley 1996; Furholt 2003).

В последнее время спор археологов, считающих основной причиной всех культурных изменений миграции, и тех, кто склонен объяснять культурные сдвиги, не прибегая к миграционной гипотезе, разгорелся с новой силой в связи с появлением гипотезы о непрерывности культурного развития в Европе, начиная с эпохи палеолита, и с датировкой появления протоиндоевропейцев и их разделения гораздо более отдаленным временем, чем принято считать (см., напр.: Otte 1997; Häusler 1998; Alinei 2002). Марсель Отт, в частности, говорит о культурном и антропологическом континууме в Европе, начиная с появления кроманьонского человека и продолжавшегося до исторического периода (Otte 1997: 80–81).

Очевидно, что спор сторонников миграций и сторонников внутреннего развития в общем виде не может быть решен, поскольку возможны разные сценарии изменения археологических культур: и миграции, и заимствование культуры без смены населения, и изменение культуры, вызванное в основном внутренними тенденциями развития, с возможным импульсом извне. При этом нет единого сценария и в отношении языка носителей определенной культуры. Он может быть заменен вместе с заменой культуры, может быть сохранен, т. е. появление новой археологической культуры не обязательно должна сопровождаться сменой языка.

1.2. Этнос и язык

Современная этнография говорит нам о том, что понятие этноса – это понятие историческое (см., напр.: Алексеев 1986: 5). Этноты также как и языки появляются и исчезают в определенные исторические эпохи. Понятие этноса всегда включает в себя осознание самим этносом своего единства, т. е. осознание противопоставления «мы, свои» и «они, чужие» (см., напр.: Бромлей 1983)⁶. Существующие сейчас теории этноса говорят о том, что признаки этнических групп не могут быть определены объективно, с помощью единых для всех этносов критериев, а определяются каждым этносом субъективно. Они появляются в результате осознания этнической группой своей общности и своего отличия от соседней группы в результате контакта (чаще всего конфликта) с соседями. Причем самоопределение этноса и определение этноса соседями может не совпадать.

Естественно, что субъективно определяемый комплекс признаков соответствует объективно существующим различиям, однако и количество и вид этих различий может меняться во времени и пространстве. Этнографы показывают нам, что даже при существовании реальных различий в языке и культуре, они могут не осознаваться носителями как признаки этнической группы. Некоторые общности земледельцев Африки, живущих в мире и согласии со своими соседями, не считают себя принадлежащими к какому-то племени и не требуют для себя никакой этнической идентификации (Goody 1967). Иными словами, субъективной этнической идентичности может вообще не быть.

Барт отмечал важность тех материализованных символов, которые осознаются этносом как признаки, отличающие его от других этносов (маркеры этноса). Такие артефакты, служащие этническими символами, не могут быть продуктом обмена, и, следовательно, дают основание определить этническую принадлежность (Barth 1969: 14–15). Проблема, однако, состоит в том, что определить, какие именно артефакты были этническими символами в доисторическое время, а какие нет, непросто. Так, часто практикующееся определение этноса по форме керамики или по узору на керамике (шнуровая керамика, гребенчатая керамика, ленточная керамика, асбестовая керамика и т. п.) подвергается сейчас критике⁷. Интересно, что античные авторы при определении этнических различий никогда не используют форму горшков или узор на них. Очевидно

⁶ Не вдаваясь в дискуссию о том, что такое этнос, определяю его как исторически сложившуюся общность людей, сознающих общность своего происхождения, единство своей истории и свое отличие от других этносов.

⁷ Критику использования керамики как индикатора этноса см., напр.: Jentgens 2001: 21–24.

что, распространение навыка, определяющего формы горшка или узора, не обязательно связано с переселением народов и сменой языка. Они могли распространяться и без миграций, подобно тому, как может распространяться земледелие или обработка металлов⁸. Однако даже те признаки, которые действительно могут быть связаны с самоидентификацией этноса, могут иметь разное значение в разные исторические эпохи. Признаки, важные для самоидентификации этноса в один исторический период, такие, например, как язык, религия, тип захоронения или тип вооружения и т. п. могут переставать осознаваться как признаки этноса в другой исторический период. По-видимому, наиболее стойким признаком этнической группы является представление об общности происхождения и исторической судьбы или историческая память, которая сохраняется дольше остальных признаков, ср. этническую группу людей, считающих себя ассирийцами, но говорящих только по-русски и принявших русскую культуру, европейских и американских нерелигиозных евреев или многих скандинавских саамов. Нет никаких сомнений, что представление об общности происхождения было важнейшей чертой этноса и в доисторическую эпоху.

Язык, безусловно, относится к одному из возможных признаков этнической идентичности и самоидентификации, однако, это не только далеко не единственный, но даже необязательный признак этноса. Причем значение языка как признака этноса может меняться, как мы видели выше. При определении языка как признака этноса, необходимо учитывать и феномен многоязычия, характерного для ряда областей и народов, и смену языка при сохранении других признаков этноса. Интересно, что у античных авторов к признакам, определявшим различие народов, «не обязательно принадлежит язык» (Timpe 1986: 38)⁹.

При определении соотношения языка и этноса необходимо уточнить, какое значение мы придаем слову язык. Одно дело, когда мы говорим о языке как об особой структуре, другое как о средстве

⁸ Гипотеза Ренфрю о распространении индоевропейцев в Европе связывала миграцию индоевропейцев с распространением земледелия (Renfrew 1987). Позднее, учтя критику в свой адрес (Zvelebil 1995), Ренфрю несколько изменил свою гипотезу, продолжая предполагать связь между индоевропеизацией Европы и распространением земледелия, но учитывая возможность смены языка без миграции (Ренфрю 1998, Renfrew 2000).

⁹ См. также: «Языковые критерии либо не играли никакой роли, либо играли очень незначительную роль у античных авторов» (Timpe 1998: 184). Для Тацита, однако, язык может быть решающим признаком, определяющим принадлежность племени, см., напр., глава 43: «...*Cotinos Gallica, Osos Pannonica lingua coarguit non esse Germanos...*» «... то, что галльские котины и паннонские осы не германцы доказывают их языки...», или гл. 45, где одним из важных признаков, отличающих айстов от свебов оказывается их язык.

общения и третье как о показателе этноса. В средние века исландцы сознавая свою этническую идентичность но, имея в виду существование взаимопонимания, называли общескандинавский язык датским языком, *dönsk tunga*. Мало того, они считали его одним языком с древнеанглийским¹⁰, хотя этническое отличие англо-саксов и исландцев осознавалось еще более ясно, поскольку носители общескандинавского языка и древнеанглийских диалектов могли общаться друг с другом. Германцы могли общаться друг с другом и в более позднее время, ср. семикоммуникацию носителей средненижненемецкого и древних скандинавских языков в ганзейскую эпоху (Braunmüller 1995: 48–49). Есть сведения и о том, что в еще в 15 веке приезжающие в Крым немцы могли общаться с крымскими готами (Moulton 1988: 19).

Один и тот же язык (как структура) может обслуживать два этноса, как показывают нам немцы и австрийцы, сербы и хорваты, а незначительные, абсолютно не препятствующие взаимопониманию языковые различия могут стать основанием для объявления их различиями между языками, если народы, говорящие на них считают себя разными народами, как показывают нам шведы и норвежцы. Нет нужды приводить примеры, показывающие, что наличие больших отличий в языке как структуре и в языке как средстве общения, вплоть до невозможности взаимопонимания, не является препятствием для объявления этих различий диалектными, если носители этих диалектов считают себя одним народом. Нет никаких оснований полагать, что отношения между языками и этносами были иными в доисторическую эпоху. В научной литературе понятие языка как средства общения, языка как показателя этноса и языка как лингвистической структуры часто смешивают. Так историк Однер, в частности считает, что саамский язык появился в раннем железном веке, поскольку в это время возник по его мнению саамский этнос (Odner 1983), а лингвист Саммаллахти полагает, что (прото)саамский язык появился около 3200 года до н. э. (Sammallahti 1998), имея в виду, что, начиная с этого периода, стали появляться признаки, отличающие саамский язык от прибалтийско-финских языков.

Очевидно, что признаки, отличающие германские языки от других индоевропейских языков, такие как сдвиг ударения, Первый перебой, становление новой глагольной системы и появление новых глагольных формантов, появление двух форм прилагательных и ряд

¹⁰ В Первом древнеисландском грамматическом трактате, который был написан в 12 веке говорится о том, что у исландцев и англосаксов один язык, причем речь идет в данном случае не о языке датских завоевателей Англии, а именно о древнеанглийском (Benediktsson 1972). В саге о Гуннлауге Змеином языке говорится о том, что до завоевания Англии в 1066 году норманами Вильгельма Завоевателя, говорившими по-французски, там был тот же язык, что и в Исландии (*Gunnlaugs saga Ormstungu*, Kap. 7).

других фонологических, грамматических и лексических признаков, возникли не одновременно, и процесс образования новых общих признаков продолжался и продолжается в отдельных германских языках. Мы имеем дело здесь с историческим континуумом разновременных инноваций, приведших к такому состоянию, что люди, говорящие на этом языке, перестали понимать тех, у кого этих изменений не произошло или произошли другие изменения. Однако непрерывность языкового развития не означает, что на каком-то его этапе определенному языковому состоянию не мог соответствовать определенный этнос. Поэтому вопрос о том, существовал ли в эпоху лингвистической германской общности германский этнос, вполне правомерен, следует только иметь в виду, что такое состояние вовсе необязательно, и даже языковое взаимопонимание, как мы видели, не обязательно приводит к осознанию своей этнической идентичности. Такое взаимопонимание, которое, несомненно, существовало при контакте разных германских племен и в античный период и позже, вовсе не является свидетельством существования единого германского этноса. С другой стороны, представление о единстве исторической судьбы, общее самоназвание и общее название соседей, несомненно, свидетельствуют о существовании единого этноса, одним из признаков которого мог быть и единый язык. Цезарь и Тацит несомненно считали германцев единым народом, отличавшимся от других народов своим обликом (см., напр.: Tacit. Germ. 4), обычаями и верованиями (7–13, 18–27), вооружением и способом ведения войны (3, 14–15), единством происхождения (2) и языком (ср. замечание в главе 43). Насколько представление об этническом единстве было характерно для самих людей, говоривших на германском языке в I в. до н. э. – I в. н. э. сказать трудно, однако мы можем попытаться определить, существовало ли единое самоназвание и единое название соседей у людей, говорящих на языке, который уже имел признаки, отличавшие его от языка соседей.

2. САМОНАЗВАНИЕ ГЕРМАНЦЕВ

Существовало ли у германцев¹¹ единое самоназвание и, если да, то каким оно было, когда появилось и когда исчезло, вопрос, который имеет большое значение для исторической этнографии, поскольку существование единого самоназвания является одним из важных признаков этноса. Естественно, что при решении этого вопроса нужно, прежде всего, определить значение того этнонима, под которым эта группа племен и стала нам известна.

2.1. *GERMĀNĪ*

Возможно впервые название германцы для обозначения людей, говоривших на германском языке, мы встречаемся в латинской надписи 222 года до н. э., сообщающей о победе консула Клавдия Марцелла над «галлами, инсубрами и герм(анцами)» (*de Galleis Insubribus et Germ(aneis)*) (Timpe 1998: 182)¹². Однако было высказано предположение, что эта надпись была сделана по приказу Августа спустя более чем 200 лет после победы римлян, и не исключено, что актуальные для эпохи Августа германцы (*Germ*) появились в данной надписи вместо актуальных для третьего века до нашей эры гэсатов, т. е. в соответствии с исторической правдой в нашей надписи должно было бы стоять *Gaes* (*Gaesateis*), а не *Germ* (*Germaneis*) (Collinder 1944: 21; Kretschmer 1948: 4). Кроме того, даже если признать, что *Germ* действительно было сокращением *Germaneis*, неясно имелись ли в виду в данном случае германцы или другие соседи одного из кельтских племен (см. ниже). Кречмер, полагавший, что германцы в Альпах появились уже в третьем веке до н. э., считал гэсатов вооруженными тяжелыми галльскими метательными копьями (*gaesum*) германскими наемниками на службе у галлов (Kretschmer 1948: 2–3). Однако единственным основанием для такого утверждения служат слова Ливия о полу-

¹¹ Представители разных наук понимают термин германцы по-разному. Для археологов германцы – носители определенных археологических культур, для лингвистов – люди, говорившие на германском языке, для этнографов – особый этнос, сознающий свою общность и свое отличие от соседей, для антропологов и генетиков – группа людей с особыми генетическими и антропологическими признаками. Идеальная модель, при которой все эти характеристики совпадают у одной группы населения, встречается, однако, очень редко. В данном случае я использую термин германцы в лингвистическом значении.

¹² В юго-западных Альпах во Франции были найдены две латинские надписи (CIL vol. IV, N 7832 и N 7836) с формами GER (FORO GER) и GERMA (CUR(ATOR) R.P. GERMA), которые интерпретируются иногда как сокращения латинского *Germanorum* (Schnetz 1923: 472).

германцах (*gentes semigermae*) в Альпах, которые, однако, ниже называются седунами и вераграми, галльскими племенами, известными еще Цезарю (*ibid.*).

Затем германцы (*γερμάνοι*) появляются у греческого историка Посидония, жившего с 135 до 50 года до н. э., которого цитирует Афиней (II век н. э.)¹³. Однако и в данном случае неясно, обозначали ли германцы Посидония, также как и предполагаемые германцы в надписи в честь победы Клавдия Марцелла, одно из кельтских племен¹⁴, одно из германских племен, или еще до Цезаря в античном мире были известны те германцы, которых мы встречаем у Цезаря и Тацита. С определенностью можно сказать, что существующее до наших дней понятие германцы, известное нам как общее обозначение племен, говорящих на германском языке и обитающих в основном на правом берегу Рейна, было введено в латинской традиции Цезарем (*Caesar*, *BG* I 30–55; II 4, 29–35; IV 1–19; VI 9–28, 35–42; VII 65–67; 70; 77; 80; VIII 7, 10, 13, 20, 36, 45), а в греческой Страбоном (*Strabo* III, 1; VI, 3–4; VII, 1–2). Судя по Тациту, название германцы новое. Раньше так называлось одно из германских племен (тунгры), которое перешло через Рейн и, вытеснив кельтов, оказалось соседями Рима (*Tacit.*, *Germ.*, 2)¹⁵.

Литература о первоначальном значении этнонима *germānī* и его этимологии необозрима (наиболее полную библиографию см. Schnetz 1928; Walde, Hofmann 1938; Collinder 1944; Timpe 1998; Neumann 1998). Можно разделить все предлагаемые этимологии на четыре группы. К первой группе относятся латинские этимологии, которые известны нам со времен Тацита, считавшего, что имя германцам дали римляне. Тацит связывал *germānī* с латинским *germānus* 'истинный, несмешанный, единокровный'. Страбон также считал, что германцы обязаны своим названием латинскому *germānus*, однако несколько иначе, чем Тацит объяснял развитие значения этого слова: поскольку германцы похожи на кельтов, но все кельтские признаки выражены у них гораздо ярче (они выше кельтов и у них более светлые волосы), постольку римляне дали им имя *germānī*, «чтобы обозначить их как настоящих галлов» (*Strabo* VII, 1).

¹³ «Гермацы же, как повествует Посидоний в тридцатой книге (*FHG*. III.264), едят на завтрак куски жареного мяса, запивая молоком и неразбавленным вином» (*Αφηναιου β.* IV, 39, русс. пер. см. Афиней 2004: 202).

¹⁴ Книги Посидония до нас не дошли. Предполагается, что это место взято Афинеем из описания Посидонием войны с кимврами, которых Посидоний, вероятнее всего, считал германцами (*Malitz* 1983: 66; *Andreocci* 2008: 65). В последнее время в литературе укрепилось мнение, что Посидоний рассматривает германцев как одно из кельтских племен (*Kidd* 1988: 324; *Andreocci* 2008: 65).

¹⁵ «Ceterum Germaniae vocabulum recens et nuper additum, quoniam qui primi Rhenum transgressi Gallos expulerint ac nunc Tungri, tunc Germani vocati sint...» (*Tacit.*, *Germ.* 2).

Ко второй группе относятся «переводные этимологии», т. е. предположение о том, что латинское *germānī* ‘истинные, чистые, единокровные’ является переводом на латинский самоназвания одного из германских племен. В качестве кандидатов предлагались иствеоны или истевоны (*Istvaevones*), что по Лайстнеру означало ‘истинные’ (Laistner 1892: 49), скиры (*Sciri*), что могло означать ‘чистые, несмешанные’ (Pekkanen 1971: 163) и свебы (лат. *Suevi* / *Suebi*), что означало ‘свои, т. е. несмешанные’ (Collinder 1944: 33).

К третьей группе относятся германские этимологии, которые фактически используют все мыслимые и немыслимые возможности интерпретации этнонима *germānī* как исконно германского слова. Причем предлагалось разное исконное морфологическое членение этого слова: **ger+man-*; **germ+an-*; **g-erman-*; **german-*. При первой и второй трактовках вторая часть этого слова рассматривается либо как германское существительное со значением ‘человек, мужчина’, либо как суффикс, восходящий к и.-е. суффиксу **men/mon/mn*, (ср. лат. *flumen*, греч. κερθμός), следы которого находят и в германских языках (гот. *hliuman-* ‘слух’ < **kleub-men*, др.-сакс. *brosto* ‘хлебная крошка’ < **brus-men*)¹⁶, либо как суффикс причастия 1 **-meno-* (обзор литературы см. Neumann 1998).

В словаре языка германской общности Фалька и Торпа можно найти четыре корня, которые теоретически могли бы стать основой для образования этнонима германцы. Это **gairz-* ‘копье’ и три омонимичных корня **ger-* 1. ‘желать’, ср. нем. *begehren*, 2. ‘быть теплым’, ср. нем. *gären* ‘бродить’ и 3. ‘гремять, трещать’, ср. др.-англ. *gierran* (Falk, Torp 1979: 127–129). Все эти корни в чистом виде или с разными расширителями предлагались в качестве источника реконструируемого этнонима **germanoz*, который в латинской традиции выглядел как *germānī*. Соответственно, начальное *ger-* сопоставляли либо с корнем **gair-* < **gairza-* со значением ‘копье’ (т. е. германцы = люди копья), либо возводили к германскому корню **ger-* со значением ‘желать’, считая, что это значение сохранялось в имени свевской богини *Garmangabis* ‘желанного дарительница’ (Grienberger 1894, см. также Much 1936). При возведении к корню со значением ‘желать’ этноним германцы интерпретировали как ‘те, кто желает (получить плату за службу)’. В последнем издании энциклопедического словаря германских древностей (RGA), Неуман, обсудив почти все существующие этимологии слова *germānī*, приходит к выводу, что наименее уязвимой из всех предлагаемых германских и негерманских этимологий является

¹⁶ Большое количество слов с «прагерманским» суффиксом *-*man*, восходящим к индоевропейскому суффиксу с аблаутным чередованием **men/ *mon/ *mēn/ *mōn/ *mn* приводит Баммесбергер, ср. **melhman* – гот. *milha* ‘облако’, **selman*, др.-англ. *selma* ‘кровать’, **ahman* – гот. *ahma* ‘дух’ **guman* – гот. ‘дитя, человек, мужчина’ (Bammesberger 1990: 183–184).

именно этимология, которая связывает *ger-* с корнем со значением ‘желать’. Неуман, правда, несколько видоизменил ее, предлагая интерпретировать **germanoz* как ‘тех, кто имеет (или приносит) желаемое’ (Neumann 1998: 263), имея, вероятно, в виду янтарь.

Корень **ger-* со значением ‘теплый’ с расширителем *t*, также рассматривался как источник первой части реконструированного этнонима **germanoz*. При интерпретации **germ+an*, германский корень **germ-* связывали с древнеиндийским *gharmá-* и греческим *θερμός* ‘горячий’ (имея в виду обозначение области с горячими источниками (ср., напр.: Blöndal 1989: 241–242, который, приводя эту этимологию, говорит о ее спорности), хотя можно было бы иметь в виду и ‘горячность’ характера германцев. Именно так решают проблему этимологии германцев те, кто связывает *germ* с омонимичным вышеприведенному корнем, сохраняющимся и в кельтском, и в германском, и получившим значение ‘свирепый, воинственный’ (ср. др.-вн. *grimmi* или др.-исл. *grimmr* ‘безжалостный, злой, свирепый’).

Германский корень **ger-* со значением ‘греметь, шуметь’ с расширителем *-t* также привлекался для объяснения предполагаемого этнонима **germanoz*. Корень этого слова связывали с **garm-*, сохранившимся в древнеисландском *garmr* ‘собака’ и в норвежских и шведских диалектах в глаголе *garma, gorma* ‘шуметь’ (см., напр.: Blöndal 1989: 242). В данном случае имелось в виду название реки, у которой обитали германцы, т. е. германцы это люди, живущие у шумной реки, а, возможно, и просто ‘шумные люди’. Эта этимология повторяет этимологию, возводящую название германцев к и.-е. корню **gherem-* ‘кричать, шуметь’, сохраняющемуся в кельтском (ср. ирл. *gairm*, валл. *garm*), согласно которой германцы получили свое название по названию реки, т. е. германцы – это люди, обитавшие у шумящего потока (Zachrisson 1928).

Но предлагались и этимологии, реконструирующие германский корень, которого нет в словаре Фалька и Торпа. Исходя из форм типа нем. *Gürtel, Garten*, англ. *garden* и т. п., реконструировали корень **ger-* со значением ‘охватывать, отгораживать’¹⁷, т. е. германцы это люди из той же ограды или люди одного права (Trier 1943). Предлагали рассматривать *german-* и как причастие 1 к глаголу с корнем **ger-* ‘выдаваться, торчать, выступать’, значение которого реконструировали из древнеанглийского названия растения *geormanleaf* ‘мальва, лат. *Malva erratica*’ (ср., напр.: Krogmann 1951–1952)¹⁸, т. е. германцы – это ‘выдающиеся (а возможно высокие) люди’.

¹⁷ В словаре Фалька и Торпа корень **ger-* с таким значением отмечается только вместе с последующим *d*, т. е. в виде **gerd-* (Falk, Torp 1979: 129),

¹⁸ Позднее Кругманн (1978: 11) несколько видоизменил свою трактовку, реконструируя герм. основу **germen-* **german-* ‘выдающийся, большой’.

При интерпретации *g-erman-* *g* считалось следом частотного германского префикса *ga-* (< **ga-ermanoz*). Корень связывали с германским **erman-*¹⁹ ‘огромный, мощный, всеохватывающий’, (ср. др.-вн. *Erman-arich* имя готского короля Эрманариха, др.-сакс. *Irmin-sul* ‘огромный столб’, др.-исл. *Jörmunr* одно из имен Одина), трактуя **germanoz* как ‘принадлежащие к одной общности, весь народ’ (ср., напр.: Much 1928).

Недавно новая этимология германцев была предложена Таранцом, который возводит самоназвание германцев к индоевропейскому корню **k^wer-* предполагая для него значение ‘горяне, скотоводы, земледельцы’, который в результате Первого перебоя согласных дал > **h^wer-* со значение ‘скотоводы, воины’ (Таранец 2003: 219–222), возводя к этому корню и этноним гермундуры (*Hermunduri*) и этноним оретане (*Oretani*, см. об этом этнониме ниже) и германские корни со значением герой (ср. др.-вн. *helid*) и войско (ср. др.-вн. *heri*), предполагая чередование *r/l* в корне (*ibid.*: 223–224). Однако это предположение имеет ряд уязвимых положений, начиная от передачи германского /*h^w*/ латинским /*g*/ и немыслимой этимологией этнонима *Oretani*, и кончая реконструкцией значения индоевропейского и германского корней.

Ни одна из германских этимологий не нашла отклика ни у большинства германистов, ни у составителей этимологических словарей германских языков и латинского языка.

Наконец, четвертую группу представляют кельтские этимологии латинского *germānī*. Существует несколько вариантов кельтских этимологий²⁰, самые распространенные из которых связывают этноним германцы с ирландским *oir-* ‘восток’ (т. е. восточные люди), *gairm-* ‘крик’ (то есть издающие крик при нападении) крикуны и *gair-* ‘краткость, близость’ (подробный обзор кельтских этимологий см. Neumann 1998). К сторонникам кельтской этимологии, которая также предлагалась в различных вариантах, относится большинство германистов, начиная с Гримма и кончая авторами большинства этимологических словарей (см., напр.: Walde, Hofmann 1938: 594; Schönfeld 1965: 106; Hellquist 1993: 277; Pfeifer 1997: 434)²¹. Наиболее приемлемой формально и семантически представляется одна из первых кельтских этимологий, предложенная еще Цейсом, связавшего латинское *germānī* с др.-ирл. корнем *gair-* ‘близость’ (ср. др.-ирл. *gair* ‘краткость, близость’, *garit*

¹⁹ Было предложено несколько этимологий германского **erman/ermun*. Все они рассматривают эту основу как исконное сочетание и.-е. корня **erm-* с суффиксом (см., напр., Blöndal 1989: 437).

²⁰ Обзор кельтских этимологий см., Timpe 1998; Neumann 1998.

²¹ В кельтском происхождении этого слова были убеждены и Мюлленгофф и Фейст, не отдавая однако предпочтения ни одной из предложенных конкретных кельтских этимологий (Müllenhoff 1906: 206; Feist 1927: 28).

‘близкий’, *gerr* ‘краткость (о времени)’ – Quin 1998: 354, 360). Исходя из значений этих древнеирландских слов Цейс, предполагал, что первоначальный этноним значил ‘соседи’ (Zeuss 1837). Этот этноним был образован от корня **gair-* с помощью известного индоевропейского суффикса *-men/mon/mn-*²², следы которого сохраняются и в кельтских языках (Neumann 1998: 263). Возможно, кельты так называли не только своих германских соседей, но и соседей в других областях, где, как показал Хеннинг, существует этноним германцы и топоним Германия. Хеннинг ссылается на Плиния Старшего (Plin. HN III, 25), писавшего о германцах на Иберийском полуострове, которые оказываются оретанами (*Oretani qui et Germani cognominantur*)²³, а также упоминает о Германии (Γερμανία) у Прокопия из Кесарии, месту на границе Фракии и Иллирии, где родился Велизарий, (Henning 1913: 223). «Германцев» (Γερμανιοί) в Малой Азии упоминает Геродот, хотя у Геродота это название относится к одному из персидских племен (Hdt. I, 125)²⁴. Хотя трактовка Хеннинга подверглась критике, и было высказано предложение, что *germānī* в сочетании *Oretani qui et Germani* являются не существительным, обозначающим название племени, а прилагательным со значением ‘истинный, настоящий’ (Neumann 1998: 260), это вряд ли верно, поскольку термин, соответствующий латинскому *germānī*, не имеющий значение германцы, встречается не только в латинских, но и в греческих текстах. Сам Хеннинг, правда, отвергает связь этого кельтского топонима с древнеирландским словом *gair* *‘сосед’ и предлагает трактовать корень *germ-* как слово, обозначающее горячий источник (ibid.: 227–230). Идею Хеннинга развил Штейнхаузер, полагавший, что в этнониме *germānī* и топониме *Germānia* мы имеем дело с «восточно-иллирийско-фракийским» прилагательным **germos* ‘теплый’ (Steinhauser 1956/1957: 82–83). Хотя кельтские этимологии часто подвергаются

²² Возможно, форма с огласовкой *a* (*-man*) появилась в кельтском в результате распушения исконно формы суффикса с нулевой ступенью, т. е. *-mn* > *-man*, поскольку индоевропейское слоговое *n* отражается в кельтском как *an*. Кроме того, вероятно, что кельтская форма этого слова могла образоваться не без влияния германских названий племен с *-man* (ср. лат. *markomani* и т. п.), и в такой форме это слово попало к римлянам.

²³ Де Фрис полагал, что в данном случае имелись в виду германцы, которые вместе с кельтами дошли до Иберийского полуострова в III веке до н.э. (Vries 1960: 58–59). Возможно, однако, что в данном случае оретаны называются германцами, поскольку их исконное место обитания было на правом берегу Рейна. Были ли они кельтоязычны, германоязычны или относились к племенам северо-западного блока (см. ниже), неясно. Наименее вероятной представляется их германоязычная принадлежность.

²⁴ Возможно написание Γερμανιοί у Геродота употреблено вместо Καρμανιοί, обозначающего обитателей восточноперсидской провинции Καρμανία, современного Кирмана (Steinhauser 1956/1957: 90).

критике сторонниками германских этимологий (ср., напр. Neumann 1998: 262), именно они чаще всего представлены в этимологических словарях. Не менее обычно в этимологических словарях германских языков и замечание о неясности этимологии латинского *germānī* (см., напр.: Blöndal 1989: 242).

Основываясь на работах Куна, считавшего, что между германцами и кельтами к западу от Везера и Аллера обитали индоевропейские, но негерманские и некельтские племена так называемого «Северо-западного блока» (подробнее об этом см. ниже), Мейд высказал предположение, что первоначально этнонимом *germānī* кельты называли именно эти племена, а затем он стал использоваться для обозначения перешедших Рейн и занявших их территорию германцев (*germani cisrhenani*) (Meid 1987: 94), о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что многие названия левобережных племен, считающихся германскими, были явно негерманскими (*ibid.*). Заимствовав кельтский этноним в эпоху Римской империи, словом *germānī* римляне стали называть всех германцев. Впервые в таком значении этот термин появляется, по-видимому, у Цезаря (Andreocci 2008: 15, 70).

Древние германские языки не дают нам никаких оснований для признания этнонима *germānī* германским и для признания существования этого этнонима как германского самоназвания в эпоху Римской империи. Античные источники свидетельствуют о том, что в это время в германских языках вообще не было общего самоназвания германцев. Соответственно принято считать, что у германцев эпохи империи вообще не было единого самоназвания (Schlette 1974: 14; Meid 1987: 94; Seebold 1997: 280)²⁵, что, по-видимому, свидетельствует о том, что в это время у племен, говорящих на германских языках, не было сознания этнического единства. Для ответа на вопрос о том, было ли у германцев вообще когда-нибудь единое самоназвание, надо обратиться к более раннему периоду, чем времена Цезаря.

2.2. SUĒBĪ

В античных источниках эпохи империи мы находим множество названий германских племен, однако наряду с отдельными племенами упоминается и крупное племенное объединение «свебы» (*Suēbī* / *Suēvī*, Σουηβοί)²⁶. Если в более позднюю эпоху на арену

²⁵ Не исключено, что некоторые перешедшие Рейн германские племена могли иметь подобное самоназвание (Timpe 1998: 194; Lund 1998: 49), хотя, вероятнее всего, так себя называли только те германцы, которые были на службе у Рима, заимствовав самоназвание из латинского (Krogmann 1978: 9).

²⁶ Позднее появляется формы *Suabi*, *Suavi*, Σουαβοί, отражающие изменение /ē/ > /ā/ > в скандинавском и западногерманском. Полный перечень

истории выходит целый ряд германских племенных объединений, таких, например, как саксы, франки или алеманы, то свебы оказываются единственным крупным племенным объединением эпохи первых контактов Рима с германцами. Следы этнонима «свебы» сохранились в разной форме и с разным значением во всех германских языках, ср. др.-вн. *swāba*, совр. нем. *Schwaben*²⁷, и собственные имена, ср. руническое *swabaharjaR* (400 г.), др.-англ. *Swæfhere*, др.-сакс. *Swāfhere*, др.-вн. *Swābheri*, др.-англ. *Swæfe*, др.-исл. *Sváfarr* и *Sváfa* и топоним *Sváfaland*. Считается, что первая часть датского топонима *Svogerslev* (Зеландия) также восходит к собственному имени типа *SwabaharjaR* (Nielsen 2000: 304).

В латинских источниках свебы впервые появляются у Цезаря в Записках о галльской войне (*Suevi*) (ср. особенно Caesar BG IV 1–3). У Тацита этот этноним пишется с *b* (*Suebi*). Рукописи Страбона и Птолемея (*Σουηβοί*) не дают возможности определить, какой именно губной согласный передавался буквой *β*, смычный или щелевой, поскольку изменение *b > v* в греческом произошло еще до н. э. Считается, что написание и с *b* и с *v* у латинских авторов свидетельствует об изменении *b > v* в латинском в эпоху империи (Neumann 1992: 153). Следует также учитывать, что общегерманские звонкие /b d g/ были щелевыми между гласными, и, следовательно, формы с *v* могли у латинских авторов быть естественным отражением такого состояния. Корневой ударный гласный у ранних латинских авторов выглядит как долгое *ē*, о чем свидетельствует латинское стихосложение (ibid.: 154). О долготе *ē* свидетельствует и греческое название свебов *Σουηβοί* и изменение *ē > ā* в скандинавских и западногерманских языках, произошедшее в первые века нашей эры. У более поздних латинских и греческих авторов (Иордан, Прокопий Кесарийский) и в древних германских текстах этот гласный имеет вид долгого *ā*.

Предполагается, что название *Suēbī*, в отличие от названия *germānī*, имеет германское происхождение. Существует несколько вариантов его интерпретации. Свебов связывали с корнем со значением ‘свободный’, сохраняющимся и в русском слове *свободный* (Grimm 1868: 321, 489), и с корнем, имеющим значение ‘сонный’ (*slep-*) в значении ‘отсталый’ (Müllenhoff 1920: 127), и с корнем со значением ‘парить (передвигаться)’ **sweb-* (Zeuss 1837: 55)²⁸. Наиболее популярной и правдоподобной представляется этимоло-

античных источников, в которых упоминаются свебы см. Schönfeld 1965: 212–215.

²⁷ Современный округ Швабен находится в северо-восточной Баварии между реками Иллер и Лех. А в средние века в герцогство Швабен входила часть немецкоязычной Швейцарии, Эльзас, южная часть Бадена, часть Вюртемберга и Баварии.

²⁸ Подробный обзор литературы об этимологии этнонима *Suebi* см. Neumann 1992: 156–165.

логия, связывающая этноним **suēbōz* с индоевропейским корнем со значением ‘свой’ (**sue-*, **se-*, **s(e)uo-*, ср., напр. санскр. *svayam* ‘свой’), который сохранялся в готском и в древнеисландском, ср., др.-исл. *své-víss* ‘самоуверенный’, *své-dauðr* ‘умерший своей смертью’, гот. *swi-kunþs* ‘очевидный, само собой разумеющийся’, *swēs* ‘свой, собственный’ (Neumann 1992: 159–160). По-видимому, от этого же корня образовалось и племенное название свеев (шведов), др.-шв. *svēar*, др.-исл. *svíar* (исконно ‘свой’) и соответственно топонимы др.шв. *Svealand* ‘земля свеев’ и др.исл. *Svíþjóð* ‘народ свеев’ (Hellquist 1993: 1123–1124). Трудности, возникающие при подобной интерпретации, связанные с тем, что индоевропейское *e* в слове **sue-*, **se-* было кратким (исландская и готская долгота вторичны), а *e* в слове **suēbōz* было долгим, преодолеваются предположением о долготе как о формальном признаке вторичного словообразования, которое было очень продуктивным в индоевропейских языках (Neumann 1992: 160). Однако если форму *svēar* непосредственно можно возвести к корню со значением ‘свой’, то форму **suēbōz* интерпретируют как суффиксальное образование от **swe-* с суффиксом *-ba* (и.-е. **-bho*). Суффикс **-bho* реконструируется для ряда древних индоевропейских языков, в том числе для латыни (ср.: *pro-b-us*, *acer-b-us*, *super-b-us*), древнеиндийского (*sva-bhu-* ‘самостоятельный’) и для славянских языков (ср. русск. *особа*, *особый*, *собственный*, ср. ст. сл. *собьство* ‘особенность’) (Pokorny 1959: 883). Покорный считает, что индоевропейские образования с суффиксом **-bho* со ступенью удлинения в корне **s(u)e-*, **suo-* имели значение ‘своеобразный (von eigener Art)’. Именно эти формы и привели к появлению в латыни этнонима свебы, ср. и.-е. **suēbho-* > герм. **swēba-* > лат. *Suēbī*. Без ступени удлинения формы типа и.-е. **s(u)e-bho-* > герм. **sebjō-* по Покорному имели значение ‘свободный, относящийся к своему народу’, и от них произошли формы типа гот. *sibja* ‘родня, родство’, др.-сакс. *sibbia*, др.-вн. *sippa*, др.-англ. *sib(b)*, ‘род, родня’, др.-исл. *sifjar* (pl.) ‘родство, свойство’ (ibid.). Каково было точное значение суффикса **-bho* не вполне ясно, однако, сравнивая значение форм с суффиксом и без него в германских языках, можно предположить, что он не имел самостоятельной семантики, а являлся элементом субстантивации. Те, кто полагает, что **suēbōz* первоначально значило ‘свой’ (ср., напр.: ‘люди из собственного народа’ Much, Jahnkuhn, Lange 1967: 58), фактически интерпретируют суффикс просто как показатель субстантивации (местоимение > существительное). В таком случае значение реконструированной формы **suēbōz* могло не отличаться от значения праскандинавской формы **svēaR* ‘свой’. Однако некоторые считают, что значением **suēbōz* было не рефлексивно-притяжательным, а дифференцирующим, т. е. не ‘свой’, а ‘самостоятельные, свободные’, ср., напр.: другую интерпретацию у Муха *homines sui iuris* ‘люди своего права’ (ibid.)

или интерпретацию 'свободные', предложенную еще Якобом Гриммом, ср. 'свободные от Рима', и поддержанную Штейнхаузером (Steinhauser 1955: 18). Неуманн считает, что именно суффикс *-ba придает слову значение, которое подчеркивало самостоятельность свебов, отделившихся «от существовавшего ранее этнического союза или культурной общности» (Neumann 1992: 163–164), имея в виду при этом других германцев. Однако этот суффикс мог быть продуктивным только в общеиндоевропейский период, где его значение тоже не вполне ясно. В любом случае, очевидно, что у племен, входивших в племенное объединение свебов, было самоназвание, связанное со значением 'свой'²⁹. Такое же самоназвание было и у самых северных германцев – свионов, которых Тацит (ср. 45–46) относит к самым северным свебам. Описав свионов и ситонов, Тацит заключает «*Hic Suebiae finis*» (Tacit. Germ. 46).

Вопросу о том, кто такие свебы и какова была область их распространения, посвящена огромная литература (см., напр.: Frahm 1929; Peschel 1978; Rübekel 1992; Neumann 1992; Timpe 1998). Племенное объединение свебов упоминается многими античными авторами, начиная с 1 века до н. э. Согласно Цезарю, земли свебов расположены за Рейном, в областях современного Вюртемберга, Баварии и Тюрингии, откуда они совершают набеги. Цезарь пишет, что племя свебов самое большое и воинственное из всех германских племен «*Sueborum gens est longe maxima et bellicossima Germanorum omnium*» (Caesar BG IV, 1). Посидоний также говорит о свебах, как о древней группе племен, располагавшейся к востоку от Рейна (Lund 1998). Тацит³⁰ и Страбон (ср. III, 1; IV, 3–4; VII, 1–2) делят германцев на две группы. Граничащие с Римом германцы не называются свебами, а германцы на правом берегу Рейна, хотя также состоят из ряда племен (*gentes*), объединяются общим названием свебы. Страбон помещает их между Рейном и Эльбой, но часть свебов – по ту сторону Эльбы (Strabo VII, 1), и сообщает, что они «по силе и числу значительнее других» (Strabo IV, 3; VII, 1). По Тациту это племенное объединение занимало более половины «Германии» («*maiores enim Germaniae partem*» Tacit. Germ. 38) на огромной территории от Карпат до Балтийского моря. Хотя свебы делились на племена со своими названиями, но все назывались свебами «*propriis adhuc nationibus nominibusque discreti, quatinus*

²⁹ К этому же корню восходит, вероятно, и название семнонов (*Semnoni*), которые считали себя, по словам Тацита, «самым древним и прославленным из всех свебских племен» (Tacit. Germ. 39), ср.: *semnones* < **seb-nan-ez* (Pokorný 1959: 883).

³⁰ Тацит относит к свебам семнонов, лангобардов, ревдигнов, авионов, английев, варинов, эвдоссов, свардонов, нуитонов, гермундунов, наристов, марсингов, квадов, буров, лугиев, состоящих из множества более мелких племен, готонов, ругиев, лемовиев, свионов и ситонов (Tac. Ger. cap. 38–45).

in commune Suebi vocantur» (Germ. 38). Причем название свебы в отличие от названия германцы Тацит относит к истинным и древним названиям «*vera et antiqua nomina»* (Germ. 2).

Современные исследователи вслед за античными авторами считают свебов союзом племен. Однако, какие именно племена входили в это объединение, определить трудно, поскольку античные авторы указывают разный состав свебов (Wenskus 1961: 246; Timpe 1992: 283–285). Коллиндер отмечает, что хотя Цезарь различает свебов и остальных германцев, во многих случаях он их описывает абсолютно идентично, что показывает, что даже для Цезаря «свебы и германцы значили примерно одно и то же» (Collinder 1944: 30). И у Тацита этноним *Suebi* используется для обозначения германцев от Эльбы до Рейна и от Эльзаса до Скандинавии. В последних главах Тацит «использует термины свебы и германцы как синонимы» (ibid.: 31), что вполне понятно, поскольку «от Северного моря и Эйдера до Богемии и Моравии, от Эльзаса до Балтийского моря нет области, в которой бы не упоминались свебы» (Frahm 1929: 193)³¹.

У Тацита, который очень подробно описывает этнические признаки германцев, свебы фактически отличаются от других германцев только тем, что это объединение состоит из многих племен, занимает огромную территорию и носит особую прическу («свебский узел») (Tacit. Germ. 38). Однако из Тацита и из других источников мы узнаем, что подобную прическу носили и германцы, которые обычно не причисляются к свебам. А в норвежской провинции Сетесдаль подобная прическа была распространена еще в XIX веке, поэтому высказывалось предположение, что прическа «свебский узел» не свебская, а общегерманская, сохранившаяся лучше всего у свебов (Müllenhoff 1920: 616)³². Возможно общесвебским было и поклонение матери-земле Нертус, что также свидетельствует о сравнительной архаичности свебской культуры, хотя Тацит говорит о таком обычае только у части свебов (Tacit. Germ. 40).

Поскольку многое указывает на то, что в ряде случаев свебы и другие германцы в античных источниках не различались, Венкус полагал, что такое состояние свидетельствует об ориентированности исконно не относящихся к свебам германцев на свебов (Wenskus 1961: 259), то есть к тому, что германцы «были на пути к этническому объединению свебами» (ibid.: 267). Об этом процессе свидетельствует в частности и появление свебской прически у

³¹ Цейс приводит несколько отрывков из жизнеописания святого Элигия, жившего в VI веке, где свебы (в форме *Suevi*) упоминаются во Фландрии наряду с фризами и фламандцами (Zeuss 1937: 57).

³² Андреоцци приводит тексты Сенеки, Ювенала и Марциала, свидетельствующие о том, что эта прическа считалась особенностью всех германцев, в т. ч. и тех, которых обычно не причисляют к свебам (Andreocci 2008: 170).

других германцев (*ibid.*: 263). Идея Венкуса была поддержана и Тимпе, который считает, что «основная тенденция германского этногенеза связана с экспансией свебов» (Тимпе 1998: 194). Само по себе увеличение этноса за счет других этнических групп явление очень распространенное. Однако предположение о том, что непосредственные соседи кельтов и Рима и связанные с Римом этого времени обязательствами германские племена в культурном и политическом отношении стали ориентироваться не на Рим, а на более «диких» свебов, вряд ли вероятно. Многие античные авторы отмечают меньшее культурное влияние на свебов Рима и «большую самость» свебов по сравнению с другими германцами (Тимпе 1992: 289, 295). В отличие от свебов, германцы, живущие на Рейне, скорее нетипичны (*ibid.*, 297), некоторые из них даже поменяли свои исконные германские самоназвания на новые латинские, как это сделали, в частности, убии, начавшие именовать себя агриппинцами (Tacit. Germ. 28). Уже Цезарь отмечал, что убии были более «цивилизованы» (*humaniores*), чем другие германцы (Caesar BG 4, 3).

Поскольку «германские» признаки лучше сохранились у более диких свебов и исчезали у соседних с Римом германских племен, можно предположить, что до непосредственного соседства с Римом и эти племена имели такие же признаки, что и свебы. Судя по всему, в эпоху Римской империи мы имеем дело не с объединением германских племен вокруг свебов, как полагали Венкус и Тимпе, а с обратным процессом, т. е. с распадом, благодаря контакту с кельтами и Римом, бывшей германской (= свебской) этнической общности. Причем чем ближе к кельтам и Риму находились германцы, тем скорее они отдалялись от свебов³³. Напомним, что у Цезаря, Страбона и Тацита свебами в первую очередь называются правобережные северо-восточные германцы, а непосредственные германские соседи Рима уже не свебы.

Мысль о том, что название свебы могло быть исконным самоназванием всех германцев, впервые высказал Лайстнер, который вслед за Гриммом и Цейсом считал названия *Suebi* и *Suiones* однокоренными ср.: «*Suebi* с одной стороны и *suionum civitates* с другой стороны *Mare Suebicum* указывают на древнее общее название нашего народа, двойная форма которого свидетельствует о разделении на скандинавских и континентальных германцев» (Laistner 1892: 39–40)³⁴. Предположение Лайстнера о едином «свебском» названии всех германцев было предано забвению, однако, век

³³ Точка зрения о том, что часть германских племен под влиянием Рима потеряла связь со своими бывшими родичами, была высказана еще Цейсом: «херуски, узипеты и тенктеры отклонились от обычаев предков и стали врагами тех, кто сохранял старые обычаи» (Zeuss 1837: 56).

³⁴ Фактически отождествлял германцев со свебами и Фейст, который писал о существовании германцев-кельтов, говоривших по-кельтски и германцев-свебов, говоривших по-германски (Feist 1927: 35).

спустя, не ссылаясь на Лайстнера, о возможности такой интерпретации написал Вольфрам, однако в гораздо более туманных выражениях: «Античная этнография использовала название свебы для обозначения многочисленных германских племен, так что почти могло создаться впечатление, будто бы таким было их самоназвание, которое было заменено потом иноземным названием «германцы» (Wolfram 1990: 34). Такое высказывание (особенно употребление формы «почти могло создаться впечатление»), говорит о том, что сам автор вряд ли считает такое предположение вероятным. Однако данные античных писателей, употреблявших название свебы фактически для всех германских племен (у Тацита и свионы свебы) и сохранение общих названий соседей германцев (см. ниже) свидетельствуют, что отождествление германцев со свебами вполне вероятно. Этническое германское (свебское) единство оказывается гораздо более древним, чем эпоха Римской империи, когда уже многие соседние с Римом германские племена перестали осознавать свое единство со свебами. Мы не можем сказать с уверенностью, что привело к этногенезу свебов, о котором, несомненно, свидетельствовало представление об общности происхождения и общая духовная культура (остатки такого состояния нам описывает Тацит), а также существование единого самоназвания «свои» и общих названий для соседей. Вполне вероятно, что свебское (= германское) этническое единство существовало, по крайней мере, до второй половины I тыс. до н. э. Причем свебский этнос «своих» сформировался в контакте с северными соседями саамами (не случайно самые северные свебы свеи (свионы Тацита) сохранили самоназвание, восходящее к возвратному местоимению «свои» до наших дней) и с югозападными и юговосточными соседями, к которым в разное время относились этносы, называемые германцами венетами (и венедами), вальхами и айстами (см. ниже).

Вероятно германский (свебский) этнос формировался в районе Балтийского моря, которое, как сообщает Тацит, называлось Свебским морем (*Mare Suebicum*), а Иордан называет его Германским морем (*Germanicum mare*, Jordanis III, 17), что еще раз свидетельствует о тождестве понятий свебский и германский. Птолемей сообщает, что одна из рек, впадающих в Балтийское море называлась $\Sigma\eta\beta\acute{o}\varsigma$ $\rho\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ 'река свебов' (Ptolemaios, *Geographike* 11). Хотя обычно эту реку идентифицируют с Одером, неясно, какую именно реку имел в виду Птолемей (Neumann 1992: 155). Однако в любом случае ясно, что свебы связываются с бассейном рек Свебского (т. е. Балтийского) моря.

Археологи также считают, что эльбо-германская культура второй половины последнего тысячелетия до н. э. соотносится со свебами (Nachmann 1962: 56). Лайстнер, по-видимому, был прав, когда писал о неслучайности совпадения этнонимов свебов и свеев,

обозначающих народы, обитающие по берегам Свебского (Балтийского) моря.

Таким образом, можно заключить, что употреблявшийся в античной традиции этноним «германцы» не был их самоназванием. Во времена Римской империи у германцев вообще не было единого самоназвания и не существовало единого германского этноса, несмотря на языковое единство. Однако в этнониме свебы, употреблявшемся для обозначения крупнейшего племенного объединения людей, говоривших на германском языке в эпоху Римской империи, можно предположить сохранение исконного самоназвания германцев, свидетельствующего об их былом этническом единстве (**svēbōz* /**svēōz* 'свои'). Этот этнос «своих», формировался в контакте с «чужими» этносами, т. е. с «финнами» (саамами и прибалтийскими финнами, а возможно и с более древней, первой волной пришедших с востока финно-угров) на севере и северо-востоке, айстами (балтийцами) на юго-востоке и венетами (италийцами) на юго-западе. Одним из показателей этнического единства мог быть и единый (свебский = общегерманский) язык.

В середине первого тысячелетия до н. э. место венетов заняли вальхи (кельты), а в начале нашей эры место венетов и айстов заняли славяне, которых германцы стали называть венетами, поскольку они заняли часть венетских земель. Однако в это время этническое единство свебов (германцев) стало уже распадаться, когда в середине первого тысячелетия до н. э. германцы=свебы вступили в контакт с кельтами, а затем и с Римом. По-видимому, именно пограничные с кельтами германские племена (неметы, убии, трибоки, тунгры и т. п.) и получили от кельтов название германцы («соседи»). Заимствовав от кельтов этот термин, римляне стали обозначать им не только германцев на левом берегу Рейна, но всех германцев, сохранявших еще значительную общность в культуре и языке, но переставших быть единым этносом. При этом наиболее отдаленные от Рима германские племена сохраняли свое исконное самоназвание свебы и свеи (свионы Тацита) еще в эпоху Римской империи.

Когда сформировался этнос германцев=свебов, сказать невозможно, но можно попытаться определить, когда появились признаки, отличающие общегерманский язык от соседних языков.

3. ИННОВАЦИИ ПРОТОГЕРМАНСКОГО В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СХОДНЫМИ ИННОВАЦИЯМИ В ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ И В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Традиционно дописьменную историю германских языков разделяют на два периода, которые разными авторами называются по-разному, и которые я буду называть протогерманский и общегерманский³⁵. Общегерманский язык – это реконструированный язык, обладавший всеми перечисленными ниже общими признаками германских языков и не развивший еще признаков, отличавших древнегерманские языки друг от друга. Протогерманский – это период формирования общегерманских признаков. Естественно, что появление общегерманских инноваций представляет собой процесс, длившийся многие века. Иногда между протогерманским и индоевропейским выделяют фазу предгерманского, однако таких германских стадий можно было бы установить ровно столько, сколько существует германских инноваций³⁶. На пути от позднеиндо-

³⁵ В германистической литературе для обозначения первого периода используются термины догерманский, протогерманский и раннегерманский. Второй период называют прагерманским, протогерманским, позднегерманским и общегерманским. О разной терминологии у разных авторов для обозначения двух периодов в дописьменной истории германских языков см., напр., Antonsen 1965: 21. В СГГЯ два этапа реконструированного германского называются раннегерманским и позднегерманским (СГГЯ I 1962: 114–115). Ван Гудсем классифицирует германский язык эпохи бронзы и железа (1500 г. до н. э. до последних столетий последнего тысячелетия) как прагерманский (Germanic parent language). До этого времени он говорит о догерманском языке (PreGermanic), а после этого времени об отдельных германских языках. Кроме того, прагерманский он разделяет на ранний протогерманский (1500–500 гг. до н. э.) и поздний протогерманский (500 г. до н. э. – 1 г. н. э.) (van Coetsem 1994: 135).

³⁶ Фактически так и делал Антонсен в своей первой работе о протогерманском. Он выделял предгерманский с Первым перебоем согласных, протогерманский с фиксацией ударения на первом слоге, ранний протогерманский с изменением *i > e*, поздний протогерманский с апокопой *a, e* (Antonsen 1965: 31). Даже если действительно последовательность этих изменений была такой, вряд ли можно предположить, что одно единственное фонетическое изменение может служить основанием для периодизации. Фактически при такой периодизации название периодов являются просто эвфемизмом для обозначения одного фонетического изменения. В более поздней работе Антонсен выделяет три основных периода, предгерманский, ранний протогерманский и поздний протогерманский, однако в этом случае он учитывает уже группы фонологических признаков, относя к предгерманскому Первый перебой и Закон Вернера, к раннему прото-

европейского к протогерманскому, исходя из модели родословного древа, реконструируют и ряд промежуточных языковых общностей, ср. напр. ниже древнеевропейскую гипотезу Краэ или гипотезу о германо-балто-славянской лингвистической общности (см., напр.: Гамкрелидзе Иванов 1984), однако если мы будем исходить только из германского материала, то удобнее всего двухчастная периодизация, т. е.: 1) период формирования основных германских инноваций (в нашей терминологии протогерманский) и 2) период существования германских признаков до образования различий между группами германских языков (в нашей терминологии общегерманский). Нижняя граница общегерманского – появление первых изменений, произошедших только в части германского ареала, таких, например, как изменение $\bar{e}^1 > \bar{a}$ в скандинавском и западногерманском или закон Хольцмана в готском и скандинавском.

Язык старших рунических надписей – это засвидетельствованный язык, который в самых ранних надписях старшими рунами (II–V вв. н. э.) наиболее близок общегерманскому состоянию, но не идентичен ему. И, наконец, древние германские языки – это засвидетельствованные письменностью германские языки, уже развившие ряд признаков, отличающих их и от общегерманского состояния и друг от друга.

Этноним *германцы* будет употребляться ниже не в этнографическом, а в лингвистическом значении, т. е. для обозначения людей, говоривших на германском (протогерманском или общегерманском) языке. Насколько этому лингвистическому единству соответствовало единство этническое на протяжении всего протогерманского периода, т. е. периода формирования общегерманского языка, и когда точно появилось осознание этнической общности, сказать невозможно. Однако предполагаемое существование единого назва-

германскому фиксации начального ударения и изменения $o > a$, \bar{a} , $\bar{o} > \bar{o}$ а к позднему протогерманскому целый ряд фонетических изменений, в том числе появление сочетаний s и u из слоговых сонантов, ряд изменений и отпадений в неударных конечных слогах, появление умляутных аллофонов и изменение $an > \bar{a}$ (Antonsen 1994: 52–53). Правда, каким образом он пришел к такой датировке не сообщается. Грамматические и лексические изменения не нашли места в предлагаемой периодизации. О трех периодах в истории германского языка говорит и Каллио, выделяя предгерманский (2300–1800 гг. до н. э.), палео-германский (1800–500 гг. до н. э.) и протогерманский (500–1 гг. до н. э.), однако основания для такого деления не лингвистические, а археологические (предгерманский – поздний неолит, палеогерманский – бронзовый век, протогерманский – железный век – Kallio 2003: 235). Ван Кутсем также основывается в своей периодизации на нескольких фонологических изменениях. К прегерманскому он относит редукцию mor , к раннему протогерманскому распушение слоговых сонантов и изменение краткого o и долгого \bar{a} , к позднему протогерманскому сдвиг ударения (van Coetsem 1994: 65).

ния германцев, восходящего к индоевропейскому корню со значением 'свои', также как и существование единых названий соседей, может свидетельствовать о том, что лингвистическому единству общегерманского периода соответствовало и единство этническое. Однако в середине I тыс. до н. э. этническое единство германцев (=свебов 'своих'), несмотря на существующую языковую общность, уже начинало распадаться, и ко времени Цезаря значительная часть германцев перестала себя ассоциировать со свебами. Однако начиная с появления первых языковых отличий у германцев была возможность использовать общий язык как признак этноса. Существует ряд фонологических, морфо-синтаксических и лексических инноваций, которые в значительной степени сохраняются во всех древних германских языках и которые обычно считаются признаками общегерманского состояния.

Сравнение германских фонологических и грамматических инноваций с соответствующими инновациями в других индоевропейских языках использовалось всегда для установления того, какие из индоевропейских языков находились в контакте с германским и с какими языками германский мог образовывать более тесную общность (см., напр.: Мейе 1952; Порциг 1964; СГГЯ I 1962; Polomé 1972; Ernst, Fischer 2001). Однако представление об общих инновациях было разным у разных лингвистов. Леманн, например, считал, что нет фонологических и грамматических инноваций, общих для германского, италийского, кельтского, балтийского и славянского, и что германский был независим от других индоевропейских языков на самой ранней стадии своего развития, а черты, объединяющие германский с этими языками, – главным образом лексические и относительно поздние (Lehmann 2005–2007: 3.A.1). О почти полном отсутствии морфологических инноваций, общих для германского и италийского, писал раньше Полеме, который отвергал на этом основании гипотезу о длительном соседстве италийцев и германцев (Polomé 1966: 199). Порциг, который приводит наиболее полный список общих индоевропейских инноваций, отмечает только одну общую германо-балтославянскую инновацию (окончание дательного мн. на *-m*) и четыре общих фонологических и грамматических инновации у италийского и германского, три из которых являются фонологическими (сходное изменение звонких придыхательных, частично сходная судьба слоговых сонантов и изменение $t+t > ss$) и только одна морфологическая (сходство в морфологическом оформлении глаголов состояния – Порциг 1964: 161–162, 208–209).

Традиционно большое внимание при сопоставлении германских языков с другими европейскими индоевропейскими языками обращали на лексику, тогда как ряд фонологических и морфологических инноваций были оставлены без внимания. Попытаемся составить наиболее полный список инноваций протогерманского языка и сравнить их со сходными инновациями в других индо-

европейских и соседних неиндоевропейских языках, прежде всего в тех, названия которых реконструируются нами для общегерманского периода.

3.1. ОПИСАНИЕ ИННОВАЦИЙ

1) Изменение $sr > str$ (германский, балтийский (частично), славянский, иллирийский (и албанский), фракийский, частично кельтский)

Сочетание sr подверглось изменению во многих индоевропейских языках, сохранившись только в древнеиндийском, древнеирландском и отчасти в литовском. В германском, латышском, древнепрусском, иллирийском (и албанском) и фракийском языках, а также частично в литовском (в ряде диалектов) это изменение имело вид $sr > str$, ср. др.-инд. *srávati* ‘течет’, др.-ирл. *srūth*, но герм. **strauma-* (др.-исл. *straumr*, др.-сакс. *strôm*), латыш. *straume* ‘поток’, русск. *о-стров*, илл. *Stravianaë*, фрак. $\Sigma\tau\rho\acute{\upsilon}\mu\omicron\nu\nu$ (река), но лит. литер. *sraumiò* ‘стремнина’. В латышском и славянском это изменение прошло более последовательно, чем в литовском, хотя оно было характерно и для древнепрусского (см., напр.: Mažiulis 1997: 161). Изменение $sr > str$ обнаруживают и в части кельтских языков (в галло-бриттских и в северных ирландских диалектах) – (Meid 1960: 269). Что касается иллирийского и фракийского, то материал слишком скуден, однако он позволяет датировать здесь это изменение временем до VI века до н. э. (Порциг 1964: 120). В германском это изменение происходило до Первого перебоя и до действия закона Вернера, а в славянском – после сатемизации. Распространение изменения $sr > str$ может свидетельствовать, что оно может относиться к одной из самых ранних инноваций. Однако типологическая частотность этого изменения говорит о том, что эта инновация может быть использована при реконструкции места германского среди других индоевропейских языков только в сочетании с другими инновациями³⁷.

2) /a/ – /o/ > /a/ (германский, балтийский, албанский, хеттский, индоиранский)

Краткому /o/ и краткому /a/ в ряде индоевропейских языков соответствует в германском краткое /a/, см., напр.: лат. *hostis* ‘враг’, русск. *гость*, рун. **-gastiR** ‘гость’; лат. *ager*, гот. *akrs* ‘возделанное поле’. Изменение и.-е. /o/ в германское /a/ затронуло и суффиксальную морфему (см. греч. дор. $\phi\epsilon\rho\omicron\nu\tau\iota$, гот. *bairand* ‘они несут’).

³⁷ Покорный в частности, опираясь на типологическую частотность изменения $sr > str$, считает, что в индоевропейских языках оно произошло независимо (Pokorny 1960: 263). Мейд, возражая Покорному, предполагает генетическую общность этого изменения в части индоевропейских языков (Meid 1960: 269).

Однако германские заимствования в латинском языке показывают, что в сложных германских именах соединительное /o/ сохранялось (ср., напр.: *Langobardi*, *Marcmani*, *Ariovistus*, *Chariovaldus*, *Haiomerus* и т. п., ср. греч. Χαριου-γαῖσος). Возможно закорневое /o/ сохраняется и в некоторых германских заимствованиях в финский и саамский (см. фин. *juko*³⁸, саам. *jukko* < протогерм. **juko*- < **jugo*-, см. гот., др.-сакс. *juk* < **juka* < **juko*).

Германские заимствования в финском и саамском и в ударном, и в безударном слоге имеют, однако, как правило, /a/ (*kampa*, *para*, *rengas*), что может указывать на их более поздний характер. Таким образом, оказывается, что если латинские формы типа *Marcmani* действительно свидетельствуют о сохранении закорневого *o*, то изменение *o* > *a* в сложных словах произошло в германском позже, чем изменение /o/ > /a/ в корне, ср. германское название кельтов **walh-os* < **volk*-, заимствованное до изменения /o/ > /a/.

Совпадение /a/ и /o/ в виде /a/ было характерно кроме германского для балтийских языков, для албанского (ср. др.-вн. *naht*, лит. *naktis*, алб. *natë*), для хеттского и для индоиранского, а в виде /o/ – для славянских языков. Балто-германская параллель рассматривается иногда как региональная инновация германских, балтийских и савянских языков, см., напр.: СГГЯ 1962 I, 30, 47, или, наоборот, как общий индоевропейский архаизм. Второй точки зрения придерживался Курилович, который считал, что в той индоевропейской области, где формировались славянские, германские и балтийские языки, сохранялось так же, как и в хеттском, древнее индоевропейское состояние без противопоставления /o/ – /a/ (Kuryłowicz 1956: 166–167). Однако германские заимствования в финском и особенно в латинском свидетельствуют о несомненном существовании оппозиции /a/ – /o/ в германском.

Хэмп полагал, что совпадение краткого /o/ и краткого /a/ в ряде индоевропейских языков было связано с влиянием субстрата, в котором не было оппозиции /o/ – /a/, а была только одна фонема, реализовавшаяся как открытое /o/, которое в одних индоевропейских языках стало ассоциироваться с /o/ (как в славянском), а в других с /a/ (как в германском, балтийском и албанском) (Hamp 1979). В прото-кельтском он также предполагает совпадение /o/ и /a/, где они, по его мнению, стали позиционными вариантами (*ibid.*: 163). Хэмп считал, что определивший такое развитие субстратный язык был распространен на севере Европы и именно из этого языка было заимствовано во все языки с совпадением /o/ – /a/ слова для обозначения ‘яблока’ и ‘яблони’ (*ibid.*: 164–166), подробнее об этом

³⁸ Наряду с формой *juko* в финском существует и *jukka*, заимствованное уже после перехода *o* > *a* в некорневом слоге в германском. Вопрос о правомерности сопоставления /o/ в финских заимствованиях *juko pelto* с протогерманским /o/ вызвал оживленную дискуссию (см. СГГЯ I 1962: 87–88).

см. ниже. Чисто теоретически такое развитие не исключено, однако, типологическая частотность подобного изменения и совпадение /a/ и /o/ в языках далеких от северной Европы, в частности в хеттском, где нет и соответствующего слова для яблока, не делают предположение Хэмпса о субстратном происхождении совпадения /a/ и /o/ в индоевропейских языках убедительным.

Традиционно время изменения /o/ > /a/ в германском определяют на основании кельтских и латинских заимствований. Предполагается, что кельтские заимствования попали в германский до изменения /o/ > /a/ (ср., напр.: *Volcae* ‘вольки’, галльское племя, которое упоминает Цезарь (Caesar BG 6, 7), др.-вн. *Walha*, галл. *Moguntiacum*, др.-вн. *Maginza* ‘Майнц’), а сохранившие краткое /o/ латинские заимствования попали в германский после этого изменения (Streitberg 1963: 94). Если это верно, то изменение должно было произойти около середины I тыс. до н. э. или чуть раньше, когда германцы контактировали с кельтскими вольками. Поскольку индоевропейское /o/ в корне изменяется в германском в /a/ раньше, чем в закорневой позиции, где /o/ сохранялось еще в период контактов с Римом (см. выше), было высказано предположение, что изменение /o/ > /a/ должно было произойти после сдвига ударения на корень и, соответственно, после Первого перебора согласных (СГГЯ II 1962: 89), что может указывать на вторую половину I тыс. до н. э. Однако существуют и гораздо более ранние датировки изменения /o/ > /a/ в корне. Основываясь на германских заимствованиях в протосаамский и протофинский, Койвулеhto предполагает гораздо более раннюю датировку изменения /o/ > /a/ в германском (II тыс. до н. э.) (Koivulehto 1986), что означает, что кельтские заимствования в германском в середине первого тысячелетия до н. э. (ср. *Volcae* – *Walha* и т. п.) отражают не время изменения /o/ > /a/, а субституцию кельтского краткого /o/ германским кратким /a/, что вполне возможно, поскольку германское краткое /a/ могло быть более закрытым гласным, чем кельтское /a/, см. ниже.

Частотность изменения /o/ > /a/ в типологически разных языках говорит о том, что вряд ли его стоит использовать как один из основных признаков, определяющий древние контакты германских языков, хотя в том случае, когда он сочетается с другими признаками, полностью отказываться от него, как это делают Гамкрелидзе и Иванов (1984: 371), тоже вряд ли продуктивно.

3) /ā/–/ō/ > /ō/ (германский, балтийский, частично оско-умбрский)

В германском совпали рефлексy и.-е. долгих /ā/ и /ō/ в виде /ō/ (ср., напр.: греч. *πλωτός* гот. *flōdus*; лат. *māter*, др.-исл. *móðir*). Изменение /ā/ > /ō/ характерно также для балтийских языков (ср. лат. *māter*, лит. *motėris*). В литовском это изменение двигалось с запада на восток (Zinkevičius 1998: 88), что могло бы свидетель-

ствовать о его связи с соответствующим германским изменением. Время балтийского изменения неизвестно. Считается, что переход /ā/ > /ō/ произошел после изменения исконного /ō/ > /uo/ (реакция притяжения), поскольку /ō/ < /ā/ в нем не участвовало (ibid.). Однако столь же вероятно предположение о том, что именно изменение /ā/ > /ō/ и вызвало изменение исконного /ō/ > /uo/ (реакция отталкивания). Зинкявичюс полагает, что славянские заимствования в литовский (типа *donis*, *svodba*, ср. *дань*, *свадьба*) могут свидетельствовать об относительно позднем времени перехода /ā/ > /ō/ (ibid.), не устанавливая, однако, абсолютную датировку этого изменения.

Изменение /ā/ > /ō/ находит частичное соответствие в оско-умбрском. В отличие от балтийского и германского, где оно имеет общий характер, в оско-умбрском это изменение затронуло только конец слова (см. *toutō* < **toutā* – Devoto 1936: 539).

Датировка этого изменения в германском основывается на форме (*silva*) *Vācenis* у Цезаря (ср. лат. *fāgus*, др.-исл. *bók*, др.-вн. *boucha* ‘бук’), которая свидетельствует о том, что в первом веке до н. э. германское /ā/ еще не стало /ō/ (Arntz 1936: 432), хотя ряд германистов считают, что форма *Vācenis* объясняется субституцией германского /ō/, которое имело, вероятнее всего, широкое произношение, кельтским /ā/, и в таком кельтизированном виде это слово было заимствовано Цезарем (Polomé 1994: 6–7), см. выше № 2.

Изменение /ā/ > /ō/ несомненная типологическая фреквенталия (ср. подобные изменения в истории английского языка и континентальных скандинавских языков, немецких диалектов), поэтому эта параллель может быть использована только как дополнительный аргумент.

Несмотря на большую типологическую вероятность изменения /ā/ > /ō/ и меньшую, но все же значительную типологическую вероятность изменения /o/ > /a/, следует отметить, что параллельное изменение /o/ > /a/, /ā/ > /ō/ имеет уже гораздо меньшую типологическую вероятность, поэтому совпадение этих изменений в германских и балтийских языках вряд ли стоит сбрасывать со счетов, особенно если к этим параллелям будут добавлены грамматические и лексические параллели.

Следует также отметить, что долгого /ā/ не было и в раннем протофинском, который датируют 1500–1000 гг. до н. э. Здесь реконструируют только четыре долгих гласных *ī*, *ī̄*, *ē*, *ō* (Korhonen 1988: 268). Соответственно изменение /ā/ > /ō/ в германском, балтийском и частично оско-умбрском могло быть связано с этой особенностью раннего прото-финского. В таком случае следует датировать это изменение 1500–1000 годом до н. э. Протофинско-германские и протофинско-балтийские контакты периода изменения /ā/ > /ō/ в протогерманском и протобалтийском вполне вероятны (см. ниже).

Германские и балтийские изменения /ā/ > /ō/ и /o/ > /a/ могли свидетельствовать о закрытом произношении долгого /ā/ и об открытом произношении краткого /o/ и в протогерманском и в протобалтийском. Обычно считается, что изменения /ā/ > /ō/ и /o/ > /a/ свидетельствуют в первую очередь о качественном различии германских /a/ и /ō/, что не вполне точно. Бывшие коррелятами по долготе /a/ и /ō/ качественно отличались не столь сильно, как это можно подумать, исходя из их традиционного обозначения. Долгое германское /ō/ было более открытым гласным, чем латинское /ō/, о чем в частности свидетельствует германская субституция латинского /ō/ не германским /ō/, а германским /ū/ (см. лат. *Rōma*, др.-исл. *Rímaborg*; лат. *Rōmōnī*, гот. *Rūtōneis*), а краткое /a/ было более закрытым гласным, чем обычное *a*, т. е. качественно германское долгое /ō/ и краткое /a/ были близки друг другу. Вероятно эта их особенность и объясняет передачу кельтского краткого /o/ германским кратким /a/. Качественная дифференциация германских /ō/ и /a/ произошла только после появления нового краткого /o/ (по а-умляуту) и нового долгого /ā/ (из сочетания **anχ*).

Вопрос о том, связаны ли изменения /o/ > /a/ и /ā/ > /ō/ между собой в германском, не вполне ясен. Мейе писал о том, что в языках, в которых совпадают /ā/ > /ō/ обычно совпадают и /a/ и /o/ (Мейе 1938: 128). Ссылаясь на это высказывание ван Кутсем также рассматривает изменения /o/ > /a/ и /ā/ > /ō/ как одновременные (van Coetsem 1994: 50, 58, 76–81). Он вслед за Антонсеном (Antonsen 1972: 172) считает, что эти изменения произошли после сокращения гласных, которое он называет морной редукцией, и одновременно с распушением слоговых сонантов, но до умлаутов (van Coetsem 1994: 59, 73)³⁹. Ван Кутсем относит изменения /o/ > /a/ и /ā/ > /ō/ к раннему протогерманскому, который он датирует началом первого тысячелетия до н. э. (ibid., 139), считая, что именно в этот период начали появляться специфически германские признаки, к которым он относит и изменения /o/ > /a/ и /ā/ > /ō/ (ibid.). Однако, как мы видели выше, точно такие же изменения произошли и в балтийском. Балтийский и германский оказываются единственными языками, где произошли и изменения /o/ > /a/ и изменения /ā/ > /ō/.

4) Форма медиопассива на -i (греческий, балтийский, славянский, индоиранский, армянский и германский)

Если формы активного залога в индоевропейских языках сопоставимы, то форма медиопассива делит индоевропейские языки на две большие группы. Формы настоящего времени показывают, что в одной группе языков медиопассив оканчивался на -r, в другой, к которой кроме германских языков относятся греческий, бал-

³⁹ Сокращение гласных (см. N 9), как убедительно показал Дыбо, произошло после распушения слоговых сонантов (Дыбо 1961).

тийский, славянский, индоиранский и армянский, на $-i$ ⁴⁰ (ср. реконструируемые первичные окончания индоевропейского медиопассива $*m-a-i$, $*s-o-i$; $*t-o-i$ – Гамкрелидзе Иванов 1984: 331). Эта изоглосса считается древнейшим диалектным различием внутри индоевропейского (Порциг 1964: 130) или в соответствии с традиционной теорией родословного древа, представленной и в книге Гамкрелидзе и Иванова (1984), свидетельствует о первоначальном разделении индоевропейского на два языка. Являются ли обе формы инновациями или только одна из них, или вначале обе формы сосуществовали, но различались функционально, сказать трудно⁴¹.

Германские формы медиопассива на $-i$ сохранились только в одном глаголе в старшерунических надписях и в готском в формах настоящего времени. Конечное \bar{e} в старшерунических формах **hite** и **ha(i)teka** ‘меня зовут’ традиционно сравнивают с окончанием индоевропейского медиа $*hait\bar{e}$ < $*k\bar{a}i-d-ai$ (Krause 1971: 54) и соответственно с окончанием греческого и древнеиндийского медиа (Hirt 1932: 135; Streitberg 1963: 322). Что касается готского a в окончаниях медиопассива ($-da$, $-za$, $-nda$), то оно может быть регулярным отражением индоевропейского oi в многосложных словах в абсолютном исходе слова (ср. гот. *bairada* ‘меня несут’, греч. φέρεται < *φέρετοι – СГГЯ III 1963: 159).

5) Различия в склонении форм существительных мужского с основой на $-a$ и женского рода на $-\bar{o}$ (германский, балтийский, славянский, индоиранский, итальянский, греческий)

В протоиндоевропейском падежная флексия была единой вне зависимости от вида основы и рода. В дальнейшем в истории отдельных ветвей индоевропейских языков происходили изменения, связанные с переразложением основообразующего суффикса, ставшего частью окончания, и с родовой дифференциацией типов склонения. У части индоевропейских языков сохраняется независимость окончаний от рода, даже если само окончание претерпевает изменение. Мейе отмечал, что связь падежных окончаний \bar{o} - и a -основ с родом устанавливается в балтийских, славянских, германских языках, а также в греческом и индоиранском, и по этому признаку объединяются в одну группу те же языки, что и по признаку отсутствия медиопассива на $-r$ (Мейе 1931). Однако родовая дифференциация была характерна и для итальянского, который сохранил медиопассив на $-r$. Кроме того, родовая дифференциация склонения \bar{o} - и a -основ происходила не везде в одинаковой степени.

⁴⁰ В армянском есть следы медиопассивного окончания $-r$ *berēr* ‘он нес’, *beriw* ‘его несли’ (Порциг 1964: 129).

⁴¹ Курзова считает, что инновацией было окончание $-i$, которое появилось в германском, балтийском, албанском, греческом и индоиранском (Kurzová 1993: 165, 188)

Слабее она выражена в греческом и итальянском, сильнее в германском, балтийском и славянском, ср., напр.: различие м.р. им. ед. лит. *vilkas*, ст.-слав. *вѣлкѣ*, рун. **dagaR**; род. пад. ед. *vilko*, *волка*, **dagas**, дат. ед. лит. *vilkuī*, ст.-сл. *волкоу*, рун. **dagai**, но ж. р. им. ед. лит. *ranka*, ст.-сл. *рѣка*, рун. **runu**; род. пад. ед. лит. *rankos*, ст.-сл. *рѣки*, рун. **-runoR**; дат. пад. ед. лит. *rankai*, ст.-слав. *рѣкѣ*, рун. **runu**.

б) Совпадение позднеиндоевропейских видовых форм аориста и перфекта в форме прошедшего времени (германский, балтийский, кельтский, итальянский, албанский, хеттский)

Традиционно считалось, что видовая система позднеиндоевропейского, включавшая противопоставление перфекта, аориста и презенса сменилась в протогерманском противопоставлением двух временных форм: прошедшего времени (претерита) и непрошедшего времени (презенса) (см. Мейе 1952: 103–104; 152; Жирмунский 1964: 76).

Германский оказывается не единственным языком, где развитие, привело не только к исчезновению видовых различий, но и к совпадению аориста и перфекта в единой грамматической уже не видовой, а темпоральной категории. Причем, «выдвижение времени на первый план среди понятий, выражаемых глагольными основами, – это новшество, характерное для германского, кельтского и итальянского языков» (Мейе 1952: 91)⁴². К этой же группе языков следует добавить и албанский и балтийский, где прошедшее время также образовалось в результате слияния индоевропейского перфекта и аориста.

Представление о том, что в позднеиндоевропейском существовали разные формы аориста и перфекта, популярно до сих пор (см., напр. Rix 2001; Герценберг 2010). Однако со второй половины XX века стало распространяться мнение, что в праиндоевропейском противопоставления перфекта и аориста не было, и что такое состояние является греко-индоарийской инновацией (см., напр.: Kurzová 1993). Соответственно предполагается, что наряду со многими другими архаизмами, германский, подобно хеттскому, сохранил исконное противопоставление только двух временных форм (см., напр.: СГГЯ IV 1966: 256). Разная интерпретация догерманской темпоральной системы определяет и разные точки зрения о том, что считать германскими инновациями.

⁴² К германо-италийско-кельтским инновациям Мейе относит и образование пассивных причастий с суффиксами **-to* и **-no* (ср. лат. *-plētus* ‘наполненный’, *plēnus* ‘полный’, гот. *bundans* ‘связанный’, *salbops* ‘мазанный’ (Мейе 1952: 92), однако такого же типа суффиксы причастий/прилагательных мы находим и в других индоевропейских языках, в частности, в славянских.

Несмотря на то, что вопрос о догерманской глагольной системе нельзя считать окончательно решенным, я буду исходить из традиционной интерпретации, поскольку показатели прошедшего времени (дентальный суффикс и новое структурирование аблаутных чередований) в германском, также как и показатели прошедшего времени в других индоевропейских языках, где предполагают совпадение аориста и перфекта, являются инновацией.

7) Степень удлинения в формах прошедшего времени

7а) Степень удлинения \bar{e} в формах прошедшего времени (германский, италийский, балтийский, албанский, частично кельтский и славянский)

В тех языках, где произошло совпадение форм перфекта и аориста, огласовка аориста с долгим \bar{e} стала характеризовать все или некоторые формы перфекта или претерита. Традиционно количественный аблаут $e - \bar{e}$, с долговокалической формой прошедшего времени интерпретируется как германо-италийская изоглосса (ср. гот. *qētum, sētum, brēkum* – лат. *vēnimus, sēdimus, frēgimus*) (ср., напр.: Порциг 1964: 161) и была упомянута А. В. Десницкой как германо-албанская изоглосса: герм. $e - \bar{e}$, алб. $e(ei) - o$ (Десницкая 1965: 39). Однако это чередование было характерно и для балтийских языков, лит. *beria – bèrè (berti ‘сыпать’)* и для кельтских и для частично славянского, ср. слав. *sěde*, лат. *sēdī*, гот. *sētum* (Stang 1966: 389). В кельтском и славянском это явление, однако, было не столь распространено как в германском, италийском и балтийском.

7б) Сходная степень удлинения при образовании формы прошедшего времени на других базах (германский, италийский, балтийский)

Наибольшее сходство при образовании форм прошедшего времени мы находим в германском и италийском, где этимологические сходные глаголы одинаковым образом (с одинаковой степенью долготы) образуют форму перфекта в италийском и форму претерита в германском, ср. лат. *fundō* ‘лить’ – *fūdī*, др.-исл. *gjúta – gaut*; лат. *linquō* ‘оставлять’ – *līqī*, др.-вн. *līhan* ‘давать взаймы’ – *lēh*; лат. *scabō* ‘скрести’ – *scābi*, *skafa – skóf*, таким образом, что можно реконструировать для них единую форму прошедшего времени (**ghoud-*; **loiqu-*, **skābo-*). Такой способ образования формы прошедшего времени считается исключительной германо-италийской инновацией (Ernst, Fischer 2001: 99), однако сходное явление можно наблюдать и в балтийском ареале. Германской ступени удлинения и нулевой ступени соответствуют схожие формы в литовском, см. напр.: наст. вр. 3 лицо. *karia* – прош. время *koré (karti ‘вешать’)*, *geria – gèrè (gerti ‘пить’)*, и германские чередования типа гот. инф. *faran* ‘ехать’ – прош. время *for; greipan*

‘хватать’ – *gripum* прош. вр. 1 лицо мн. ч., гот. *bairan – bar – berum* ‘нести’ (Schmid 1986: 164; Schmid 1992: 208–209), причем в некоторых случаях сходного типа чередования в литовском, древних германских языках и в латыни можно наблюдать и в этимологически родственных корнях, ср. лит. *lieka – liko* (*likti* ‘оставаться’), лат. *linquō* ‘оставляю’ – *liqī* и др.-вн. *līhan* ‘давать займы’ – *lēh*. См. также № 17а.

8) Морфологическое различие между глаголами действия и глаголами состояния (германский, балтийский, славянский, итальянский)

В итальянском, германском, балтийском и славянском противопоставление между глаголами действия и глаголами состояния выражено иначе, чем в греческом, хеттском и древнеиндийском. В частности в греческом и в древнеиндийском глаголы со значением ‘сесть’ и ‘лечь’ и глаголы со значением ‘сидеть’ и ‘лежать’ представлены разными словами (ср. греч. ἔλκτο ‘он лег спать’, но κείμαι ‘лежать’, разные корни характерны и для современного греческого, ср. πάρετε ‘сесть’ – κάθομαι ‘сидеть’). Именно такое состояние с разными корнями глаголов действия и состояния и считается архаичным, и связано с признаками раннеиндоевропейского как языка активного строя (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 294–295). Для образования глагола состояния от перфективного глагола действия в германском, латинском, балтийском и славянском использовался один и тот же прием – объединение общей глагольной основы с суффиксами *-ē*, *-io* (ср. напр.: **sedē-*) с презенсом (ср., напр.: **sedeiō*), ср. лат. *sedeo, sedēre*, др.-сакс. *sittiu, sittian*, гот. *sitjan*, лит. *sėdžu, sėdeti*, ст.-слав. **сеждаж, седеши** ‘сидеть’, но лат. *sīdo, sīdere, consēdī*, гот. *gasitan*, др.-сакс. *gisittian*, лит. *sėsti sėdu*, ст.-слав. **сести, сддж** ‘сесть’. Сходные образования есть и в индоиранских языках, где этот суффикс выступает в виде *-ya* (Schmid 1963: 66–67), но только в германском, итальянском, балтийском и славянском этот суффикс имеет единый вид *-ē* (*ibid.*). Германо-итало-балто-славянское морфологическое образование глаголов состояния от глаголов действия рассматривается как общая инновация (Schmid 1963: 101; Порциг 1964: 140). Особо тесные связи можно усмотреть здесь между германским и итальянским, где глаголы состояния с суффиксами *ē*, *io* представлены в одних и тех же глаголах, отсутствующих в других индоевропейских языках, ср., лат. *tacēre*, гот. *ḥahan*, др.-исл. *þegja* ‘молчать’ (Порциг 1964: 161).

Шмид находил следы суффикса *-ē* и в древнеирландском, поскольку хотел подтвердить идею своего учителя Краэ о существовании древнеевропейского языка, для которого могла бы быть характерна эта изоглосса (Schmid 1963: 98, 101), однако наличие подобного суффикса в кельтском неочевидно. Кроме того, даже если он действительно был в кельтском, то эта изоглосса

оказывалась бы единственной общей изоглоссой характерной для предполагаемой Краэ древнеевропейского. Сам Шмид в более поздней работе отказался от попыток найти иные признаки древнеевропейского кроме общих гидронимов (Schmid 1968).

9) Отражение слоговых сонантов

9а) Слоговые $\underset{\cdot}{l}$ и $\underset{\cdot}{r} > u(o)l, u(o)r$ (германский, италийский, частично славянский и балтийский, возможно иллирийский)

Рефлексы слоговых плавных представлены как сочетание гласных заднего ряда (*o* или *u*) с соответствующими плавными (т. е. как *ul, ol; ur, or*) в германском, италийском и венецком и возможно в иллирийском (ср., напр., рун. вин. ед. **horna**, лат. *cornu*, др.-инд. *ṣr̥n-ga-* ‘рог’; < и.-е. **kr̥n-*; гот. *wulfs*, др.-англ. *wulf*, др.-вн. *wolf*, др.-исл. *ulfr* < **wulfa-* < **v̥lpo-*, ср. лат. *volpes* ‘лиса’). В латинском обычным отражением слоговых $\underset{\cdot}{l}$ и $\underset{\cdot}{r}$ являются *or* и *ol*, однако возможны и рефлексы в виде *ur* и *ul*, ср. *mulier, gurdus* (Sommer 1902: 54–55), полностью совпадающие с рефлексами $\underset{\cdot}{l}$ и $\underset{\cdot}{r}$ в германском. В некоторых случаях огласовка *o/u* встречается в балтийском и славянском, ср. др.-исл. *sporðr*, ср.-вн. *sporte* ‘рыбий хвост’ (< **spurða* < **spr̥tó-*), латыш. *spurt* ‘растрепываться’, лит. *spurti* ‘отдираться’; др.-пр. *gurcle* ‘горло’, лит. *gurklys* ‘зоб’, ст.-сл. **гръло** (Schmalstieg 1959: 16). В старославянском рефлексом слогового сонанта часто является так называемое сверхкраткое /u/ после согласного (ср. гот. гот. *wulla*, ст.-сл. **вльна**). В других группах индоевропейских языков гласный может иметь вид *-a* как в армянском, хеттском, тохарском, частично в кельтском и греческом, где гласный не предшествует сонанту, а следует за ним. Огласовка *-i* характерна для балтийского, славянского, албанского и частично кельтского. Павидис отмечает огласовку *-i* в германском (ср. *wirk-, wurk-* < **r̥k-* – Павидис 1987: 109), хотя *-i* в формах типа *wirk-* может восходить не к слоговому сонанту, а к /e/. В большинстве приведенных Павидисом древнефризских форм с *-i* (*wird, wirka* и т. п.), это *i* является не следом индоевропейского слогового сонанта, как он считает, а результатом делабиализации продукта *i*-умляута от /u/, сохраняющегося еще в виде /y/ в древнеанглийском (*wyrd, wyrcaþ* и т. п.), что предполагает первоначальный рефлекс слогового сонанта в виде /u/.

9б) Слоговые носовые $\underset{\cdot}{n}, \underset{\cdot}{m} > un, um$ (германский, частично балтийский и славянский)

Гласные заднего ряда в сочетании с носовым согласным являются рефлексом слоговых носовых прежде всего в германском, но возможны изредка и в балтийском (ср. др.-пр. *guntwei* < **gh^wnt-* ‘гнать’ (Schmalstieg 1959: 16) и более часто в славянском, ср. герм.

hund-, ст.-сл. **сѣто**, но лит. *šimtas* < **k'ṃtom*. В большинстве индоевропейских языков рефлексом слогового носового оказывается сочетание *a* с носовым согласным, гласный *-e* в ирландском, итальянском, возможно албанском, гласный *-i* в большинстве случаев в балтийском и славянском. В германском также отмечают возможность огласовки *-i* (ср. Павидис 1987: 109–110), хотя и в данном случае неясно, к какому типу корня восходят корни с *-i* (см. выше).

Порциг отмечает, что рефлексы слоговых сонантов нельзя использовать как основной признак классификации индоевропейских языков, поскольку рефлексов оказывается гораздо меньше, чем языков, и, следовательно, совпадения неизбежны (Порциг 1964: 103), однако в сочетании с другими признаками они могут пролить свет на древние связи индоевропейских языков. В случае с германскими языками этот признак, однако, оказывается очень важным, поскольку только в германских языках рефлексы плавных и рефлексы носовых, как правило, совпадают в одном гласном заднего ряда. Этот признак показывает частичное сходство германского с итальянским и иллирийским (сходные рефлексы плавных) и частичное сходство с балтийскими и славянскими (частично сходные рефлексы носовых и плавных).

Ван Кутсем относит распушение слоговых сонантов к раннему протогерманскому, который он датирует началом первого тысячелетия до н. э. (van Coetsem 1994: 65), считая, что это изменение произошло после морной редукции, одновременно с изменением /*o/* > /*a/* и /*ā/* > /*ō/*, но до сдвига ударения на корень, до умляутов и до расширения высоких гласных перед некоторыми согласными – (ibid.: 59, 65–66, 139). Однако, если предшествование распушения сонантов позднейшим изменениям (умляуты и расширение гласных верхнего подъема) и сдвигу ударения на корень очевидно, то сокращение долгот произошло, вероятнее всего, после распушения сонантов (Дыбо 1961: 28), см. ниже. Распушение сонантов следует рассматривать как одну из самых ранних протогерманских инноваций.

10) Сокращение долгот перед простым согласным (германский, итальянский, кельтский)

В. А. Дыбо установил, что краткому гласному перед простым согласным в корне в итальянском, кельтском и германском языках соответствует долгий гласный в других индоевропейских языках, ср. лат. *vir* (*viri*), ирл. *fer*, гот. *wair*, др.-исл. *verr*, др.-вн., др.-сакс., др.-англ. *wer* < **uiros*, но др.-инд. *vīrá-*, лит. *vyras* ‘муж’; гот. *sunus*, др.-исл. *sunr*, *sonr*, др.-вн. *sun*, др.-англ., др.-сакс. *sunu*, но др.-инд.

sūnū-, лит. *sūnus* (Дыбо 1961: 9, примеры на с. 24–26)⁴³. Характерное для северо-западной части индоевропейской языковой области сокращение исконных долгот Дыбо связывает с безударностью. Под ударением исконные долготы сохранились (*ibid.*: 26–27). Процесс редукции долгот в безударном положении начался в кельто-италийской области и распространился на германский (*ibid.*: 24). Причем сокращение долгот двигалось из центра распространения инновации двумя волнами. Вначале сокращение произошло перед интервокальными сонантами, а затем перед смычными. В германских языках в это время уже не было слоговых плавных сонантов, а были их рефлексy, т. е. *ul* и *ur* (*ibid.*, 28).

Если выводы Дыбо о связи сокращения долгот в германском, италийском и кельтском справедливы, то это изменение должно было происходить до германо-итало-кельтского сдвига ударения на корень (см. выше), но после «распущения» слогообразующих сонорных.

11) Фиксация ударения на корне (германский, кельтский, италийский, частично балтийский)

Закон Вернера показывает, что подвижное ударение в германском сменилось фиксированным ударением на корне, что в большинстве случаев означало ударение на первом слоге. Это изменение традиционно считается основной причиной многих фонологических и морфологических изменений, в том числе и Первого перебора согласных и редукции окончаний и упрощения морфологической системы (ср., напр.: Lehmann 2005–2007). Однако такое кажущееся очевидным объяснение оставляет множество вопросов, особенно если мы сравним германские языки с другими языками с начальным ударением (например, с саамскими или прибалтийско-финскими языками), где и начальные согласные и структура слова, в том числе и структура германских заимствований общегерманского периода, остается неизменной на протяжении тысячелетий. Кроме того, очевидно, что изменение типа индоевропейского ударения в германском связано не с механическим выделением первого слога, а с выделением корня (приставки *be-* и *ga-* оставались и остаются безударными), что свидетельствует не о так называемом звуковом законе, а о морфологически обусловленном изменении.

Обычно датировка сдвига ударения в германском связывается с появлением редукции и апокопы, в частности с апокопой *a* и *e* (ср. гот. *wait*, гр. οἶδα ‘знаю’). Однако связь редукции с начальным ударением не столь очевидна, как предполагается. В финском и в саамском, в частности, начальное ударение сочетается с полным

⁴³ Это изменение классифицировалось позднее как редукция мор, и его стали рассматривать как самое первое изменение в фонологической системе германского (van Coetsem 1994: 52, 59).

отсутствием редукации. Германские заимствования сохранили в этих языках свою первоизданную форму без редукации. Более очевидна связь генерализации ударения с законом Вернера, поскольку именно генерализация начального ударения привела к фонологизации чередований по закону Вернера, и, в частности, к появлению /z/. Соответственно аллофонные чередования звонких и глухих должны были предшествовать сдвигу ударения. Традиционно сдвиг ударения датировали временем до Первого перебоя согласных, который и связывали с переносом ударения. Однако существует и точка зрения, согласно которой сдвиг ударения произошел после Первого перебоя (см., напр.: Antonsen 1965: 19; 1994: 52; van Coetsem 1994: 193). Абсолютная датировка сдвига ударения колеблется от конца II тыс. до н. э. до конца первого тысячелетия до н. э., однако эта датировка зависит во многом от того, какие изменения исследователи связывают со сдвигом ударения (см., напр.: Coetsem van 1970: 14–16). Генерализация ударения на корне рассматривается иногда как признак, который позволяет отделить первую стадию германского, которая в разных традициях имеет разное наименование (см. выше) от второй (Lehmann 1961: 69–70; Coetsem van 1970: 14–16) или вторую (в терминологии ван Кутсема ранний протогерманский) от самой последней третьей (поздний протогерманский), к которой ван Кутсем и относит сдвиг ударения, датируя его концом первого тысячелетия до н. э. (van Coetsem 1994: 73, 193).

Часто генерализацию ударения на первом слоге рассматривают как исключительную германскую инновацию. Однако это не совсем так. Уже Хирт отмечал сходство сдвига германского ударения на первый слог с соответствующими изменениями в итальянском и кельтском (см., напр.: Hirt 1894: 45). Генерализацию ударения на первом слоге в протоиталийском и возможно в венецком реконструируют и современные лингвисты (Staaĵi 1995: 65). Предположение о сдвиге индоевропейского подвижного ударения на первый слог в протоиталийском обосновывается синкопой и апокопой, которая сильнее всего проявилась в оско-умбрских языках (см., напр.: Devoto 1936: 539; Benediktsson 1960: 281; Staaĵi 1995: 65, 209; de Vaan 2008: 9–10), где предполагают сильное начальное ударение („a strong stress accent“), выполняющее делимитативную функцию (Benediktsson, *idem*). Несмотря на то, что это предположение разделялось далеко не всеми (см., напр.: Тронский 2001: 64–71) представление о том, что «именно действие начальной интенсивности привело к коренным изменениям в латинском языке» (Казанский, Солопов 2001: 494) в последнее время является преобладающим. Установленная Н. Н. Казанским связь синкопы с фразовым ударением в латинском (Казанский 2004) не опровергает наличие «начальной интенсивности» в слове. Если справедливо предположение о существовании в итальянском сдвига ударения на первый слог, то мы обнаруживаем в итальянском сходную с

германской модель ударения не просто на первом слоге, но на корне (приставки оставались безударными). Датируют начальное ударение в италийском обычно по появлению редукции, что означает, что сдвиг ударения на начало слова относят обычно к протосабельскому периодом (de Vaan 2008: 9), однако не исключено, существование периода между сдвигом ударением и синкопой.

Начальное ударение реконструируется и для протокельтского. Если верно предположение Турнайзена (Thurneysen 1883–1885: 313), которое разделяется современными кельтологами (Schmidt 1991: 146–147; Salmons 1992: 152–159) о том, что подвижное индоевропейское ударение сменилось в протокельтском начальным ударением, сохранившимся в ирландском, то можно предположить существование германо-италийско-кельтской просодической инновации.

О природе этой общей изоглоссы многое могла бы сказать ее абсолютная датировка. Однако она неясна. Если следовать за Ван Кутсемем, который утверждает, что фиксация ударения завершилась только к концу первого тысячелетия до н. э. или на рубеже новой эры (Coetsem van 1970: 14–16; 1994: 73), то связи между италийским и германским сдвигом ударения быть не может, поскольку традиционно предполагается, что италийцы перестали быть соседями германцев гораздо раньше. Однако датировка Ван Кутсема ничем не обоснована, и мы не можем исключить контактной природы сдвига ударения на корень.

Наконец, начальное (корневое) ударение было и остается характерным для саамских и прибалтийско-финских языков. Эта германо-прибалтийско-финско-саамская параллель интерпретировалась и в XIX веке (Förstemann 1874) и продолжает интерпретироваться некоторыми и сейчас (Wiik 1997; 1999; 2002), как след «финского» (по Виику уральского) субстрата в германском. Однако, несмотря на существование очевидной типологической параллели, проявляющейся в изменении типа акцента и интонации в современном шведском языке Финляндии, которая объясняется финским влиянием, и на то, что контакты населения, живущего на западном и восточном побережье Балтийского моря, относят к 3200–2300 гг. до н. э., (Kallio 2003: 87), а контакты протогерманцев с северными соседями на Скандинавском полуострове не младше 1000 г. до н. э., предположение о финно-угорском влиянии на сдвиг ударения в протогерманском, как правило, отвергается (*ibid.*: 33–34), чаще всего по социолингвистическим причинам, которые либо эксплицируются⁴⁴, либо подразумеваются. Поскольку сходное изменение реконструируется и для протоиталийского и для протокельтского,

⁴⁴ См., напр., высказывание Стефауна Эйнарссона «Культурные влияния были дорогой с односторонним движением от германцев к саамам и финнам» (Einarsson 1988: 43).

связь с саамской и прибалтийско-финской акцентуацией можно представить в виде цепи распространения этого признака с севера на юг (саамо-прибалтийско-финский или язык первой волны финно-угров > германский > итальянский > кельтский).

Появление германо-кельтско-италийской просодической изоглоссы можно представить себе и как явление, связанное с контактами родственных языков германского, итальянского и кельтского (до Первого перебоя и закона Вернера, и до многих других германских изменений), когда протогерманский, протоиталийский и прото-кельтский еще не слишком отличались друг от друга⁴⁵. Модель их контактов могла бы соответствовать модели, предложенной для объяснения редукции флексий в английском языке, которая по Есперсену была предопределена сходством корней и несходством окончаний в древнеанглийском и скандинавском в эпоху датского завоевания Англии. Причем эти контакты предопределили даже не столько редукцию окончаний, сколько выделение корневой морфемы. Типологически сходный процесс выделения корня при контакте родственных языков со сходными корнями был характерен и для южнодатско-северофризско-нижненемецкой контактной зоны на юге Ютландии (Кузьменко 1995). Можно предположить, что подобные процессы происходили и при германо-итало-кельтских контактах в то время, когда многие корни сохраняли сходство, так что была возможна семикоммуникация. Однако такое развитие не противоречит возможности финно-угорского влияния на динамическое выделение германского корня, что могло способствовать и выделению общих корней при германо-италийской и италийско-кельтской семикоммуникации. Причем предположение о влиянии угро-финского субстрата при сдвиге ударения в протокельтском и протоиталийском не следует понимать буквально. Речь идет в данном случае не о смене языка, а о распространении черты, появившейся в области смены языка, т. е. появившейся в области германо-угро-финских контактов.

Естественно, что, если принять предположение о финно-угорском влиянии на появление начального ударения в германском и части балтийских языков, возникает вопрос, о времени появления начального ударения в самих финно-угорских языках. Кроме саамских и прибалтийско-финских языков начальное ударение характерно для мансийского (Рамбандеева 1973: 37; Куркина 1986: 124) и венгерского. Как правило, оно остается на первом слоге в хантыйском (Терешкин 1966: 323), что более явно выражено в западных диалектах. В восточных диалектах есть ограничение употреблению начального ударения, связанное с качеством гласного

⁴⁵ Поломе связывал сдвиг ударения в германском с кельтским влиянием, объясняя это влияние экономическим и социальным превосходством кельтов (Polomé 1991: 121).

(Куркина 1986: 125; Хонти 1993: 301). Однако и в этом случае гласные первого слога, независимо от ударения, всегда характеризуются четкостью и напряженностью, что препятствует их редукции (Куркина 1986: 126). Кроме того, в начальное ударение, как правило, падает на первый слог в коми-зырянском (Бубрих 1949: 5; Баталова 1993: 216–217)⁴⁶. В коми-пермяцком языке, где ударение морфологизовано, оно никогда не падает на словоизменительную морфему, а всегда остается на каком-нибудь слоге основы (Баталова 1972: 269). В эрзя-мордовском, где ударение может быть разноместным и свободным в нейтральном стиле речи оно также обычно фиксируется на первом слоге (Феоктистов 1993: 192). В финно-угорских языках лишь в некоторых редких случаях в исконных словах различие в ударении может иметь фонологическую нагрузку, как, например, в коми-пермяцком. Даже это беглое сравнение ударения в современных финно-угорских языках позволяет согласиться с предположением Итконена о начальном характере ударения в прото-финно-угорском (Itkonen 1955: 23). Наконец, начальное ударение характерно для одного из самых архаичных самодийских языков, для энецкого (Терещенко 1993: 345). Такая же тенденция наблюдается и в нганасанском, где «при словообразовании и словоизменении ударение, как правило, сохраняется на корневой морфеме» (Терещенко 1993: 351). Начальное ударение в энецком и нганасанском может свидетельствовать об общеуральском характере начального ударения.

Предлагалась разная датировка протофинно-угорского и соответственно протосаамо-прибалтийско-финского (см. Хайду 1993: 11; Sammallahti 1998: 2). Наиболее традиционным остается отнесение формирования саамо-прибалтийско-финского к 1500 – 1000 тыс. до н. э. (Хайду 1993: 11; Напольских 1997: 6–7). Вопрос о территории формирования прото-угро-финского и саамо-прибалтийско-финского будет рассмотрен ниже. Но, если обратить внимание только на время появления начального ударения в германском, то угро-финское или саамо-прибалтийско-финское влияние на германский сдвиг ударения могло иметь место именно в период формирования саамо-прибалтийско-финского единства, т. е. во втором тысячелетии до н. э. Кроме того, если чередование ступеней в части уральских языков связано не только с закрытостью и открытостью второго слога, но и с начальным ударением, то наличие чередования ступеней в части самодийских языков могло бы свидетельствовать об исконном начальном ударении уже в прото-уральском (напомним, что начальное ударение характерно для энецкого и нганасанского). Однако вопрос об уральской при-

⁴⁶ Все старые русские заимствования в коми-зырянском языке имеют ударение на первом слоге (ср. *нэвеста*, *жэник*), тогда как новые заимствования сохраняют русское ударение (*пилот*) (Бубрих 1949: 5).

роде ударения в прауральском и о его связи с сингармонизмом остается дискуссионным. К тому же предположение о протоуральском характере чередования ступеней разделяется далеко не всеми (ср., напр.: Хайду 1993: 11). Однако, если первая волна финно-угров появилась в Скандинавии и на севере центральной Европы еще до выделения прото-финского, не исключена и более ранняя датировка сдвига ударения в германском (около 2000–1500 г. до н. э.).

Начальное ударение есть и в части балтийских языков, прежде всего в латышском, где эта особенность характерна для всех диалектов, и в части литовских диалектов, прежде всего в северных и северо-западных (Гринавецкис 1964: 3). Считается, что оттяжка ударения началась в северо-западных жемайтских говорах и в бассейне реки Муши в аукштайтских говорах. Причем в латышском оттяжка ударения произошла раньше, чем в литовском и началась тоже в северо-западных областях Латвии в Курземе и Видземе (*ibid.*: 3–5, см. карту на с. 16). Однако считается, что в балтийских языках сдвиг ударения произошел сравнительно поздно, в латышском около X века н. э., а в литовском еще позднее (в XIII веке н. э. – *ibid.*: 4). Традиционно считается, что оттяжка ударения на первый слог в латышском было следствием влияния одного (ливского) или нескольких финно-угорских языков (литературу см., Гринавецкис 1970: 7–8). Возможно через посредство куршского и земгальского (Гринавецкис 1982: 108). В древнепрусском предполагают наличие свободного ударения. Отсутствие сдвига ударения в самых западных балтийских областях, в частности в древнепрусском⁴⁷ и продвижение оттяжки ударения из латышского в литовские диалекты свидетельствует об отсутствии прямой связи между балтийским и германским начальным ударением. Однако можно предположить косвенную связь этих явлений, а именно, влияние сходного субстрата: в случае с германским таким субстратом мог выступать саамский или саамо-прибалтийско-финский, а возможно, и неизвестный нам язык первой волны финно-угров в северной Европе (см. ниже), а в случае с балтийским, прибалтийско-финские языки⁴⁸. При этом

⁴⁷ Место ударения в исчезнувших западнобалтийских языках галиндском и ятвяжском неясно.

⁴⁸ Ряд балтистов не признают возможности прибалтийско-финского влияния на оттяжку ударения в латышском и жемайтском, считая причиной такого сдвига внутренние факторы, в частности редуцию окончаний (Гринавецкис 1964: 4). Однако редуция окончаний могла быть следствием оттяжки ударения на первый слог. Кроме того, о балтийско-прибалтийско-финских языковых связях свидетельствуют не только фонологические, но и многочисленные лексические, фразеологические и семантические параллели (см., напр.: Эндзелин 1951; Sabaliauskas 1963). Данные популяционной генетики также свидетельствуют о возможности финно-угорского влияния. Литовцы и латыши имеет самый большой в Европе процент мужского населения, говорящего не на финно-угорских языках с гаплогруппой

германо-угро-финские (или уральские?) контакты, которые могли привести к сдвигу ударения, оказываются гораздо старше балтийско-прибалтийско-финских контактов, приведших к оттяжке ударения в латышском языке и в части литовских диалектов.

12) Увеличение количества долгих согласных (германский, кельтский, италийский, частично балтийский)

В древних германских языках многим индоевропейским простым согласным или сочетаниям согласных соответствуют геминаты *kk pp tt ll rr nn mm* и т.д. (др.-исл. *lokkr*, др.-вн. *lōcc* ‘локон’, греч. *λύγνος* ‘ивовый прут’, лит. *lūgnas* ‘гибкий’; др.-исл. *falla*, др.-вн. *fallan* ‘падать’, лит. *puolu* (1. sg.)). Считается, что эта геминация связана с экспрессивным или звукосимволическим удлинением согласных, как в *falla*, с ассимиляцией сочетаний согласных, как в *lokkr*, и с морфологическими факторами (появление долгих шумных по морфологической аналогии с чередованиями долгих и кратких сонорных, связанными с ассимиляцией *ln > ll* – Kuryłowicz 1957: 144).

Курилович отмечает сходство моделей морфонологической геминации в германских и кельтских языках (*ibid.*). В некоторых случаях геминация видна и в лексических параллелях (см., напр.: др.-исл. *bann*, др.-англ. *gebann*, ирл. *bann* ‘запрет’, но ср. др.-инд. *bhāṇati* ‘говорит, зовет’). В италийских языках также отмечают наличие многочисленных случаев удлинения в словах с экспрессивной и звукоподражательной семантикой, (см., напр.: лат. *bucca, nassus, gibba, gallus hannio gannio*) и ассимилятивного удлинения согласных (*panna < patna, arripio < adripio, stella < sterla, torreo < torseo, collum < colsos* ср. гот. *hals*), – Тронский 2001: 115, 122–128. По мнению Ходорковской, экспрессивная геминация проявляется и в оскском суффиксе перфекта *-tt-*, ср. его алломорф *-t-* (Ходорковская 1978: 368–369). В латинском отмечают и появление долгого согласного по так называемому правилу *littera*, когда сочетание долгого гласного с кратким согласным заменялось изохроническим сочетанием краткогласного и долгогласного (ср., напр.: *cēla > cella* – de Vaan 2008). Многие из этих долгих согласных сохраняются в итальянском до сих пор.

Судя по обозначению, долгие согласные были и в древнепрусском, ср., напр.: формы типа *gillin* ‘глубокий’, *dabber* ‘еще’, *billīt* ‘сказать’, *buttan* ‘дом’, *massi* ‘может’ (Endzelin 1944: 27). Можно было бы предположить, что двойное написание согласных обозначало в древнепрусском только краткость предшествующего гласного, однако долгие согласные есть и в латышском, где глухие согласные имеют долгую реализацию в положении между ударным

N1c, которая характерна для народов, говорящих на финно-угорских языках.

и безударным гласным (Грабис 1966: 470–471). В германском, кельтском и италийском долгота согласных была фонологически релевантна, в древнепрусском и в латышском нет.

Удлинение согласных важная морфонологическая черта прибалтийско-финских и саамских языков, где при чередовании ступеней фактически каждый корень с простым согласным может иметь алломорфный вариант в форме с долгим согласным, см., напр.: севсаам. *tonni* им. пад. ‘яйцо’ – *moni* вин.род., *bihttä* ‘кусок’ им. пад. – *bihtä* вин.род. Те, кто возводит к общему источнику чередование ступеней в самодийских и в прибалтийско-финских и саамских языках, относят чередование ступеней к общеуральскому периоду, то есть к 4000 до н. э. Те, кто считает это изменение параллельным развитием в самодийских и саамских и прибалтийско-финском языках, относят чередование ступеней к саамо-прибалтийско-финскому периоду, т. е. к 1500–1000 до н. э. (литература см.: Kusmenko 2008: 152–161).

Удлинение согласных в германском иногда объясняют действием неизвестного доиндоевропейского субстрата (Kuiper 1995; Schrijver 2001), см. выше подобное же объяснение появления начального ударения, которое, вероятнее всего, связано с появлением долгих согласных. Схрейвер даже называет этот неизвестный субстрат «языком геминат», отмечая его возможное влияние и на появление геминат в кельтском и балто-славянском (Schrijver 2001: 420). Однако в части балтийских языков и во всех славянских языках геминат, как известно, не было, и нет до сих пор. А появление геминат в германском, италийском⁴⁹ и кельтском может иметь гораздо более естественное объяснение – контакты с языком с чередованием ступеней. Даже если, как считает Схрейвер и многие финно-угроведы (см., напр.: Хайду 1993: 11), чередование ступеней не было общеуральским явлением, хотя чередование ступеней в части самодийских языков подтверждает общеуральский характер этого явления, оно должно было иметь место уже в саамо-прибалтийско-финский период (1500–1000 гг. до н. э.), т. е. в бронзовый век, когда италийцы или, по крайней мере, часть из них могла быть соседями германцев.

Хотя датировка удлинения и ассимиляции согласных в индоевропейских языках неясна, теоретически можно представить себе распространение долгих согласных с севера на юг (саамо-прибалтийско-финский или язык первой волны финно-угров (см. ниже) > германский > италийский > кельтский). В качестве типологически сходного изменения можно рассматривать более позднее удлинение согласных в шведских и норвежских диалектах, где при

⁴⁹ В ранних эпиграфических латинских памятниках и в самых ранних рукописях геминация могла не обозначаться. Не обозначалась геминация и в германских надписях старшими рунами.

удлинении исконного краткого слога в двусложном слове большинство согласных (как в свейских диалектах Швеции и в восточнонорвежских диалектах) или даже все согласные (как в Трёнделаге в Норвегии) удлинлись, что могло быть связано с саамской интерференцией (Kusmenko 2008: 240–260).

Нефонологическое удлинение согласных в древнепрусском и латышском можно также объяснить финно-угорской интерференцией, однако, скорее всего, этот признак появился здесь позднее, чем в германском, вероятно, в то же время, что и генерализация начального ударения в части балтийских языков.

13) Противопоставление центральной и периферийной количественных вершин (германский, саамский, возможно уральский)

С. Д. Кацнельсон реконструирует трехморную слоговую акцентуацию в древних германских языках (Кацнельсон 1966). В отличие от более поздних двухморных акцентов, которые пришли на смену трехморным, в трехморной структуре большое значение играл не только гласный и поствокалический согласный, но и согласный, который следовал за поствокалическим согласным. Такая реконструкция предполагает существование четырех типов слоговых общегерманских акцентов на трехморном базисе, которые различались по двум признакам: по типу акцента, резкий vs плавный, и по месту количественной вершины, центральный vs периферийный. При центральном акценте выделенным оказывался поствокалический согласный – ´ – . При периферийном акценте выделялись моры слева и справа от этого согласного ´ ` . Причем разные акценты отличали не только разные слова, но и, прежде всего, разные грамматические формы. Так, например, в одной из форм слов с общегерманским корнем **drink-* ‘пить’ акцент был центральным, т. е. выделял согласный *n* (**dri´nk-*), а в другой форме акцент был периферийный, т. е. он падал на гласный и на последний согласный корня (**dr´in`k-*). Кацнельсон полагал, что при исчезновении акцентных различий в разных грамматических формах и генерализации единого акцента в слове в скандинавских языках генерализовались формы с периферийным акцентом, т. е. с акцентом на гласном и на смычном согласном (**dr´in`kan*), а в западногерманских языках генерализовались формы с центральным акцентом (**dri´nkan*), что соответственно привело к ассимиляции **drink-* > *drikk-* в скандинавском и в сохранении /n/ в западногерманском (Кацнельсон 1966: 298–299).

Если противопоставление двух типов акцентов, которые Кацнельсон называет плавным и резким соответствует двум реконструируемым индоевропейским акцентам (см., напр., Дыбо, Николаев, Старостин 1978, 16; Дыбо 1980, 148; Beekes 1995, 154), то противопоставление периферийной и центральной акцентуации не

находит соответствия в других индоевропейских языках, но оно полностью соответствует распределению количественных вершин в саамских языках. На это сходство впервые обратил внимание сам С. Д. Кацнельсон⁵⁰. Действительно в саамских языках наблюдается противопоставление количественных вершин на периферийных и центральных элементах базиса (Lagerkranz 1927; Sammallahti 1998), см., напр., кильдинские формы с долгим первым согласным *viip:t* 'волос', *laf:ka* 'лавка', *lon:ta* 'в птицу', *tom:te* 'чувствовать' и формы с долгим вторым согласным *viip:t*: 'волосы', *lafk:a* 'лавочка', *lont:a* 'птичка', *tomt:e* 'чувствую' (Керт 1971: 39–40, 96–97, 113–117). Причем такое противопоставление, как мы видим, в полном соответствии с протогерманской реконструкцией Кацнельсона, может быть характерно для разных грамматических форм одного и того же слова.

С распространением просодического типа с удлинением второго согласного можно связать и характерную для саамских языков ассимиляцию $nG > GG$ (где G обозначает глухой неприаспирированный смычный), ср, напр. севсаам. *loddi* 'птица' < $*lonDDi \sim lonnDi$. Подобная ассимиляция в энецком, в одном из самых архаичных уральских языках, ср., напр., протосамод. $*\text{ant}\acute{a}j$, 'лодка' > энецк. *oddu* (ср. сельк. *anti*); протосамод. $*j\acute{a}mp\acute{a}$, 'длинный', энецк. *jabbudaši* 'удлинять' (ненец. *jāmp*); протосамод. $*p\acute{a}ŋk\acute{a}$, энецк. *foggo*, *poggo* (ср. сельк. *pongo*) и в венгерском языке, см. напр. венг. *hab*, энецк. *kaba*, но хант. *xomp*, ненец. *hamba* 'волна', и венг. *lúd* 'гусь', ср. севсаам *loddi* (< $*lonDi$) (Mikola 2004: 65–66) может свидетельствовать о существовании противопоставления типа C1:C2 vs C1C:2 и в протоуральском.

Скептически относившийся к любым идеям субстрата С.Д. Кацнельсон подчеркивал, что указание на финно-угорские языки дается им не в порядке постановки проблемы субстрата, не для объяснения германских изменений «внешними влияниями и смешениями», а для типологического подтверждения внутренних закономерностей развития германских языков (Кацнельсон 1966). Однако в данном случае мы имеем дело не только с предполагаемым типологическим сходством языков, находившихся в контакте, но и с относительной типологической редкостью этого явления, проявлявшегося в частности в усилении второго согласного, следующего после ударного гласного (VC1C2:). Предположение о контактной природе этого явления кажется поэтому вполне вероятным. В пользу такого предположения может говорить и распространение

⁵⁰ «Саамская трехморная акцентуация напоминает во многом восстанавливаемую нами акцентуацию трехморного типа. Здесь, как и там, периферийные элементы фонематического базиса противопоставляются в акцентуационном отношении центральным» (Кацнельсон 1966: 305).

связанной с выделением периферийной части базиса ассимиляции $nk > kk$ с севера на юг (Kusmenko 2008: 197–212).

Представляется, что вряд ли следует интерпретировать разное распределение количественных вершин на фонемном базисе как слоговой акцент, соответствующий, например, контурным или регистровым тонам. Количественные различия (к которым относится и тип сочетания двух основных элементов слога гласного и следующего за ним согласных) это сегментные различия единиц больших, чем фонема, поэтому удобнее называть эти различия сегментными просодическими различиями (Кузьменко 1991: 8–9). В протогерманский период сохранялись, вероятно, два слоговых акцента, унаследованных от индоевропейского, которые могли противопоставляться на разных структурах сегментной просодики (с количественным выделением центральной или периферийной части фонемного базиса), которые могли быть связаны с протосаамским влиянием, а, возможно и с более ранним финно-угорским влиянием, ср. приведенные выше данные энецкого и венгерского, свидетельствующие о возможности существования количественного выделения второго согласного и в протоуральском.

Приведенный тип германо-саамских соответствий относится к тому же типу явлений, что и начальное ударение и появление долгих согласных и закон Вернера, которые в свою очередь связаны с ударением и чередованием ступеней в угро-финских языках⁵¹. Поэтому не исключено, что появление этих черт в протогерманском может относиться к одному и тому же периоду.

14) Изменение $*tt > ss$ (германский, италийский, кельтский)

Индоевропейским $t/d + t$ на стыке морфем соответствуют в германском, италийском и кельтском⁵² ss , ср. лат. *sessus* от *sedere*, др.-исл. *sess* ‘сиденье’, но *sitja* ‘сидеть’; лат. *invīsus* ‘невидимый’ ($*invīssos < *invītto < *inuīd-tos$), др.-исл. *viss*, др.-сакс. *wiss*, др.-вн. *giwis*, др.-англ. $(ge)wiss$ ‘определенный’ ($<$ герм. $*wissa <$ и.-е. $*uid-to$, образование с суффиксом $*-to$ к индоевропейскому корню $*uid-$ ‘знать, видеть’), др.-ирл. *fīss* ‘знание’. Возможно изменению $t+t > ss$ предшествовала фаза диссимиляции $t+t > st$, которая засвидетельствована в иранском, греческом, балтийском и славянском (ср. ст.-сл. *плесту < *plet-ti*)⁵³. Ряд примеров показывает возможность

⁵¹ С. Д. Кацнельсон объясняет и закон Вернера, исходя из предполагаемого им существования периферийных и центральных акцентов (Кацнельсон 1966: 299–300, 306).

⁵² Нет данных, которые говорили бы о судьбе исконных $t/d+t$ в кельтиберском и галльском (Hill 2003: 312).

⁵³ Традиционно считается, что ss развилось из ts , которое в свою очередь развилось из tst , которое могло быть источником и $ts > ss$ и st (Порциг 1964: 117).

изменения $t+t > st$ и в итальянском, германском и кельтском (ср. лат. *caestus* m. ‘ремень кулачного бойца’ и *caedo* ‘бить’ или гот. *witan* ‘знать’ *waist*), которые, однако, считаются нерегулярными и объясняются разного рода аналогиями или зависимостью от количества слогов в исходной форме (Hill 2003: 78, 216, 247–248, 312). Однако и в этом случае наблюдаются сходные явления в германском и итальянском, причем в этимологически родственных словах (*ibid.*: 248). Каким бы образом ни происходило это изменение, для нашего рассуждения важно, что эта инновация затрагивает германский, итальянский и кельтский, и что предшествующую фазу этой инновации можно наблюдать в балтийском и славянском, причем следы этой фазы сохранились в германском, итальянском и кельтском.

О том, что параллелизм изменения $t+t > ss$ в германском, итальянском и кельтском вряд ли является типологической параллелью, свидетельствует не только типологическая редкость этого изменения, но, прежде всего, то, что во всех трех языках оно было морфологически обусловленным и затронуло, прежде всего, морфологический стык между корнем и суффиксом, но не между приставкой и корнем.

15) Изменение $k^w > p$ ($> \text{герм. } f$) (частично германский, оско-умбрский, галльский, бриттский, возможно частично иллирийский)

В ряде слов индоевропейскому k^w в германском соответствует не регулярное германское h^w (ср. др.-англ. *hweowol* < и.-е. $*k^w ek^w l-$), а германское /f/ (см., напр.: гот. *fidwor*, др.-исл. *fjórir*, др.-англ. *fēower*, др.-вн. *fior* ‘четыре’, ср. лат. *quattor*, лит. *keturi* ‘четыре’; др.-исл. *ulfr*, гот. *wulfs*, др.-сакс., др.-англ. *wulf*, др.-вн. *wolf* < и.-е. $*ul^k^w-$; гот., др.-вн. *fimf*, др.-сакс., др.-англ. *fīf* < и.-е. $*penk^w-$), что предполагает изменение $k^w > p$ ($> f$) в германском ($*fedwōr$ < $*petuōr$ < $*kvetuōr$). Изменение $k^w > p$ характерно для оского и умбрского (ср. лат. *quattor*, оск. *pettiur* ‘четыре’), а также для галльского и бриттского, где p соответствует гэльскому и кельтиберскому kv (ср. ирл. *cethir*, брит. *pedwar*)⁵⁴. Встречается форма с p и в иллирийском (Schwarz 1956: 27). Возможно, следы этого изменения есть и в латыни, где формы с сохранившимся k^w , ср. лат. *aqua* ‘вода’ (но оское *aapat* вин. ед.), могут сочетаться с формами, где реконструируется губной смычный, ср. *amnis* (< $*abnis$) ‘течение, река’, которая обычно как свидетельство существования формы

⁵⁴ Подобное же изменение, как мне подсказал Н. Н. Казанский, происходило и в эолийском диалекте греческого.

**aba* (Laur 2004: 211), однако звонкость *b* в **abnis* могла быть обусловлена последующим *n*, (т. е. **ap-nis* > **abnis* > *amnis*)⁵⁵.

Изменение $k^w > p$ является италийско-кельто-германской инновацией, которая характерна не для всех италийских и кельтских языков, а только для окско-умбрских и галльско-бриттских языков, и которая непоследовательно представлена в германских языках, в части греческих диалектов и возможно в иллирийском.

16) Первый перебой согласных (в таком виде только в германском)

Традиционное представление о Первом германском перебое как об изменении $b^h > b, d^h > d, g^h > g; b > p, d > t, g > k; p > f, t > þ, k > χ$ (*h*) было пересмотрено во второй половине XX века в связи с новой, типологически обоснованной реинтерпретацией индоевропейского консонантизма. Вслед за Педерсеном, Одрикуром и Мартине, поставивших под сомнение типологическую вероятность существования системы типа $d^h - d - t$ и предложивших новые интерпретации прото-индоевропейских смычных, появились многочисленные новые гипотезы. В неопубликованной работе 1984 года «Типология и индоевропейская реконструкция» я насчитал более двадцати реинтерпретаций протоиндоевропейского консонантизма и думаю, что количество реинтерпретаций с тех пор не стало меньше. Наиболее известна реинтерпретация Гамкрелидзе, Иванова и Хоппера, согласно которой традиционно реконструированные протоиндоевропейские *b d g* были глоттализованными $p' t' k'$. Соответственно, каждая новая реинтерпретация протоиндоевропейских шумных смычных меняла представление о характере Первого германского перебора согласных. Однако, хотя типологические аргументы сторонников реинтерпретации остаются не опровергнутыми, в последнее время мы видим возврат к традиционному представлению о системе и.-е. шумных смычных (ср., напр.: Lehmann 2005–2007)⁵⁶. Для наших целей различия между старой и новой интерпретацией не столь важны, поскольку и по старой и по новой интерпретации германский консонантизм, с одной стороны, остается архаичным индоевропейским консонантизмом, сохраняю-

⁵⁵ Существует предположение об индоевропейском различии оского *aapat* и латинского *aqua* с латинским *amnis*, в первом случае реконструируют и.-е. корень * $h^2\bar{e}p-$, а во втором и.-е. корень * h^2ebh- (de Vaan 2008: 19, 39).

⁵⁶ В 1984 году я был полностью на стороне реинтерпретаторов и даже предложил собственную, к тому времени двадцать седьмую, реинтерпретацию протоиндоевропейских смычных, реконструируя традиционные *b d g* как преглоттализованные звонкие. Не вдаваясь в дискуссию о том, какая из точек зрения более вероятна, я буду в дальнейшем пользоваться традиционной системой обозначения.

щим три ряда шумных⁵⁷ (эта же черта сохраняется в армянском и частично в итальянском и греческом), а с другой стороны, и старая и новая интерпретация предполагают изменения германских глухих шумных смычных в щелевые, частично сходные только с изменениями шумных смычных в армянском языке.

16a) $b^h d^h g^h > \beta \delta \gamma$ (германский, итальянский)

Спирантизацию звонких придыхательных считают явлением, не связанным с Первым перебоем⁵⁸, а относят к явлениям общим для северо-западных индоевропейских языков, прежде всего – для германского, итальянского (Пизани 1966: 9; Goblirsch 2005: 69) и венецкого, где результаты этого изменения имеют несколько иной вид. Порциг отмечает даже возможность «какой-то исторической связи» между германским и итальянским передвижением звонких придыхательных (Порциг 1964: 110).

Такое изменение происходило только в начале слова в латинском, но было характерно и для начала и для середины слова в оско-умбрском, ср. оск. *mefiai*, лат. *mediae* (ср., др.-исл. *miðr*); оск. *tifei*, умбр. *tefe*, лат. *tibi* (Solta 1974: 19–20; de Vaan 2008: 7) и в венецком (Feist 1932: 249), т. е. именно в оско-умбрском и венецком мы наблюдаем наиболее полное соответствие с германской системой, в которой звонкие щелевые из звонких придыхательных реконструируются и для начала и для середины слова. Однако, если справедливо предположение о первичном изменении звонких придыхательных в звонкие щелевые в середине слова и в латыни (de Vaan 2008: 7), где звонкие придыхательные в середине слова представлены как смычные, то изменение звонких придыхательных в середине слова может рассматриваться как общеиталийское⁵⁹. Изменение звонких придыхательных в германском относят ко времени не позднее 1000 г. до н. э. (Прокош 1954: 44), что вполне согласуется с предполагаемой выше датировкой.

16b) $b d g > p t k$ (германский, армянский),

16c) $p^{(h)} t^{(h)} k^{(h)} > f \beta h$ (германский, частично армянский)

Изменение звонких смычных (или глоттализированных) в глухие смычные имеет полное соответствие в армянском ($b d g > p t k$).

⁵⁷ Можно даже сказать, что согласно глоттальной гипотезе он оказывается даже еще более архаичным, поскольку сохраняет глухость глоттализированных ($p' t' k' > p t k$).

⁵⁸ Прокош, в частности, относит это изменение к «догерманской эпохе» (Прокош 1954: 44).

⁵⁹ Традиционно считалось, что спирантизация исконных звонких придыхательных в итальянском следовала за их оглушением, подобно тому как это позднее происходило в греческом, где изменение $bh > ph$ датируют домикенским периодом, а изменение $ph > f$ начало распространяться только в IV веке до н. э.

Этому же изменению может соответствовать саамско-финская трактовка германских звонких смычных как глухих ($b=p, g=k, d=t$), что рассматривается иногда как причина части сдвига согласных в протогерманском (см., ниже). Появление глухих щелевых из глухих (аспирированных) смычных, черта, наиболее резко отличающая германские языки от соседних индоевропейских языков, может реконструироваться для ряда позиций в армянском в виде изменения $p > f > h, 0$ или $t > b > h > 0$ (ср. арм. *hayr* 'отец', гот. *fadar*, лат. *pater*; арм. *het*, др.-исл. *fet* 'след ноги', лат. *pes, pedis* 'нога') (Гамкрелидзе Иванов 1984: 43–44). Фогт отмечает, что в армянском «простой глухой элиминируется как смычный и превращается в спирант, свистящий или нуль» (Фогт 1961: 41), т. е. на одном из этапов изменения глухих смычных в армянском реконструируется полное соответствие германской спирантизации глухих смычных.

Как мы видели выше, наиболее полную параллель Первому германскому перебою находят только в армянском, однако, некоторые сходные черты германского перебора отмечали в кельтских языках. В кельтском в результате так называемых кельтских мутаций глухие смычные также могли становиться глухими щелевыми. Идея Хирта о связи Первого перебора с кельтскими мутациями из-за несоответствия традиционных датировок, говорящих о первичности Первого перебора, не была поддержана. Однако, если исчезновение начального p - в кельтском связано с леницией (о возможности такой интерпретации см. Калыгин, Королев 1989: 10, ср. также сходное изменение p - в армянском), кельтские изменения могут оказаться гораздо древнее, чем это принято считать. Можно согласиться со словами Зеебольда, что связь Первого перебора с кельтскими мутациями еще недостаточно исследована и что между кельтскими мутациями и Первым перебором согласных в германском могут быть установлены «более тесные связи, чем многие думали до сих пор» (Seebold 1986: 177–178).

Существует немало и других субстратных гипотез появления германского перебора. В качестве субстрата, кроме кельтского, предлагался италийский, иллирийский, лигурский, этрусский а также исчезнувший язык автохтонного населения северной Европы (Прокош 1954: 46; СГГЯ II, 1962: 32–39; Schrodtt 1974: 160–186). Несмотря на то, что предположение о субстратной природе Первого перебора не стало популярным, и многие из субстратных гипотез, как правило, даже не упоминаются в современных работах, число их постоянно увеличивается. Недавно Вииком была предложена новая гипотеза, связывающая Первый перебой с уральским субстратом. Основанием для этой гипотезы послужил факт субституции скандинавских $b d g$ глухими $p t k$ в скандинавских заимствованиях в финский и саамский, что было использовано как доказательство субстратного характера передвижения $b d g > p t k$ в германском.

Виик добавил к этому предположение о том, что индоевропейские $p t k$, которые, по его мнению, были придыхательными⁶⁰ и реализовались как аффрицированные $p^f t^p k^k$, были заменены уральцами при смене языка щелевыми, поскольку в уральском не было аффрикат такого типа (Wiik 1997: 1999, 2002). Однако второе предположение, в отличие от первого, не находит типологического подтверждения в современных финско-скандинавских контактах. Кроме того, если использовать типологическую параллель субституции шведских звонких смычных финскими, то следовало бы иметь в виду, что и глухие (аспирированные) шведские смычные в старых заимствованиях заменялись финскими глухими неаспирированными, т. е. по предполагаемому Вииком сценарию $p t k$ и $b d g$ должны были совпасть в начале слова в речи уральцев, как совпали скандинавские анлаутные звонкие и глухие (придыхательные) в старых скандинавских заимствованиях в саамском и финском. Следует отметить кардинальное различие германской и уральской фонотактики. В германских языках основное различие согласных связано с позицией перед ударной гласной, т. е. в начале слова, а в уральских языках основная арена противопоставления согласных это позиция после ударного гласного, т. е. в середине слова (ср. чередование ступеней). В начале слова здесь не могло быть противопоставления *tenuis* и *mediae*. Все это делает гипотезу Виика маловероятной⁶¹. В целом ни одна из субстратных гипотез Первого германского перебоя не стала общепризнанной.

Следует отметить, что традиционно при анализе германского перебоя смешивают два типа изменений, которые отличаются и типом образования согласных и моделью изменения. При изменении тех корреляций, которые Трубецкой называл модалными корреляциями второй степени (Трубецкой 2000: 164–166), и к которым относятся корреляции звонкости-глухости, силы-слабости, аспирированности-неаспирированности (или глоттализированности) и т. п., происходит одновременное изменение и всех членов корреляции одного ряда (т. е. p меняется одновременно с t и k) и обоих рядов корреляции (т. е. $p t k$ меняются одновременно с $b d g$). Причем такое изменение может происходить и мгновенно, при смене языка, и постепенно в результате внутреннего развития, см., напр.: передвижения согласных в скандинавских языках (Стеблин-Каменский 1982). В этой связи следует признать одновременным изменение $p t k > p^h t^h k^h$ и $b d g > p t k$ в германском. Изменения

⁶⁰ Таково было традиционное предположение о догерманских $p t k$, см. младограмматическую реконструкцию, предполагающую степень глухих придыхательных в Первом перебое, и такой же является интерпретация индоевропейских $p t k$ в реинтерпретационной модели Гамкрелидзе и Иванова (1984).

⁶¹ Критику гипотезы Виика см. также Kallio 2004: 41–43.

модальной корреляции первой степени (см. Трубецкой 2000: 159–164), такие, например, как противопоставление смычных щелевым, как правило, неодновременны и могут затрагивать только один корреляционный ряд и только одного из членов ряда. Существует, вероятно, общefonетическая закономерность, предопределяющая последовательность аффрикации и спирантизации согласных при изменении типа сдвига согласных. Сначала сдвиг происходит в дентальном ряду, затем в губном и, наконец, в велярном. Именно такую последовательность показывает Второе верхненемецкое передвижение согласных. В верхненемецком ареале более всего распространился продукт изменения t^h ($> ts$), меньше p^h ($> pf$) и меньше всего k^h ($> kx$). Аффрикация в совершающемся на наших глазах датском передвижении затронула пока только дентальный ($t^h > t^f$). Заимствованные слова показывают, что и в протогерманском последним этапом Первого перебоя было изменение $k^h > \chi$.

Существуют разные предположения о последовательности изменения германских рядов смычных. Не вдаваясь в дискуссию об очередности сдвига, я принимаю традиционное положение о первичности изменения звонких придыхательных (см., напр.: Прокош 1954: 42; Goblirsch 2005: 69). Затем происходит появление придыхания у глухих смычных и одновременно с ним изменение $b d g > p t k$ (которые стали глухими слабыми). Согласно глоттальной гипотезе аллофоническое придыхание у $p^h t^h k^h$ было всегда, поскольку в оппозиции к глоттализированным стоят обычно придыхательные. Соответственно последним этапом Первого перебоя было появление глухих щелевых из придыхательных ($p^h t^h k^h > f p \chi$), причем последним этапом передвижения была спирантизация k^h .

Первый перебой рассматривается часто как главный признак германских языков⁶². Часто именно он считается первым изменением, которое стало отличать первую стадию германского от протоиндоевропейского (см., напр.: Antonsen 1994: 51). Однако датировка Первого перебоя продолжает оставаться проблематичной. Она колеблется между третьим тысячелетием до н. э. (Bremer 1900: 761) до рубежа н. э. (ср., напр.: Pisani 1949: 137). Наиболее популярно отнесение Первого перебоя к середине I тыс. до н. э. (см., напр.: Жирмунский 1964: 39; Schrodtt 1974: 72; van Coetsem 1994: 140). Основанием для такой датировки служат германские заимствования в другие языки и заимствования из других языков в германский. В качестве одного из слов, которое может помочь датировать Первый перебой приводится обычно германское слово для конопли (др.-англ. *hæner*; др.-исл. *hampr* $< *hanap-$). В греческом конопля

⁶² Ср., напр.: Feist 1924: 16; Wenskus 1961: 152–154; Flomm 1986. Порциг писал даже, что до Первого передвижения согласных нельзя говорить о германском, но следует говорить о западноиндоевропейском (Порциг 1964).

впервые упоминается Геродотом (κάνναβις) как растение, известное скифам и фракийцам. Считается, что в греческий это слово проникло с северо-востока. Возможно, оно было заимствовано и германцами с востока, однако, из какого именно языка не вполне ясно. Наиболее вероятным кажется предположение Трубачева об иранском (скифском) источнике этого слова. Трубачев основывается на гипотезе Абаева, реконструировавшего скифскую форму *kana (ср. осет. *gæn/gænæ* ‘конопля’, др.-инд. *kána-* ‘зернышко’ – Абаев 1958: 512–513), которая должна была сочетаться с формой – *pis* ‘самец’, т. е. *kanapis ‘мужские растения конопли’ (Трубачев 1983: 192). Возможно на этот же источник указывают и обозначение конопли в финно-угорских языках (см. мари. *kuñe*, коми, удмурт. *piš, puš* < *kana-pis – *ibid.*: 190), имевших множество древних заимствований из индоиранских языков (Katz 2003). Возможно, что из иранского было заимствовано и славянское *konopja. Литовское *kanapis*, древнепрuss. *kanapios* (мн.) считаются Трубачевым относительно поздними заимствованиями из славянского (Трубачев 1983: 189). Вокализм (балтийское *kanap-, славянское *konop-) свидетельствует, однако, против этого. Балтийская форма с /a/ может свидетельствовать, что германское слово могло быть заимствовано не непосредственно из иранского, а через балтийский в эпоху последней фазы Первого перебоя, а именно до изменения /k^h/ > /χ/, но после изменения /p^h/ > /f/. Если предположить, что германцы узнали коноплю или вернее это слово для обозначения конопли примерно в то же время или ненамного раньше греков, то передвижение согласных /k^h/ > /χ/ можно датировать серединой первого тысячелетия до н. э., а изменение /p^h/ > /f/ отнести к более раннему времени. Об этом же времени изменения /k^h/ > /χ/ свидетельствует и германское название кельтов *valχos, которое также было заимствовано до перебоя /k^h/ > /χ/, см. этноним *Volcae* у Цезаря (см. выше)⁶³. Что касается германских заимствований в латинский, где sporadически появляются формы с /k/ на месте германского /χ/ < /k^h/, см. лат. *Cimbri*, но дат. *Himmbersyssel*, *Himmerland*, то эти данные не столь показательны, поскольку могут свидетельствовать не о Первом перебое, а о субституции отсутствующего в латинском германского /χ/ латинским /k/.

Если примеры первого перебоя (в первую очередь изменение /k^h/ > /χ/ относятся к середине первого тысячелетия до н. э., то и

⁶³ Иногда предполагают, что германские слова типа др.-исл. др.-исл. *lækna*, др.-а. *læcnian*, гот. *lēkinon*, др.-вн. *lāchinōn* ‘лечить’ или др.-исл. *tún*, др.-а. *tūn*, др.-вн. *zūn* ‘огороженное место’ являются кельтскими заимствованиями, проникшими в германский до Первого перебоя, ср. др.-ирл. *liaig* ‘врач’, *dūn* ‘крепость’ (Ringe 2006), однако не менее вероятно их германское (<индоевропейское) происхождение (см. Vries de 1962: 371–372, 600).

изменения других глухих смычных и начало перебоя (изменение звонких придыхательных) должно было начаться гораздо раньше. Поэтому датировка изменения звонких придыхательных 1000 годом (Прокош 1954: 44) может считаться *terminus ante quem*.

16d) *pt, kt > ft, χt* (германский, оско-умбрский)

Возможно, что со спирантизацией глухих смычных в германском, вернее с первой фазой такой спирантизации, с появлением глухих щелевых в сочетаниях со смычными, ср. гот. *raihts* 'правильный, прямой', др.-англ. *reht, riht*; др.-вн. *reht < *rehtaz* и лат. *rectus*, греч. ὀρεκτός 'устремленный вперед', связано и изменение *kt > χt, pt > ft* в оском и умбрском (ср. оск., умбр. *úhtavis*, лат. *Octavius*, умбр. *rehte*, лат. *recte*, оск. *scriftas*, лат. *scriptae*), что может свидетельствовать о том, что протооско-умбрский еще был соседом протогерманского не только в период изменения звонких придыхательных, но и в период первоначального этапа изменения глухих смычных. Не менее вероятно и отсутствие связи этого изменения с передвижением согласных, однако и при такой интерпретации сходство германской и оско-умбрской инновации очевидно.

16e) Закон Вернера

Германской инновацией, не имеющей непосредственных параллелей в других индоевропейских языках, является чередование согласных по так называемому закону Вернера (озвончение исконных $p^h t^h k^h$ и s , если ударение не падало на предшествующую гласную). В результате этого изменения рефлексы исконных $p^h t^h k^h$ в позиции не перед ударным гласным совпали с рефлексами соответствующих звонких, а у $/s/$ появился звонкий аллофон, который фонологизовался позднее при сдвиге ударения на корневую морфему.

Существуют разные датировки закона Вернера. Традиционно считается, что закон Вернера действовал только после появления глухих щелевых ($p^h t^h k^h > f p χ$) и, соответственно, его относят к одним из самых поздних протогерманских изменений⁶⁴. Однако в последнее время закон Вернера стали датировать временем до Первого перебоя (van Coetsem 1970: 59–74; Ramat 1981: 37–40; Vennemann 1984: 20–22; Koivulehto, Vennemann 1996: 172), т. е. предполагали, что изменение $p^h t^h g^h > b^h d^h g^h$ по закону Вернера произошло до передвижения $p^h t^h k^h > f p χ$.

Чередование по закону Вернера затрагивало в основном конечные согласные корня и многие видели связь этих чередований с чередованием ступеней в финно-угорских языках, которое также было характерно для этой же позиции. По закону Вернера качество

⁶⁴ Прокош, например, относит изменение по закону Вернера к первому или второму веку н. э. (Прокош 1954: 55).

согласного определяется местом ударения, а по прибалтийско-финско-саамскому закону чередования ступеней – закрытостью или открытостью заударного слога (усиление согласного при открытом конечном слоге и ослабление при закрытом слоге, ср. протосаам. им. пад. ед. **kota*, род. пад. **kotan* > им. **koattē* – род. **koaDēn*, совр. севсаам. *goahti* ‘чум’ – *goađi*). Пости предположил, что чередование ступеней в саамском и прибалтийско-финском следует объяснять германским суперстратом, в котором в середине слова чередовались по закону Вернера звонкие и глухие (Posti 1953)⁶⁵. Согласно Пости различие в ударении между словами типа **kota* и **kotan* в финском состояло в большей ударности второго слога в словах с закрытым слогом, и эта особенность объясняет чередования в финском в соответствии с германскими чередованиями по закону Вернера, когда перед ударным гласным второго слога появлялся звонкий согласный вместо глухого. «Финны» переняли от германцев, говорящих «по-фински», произношение звонких в этой позиции. Следует заметить, что предположение о большей ударности второго слога в словах с закрытым слогом в протофинском традиционно, и не связано с гипотезой о германском суперстрате.

Идея Пости с некоторыми дополнениями поддерживается и сейчас (см., напр.: Koivulehto, Vennemann 1996; Kallio 2004). Однако наличие чередования ступеней в части самодийских языков (Купер 1987) говорит против предположения о германском суперстрате в прибалтийско-финском и саамском. Не совпадают и традиционные датировки закона Вернера с традиционными датировками чередования ступеней, которые оказываются старше закона Вернера. Поэтому, если и есть связь закона Вернера с уральским чередованием ступеней, она может быть только обратной, т. е. следует предположить не германское влияние на угро-финский, а, наоборот, саамо-прибалтийско-финское или еще более раннее финно-угорское влияние на чередование по закону Вернера (напомним и о роли середины слова в уральских языках). Т. е. модель Пости следует перевернуть, предположив не саамо-прибалтийско-финское чередование ступеней под влиянием германского суперстрата (закон Вернера), а, наоборот, закон Вернера считать следствием финно-угорского субстрата (чередование ступеней).

При датировке закона Вернера следует различать две его фазы: фазу аллофонического распределения звонких и глухих в зависимости от места ударения (см., напр. [s] ~ [z]) и фазу фонологизации после сдвига ударения, когда бывшие аллофоны оказались в одинаковых просодических позициях (/s/ – /z/). Первая фаза закона

⁶⁵ Сходство закона Вернера с чередованием ступеней проявляется не только в сходстве чередования смычных *p t k ~ b d g*, но и в чередовании *s ~ z* и в чередовании ступеней с ассимиляцией ср. фин. *lintu* им. – *linnun* родит. ‘птица’, *ilta* им. – *illan* родит. ‘вечер’ (Koivulehto, Vennemann 1996: 164–5).

Вернера могла произойти задолго до сдвига ударения, а вторая произошла одновременно с ним.

Если закон Вернера действительно имел место до Первого перебоя, то время его появления второе тысячелетие до н. э.⁶⁶

Первый перебой, в первую очередь изменение $p t k > f b \chi$ и закон Вернера остаются важными германскими инновациями. Армянское передвижение согласных рассматривается как типологически сходное изменение, поскольку нет других армяно-германских эксклюзивных инноваций ни в грамматической системе, ни в фонологической системе, ни в лексике.

17) Обобщение окончания аккузатива как показателя инфинитива (германский, оско-умбрский, частично греческий)

В протоиндоевропейской единой форме инфинитива, вероятно, не было. Однако в самых ранних памятниках индоевропейских языков инфинитив уже существует как грамматическая категория, называющая абстрактное действие (Казанский 2001: 150). Инфинитив появился в результате переосмысления разных падежных форм существительного, и восходящее к этой эпохе разнообразие показателей инфинитива сохранилось в ряде древних индоевропейских языков, в частности, в древнеиндийском и в хеттском. В дальнейшем в большинстве индоевропейских языков в качестве показателя инфинитива генерализовалось исконное окончание только одного падежа (ср. формы дательного падежа основ на *-i* в балтийском и славянском или местного падежа существительных с основой на *-s* в латинском (*-re < -ri < *-si*). В германском инфинитив выступает с огласовкой презенса и с суффиксом *-n*, который интерпретируется как исконный показатель аккузатива существительных с основой на **o > a* (**-om > -an*). Параллельное германскому развитие мы находим в оско-умбрском. Умбрский суффикс инфинитива *-om* и оский суффикс инфинитива *-um* считаются застывшими формами винительного падежа основ на *-o* (Тронский 2001: 261)⁶⁷. Показатели инфинитива, восходящие к формам аккузатива обнаруживают и в санскрите (ср. суффиксы *-am*, *-tam* в ведическом санскрите – Барроу 1976: 339–340; Елизаренкова 1982: 363). Барроу сравнивает форму аккузатива *pratriam* ‘продлить’ с оско-умбрской формой на *-om/-um* (Барроу 1976: 340). Трудно сказать, имеет ли отношение к исконному окончанию аккузатива вычленимый Казанским в хеттском и греческом исконный инфинитивный суффикс *-en(-n)* (Казанский 2001: 153). Однако, даже если это так, то в

⁶⁶ Койвулехто и Феннеманн полагают, что германское передвижение согласных произошло до 750 г. до н. э., а закон Вернера действовал еще раньше (Koivulehto, Vennemann 1996: 176).

⁶⁷ Возможно следы инфинитива на *-um* сохранились и в латинском языке (Тронский 2001: 311).

древнеиндийском ведическом⁶⁸ в хеттском и в греческом этот суффикс является только одним из возможных показателей инфинитива, тогда как в оско-умбрском и германском окончание аккумулятива было обобщено как единственный показатель инфинитива. Кроме того, если в других индоевропейских языках суффикс инфинитива может восходить к форме аккумулятива существительных с разными основами (древнеиндийские суффиксы *-am*, *-tam* связываются с корневыми основами – Елизаренкова 1982: 363), то и германский и оско-умбрский суффикс инфинитива восходит к окончанию аккумулятива у существительных с одинаковым типом основообразующего суффикса (и.е. основой на *-o*).

Справедливо, что германский инфинитив как грамматическая категория «не представляет собой какой-нибудь инновации, он однотипен положению этой категории в большинстве древних индоевропейских языков» (СТТЯ 1966 IV 272). Однако генерализация форм аккумулятива существительных с основой основ на **o* как показателя инфинитива оказывается исключительной оско-умбрско-германской инновацией.

18) Появление претерита (только в германском в таком виде)

Если объединение старых форм перфекта и аориста не исключительно германская инновация, то форма этого объединения, включающая формальное противопоставление в германском претерите трех резко отличающихся друг от друга типов образования (двух основных, сильные и слабые глаголы, и редуцирующих глаголов), является несомненной германской инновацией, однако, мы можем найти параллели каждому из этих типов в других индоевропейских языках. Причем мы обнаруживаем в них не только структурные, но и материальные соответствия. К структурным соответствиям кроме совпадения форм аориста и перфекта в единой форме прошедшего времени, характерного для кельтских, италийских, иллирийских и балтийских языков (см. выше), относится и существование двух основных типов образования прошедшего времени, ср. противопоставление двух типов глагольного спряжения (старого и нового) в албанском (Десницкая 1965: 38–39) и балтийском. Также как в албанском и в германском мы сталкиваемся в балтийском с существованием двух способов образования прошедшего времени, один из которых связан с чередованиями по аблауту, а другой – нет (ср. лит. *dirba* ‘работает/ют’ – *dirbo* ‘работал/и’, но *karia* ‘вешает/ют’ – *korè* ‘вешал/и’).

⁶⁸ В классическом санскрите генерализовался единый суффикс инфинитива *-tum*, который был очень редок в ведах (Барроу 1976: 339).

18а) Генерализация аблаутных чередований у сильных глаголов (германский и частично италийский и балтийский)

Специфически германской чертой было превращение индоевропейского чередования по аблауту в стройную систему формообразования. Сильные глаголы в германском образуют формы времени либо путем только качественного ($e - a - 0$), либо только количественного ($a - \bar{o} < \bar{a}$), либо смешанного ($e - a - \bar{e}$) аблаута. Хотя аблаутные чередования в глагольной системе можно обнаружить в других индоевропейских языках, наиболее точным соответствием германским сильным глаголам, являются временные формы неправильных глаголов в балтийских и в италийских языках ср. (ср. гот. *greipan* ‘хватать’ – *gripum* (прет. 1. мн.), лит. *lieka* ‘остаётся/ются’ – *liko* (прет.), гот. *bidjan* ‘просить’ – *bēdum*, лит. *slepia* ‘скрывает/ют’ – *slèpè*, гот. *faran* ‘ехать’ *forom*, лит. *karia* ‘вешает/ют’ – *korè*), гот. *wairpan* – *warp* – *waurpum* ‘бросать’, лит. *kerpa* – *kirpo* *kirpti* ‘резать’; ср. также лат. *fundō* ‘лить’ – *fūdī*, др.-исл. *gjúta* – *gaut*; лат. *linquō* ‘оставлять’ – *līqī*, др.-вн. *līhan* ‘давать взаймы’ – *lēh*; лат. *scabō* ‘скрести’ – *scābi*, др. исл. *skafa* – *skóf* и т. п. Причем германо-итало-балтийское сходство проявляется, прежде всего, в количественном аблауте, т. е. в тождественности употребления ступени удлинения и нулевой ступени ср. № 7b.

В последнее время появилось предположение о связи генерализации аблаутных чередований при образовании глагольных форм с возможным семитским (пуническим) суперстратом, на котором настаивает Феннеманн (Vennemann 2000: 2004; Mailhammer 2007: 196–199). Основанием для предположения о контактной природе германского глагольного аблаута является отсутствие у многих сильных глаголов надежной индоевропейской этимологии и упрощение в германском позднеиндоевропейской видо-временной системы (Mailhammer 2007: 195–196). Еще раньше о контактной природе систематизации германского глагольного аблаута писал Стедье (Stedje 1986: 109–110), не определяя, ни в чем выражается эта контактная природа, ни контакт с каким языком вызвал такую систематизацию. Однако, как мы видели выше, упрощение позднеиндоевропейской видо-временной системы характерно не только для германского. Кроме того, аблаут явление, несомненно, индоевропейское, и, если и существует его связь с семитским аблаутом, то эта связь была характерна для гораздо более отдаленного (ностратического) периода. Наконец, пока не удалось доказать семитской этимологии у германских сильных глаголов. Сходное изменение в балтийских и италийских языках также не свидетельствует в пользу семитской гипотезы.

18b) Появление дентального прошедшего у слабых глаголов (германский, оско-умбрский, кельтский, частично славянский)

Второй важной германской инновацией является дентальный претерит, который присутствует во всех списках специфических германских инноваций. Вопрос об источнике дентального претерита всегда был (СГГЯ IV 1966: 396–402) и продолжает оставаться дискуссионным. Существует несколько гипотез относительно источника германского дентального претерита. По одной из них дентальный претерит появился в результате присоединения к глагольной основе стоящей в постпозиции формы претерита глагола ‘делать’ **dōn* (см., напр.: Krahe 1965: 124–125), по другой, источником дентального претерита была форма причастия на **-to* (см., напр.: Pohl 1989). Существует и гипотезы, объединяющие первые два предположения (Watkins 1962; Vech 1963). Кроме того, источником дентального претерита считают распространение на все числа и лица форму личного окончания, либо 2 го лица ед. числа перфекта сильных глаголов (Must 1951: 126), либо показателя 3 лица ед. числа причастия на **-to* (Watkins 1962: 45). Леманн считал, что источником германского дентального претерита был индоевропейский детерминативный суффикс **-dh*, который придавал значение «состояния, приобретенного в результате действия», что, в сущности, соответствует значению причастия. Такое значение было сходно со значением индоевропейского аориста и перфекта, двух других источников германского претерита (Lehmann 1943: 21–22). Позднее Леманн несколько видоизменил свою гипотезу. В связи с развитием представления об индоевропейских языках, как о языках активного строя, в которых противопоставлялись глаголы действия и глаголы состояния, он стал возводить германский дентальный суффикс к развившемуся из детерминатива суффиксу стативных глаголов **-dh* (Lehmann 2005–2007: 3.7.2).

Суффикс, соответствующий суффиксу германского дентального претерита, мы находим в оско-умбрских и в кельтских языках. В оском, вольском, марруцинианском и пэлигнианском самая частотная форма перфекта образуется с суффиксом *-tt-*, *-t-* (Untermann 2002: 490), хотя традиционно выделяют и другие суффиксы, в частности *-f*. Перфекта на *-tt-* нет в умбрском, но и здесь один из суффиксов перфекта *-f*. Традиционно считается, что оско-умбрское *-f* также как и латинское *-bā-* восходят к корню со значением ‘быть’ (**bheuə-*) (Тронский 2001: 258; Markey 1985: 266). Однако, поскольку индоевропейское **dh* регулярно отражается в оско-умбрском как *f* (Untermann 2002: 489), предполагают возможность появления перфекта на *-f* из **-dh* (Ходорковская 1979). Предполагали и двойкий источник перфекта на *-f*, одним из которых было **-dh*, а другим **-bhu* (Olzscha 1963: 299). Курзова считает, что и суффикс латинского имперфекта развился из исконного суффикса **-dh*

(**-bam* < **dhām*), который имел исконно инактивное и терминативное значение и который был источником суффикса претерита и в германском (Kurzová 1993: 188).

Ходорковская реконструирует исходные оско-умбрские дентальные суффиксы **-t-*, **-dh-* и позднейшее изменение **-dh* > *f* в оско-умбрском и **-dh-* > *b* в латинском (Ходорковская 1979: 116). Источники появления италийских дентальных суффиксов неясны, однако предполагают возможную связь перфекта на *-tt-* с формами причастий на *-to* (Markey 1985: 266). Существует несомненный материальный, структурный и семантический параллелизм между германским слабым претеритом и дентальным перфектом на *-tt-* и реконструированным дентальным перфектом на **dh* в италийских языках (Ходорковская 1979: 109, 116).

Хотя вопрос о природе сходства германского дентального претерита с кельтским претеритом на *-t* (ср. формы типа *-biurt*) остается открытым, предположение о едином источнике этой изоглоссы вполне вероятно. Вагнер считал, что обе эти формы, также как и форма славянского корневого аориста восходят к индоевропейскому суффиксу отглагольных прилагательных и причастий **-to* (Wagner 1960). Традиционно считалось, что кельтский претерит на *-t* имеет своим источником индоевропейскую форму 3 лица ед. числа сигматического аориста или презенса (литературу см. Watkins 1962: 25–27; Schmidt 1978: 14–15), поэтому идея Вагнера вызвала ряд возражений (Schmidt 1978: 19). Шмидт соглашается с Вагнером относительно возможности формирования кельтского и германского претерита с исконным и.-е. суффиксом отглагольных прилагательных **-to*, однако он считает, что эта форма участвовала в формировании суффикса кельтского и германского претерита одновременно с омофоничным перфектным и.-е. суффиксом **-to* (Schmidt 1978: 22). Воткинс считал, что германский слабый претерит появился в результате употребления и.-е. причастного суффикса 3 лица ед. числа с непереходными глаголами, где этот суффикс не имел пассивного значения. Активное значение этой формы было поддержано суффиксацией глагола **dhe-* ‘делать’ (Watkins 1962: 45–46). Сравнивая германский слабый претерит с кельтским претеритом на **t* и старославянским аористом на **-t*⁶⁹, он отмечал их общий источник (причастие на **-to*) и сходный путь развития (употребление с непереходными глаголами в непассивном значении), но считал такое сходство не свидетельством былой языковой общности, как думал Вагнер, а результатом параллельного развития (ibid.: 39–40). Действительно нельзя исключить парал-

⁶⁹ Форма старославянского аориста на *-тъ* в третьем и втором лице единственного числа встречается иногда наряду с регулярной формой без *-тъ* (ср. напр. стел. *моли* / *молитъ*). Эта форма традиционно объясняется влиянием формы третьего лица настоящего времени (ср. *молишь*).

лельного развития во всех четырех группах языков (германский, италийский, кельтский, славянский), возможно, что к этим языкам следует добавить и греческий, где суффикс аориста *-thē* сопоставляется Курзовой с дентальным суффиксом в германских и италийских языках (Kurzová 1993: 188). Однако нельзя исключать и контактную или генетическую общность особенно в отношении германского, италийского и кельтского.

Датировка дентального претерита неясна. Базылев датирует появление дентального суффикса временем не позднее II тыс. до н. э. до периода распада италийско-германско-балто-славянско-палеобалканской (включая протоармянский) общности (Базылев 1990: 45–46), однако не объясняет, ни на чем базируется его представление об этой общности, ни чем обосновывается датировка дентального суффикса. Ван Кутсем относит появление дентального претерита к раннему протогерманскому, т. е. к началу I тыс. до н. э., к тому времени, когда, по его мнению, начали формироваться эксклюзивные германские изоглоссы (van Coetsem 1994: 140). Однако очевидные общие оско-умбрско-кельто-германские инновации при использовании дентального суффикса при образовании прошедшего времени могут свидетельствовать о более раннем появлении дентального претерита в германском, т. е. самое позднее его образование следует отнести ко времени не позже начала I тыс. до н. э. Вероятно еще раньше генерализовались чередования по аблауту при образовании форм прошедшего времени, которые имеют параллели в италийском и балтийском.

Если рассматривать германские алломорфные способы образования формы претерита в ареальном аспекте, то оказывается, что формы сильного претерита имеют соответствия в балтийском и италийском, а формы слабого претерита в оско-умбрском и кельтском, что отражает более тесную связь германского и италийского в период формирования временной системы. Причем связь с частью италийцев могла быть потеряна после генерализации аблаута, но до появления дентального суффикса. В период формирования дентального суффикса у германского сохранялись контакты только с протооско-умбрским.

19) Супплетивизм при образовании временных форм глагола со значением ‘быть’ (германский, италийский, кельтский, балтийский, славянский)

Одной из германо-итало-кельтских глагольных инноваций считается объединение в единую парадигму двух корней со значением ‘быть’ (**bhu-*, **es-*) (см., напр.: Порциг 1964; Ernst, Fischer 2001). Супплетивизм затрагивает в латинском только формы презенс – перфект (см. лат. *est – fuit*), подобно супплетивизму в балтийском (*esmi – buvau*) и славянском (ср. ст.-сл. *ѣсмь – быхъ*), в германских же языках подобный супплетивизм касается только форм

настоящего времени, причем он ограничивается только западногерманскими языками (ср. совр. нем. *ich bin, er ist*). Ни в скандинавских языках, ни в готском его нет. Фактически его не было и в древнеанглийском, где глагол *béon* в презенсе имел полную парадигму. Все германские языки объединяет супплетивизм только при образовании претерита, где появляется индоевропейский по происхождению, но используемый только в германских языках в форме претерита корень **ues-*.

Таким образом, общим между германским, италийским, кельтским балтийским и славянским оказывается использование супплетивизма (**bhu-*, **es-*) при образовании разных временных форм. Сходство супплетивного образования формы прошедшего времени глагола 'быть' в германском с соответствующими формами в италийском, кельтском, балтийском и славянском имеет только структурный характер, поскольку в германском в прошедшем времени используется не **bhu-*, а **ues-* (исключительно германская инновация), ср.: герм. < **es – *ues*, итал., кельт., слав., балт. < **es – *bhu*).

20) Образование носовых гласных (германский, балтийский, славянский)

В германском конечное /n/ в закорневом слогe, и в положении перед $\chi > h$ (**anχ, *inχ, *unχ*) в корневом слогe (ср. напр. **horn** вин. ед. < **hurnan, hár* др.-исл. 'акула' < **hanha*) отпало. Вполне вероятно, что отпадение /n/ в общегерманском имело промежуточную стадию в виде носовых гласных (СГГЯ II 1962: 314), т. е. рун. **horn** < **hurnŋ* < **hurnan*; *hár* др.-исл. 'акула' < *hǫ:r* < **hanha-*). Поскольку считалось, что носовые гласные в древних германских языках не сохранились, их реконструкция была связана только с лучшей сохранностью их рефлексов по сравнению с рефлексами ротовых закорневых гласных (см. **horn** < **hurnŋ*, но *wait* < **waita*) (ibid.). Однако на существование носовых гласных по крайней мере в древнеисландском, восходящих к исконным сочетаниям гласный + носовой согласный, ясно указывает Первый исландский грамматический трактат XII века, в котором предлагается ввести надстрочные знаки для их обозначения (Benediktsson 1972). О том, что носовые гласные не выдумка автора Первого грамматического трактата свидетельствует тот факт, что он отмечает их только в тех словах, этимология которых указывает на существование носового согласного после гласного, которой автор трактата знать, естественно, не мог (см., напр.: др.-исл. *hár* 'акула' < **hanha-*, ср. санскр. *ṣaṅkí-* 'острый столб, морское животное'). Исчезновение *n* в этих позициях относят к общегерманскому периоду, т. е. носовые гласные в словах такого типа не могли быть поздним исландским образованием. Изменение ударных **ank, *ink, *unk > *a:χ, *i:χ, *u:χ* произошло очевидно после Первого перебора согласных, см. у

Цезаря форму *Tencteri*, вероятно на рубеже новой эры, ср. германские заимствования в финском *hanho* ‘сосуд для питья’, *tanhi* ‘дорога’ (Arntz 1936: 433). Было ли появления носовых в безударных слогах связано с изменением **ank*, **ink*, **unk* в середине слова, сказать трудно.

Сходное с германским развитие носовых гласных в балтийском и славянском было отмечено еще Лескином в 1872 году в его докладе на съезде филологов в Лейпциге (СГГЯ II, 1962: 294). В балтийских языках носовые гласные развились во всех закорневых слогах и в корневых не перед смычными (см. лит. *ranka*, но *žąsis*). В славянских языках это изменение захватило не только все конечные слоги с носовыми, но и все корневые слоги (см. стслав. **ВЕРЖ** < **bheram*, ср. лат. *fēram*; **РЖКЖ** < **rankon*; **ГЖСЬ** < **ghans-*).

Считается, что литовский находился на периферии этого изменения, которое гораздо сильнее в латышском (Zinkevičius 1998: 86), и неясно, насколько оно было характерно для древнепрусского (см. ниже № 26). В германском, как мы видим, это изменение затронуло в первую очередь конечные слоги и гласные перед *χ* (>*h*) в ударных слогах, а в последствие распространилось в скандинавских и еще до ухода англов, саксов и ютов на Британские острова в ингвионских языках и в позиции перед другими щелевыми (см. формы типа др.-англ. *gōs*, др.-исл. *gás*, гласные в которых могут быть интерпретированы как рефлексы носовых, ср. лит. *žąsis*, ст.-сл. **ГЖСЬ**). Если славянский действительно был очагом назализации, распространявшейся на запад, то последним звеном в изменениях связанных с назализацией был германский, т. е. в германский назализация могла проникнуть с востока.

Отпадение (велярного) носового с назализацией гласного реконструируют и для прафинского, см., фин. *pää* ‘голова, конец’, хант. *päNk* ‘голова’, коми-зырян. *pot* ‘конец’ – Setälä 1964: 37, 46). В саамском в безударном слоге предполагают изменение *ng > j* также с назализацией гласного (ibid.: 42, 46). Такое же изменение реконструируют и для ряда других угро-финских языков (ibid.). Однако, несмотря на определенное сходство, и позиции и вид этого изменения отличаются от германской, балтийской и славянской назализации.

21) Формирование двух типов склонения прилагательных (германский, балтийский, славянский, саамский)

Все древние германские языки сохраняли две формы прилагательных, слабую и сильную, и эта особенность реконструируется и для общегерманского. Традиционно считается, что слабые прилагательные в протогерманском обозначали определенность существительного, и значение этой формы соответствовало значению впоследствии развившегося определенного артикля (см., напр.: Hirt 1932: 55, 99; Guild 1970: 170; Lehmann 2005–2007: 4.0, 5.1.7). Иными

словами предполагается, что их значение ничем не отличалось от значения слабых прилагательных в современном немецком языке. Более убедительной, однако, кажется трактовка исконной слабой формы прилагательного не как показателя определенности существительного, а как формы, обозначающей особый признак прилагательного, постоянное типическое качество, тогда как первоначальное значение сильной формы германского прилагательного было связано с обозначением временных, внешних и случайных признаков (Кацнельсон 1949: 144–146, 85; СГГЯ IV, 1966: 66–69)⁷⁰. Такое различие привело и к различию в их синтаксическом употреблении (временный признак как именная часть сказуемого) и впоследствии к их отождествлению с категорией определенности / неопределенности существительного.

Слабая форма прилагательного развилась в германском, вероятно, из субстантивированного прилагательного, что показывает не только германский, но и италийский и греческий материал, ср. субстантивацию прилагательных, особенно при образовании имен собственных в греческом (Ἄγαθων от ἀγαθός ‘хороший’, Οὐρανίων ‘небожитель’ от οὐράνιος ‘небесный’) и в латинском, см. *Rūfō* (*Rūfōnis*) от *rūfus* ‘красный’, *Catō* (*Catōnis*) от *catus* ‘умный’, где мы видим суффикс *-ōn-*, соответствующий суффиксу слабых германских прилагательных. По-видимому, субстантивация прилагательных при помощи этого суффикса относится к более раннему, чем германский, периоду. Штрейтберг относит ее к праиндоевропейскому времени «indogermanische Urzeit» (Streitberg 1963: 207). Таким образом, изменение могло иметь следующий вид: субстантивация сильного прилагательного (суффикс *-n*)⁷¹ с появлением значения постоянного признака (в догерманский период) и превращение субстантивированного прилагательного в прилагательное, обозна-

⁷⁰ Кацнельсон приводит в качестве доказательства своего положения данные древних германских языков (прежде всего древнеисландского и древнеанглийского), однако значение постоянного качества сохраняется в случае употребления слабой формы прилагательного без свободностоящего артикля и в современных скандинавских языках. В датском и шведском слабое прилагательное перед существительным без свободностоящего артикля обозначает, как правило, постоянный признак, (ср. дат. *gode mand*, шв. *gode mannen*), приближаясь по значению к имени собственному – (Hansen 1967: 358; Kotcheva 1996), ср., напр., шв. *Röda korset* ‘Красный крест’ и *det röda korset* ‘красный крест’ (опр.), *Vita huset* ‘Белый дом’ и *det vita huset* ‘белый дом’ (опр.). В современном исландском возможна и слабая и сильная форма прилагательного при существительном с определенным артиклем. Сильное прилагательное означает в данном случае новое качество уже известного (определенного) предмета, а слабое – уже известный признак известного предмета (Берков 1964: 17; Naert 1969: 129).

⁷¹ Исконно этот суффикс мог иметь разный вид в зависимости от чередования по аблауту (*-en*, *-on*, *-ēn*, *-ōn*, *-ŋ*).

чавшее постоянный признак в протогерманском. Хотя теоретически можно предположить отсутствие этапа субстантивации в германских языках, однако латинские и греческие формы, а также тот факт, что в качестве суффикса прилагательных был использован основообразующий суффикс существительных (-n), свидетельствуют о более вероятном развитии прилагательное > существительное с основой на -n > прилагательное, обозначающее постоянный признак.

Противопоставление двух форм прилагательных характерно и для балтийских и для славянских языков (см. лит. *geras / gerasis*, русск. *хорош / хороший*). В балтийском и славянском суффикс полных, так называемых местоименных, прилагательных имел, однако, другое происхождение. Его возводят к индоевропейской местоименной основе *-io (см., напр.: Gāters 1959: 136). Две формы балтийских и славянских прилагательных в соответствии с традиционным представлением о двух формах германских прилагательных также предлагалось рассматривать как формы, указывающие на определенность-неопределенность существительного (Hirt 1932: 99; Толстой 1957: 94; Guild 1970: 170), либо как указание на выделенность признака, эмфазу (Gāters 1959: 136–137). Анализ современного материала показал, однако, что местоименные прилагательные в литовском обозначают особое отличительное качество предмета или подчеркивают существенное постоянное качество, причем такое значение местоименное прилагательное имело уже в самых первых памятниках литовского языка (Валецкене 1958: 5–9). Похожим было значение полных прилагательных и в старославянском языке (см., напр.: высказывание Крижанича о том, что полные формы «из ряда вон выходящие», выделяющиеся из ряда им подобных (цитирую по Толстому 1957: 43)⁷². Несмотря на то, что в академической грамматике литовского языка в соответствии с традиционной трактовкой говорится о категории определенности /неопределенности прилагательного, в ней отмечается, что полные формы прилагательных «указывают на относительно большую степень проявления обозначаемого признака» (Амбразас 1985: 121) и часто выступают в качестве постоянных художественных эпитетов (ibid.: 124), что соответствует функции слабых прилагательных в древних германских языках. Если значение балтийских полных форм соответствовало значению германских слабых прилагательных, то значение кратких форм – значению германских сильных прилагательных. Сходным была, вероятно, и модель образования полной формы прилагательных из субстантивированных прилагательных (об этапе субстантивации в славянском см.: Селищев 1952:

⁷² Селищев писал, что полные прилагательные в старославянском «подчеркивали свойство или качество предмета, каким он отличается среди прочих предметов того же качества или свойства» (Селищев 1952: 127).

127; в балтийском – Курилович 1969: 5). Таким образом, очевиден параллелизм не только в существовании двух форм прилагательных, но и в семантике этого противопоставления. К тому же и в балтийском, славянском и в германском именно форма, указывающая на постоянное выделенное качество, образуется с помощью дополнительного суффикса. Такой параллелизм вряд ли случаен. Однако он не связан с общностью происхождения. Гамкрелидзе и Иванов вообще не упоминают эту балто-славяно-германскую изоглоссу, считая ее, по-видимому, поздней типологической параллелью, что связано с различием формантов полного прилагательного в балтийском и славянском и слабого прилагательного в германском. Однако, если действительно возведение германского и балто-славянского суффикса к одному источнику, предлагаемое Хейнриком, является ошибочным, это не означает отсутствия связи между этими формами⁷³. Речь в данном случае может идти, однако, не об общей форме в реконструируемом многими балто-славяно-германском⁷⁴, а о контактном явлении реинтерпретации. Тот факт, что первая фаза появления слабой формы прилагательных (субстантивация с суффиксом *-n-*) характерна не только для германского, но и для других индоевропейских языков, тогда как характерный для полной формы балтославянского прилагательного суффикс **-io*, развившийся из местоимений, не имеет параллелей, может косвенно свидетельствовать о большей древности германского слабого прилагательного по сравнению с балтославянским полным прилагательным. Следы энклитической формы местоимения сохранились еще в первых памятниках литовского языка (Zinkevičius 1998: 121). Однако, с другой стороны, наличие сходных явлений в славянском может свидетельствовать о том, что процесс этот мог начаться, когда балтийский и славянский были еще очень близки. Вероятная контактная связь двух форм прилагательных в балтославянском и германском нам представляется как германское влияние на балтославянский. Возможным кажется такой сценарий реинтерпретации. Балтославянские местоимения, стоявшие после прилагательных, имевшие значение эмфазы и выделявшие особое качество признака, были реинтерпретированы в балтийской речи германцев, как суффиксы, в соответствии с суффиксальной передачей этих значений в германском⁷⁵. Из протобалтийского языка германцев суффиксация распространилась на восток.

⁷³ Хейнрикс, полагал, что у германских слабых и балтославянских «определенных» прилагательных был единый источник, индоевропейское местоимение **-en/*on*, ср. нем. *jener*, русск. *он* (Heinrichs 1954: 62), что однако не нашло отклика.

⁷⁴ Такая существующая со времен Гримма точка зрения разделялась многими, в том числе Цейсом, Шлейхером, Лотнером, Мюлленгоффом и др., см., напр., Георгиев 1959; Гамкрелидзе, Иванов 1984.

⁷⁵ Примеры реинтерпретации подобного типа см.: Kusmenko 2008: 43–124.

Две формы прилагательных характерны и для саамских языков (черта, отсутствующая в других финно-угорских языках), ср., напр.: севсаам. *bahá* ‘плохой’ предикативно, *bahás* атрибутивно; *inni* ‘маленький’ предикативно, *inna* атрибутивно, что соответствует двум формам прилагательных в балтийских, в славянских языках и в древних германских языках. Причем и в балтийских и в славянских языках и в германских языках также как и в саамском именно атрибутивный тип прилагательных имеет дополнительный суффикс (ср. севсаам. *bahá* – *bahás*; др.-исл. *váendr* – *vándi*; лит. *blogas* – *blogasis*; русск. *плох* – *плохой*). Хотя в современных саамских языках две формы прилагательных определяются как атрибутивная и предикативная, есть ряд фактов, свидетельствующих о том, что раньше значение этих форм было связано с указанием на разное качество признака, ср., противопоставления типа саам. *lok ke manna* ‘читающий ребенок’, *lok kes manna*⁷⁶ ‘ребенок, который хорошо умеет читать, любит читать’. Суффикс атрибутивной формы *-s* придает в подобных случаях значение ‘быть особенно хорошим в чем-то’ (Nielsen 1933: 301–302). Суффикс саамских атрибутивных форм возводят к притяжательному суффиксу третьего лица множественного числа (ibid.: 304) или к падежному суффиксу датива (Sammallahti 1998: 71). И форма и значение этого суффикса свидетельствует скорее о справедливости первого предположения.

Возможно, и в данном случае в саамском мы также имеем дело с реинтерпретацией, сходной с реинтерпретацией сочетания прилагательное + местоимение при германо-балто-славянских контактах. Если справедлива реконструкция Нильсена, то можно установить и семантическую связь саамского притяжательного суффикса с балтославянскими местоименными (полными) формами, образованными с участием указательных местоимений третьего лица. Поскольку в других финно-угорских языках нет двух типов прилагательных, то саамскую инновацию можно объяснять контактом с германским или балто-славянским. Однако в данном случае вряд ли подходит модель прямой реинтерпретации местоимения в постпозиции как суффикса, как в случае германо-балтославянской параллели, поскольку притяжательные суффиксы в саамском представляют собой очень архаичный признак, который характерен не только для уральской, но, возможно, и для урало-алтайской общности⁷⁷. Часто притяжательный суффикс употреблялся для обозначения эмфазы, черта, которая сохраняется в уральских языках до сих пор. Спорадическое появление этого суффикса у прилагательного в эмфазе в саамском стало регулярным для обо-

⁷⁶ Транскрипция Нильсена (Nielsen 1933: 301–302).

⁷⁷ О значении притяжательных суффиксов существительных в уральских и алтайских языках с указанием соответствующей литературы см. Kusmenko 2008: 103–109.

значения особого, выделенного, качества под влиянием германских или балтийских форм. Второй суффикс атрибутивной формы саамского прилагательного *-a* (ср. *innä*) соотносится уже в большей степени с германским суффиксом слабого прилагательного. Эта связь становится еще более очевидной, если мы заметим, что заимствованные из скандинавских языков саамские прилагательные в атрибутивной форме часто имеют окончание *-a* (ср. севсаам. *fínnis* предик. ‘тонкий, красивый’, аттр. *fíinna*, *stuoris* предик. ‘большой’, аттр. *stuorra*, ср. слабые формы *fina* и *stora* в шведском).

22) Местоименное склонение прилагательных (германский, балтийский, славянский)

Прилагательные как грамматическая категория появились в индоевропейском позже существительных и в своем склонении прилагательные сохранили связь со склонениями существительных. В большинстве древних индоевропейских языков прилагательные склоняются так же как существительные. Однако в некоторых случаях прилагательные, значение которых соответствует значению местоимений, склоняются как местоимения, даже в тех языках, где склонение прилагательных не отличается от склонения существительных, ср., напр. др.-инд. *anyás* ‘другой’, лат. *alius*, *ūnus*, *tōtus*. Начался этот процесс вероятно уже в позднеиндоевропейском, однако только в двух группах языков он полностью изменил парадигму прилагательных. Сильные прилагательные получили местоименные окончания в ряде падежей в германском и балтийском. На этот параллелизм обратил внимание уже Хирт, отмечая сходные изменения в готском и литовском, ср. лит. *geram* – гот. *blindamma*, лит. *geriems* – гот. *blindaim* (Hirt 1932: 85–87). На эту же черту обращает внимание и Курилович, писавший о значительном отклонении склонения германских и балтийских прилагательных от индоевропейской модели (Курилович 1969: 3; см. также Schmid 1989). В германских языках местоименные формы проникли в дательный и винительный падеж прилагательных мужского рода и в дательный, винительный и совпавший с ним именительный падеж прилагательных среднего рода, и в именительный, родительный и дательный множественного числа мужского рода и на некоторые формы женского рода, а в литовском в дательный и местный падеж единственного числа и в именительный и дательный падеж множественного числа прилагательных мужского рода (Курилович, 1969: 3–4). Хотя есть только три формальных совпадения германской и балтийской местоименной падежной формы прилагательного (дательный падеж ед. и мн. числа и частично им. пад. мн. числа), общей чертой оказываются не только эти формы, но и сама модель, распространившаяся и на другие падежи.

Баммесбергер считает, что возникновение новой парадигмы склонения прилагательных является сравнительно поздним изменением, поскольку субстантивированные прилагательные не показывают следов прономинального склонения, т. е. субстантивация происходила в то время, когда прилагательные еще склонялись как существительные (Vammesberger 1990: 222–223). Однако субстантивировалась прежде всего слабая форма прилагательного, которая продолжала склоняться как существительное, тем более, что именно слабая форма прилагательного, обозначая постоянный или особый признак, семантически более всего соответствовала существительному.

23) Сходное образование сравнительной степени у прилагательных (германский, балтийский)

В германском есть два суффикса для образования сравнительной степени прилагательных **-iz* и **-ōz*. Первый присоединялся к чистой основе (гот. *hardiza* от *hardus*), второй к основе на *-a*. Эти суффиксы восходят к общеиндоевропейскому суффиксу **-is* < *-ies*, *-ios* (по закону Вернера > *iz*). Германские суффиксы **-iz* и **-ōz* образовывали форму сравнительной степени только в сочетании с назальным суффиксом слабого прилагательного, т. е. имели вид **-izan/izin* и **-ōzan/ōzin*. Если справедливо предположение о том, что исконным значением суффикса *-iz* ~ *-ōz*, который был возможен и с глаголами, было обозначение «более чем средней степени качества, выраженного корнем» (Cowgill 1974: 114; Vammesberger 1990: 231), то сочетание этого суффикса с суффиксом слабого прилагательного, обозначавшим постоянный или чем-то выделяющийся признак (ср. выше), для выражения сравнительной степени вполне естественно. Перед нами типичная форма потенцирования, т. е. присоединение дополнительного суффикса со сходным или даже таким же значением с целью усиления семантики.

Если индоевропейский суффикс сравнительной степени **-is* был характерен и для индоиранских, греческого, частично латинского (*maior*) для славянских и балтийских языков, то сочетание его с назальным суффиксом встречается кроме германского только в литовском и частично в греческом. В литовском суффикс сравнительной степени *-esnis* состоит из тех же формантов (*es* + *n*) и также присоединяется прямо к корню (ср. *geras* – *geresnis*) (Schmid 1989: 244). Шмид считает, что сходство германского, древнепрусского и литовского состоит в том, что и германский суффикс сравнительной степени и древнепрусский и литовский суффикс сравнительной и превосходной степени связаны с адъективизацией наречий. В германском это происходило путем перехода степени сравнения наречий в продуктивное слабое склонение (*-an*), в балтийском происходил тот же процесс, однако здесь основы на *-n* свою продуктивность потеряли, и в функции германских основ (слабые

формы) выступает местоимение *-jis* (*ibid.*, 249–250). Гипотеза Шмида вполне вероятна, однако, даже если не принимать ее, мы все равно сталкиваемся с поразительным параллелизмом в образовании сравнительной степени в германском и балтийском, где при образовании сравнительной степени сочетаются суффиксы *-is* и *-n*. Последний был очень продуктивен и превратился в суффикс слабых прилагательных в германском, но был гораздо менее продуктивным в балтийском, что может свидетельствовать о возможности его распространения в формы сравнительной степени из германского в балтийский⁷⁸. Об этом же свидетельствует и отсутствие подобной модели в латышском и славянском ареалах.

Сопоставляя суффиксы сравнительной степени в литовском и германском, Шмид не приводит германо-греческую изоглоссу, свидетельствующую о сходстве модели образования сравнительной степени (ср. греч. ἡδίων < **suād-is-on* ‘более сладкий’, κάλός ‘красивый’ – καλλίων ‘более красивый’ < **kal-is-on*), которая, однако, в классическую эпоху не является продуктивной (обычный суффикс сравнительной степени *-τερ*). По-видимому, основанием для этого послужила критика Семереньи правомерности такого сопоставления, считавшего, что микенские тексты свидетельствуют о позднем образовании формы сравнительной степени с этими суффиксами в греческом (Семереньи 1980: 208).

24–27) Общие инновации в окончаниях падежей

Хотя редукция падежной системы в германских языках часто считается одной из общегерманских изоглосс, этот признак вряд ли следует относить к прото- или общегерманскому периоду. Если предположить, что в позднем протоиндоевропейском было восемь падежей (вместе с вокативом) (ср., напр. традиционную реконструкцию Krahe 1965: 6; Тронский 2001: 462–463), то оказывается, что общегерманский довольно хорошо сохранил падежную систему, сохранив шесть падежей и потеряв только аблатив и локатив. Во всех древних индоевропейских языках, кроме индоиранских, количество падежей сократилось (семь в балто-славянском и оскоумбром, шесть в латинском, пять в греческом), поэтому вряд ли стоит считать сокращение количества падежей важным признаком германских языков.

Невозможность реконструировать общую форму для большинства общеиндоевропейских падежей привела, однако, к предположению об отказе от признания общеиндоевропейского характера большинства падежей и к появлению идеи об общеиндоевропейском языке активного строя только с двумя падежами (Palmaitis 1981). По этой гипотезе все остальные традиционно

⁷⁸ Возможность германского влияния на литовский при образовании формы сравнительной степени отмечал и Семереньи (Семереньи 1980: 208).

реконструируемые падежи образовались уже в эпоху отдельного существования индоевропейских языков⁷⁹. И по первой, и особенно по второй гипотезе, очевидно, что общность падежных инноваций и общность падежных показателей может быть важными признаками либо для реконструкций промежуточной (между общеиндоевропейским и отдельными группами индоевропейских языков) общности, либо для реконструкции древних контактов.

24) Падежное окончание *-m* в дательном множественного числа (германский, балтийский, славянский)

Общегерманское окончание дательного падежа множественного падежа на *-m*, отличающее германский от многих других индоевропейских языков находит соответствие только в балто-славянском, где дательный множественного числа также образуются с суффиксом *-m* (ср. гот. дат. мн. *wulfam*, др.-вн. *wolfum*, др.-исл. *ulfum* и лит. *vilkams*, русск. *волкам*, но ср. др.-инд. окончание *-bh-yah* и лат. *-bus*). Эта изоглосса наиболее часто упоминается как германо-балто-славянская инновация.

Георгиев относит к общим германо-балто-славянским падежным инновациям совпадение формы трех родов в дательном падеже местоимений, ср. ст.-слав. *těmь*, лит. *tiems*, гот. *þaim* (Георгиев 1959: 4). Однако такое же совпадение мы наблюдаем и в итальянских языках (ср. лат. дат. ед. *illi, eii, huic*; дат. мн. *illis, eis, his*). Германо-балто-славянская параллель связана в данном случае только с использованием общего форманта *-m*.

25) (?) Окончание родительного падежа (германский, балтийский, славянский)

Традиционно представление о том, что общим окончанием родительного падежа в индоевропейском было **-s* (**-es, *-os*), которое сохранилось в греческом (*πατρός* ‘отца’), латыни (*patris*), хеттском (*antuhšaš* ‘человека’), литовском (*šeimos* ‘семьи’) – (Schleicher 1876: 537; Семереньи 1980: 170; Zenkivičius 1998: 110; Тронский 2001: 472; Герценберг 2010: 73). Реконструируется это окончание в виде **-ōz* и для германских языков (Bjorvand 1991: 115). Сопоставляют окончание германского генитива и с окончанием *-osjo/esjo*, реконструированным на основании данных индоиранских языков, греческого и армянского (Must 1953). Именно эта гипотеза поддержана и в Сравнительной грамматике германских языков (СГГЯ III 1963: 153–156). Германские существительные с основой на *-a* позволяют реконструировать и суффикс генитива

⁷⁹ Возможно в раннем протоиндоевропейском было действительно два падежа, но внутренняя германская реконструкция указывает на то, что непосредственным предшественником общегерманского был язык с шестью падежами.

*-oso (см., напр.: Vammesberger 1990: 41). Этот суффикс в германских языках считается рядом исследователей, составным суффиксом, состоящим из суффикса генитива *-o и элемента *-so местоименного происхождения (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 376–378). Такая трактовка позволяет увидеть общность окончания родительного падежа в германском, балтийском и славянском (*-o)⁸⁰. По этой трактовке германский отличается от балтийского и славянского только тем, что здесь к исконному окончанию генитива был добавлен местоименный суффикс *-so. Если эта трактовка справедлива, то к германо-балто-славянской изоглоссе окончания дательного падежа множественного числа следовало бы добавить изоглоссу родительного на \bar{o} . Интересно, что самый территориально близкий к германским языкам балтийский язык, прусский, также имел окончание, возможно восходящее к и.-е. *o-so > asa (deiwasa < *deiwasa – ibid.: 378).

Если следовать реконструкции общегерманского родительного падежа с окончанием *o-so, то германо-балто-славянская изоглосса родительного на *-o должна была предшествовать германскому потенцированию родительного падежа дополнительным показателем *-so. Трудно сказать, о чем свидетельствует древнепрусская форма, о древних контактах или о сохранении общего состояния. В случае контактной природы этой изоглоссы можно предположить, появление окончания *so в балтийской речи германцев, использовавших свои окончания с балтийскими корнями и дальнейшее проникновение соответствующие формы в прусский язык пруссов.

Реконструкция германской формы родительного падежа, представленная и в книге Гамкрелидзе и Иванова, не является, однако единственно возможной (см. выше), поскольку исконную границу в предполагаемом составном окончании *-oso можно предположить и после s (*os-o), что могло соответствовать и исконному членению окончания *-osjo (*os-jo), что могло бы привести форму *-oso в соответствие с традиционно реконструированным индоевропейским окончанием генитива (см. выше).

26) Окончание инструменталиса (германский, балтийский, индоиранский)

Подобно тому, как проблематично реконструировать общее индоевропейское окончание генитива, существуют трудности и при реконструкции общего индоевропейского творительного падежа. Однако в древнеиндийском, древнеперсидском, германском и балтийском у существительных с основой на -o появился творительный падеж с окончанием, восходящим к индоевропейскому *-ō

⁸⁰ Источник этой формы неясен. Возможно, это окончание развилось из окончания индоевропейского аблатива (см., напр.: Zinkavičius 1998: 110).

(Гамкрелидзе Иванов 1984: 391), ср. лит. *vilku*, др.-вн. *wolfu*, др.-инд. *vrkā*⁸¹.

Не все, однако, признают, не только существование общеиндоевропейского инструменталиса (Palmitis 1981), но и существование общегерманского инструменталиса (СГГЯ III 1963: 160–162), поскольку он есть не во всех древних индоевропейских и древних германских языках. В германском ареале особые формы инструменталиса есть только в древневерхненемецком и древнесаксонском (ср. др.-вн. *tagu*, др.-сакс. *dagu*, им. пад. *tag*, *dag*), но следы его обнаруживают в древнеанглийском (Lindquist 1929) и в древних скандинавских языках, где также предполагают его окончание /u/ (Noreen 1913: 163–166). Однако для наших целей не играет большой роли, существовал ли инструменталис в позднеиндоевропейском. Важно, что в германских и в балтийских языках есть инструменталис с одинаковым окончанием. Если даже предположить, что общее окончания балтийского и германского инструменталиса *u* не общая инновация, а общий архаизм, то сам вид этого окончания (предполагаемое изменение $\bar{o} > u$ в окончании инструменталиса) несомненная балто-германская инновация.

Отсутствие подобного форманта в славянских языках свидетельствует, скорее всего, о том, что нет контактной связи между индоиранским инструменталисом и балтийским и германским, если только не предположить исчезновение этого форманта в славянских языках. Вероятной представляется контактная связь балтийского и германского инструменталиса и типологическое сходство с древнеиндийским, которое говорит о том, что и предпосылки появления и предшественник форманта инструменталиса (*- \bar{o}) были уже в позднеиндоевропейском.

⁸¹ Как падеж инструменталис засвидетельствован только в части древних германских языков, в древнеиндийском, древнеперсидском, в балтийском и славянском. Некоторые формы в греческом и латинском считаются застывшими формами индоевропейского инструменталиса (Brugmann 1922: 387). Вопрос о первоначальной форме инструменталиса был предметом дискуссии еще в XIX веке и продолжает обсуждаться сейчас. Основываясь на индоиранских, балтийских, славянских и германских формах инструменталиса Шлейхер реконструировал два окончания инструменталиса в индоевропейском (*- \bar{a} и *-*bhi* > *-*mi*), возводя и балтийское и германское окончание *-u* к *-*ami* или *- $\bar{a}mi$* (Schleicher 1876: 560–565). Лескин возводил балтийский и германский инструменталис на *-u* к разным источникам (балт. к *-*am* < *-*ami*, а герм. *-u* к *- \bar{a} (Leskien 1876: 75–76). Хирт реконструировал общеиндоевропейский инструменталис на *e*, *a* и *m* (Hirt 1932: 54). В последнее время предполагают только одно окончание индоевропейского инструменталиса, которое согласно ларингальной гипотезе реконструируется как **eH₁/oH₁* (ср., напр., Одри 1988 (1949): 47, 56–57) или на нулевой ступени как **-H₁* (Герценберг 2010: 73). Однако эта форма реконструируется фактически только на основании данных древнеиндийского, балтийских и германских языков.

Возможно в германском было и окончание инструменталиса на *-*mi*, которое соответствует балто-славянскому окончанию инструменталиса (ср. лит. *sūnūmi*, ст.-сл. **СЫНЪМЬ** – Zinkevičius 1998: 111). В германских языках следом подобного инструменталиса считаются формы типа др.-вн. *zu houbiton* (ср. совр. нем. *zu Häupten*) др.-англ. *heafðum*, др.-исл. *at höfðum* ‘в головах’, др.-англ. *teolcum* ‘молоко(м)’, др.-исл. *ölprom* ‘пиво(м)’ (Hirt 1932: 54). Однако эти формы интерпретируются и как формы дательного множественного, что, по крайней мере, для форм типа *zu houbiton*, судя по русскому соответствию ‘в головах’, где также употребляется форма множественного числа, вполне вероятно. Если, однако, приведенные древнегерманские формы на -*m* действительно являются рефлексамии инструменталиса, то в таком случае у нас есть еще одна германо-балто-славянская параллель.

27) К проблеме окончания номинатива и аккузатива ед. числа ср. рода (германский, балтийский, славянский)

Традиционно считалось, что в индоевропейском языке в именительном и винительном падежах существительных среднего рода было окончание *-*m*, которое интерпретируется как показатель имен неактивного класса (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 272). Однако Агрелль высказал предположение, что конечного носового согласного в этих формах в балтийском славянском и германском никогда не было (Agréll 1925–1926, см. также Kazlauskas 1968: 123–124), основанием для такой реконструкции послужили балтийские заимствования без носового согласного в финском, ср., напр.: *heinä* < *seina*, *silta* < *tilta*, при том, что конечное -*n* обычно отражалось в балтийских заимствованиях в финском. Кроме того, нет носовых согласных в этих формах в хеттском и тохарском. Отдельные древнепрусские формы на -*an*, которые обычно считаются рефлексамии -*om*, Агрелль считает поздним развитием (Agréll 1925–1926: 27). Так же считает и Шмальстиг, полагая что исконны древнепрусские формы без носового согласного (типа *resku* ‘скот’ и *alu* ‘медовый напиток, пиво’ – Шмальстиг 1992: 32). Он предполагает, что в балтийском и славянском именительный и винительный падеж существительных среднего рода оканчивался не на -*om* (ср. др.-инд. -*am*, архлат. -*om*, греч. -*on*), как традиционно считается, а на -*o*. Соответственно в германском, по мнению Шмальстига, тоже нет основания для реконструкции флексии *-*om* > *-*an* в номинативе и аккузативе существительных среднего рода (ibid.: 42). Напомним, что традиционно для германского также реконструируется форма с носовым согласным (*-*om* > *-*an* > *a*, Lehmann 2005–2007: 3.3.1).

Если принимать гипотезу Агрелля, то германо-балто-славянская параллель оказывается архаизмом, характерным также и для хеттского и тохарского. Однако традиционное представление о существовании окончания в протоиндоевропейском, которое

поддерживается даже Палмайтисом, отрицавшим существование других падежей и падежных окончаний в раннеиндоевропейском (Palmaitis 1981), кажется более близким к истине (критику гипотезы Агрелля см: Поляков 1991; 1992). В германском на существование носовых гласных (< *an), которые подтверждают традиционную интерпретацию, указывает не только их лучшая сохранность в конце слова (ср. *horna* < **horną*, но *wait* < **waita*), но и данные Первого исландского грамматического трактата (см. выше). Таким образом, общую германо-балто-славянскую инновацию окончания винительного и именительного среднего рода ед. числа следует видеть не в появлении особого окончания, отличного от индоевропейского *-om, как думали Агрелль и Шмальстиг, а в одинаковом развитии исконного -om в германском, балтийском и славянском, заключавшемся в потере носового согласного с возможной назализацией гласного (-om > -an > -a, см. выше рун. *horna* < **hurną* < **hurnan*). Появление назализованных гласных из сочетаний гласный + носовой согласный черта, характерная для германского, славянского и балтийского (см. выше № 19). Спорадическое появление -n в этой форме в древнепрусском может быть либо вторичным, как считали Агрелль и Шмальстиг, либо может быть связано с попыткой передать на письме носовой характер конечного назализованного гласного.

3.2. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ГЕРМАНСКИЕ ИННОВАЦИИ

Хотя отдельные элементы германского передвижения согласных можно обнаружить в других индоевропейских языках (см. выше), общий вид передвижения согласных и закон Вернера оказываются исключительной германскими инновациями (16abcd), какой бы точки зрения на индоевропейский консонантизм мы ни придерживались. Просодической германской инновацией оказывается и противопоставление двух типов структур сегментной просодики (13). Исключительной германской инновацией оказывается и объединение в претерите двух форм образования, аблаута и дентального суффикса (18ab), хотя каждая из этих форм в отдельности находит соответствие в других индоевропейских языках. Исключительно германской инновацией является и форма образования слабого прилагательного, хотя сама категория слабого прилагательного развилась и в балтийском и в славянском (21). Остальные германские грамматические и фонологические инновации находят соответствия в других индоевропейских языках.

3.3. ПОЗДНИЕ ГЕРМАНСКИЕ ИННОВАЦИИ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОТОРЫХ МОГЛО НАЧАТЬСЯ В ОБЩЕГЕРМАНСКИЙ ПЕРИОД

В поздний общегерманский период отмечают четыре фонологические инновации, которые датируются рубежом новой эры:

28) Отпадение закорневых дентальных согласных в конце слова

Ср., напр.: гот., др.-вн. *wili*, др.-англ. *wile* 'хочет', но лат. *vult* < **uelet*; др.-англ. *nefa*, др.-вн. *nefo* 'племянник', но др.-инд. *napāt* < **nepōt* (Antonsen 1994). Традиционно считается, что это изменение произошло в общегерманскую эпоху (СГГЯ II, 1962: 311). В результате отпадения *n* и дентальных в исходе неударного слога в общегерманском оказались возможными только *r* и *s* (ibid.: 315). Изменение сходное с общегерманским изменением мы наблюдаем и в языке северных соседей германцев в саамском. Здесь отпадение конечных дентальных происходило и раньше (ср., напр.: **borat* > *bora*, неличная форма глагола 'есть', употребляющаяся при отрицании) и продолжает происходить теперь, ср. севсаам. *borrat* /*borrah*/ 'есть'. Однако, поскольку в саамском отпадение конечных закорневых дентальных, скорее всего, позднее явление, вряд ли существует его связь с общегерманским изменением, хотя не исключена связь этого явления с более поздним отпадением дентальных смычных в шведских и норвежских диалектах (Kusmenko 2008: 311).

29) Редукция закорневых гласных в конце слова

К общегерманским изоглоссам относят традиционно и редукцию и отпадение гласных *a* *e* *i* в конце слова в безударных слогах, ср., напр.: гот. *wait*, др.-исл. *veit*, др.-англ. *wāt*, др.-вн. *weiz*, но греч. (Ϝ)οῖδα, др.-инд. *veda* 'я знаю' < и.-е. **uoidh₂*; гот. *fimf*, др.-исл. *fimm*, др.-англ. *fif*, др.-вн. *fimf*, но лат. *quinque*, лит. *penki*, др.-инд. *pañca-*, греч. πέντε < и.-е. **penk^we* 'пять'; гот. *ist*, др.-исл. *es*, др.-англ. *is* (*bið*), др.-вн. *ist*, но др.-инд. *asti*, ст.-сл. *ѣсть* < и.-е. **es-ti* 'он есть'. Германские заимствования в финский и саамский, сохраняющие очень архаичный вид, показывают формы без апокопы, ср. *kulta* < **gulpa-*, что казалось бы свидетельствует об отсутствии апокопы в общегерманском. Однако в саамском и финском не было односложных слов, и все германские или скандинавские односложные слова всегда превращаются здесь в двусложные, ср. южносаам. *vitt'e* < др.-исл. *vit*; южносаам. *glaase* < др.-исл. *glas*, поэтому двусложность саамских и финских форм может быть вторичной. Если же опираться только на внутреннюю германскую реконструкцию, то она «не позволяет постулировать наличие кратких конечных *a* *e* *i* в общегерманском» (СГГЯ II 1962: 318). Однако отнесение апокопы к общегерманскому периоду принимается далеко не всеми. Антонсен, в частности, полагает, что конечное *a* могло сохраняться в скандинавском еще в V в. н. э. и

интерпретирует форму **wraitha** на руническом камне из Рейстада (вторая половина V в.) не как форму инфинитива, как это традиционно считалось (в данном случае сохранение конечного /a/ естественно, поскольку оно восходит к /an/, см. выше), а как форму 1 л. единственного числа «(я) написал» (Antonsen 2007: 26–27).

30) Изменение $e > i$ перед долгими носовыми согласными

Во всех древних германских языках краткому индоевропейскому e перед долгими носовыми согласными соответствует краткое i , ср. напр. др.-исл. *hringr* ‘кольцо’, *finnar* ‘саамы’; др.-англ., др.-сакс., *hring*, *finnas*. Это же i мы встречаем и в надписях старшими рунами (ср. **finna** /finna/ ‘Финна’ имя собственное), т. е. внутренняя германская реконструкция не позволяет нам реконструировать в словах подобного типа гласный иной чем i , однако у античных авторов и в германских заимствованиях в финский и саамский в этих словах употреблено e , ср. форму *fenni* у Тацита и германское заимствование *rengas* в финском, что дает возможность предположить изменение $e > i$ в первых веках н. э., ср. $\phi\acute{\iota}\nu\nu\omicron\iota$ у Птолемея.

31) Монофтонгизация $ei > \bar{i}$

Возможно к этому же периоду относится монофтонгизация $ei > \bar{i}$, причем не исключено, что первоначально новое долгое \bar{i} из дифтонга (как, например, в гот. *steigan* /sti:gan/, др.-исл. *stíga*, др.-вн., др.-англ. *stīgan* ‘подниматься’, ср. греч. $\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\omega$) качественно отличалось от старого долгого \bar{i} (гот. *swein* /svi:n/, др.-исл. *svín*, др.-англ. *swīn*, ср. лат. *suīnus* ‘свинья’), поскольку в старшем футарке предполагают существование двух рун со значением i (\bar{i} и \bar{i}). Однако руна \bar{i} употреблялась редко и далеко не всегда в значении i , поэтому предположение о двух качественно различающихся i остается гипотетичным. Дифтонгизация $ei > \bar{i}$ типологически частотна. Такого же типа дифтонгизация была характерна для кельтского, а поскольку на рубеже новой эры контакт германского и кельтского был очень тесным, не исключено кельтское влияние на германскую монофтонгизацию.

32) I-умяют от e и а-умяют от u

К последним векам до н. э. относятся и первые германские умяюты. В первом веке н. э. в античных текстах мы находим формы, свидетельствующие о появлении $o < u$ перед a и форм с $i < e$ перед i, j (ср. *gothones* у Тацита $< guta-$). Результаты этих первых умяютов, однако, по-разному отражены в разных германских языках, поэтому, возможно, это изменение следует отнести к периоду раздельного существования германских языков.

3.4. СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОТОГЕРМАНСКИХ ИННОВАЦИЙ⁸²

1	<i>K</i>	Г Б С	Илл	А Ф			/sr/ > /str/
2		Г Б		А	Ии	Х	/a/ – /o/ > /a/
3	<i>Ит</i>	Г Б				СаФ	/ā/ – /ō/ > /ō/
4		Г Б С			Ии Гр Арм		медий на -i
5	<i>Ит</i>	Г Б С			Ии Гр		диф. склон. по роду
6	<i>К Ит</i>	Г Б		А			совпад. аор. и перф.
7a	<i>К Ит</i>	Г Б С		А			долгое ē в прош. врем.
7b	<i>Ит</i>	Г Б					ступень удлин. на других базах
8	<i>Ит</i>	Г Б С					морф. против. гл. действ. и состояния
9a	<i>В Ит</i>	Г Б С	Илл				<i>l</i> > <i>ul</i> , <i>r</i> > <i>ul</i>
9b		Г Б С					<i>n</i> > <i>in</i> , <i>m</i> > <i>im</i>
10	<i>К Ит</i>	Г					сокращение долгот
11	<i>К Ит</i>	Г Б				СаФ	корневое ударение
12	<i>К Ит</i>	Г Б				СаФ	длинные согласные
13		Г				Са	сегментн. просодика
14	<i>К Ит</i>	Г					<i>t+t</i> > <i>ss</i>
15	<i>К Ит</i>	Г	(Илл)				<i>kv</i> > <i>p</i> (> герм. <i>f</i>)
16a	<i>В Ит</i>	Г					<i>bh dh gh</i> > <i>β ð γ</i>
16b		Г			Арм	СаФ ⁸³	<i>b d g</i> > <i>p t k</i>
16c		Г			Арм		<i>p t k</i> > <i>f β χ</i>
16d	<i>Ит</i>	Г					<i>pt, kt</i> > <i>ft, χt</i>
16e		Г				СаФ	закон Вернера
17	<i>Ит</i>	Г					инфинит. < аккузатив
18a	<i>Ит</i>	Г Б					аблаут в прош. вр.
18b	<i>К Ит</i>	Г					дентальное прош. вр.
19	<i>К Ит</i>	Г Б С					супплет. * <i>bhu-</i> , * <i>es-</i>
20		Г Б С					носовые гласные
21		Г Б С				Са	слаб. и сильн. прилаг.
22		Г Б С					мест. склон. прилаг.
23		Г Б					сравн. степень прилаг.
24		Г Б С					- <i>m</i> в дат. множ.
25	?	Г Б С					род. падеж на * <i>o</i>
26		Г Б		Ии			инстр. на * <i>ō</i> > <i>u</i>
27	??	Г Б С					особая форма аккузатива ед. ч. ср. р. (??)

⁸² А – албанский, Арм – армянский, Б – балтийский, Г – германский, Гр – греческий, Ии – индоиранский, Илл – иллирийский, Ит – италийский, К – кельтский, С – славянский, Ф – фракийский, Х – хеттский. Са – саамский, Фи – финский, СаФ – саамский и прибалтийско-финский. Курсивом выделены языки, в которых данная инновация прошла частично. Полуужирным шрифтом выделены морфологические инновации. Подчеркнуты структурные инновации.

⁸³ При сравнении германских изменений с саамскими и прибалтийско-финскими учитывались не только сходные изменения, такие как 13, 16е, 12, 21, но и саамско-прибалтийско-финские структуры, которые могли быть причиной германских инноваций (3, 11, 16б).

В разных работах перечисляется неодинаковый набор признаков общегерманского языка. Из известных мне работ больше всего признаков перечисляет Хирт (19) – (Hirt 1932). Чемоданов называет 12 признаков (Чемоданов 1962: 42), Шмид 8 (Schmid 1986: 155), ван Кутсем 7 (van Coetsem 1970: 17–29), причем во многих случаях не различаются архаизмы и инновации. Однако ряд признаков, такие как первое передвижение согласных и способы образования прошедшего времени отмечается всеми.

Если не учитывать инновации 28–32, которые, скорее всего, развивались уже в разделившихся древних германских языках, можно установить 17 фонологических, 16 морфологических⁸⁴ и морфофонологических инноваций, четыре из которых являются структурными. В совокупности эти инновации и отличают германский от других индоевропейских языков (рис. 1). Период формирования этих инноваций я называю протогерманским. Ко многим из инноваций мы находим параллели либо в отдельных индоевропейских, либо в соседних финно-угорских языках, и именно их сопоставление, вместе со сравнением сходных лексических и словообразовательных инноваций, и позволяют нам определить, с какими языками контактировал протогерманский в период своего формирования.

3.5. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Если мы попытаемся установить относительную хронологию фонологических инноваций в протогерманском, то, можно предположить следующую их ретроспекцию:

1. самые поздние изменения (28–32), которые проходили в последние века до новой эры
2. появление носовых гласных (20)
3. последняя фаза последнего этапа передвижения согласных $k^h > \chi$ (16с–1)
4. вторая фаза последнего этапа передвижения согласных $p^h > f$ (16с–2)
5. первая фаза последнего этапа передвижения согласных $t^h > \beta$ (16с–3)
6. изменение $pt, kt > ft, \chi t$ (16d)
7. изменение $k^w > p$ (15)
8. второй этап передвижения согласных $b d g$ (или $p' t' k'$) $> p t k$; $p t k > p^h t^h k^h$ (16b)
9. первый этап передвижения согласных $b^h d^h g^h > \beta \delta \gamma$ (15a)

⁸⁴ Предполагаемое Агреллем и Смальстигом (см. выше) особое окончание винительного падежа ед. числа у существительных среднего рода в германском и балтийском не будет приниматься во внимание ввиду малой вероятности их гипотезы (см. N 26).

10. появление долгих согласных (12)
11. фонологизация закона Вернера, появление z (16e)
12. появление центральной и периферийной акцентуации
13. генерализация ударения на корневом слоге (11)
14. сокращение долгот (10)
15. распушение слоговых сонантов (9a, 9b)
16. аллофонические чередования по закону Вернера (16e)
17. $sr > str$ (1)

Неясна относительная датировка изменения $\bar{a} > \bar{o}$ (3) и изменения $a > o$ в корневом слоге (2), поскольку эти изменения не связаны с другими изменениями, однако, они должны были произойти не позднее середины I тыс. до н. э.

Основанием для реконструкции такой последовательности служат данные относительной хронологии Первого перебоя, связь фонологизации закона Вернера и появления долгих согласных и центральной и периферийной акцентуации со сдвигом ударения и связь сокращения долгот с безударностью, т. е. с сохранением места индоевропейского ударения, а также предшествование распушения слоговых сонантов сокращению долгот и предшествование изменения $sr > str$ закону Вернера. Вполне вероятно, что некоторые изменения происходили одновременно, в частности изменения связанные с установлением корневого ударения, такие как появление долгих согласных, появление центральной и периферийной акцентуации и фонологизация чередований по закону Вернера. Возможно, одновременными были и изменения, предшествующие сдвигу ударения, такие как распушение слоговых сонантов и изменение $sr > str$. Носовые гласные (20) появились после последнего этапа Первого перебоя, но до апокопы a и e .

Установить абсолютную хронологию фонологических изменений можно только очень приблизительно. Если последний этап Первого перебоя ($k^h > \chi$) проходил в середине I тыс. до н. э., а перебой $p^h > f$, был старше, то остальные этапы перебоя и изменения 16e, 12, 11, 10, 9a, 9b, 1 были еще старше.

Для реконструкции примерной абсолютной хронологии доисторических изменений необходимо установить время протекания каждого из этих изменений. Со времен Хаага различают два типа фонологических изменений (Хааг (1905) 1956; Кузьменко 1980; Labov 1994): в первом случае происходит одновременное вначале аллофоническое, а затем и фонологическое изменение (фонологизация), затрагивающее все слова или все фонемы, во втором случае фонологизация происходит только в нескольких словах, и новая фонема постепенно распространяется в другие слова (лексическая диффузия)⁸⁵. Современная диалектология показывает и

⁸⁵ Лабов относит к изменениям первого типа изменение одного фонологического признака, изменение места образования гласных, способа обра-

многочисленные примеры изменений первого типа, когда в соседних диалектах мы находим и разные стадии аллофонических изменений, и наличие или отсутствие фонологизации (ср., например, скандинавское передвижение согласных – Стеблин-Каменский 1982), и разные этапы вытеснения слов (ср., напр.: разные формы второго передвижения согласных в верхненемецких диалектах). У нас нет данных, которые бы помогли нам составить представление о времени прохождения и распространения фонологических изменений в протогерманский период. Единственно, что мы можем сделать, это сравнить реконструированные протогерманские изменения с известными нам изменениями на относительно небольшой территории со сходным с предполагаемым протогерманским ландшафтом (например, в Англии) или с тем же ландшафтом (например, в Дании). Хорошо документированные изменения, произошедшие в Англии и Дании в течение II тыс. н. э., показывают, что и изменения, распространяющиеся путем вытеснения слов, и изменения, затрагивающие все слова, происходящие постепенно, могут занимать очень продолжительное время (500–600 лет), ср., например, вокализацию /r/ в некоторых позициях, которое, судя по памятникам и грамматистам проходило в английском с 1300 по 1800 год, и дифтонгизацию /i:/ > /ai/, которая проходила в английском в это же время, и постепенное развитие которой можно проследить и по памятникам и по диалектам, и которая в ряде английских диалектов еще не достигла стадии /ai/. Датское передвижение согласных с потерей звонкости у /b d g/ и усилением аспирации /p t k/ (с аффрикатизацией /t/) в начале слова и со спирантизацией и вокализацией всех смычных согласных /b d g p t k/ в положении после гласной, этапы которого представлены в датских диалектах (Кузьменко 1991), также заняло не менее шестисот лет⁸⁶. Хотя мы не знаем многих факторов, способных влиять на скорость распространения изменений в протогерманский период, предпо-

зования согласных, дифтонгизацию узких гласных, вокализацию плавных, исчезновение шва, а к изменениям второго типа – изменение места артикуляции согласных, удлинения и сокращения, дифтонгизацию гласных среднего и низкого подъема, метатезу, исчезновение смычных согласных и изменение более чем одного признака (Labov 1994: 543). Хотя Лабов не делает различий между парадигматическими и синтагматическими изменениями, и не всегда понятны причины его классификации, смотри, например, отнесение дифтонгизации узких гласных к первой группе изменений, а дифтонгизации широких гласных ко второй, верным кажется само представление о двух типах закономерных изменений.

⁸⁶ Диалектные данные показывают, что датское передвижение согласных в начале слова (изменение различительного признака звонкий-глухой > неаспирированный-аспирированный) является изменением первого типа, а изменение согласных в середине слова (спирантизация и вокализация) проходит путем вытеснения слов.

жение о том, что они могли распространяться в I и II тыс. до н. э. не быстрее, чем во втором тысячелетии нашей эры, вполне вероятно. Различие в количестве между доисторическим и современным населением очевидно (чем более малочисленно население, тем быстрее распространение инновации), однако столь же очевидна большая отдаленность друг от друга и более трудная коммуникация в древних обществах, что замедляло распространение инноваций.

Сопоставив протогерманские изменения с современными изменениями в диалектных континуумах, ряд протогерманских изменений, несомненно, следует отнести ко второму типу (сокращение гласных, концентрацию ударения на корне, последний этап Первого перебора (спирантизация глухих смычных) и возможно первый этап Первого перебора (спирантизация звонких придыхательных). Эти изменения распространялись путем лексической диффузии, что предполагает временной промежуток, соответствующий по меньшей мере нескольким поколениям. К изменениям этого же типа относятся и изменения, при которых не появлялось ни новых фонем, ни новых признаков, такие как увеличение количества долгих согласных и разного рода ассимиляции и диссимиляции ($str > str$, $t+t > ss$). Морфологические изменения, связанные с распространением новой грамматической формы также происходили путем постепенного вытеснения предшествующих форм слов. К изменениям первого типа, затронувшим все слова или все фонемы в одной позиции, относятся в первую очередь: второй этап передвижения согласных ($bdg > ptk >$ или по глотальной гипотезе $p' t' k' > p t k$), появление назализованных гласных и, возможно, первая фаза третьего этапа передвижения ($ptk > p^h t^h k^h (> fp\chi)$) и закон Вернера.

Поскольку правило относительной хронологии при грамматических инновациях может быть применено только в некоторых случаях (напр. совпадение аориста и перфекта (6) должно было происходить одновременно с формированием морфологических показателей прошедшего времени (18a и 18b), то относительная хронология морфологических изменений может быть установлена только по косвенным данным, фактически только по распространению инноваций, и не может не быть гипотетичной. Соответственно самыми первыми могут считаться инновации, характерные для большего числа языков. Таким образом, одной из первых инноваций, характерной для шести групп языков оказывается медий на -i (4), самым восточных из которых оказывается армянский, а самым западным – германский. В шести группах языков оказывается распространенным и долгое \bar{e} в формах прошедшего времени (7), однако самым юго-восточным языком в данном случае оказывается албанский. Для четырех групп языков характерно и появление сходной модели различения глаголов действия и глаголов состояния (8). Хотя две другие наиболее распространенные инновации

дифференциация склонения по родам (5) и совпадение форм аориста и перфекта в одной форме (6) являются структурными и не могут быть столь же показательными, они могут относиться к тому же периоду, поскольку распространены в большом количестве языков.

Эти данные показывают, что формирование протогерманских признаков, которые еще не были исключительно германскими, началось с изменения глагольной системы, что соответствует традиционному представлению о том, что вычленение германских языков началась с перестройки флективной системы существительного и глагола, в том числе – системы времен (Порциг 1964; Lehmann 1961). На втором этапе изменений продолжается формирование глагольной системы, появляется особый германский тип претерита с дентальным суффиксом (18b) и аблаутом (18a), а также супплетивное образование форм глагола со значением ‘быть’ (19). Возможно, к этому же времени, а судя по распространению в других индоевропейских языках, возможно, к более позднему времени относится и появление инфинитива из аккумулятива (17). Ко второму периоду, вероятно, относятся инновации в области морфологии имени, в частности, появление или генерализацию формы дательного падежа множественного числа на *-m* (24), родительного на \bar{o} (25?), инструменталиса на *u < \bar{o}* (26). К третьей группе могут относиться инновации в системе прилагательных: образование слабой и сильной форм прилагательных (21), местоименное склонение прилагательных (22), суффикс сравнительной степени прилагательных **-is+n* (23).

При датировке инноваций будут учитываться данные относительной хронологии, а там, где они невозможны, области распространения, при этом более распространенные инновации считаются и более древними. В том случае, когда признак распространения инноваций противоречил признаку относительной хронологии, предпочтение отдавалось последнему.

Если исходить из самого минимального времени прохождения фонологических и морфологических изменений, принимая во внимание распространение изменений, можно очень приблизительно предположить следующую датировку установленных выше инноваций⁸⁷: к первой группе инноваций, которую очень приблизительно можно датировать 2500–1500 гг. до н. э., можно отнести изменение *sr > str* (1), распушение сонантов (9a,b), медий на *-i* (3), дифференциация склонения по роду (5), совпадение аориста и перфекта (6), сокращение долгот (10), долгое \bar{e} в прошедшем времени (7a), формирование системы прошедшего времени: аблаут (18a) и дентальное прошедшее (18b), супплетивизм в формах глагола со

⁸⁷ Структурные инновации и совпадения категорий не принимаются в данном случае во внимание.

значением быть (19), морфологическое противопоставление глаголов действия и состояния (8) и, возможно, изменение $t + t > ss$ (14). К первому периоду, возможно, относится и появление чередования по закону Вернера (еще до сдвига ударения на корень). Вероятно, в конце этого периода произошли изменения в формировании именных парадигм: образование формы инструменталиса (25) и формы дательного множественного числа у существительных (24). Возможно, ко второй половине этого периода следует отнести и такие фонологические изменения как становление корневого ударения (11), фонологизация /z/ по закону Вернера (16e), появление долгих согласных (12) и появление центральной и периферийной акцентуации (13).

Ко второму периоду 1500–1000 гг. до н. э. могут быть отнесены образование слабых и сильных форм прилагательных (21), местоименное склонение прилагательных (22) и особое образование сравнительной степени прилагательных (23). К этому же периоду следует отнести, изменение $k^w > p$ (15), изменение /ā/ > /ō/ (3) и возможно /o/ > /a/ (2), первый этап передвижения согласных (изменение звонких придыхательных 16a) и становление формы инфинитива из аккумулятива (17).

Наконец, к последнему этапу появления протогерманских инноваций (1000–500 гг. до н. э.) относятся последующие этапы Первого перебоя (16bc), который должен был завершиться не позднее 500 г. до н. э. Возможно к этому же времени относится и появление назализованных гласных (20). Поскольку при предполагаемой выше датировке принимается минимальное время прохождения изменений, возможно, что часть упомянутых выше инноваций относятся к более отдаленному времени.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ОБЩИХ ИННОВАЦИЙ

4.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы установили 33 фонологические и грамматические инновации, характеризующие протогерманское состояние, 31 из которых (кроме закона Вернера и центральной и периферийной акцентуации) имеют полные или частичные соответствия в других индоевропейских языках (рис. 1). При сопоставлении сходных инноваций в родственных языках мы встречаемся с двумя сложностями. Одна из них это различие типологически сходного и генетически или контактно обусловленного. Вторая связана с правомерностью сопоставления одинаковых инноваций при отсутствии их абсолютной датировки.

Если сопоставление старославянского, современного литовского, классической латыни, древнегреческого и германских надписей старшими рунами оправдано для установления языкового родства и реконструкции протоиндоевропейского состояния, то это же сравнение имеет гораздо меньше доказательной силы, когда мы ставим своей целью установить контактные связи родственных индоевропейских языков. Очевидно, что многие приводимые обычно параллели имели бы совершенно иной вид, если бы мы имели возможность сопоставить одновременные языковые состояния. Слова Шмидта о том, что индоевропейская реконструкция неизбежно должна иметь характер научной фикции, так как она сводит воедино факты, относящиеся к разным историческим эпохам (Schmidt 1872: 31), особенно относятся к реконструкции промежуточных языковых общностей и древних контактов. Однако появление инноваций в разное время в разной группе языков не означает, что между этими инновациями возможно только структурно-типологическая связь. Возможно и разновременное влияние сходного субстрата, как это имело место, вероятно, при генерализации начального ударения и удлинения согласных в германо-итало-кельтском ареале и в гораздо более позднее время в части балтийского ареала. Но не исключена и контактная связь, т. е. проникновение инновации из одного ареала в другой в результате прямого заимствования или другого типа интерференции, например, реинтерпретации синтактико-морфологических отношений одного языка в соответствии с синтактико-морфологическими отношениями другого языка.

Традиционно считалось, что заимствование словоизменительных формантов из одного языка в другой невозможно. Однако представление о том, что словоизменительные форманты не могут

быть заимствованы, вряд ли справедливо. Еще Шухардт писал о том, что «возможность языкового смешения не знает никаких ограничений» (Шухардт 1950 (1884): 177). Эти слова, написанные в 1884 году были приняты в штыки младограмматиками и позднее структуралистами, но были полностью подтверждены современными исследованиями по языковым контактам (см., напр.: Thomason 2001: 63–66; Gardani 2008).

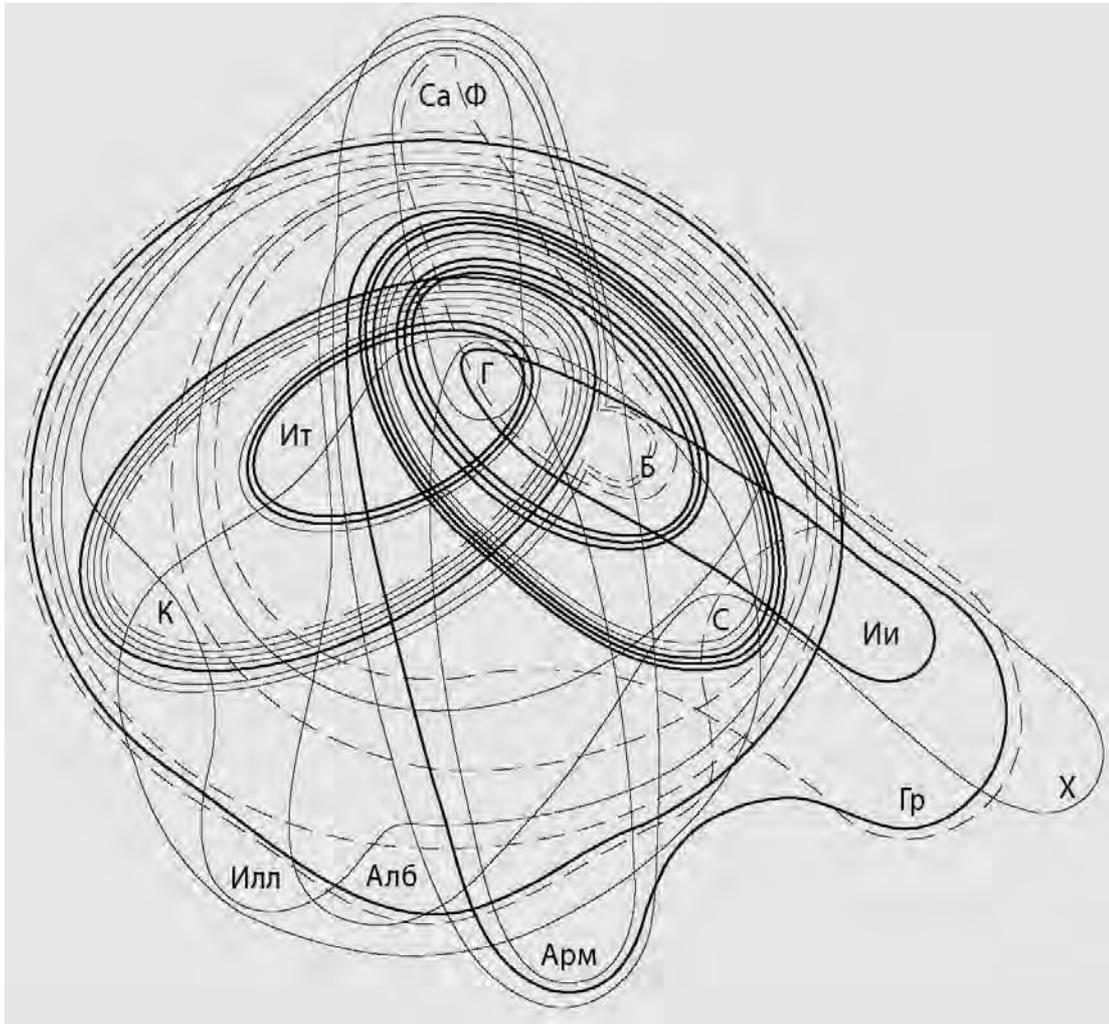

Рис. 1. Схема германских инноваций, общих с инновациями в других индоевропейских языках и в финно-угорских языках

- словоизменительные инновации (морфологические и фономорфологические)
- фонологические инновации
- структурные инновации

В области длительных контактов при распространении двуязычия возможна и прямая морфологическая интерференция, как показывает, например, цыганский язык романи в Швеции, перенявший из шведского и синтетические и аналитические показатели

грамматической категории времени и суффиксированный артикль и ряд других морфологических формантов (см., напр.: тексты на романи в Gjerdman 1963), истрорумынский, заимствовавший из хорватского тип образования множественного числа, рода и глагольного вида (Розенцвейг 1972: 39–40) и нестандартный шведский язык финнов в Финляндии, где наблюдают даже заимствование финских падежных окончаний (ср. *köpa varuhusistä* ‘покупать в магазине’ с финским окончанием элатива, букв. ‘из магазина’, вместо литературного шведского *köpa i varuhuset* ‘в магазине’⁸⁸). Большое количество случаев заимствования словоизменительных формантов приводит в своем исследовании Гардани⁸⁹. Среди его материалов 25% составляют заимствования окончаний падежей, 25% окончаний множественного числа и 35% заимствование окончаний, в которых передается более одного грамматического значения (падеж и род, род и число, число/лицо, наклонение и время и т. п.) (Gardani 2008: 83). В нашем же случае следует учитывать то, что распространение словоизменительных формантов, таких как показатели времени глагола, падежей существительного и особых формантов прилагательного, происходило в период, когда контактирующие языки были еще очень близки, и значительная часть основного словарного запаса оставалась общей. Взаимодействие этих языков соответствовало взаимодействию современных диалектов, которое показывает возможность распространения словоизменительных формантов из одной диалектной области в другую именно благодаря значительной общности словаря.

Сложность сопоставления общих инноваций усугубляется и тем, что, если при исследовании современных инноваций мы можем сравнивать время их появления и направление распространения, то в нашем случае временная отдаленность инноваций чаще всего не дает нам возможности установить ни то, ни другое. Кроме того, поскольку, как мы знаем, многие сходные изменения могут происходить в родственных языках в период их отдельного существования и при отсутствии контакта, всегда можно предположить не генетическое или контактное, а параллельное появление установленных выше сходных инноваций. Возможность параллельного развития особенно велика при сходстве структурных грамматических инноваций и фонологических инноваций, однако в том случае, когда грамматические инновации имеют и материальное сходство

⁸⁸ Собственное наблюдение.

⁸⁹ Гардани рассматривает заимствование словоизменительных морфем при контактах языков австралийских аборигенов, турецко-греческих контактах в Малой Азии, славянско-румынских, греческо- и албано-арумынских, болгаро-румынских, хорватско-истрорумынских, турецко-албанских, итальянско-мальтийских, английско-валлийских и персидско-арабских контактах (Gardani 2008: 51–79).

(прежде всего сходство морфологических формантов) гораздо более вероятно предположение о языковой общности или о контакте.

Не все 33 инновации могут иметь одинаковую доказательную силу при определении бывшего языкового единства или древнего контакта. Менее всего показательны типологически частотные инновации (1, 2, 3), хотя объединение этих инноваций в пучок обладает уже большей доказательной силой. По-видимому, к этой же группе относятся и инновации, свидетельствующие о простом совпадении грамматических категорий (6). Структурные инновации (21, 5, частично 19), не имеющие общих форм, могут быть не только следствием контакта с элементами двуязычия, но и результатом параллельного развития. И, наконец, сходство морфологических формантов и фонологических раритетов может свидетельствовать как о существовании эпохи промежуточной языковой общности, так и о тесном контакте, включавшем двуязычие. Я предполагаю общность или контактную обусловленность развития при совпадении формантов и не исключаю параллельного развития при структурном или фонологическом параллелизме.

Понимая определенную условность сопоставления инноваций, которые могут быть разновременными, я не отказываюсь от этого метода, о правомерности которого свидетельствует, прежде всего, результат – объединение в два больших пучка инноваций общих для германского и балтийского и частично славянского, с одной стороны, и италийского и частично кельтского, с другой, что соответствует традиционно предполагаемому географическому положению германского.

4.2. ОБЩИЕ ИННОВАЦИИ ПО ГРУППАМ ЯЗЫКОВ (рис. 1)

4.2.1. Германский-армянский, германский-греческий

Есть три общие германо-армянские инновации (4, 16b, 16c). Медиопассив на *-i* (4) является общим для большой группы восточных индоевропейских языков (германский, армянский, балтийский, славянский, индоиранский, греческий). Германский оказывается самым западным представителем этой группы. Две фазы передвижения согласных $b d g (p' t' k') > p t k$ (16b) и частично $p t k (p^h t^h k^h) > f p h$ (16c) являются исключительной германо-армянской инновацией, однако, поскольку кроме общей восточно-индоевропейской изоглоссы (4) у германского и армянского нет общих инноваций, это изменение рассматривается только как типологически сходная изоглосса.

Есть только две общие инновации у германского и греческого (4, 5 – дифференциация падежных окончаний в зависимости от грамматического рода), но они характерны для целой группы восточных индоевропейских языков (см. выше). Для изоглоссы 4

самым западным языком оказывается германский, для изоглоссы **5**, италийский.

4.2.2. Германский – индоиранский

Все инновации характерные для германского и индоиранского (/o/ > /a/ (2), медий на -i (4), дифференциация склонения по родам (**5**), сходная форма инструменталиса (**26**)) характерны и для балтийского, две из них характерны и для славянского (2, **5**). Германский оказывается самым западным языком, в котором есть инновации, общие с индоиранским. Отсутствие эксклюзивных германо-иранских инноваций свидетельствуют о том, что иранцы не были непосредственными соседями германцев, хотя Зеебольд предполагает период германо-иранского (скифского) соседства (Seebold 1998: 293), которое, однако, следует относить только к началу нашей эры (von Carnap-Bornheim 2003), когда общегерманский уже распался.

4.2.3. Германский – иллирийский и албанский

Хотя иллирийских материалов мало, можно установить пять иллирийско-германских и германо-албанских параллелей (/sr/ > /str/ (1), 2, совпадение аориста и перфекта (**6**), долгое ē в прошедшем времени (**7a**), сходные рефлексy исконных слоговых *l̥* и *r̥* (9a)), которые, однако, всегда охватывают и ряд других языков: 1 (славянский, частично балтийский, частично кельтский), 2 (балтийский, славянский, индоиранский, хеттский), **6** (балтийский, италийский, кельтский), **7a** (балтийский, италийский, частично славянский и кельтский), 9a (частично италийский, балтийский, славянский). Мы видим, что в отличие от германо-индоиранских и германо-греческих изоглосс общие германо-иллирийские или германо-албанские инновации есть и в западном ареале (кельтский, италийский) и в восточном ареале (балтийский, славянский). Нет ни одной германо-иллирийско или германо-албанской инновации, которой бы не было в балтийских языках, две инновации присутствуют также в славянском, две – в италийских и три – в кельтских. Германо-албанские грамматические и фонологические инновации, как правило, не являются исключительными, ср., напр.: формирование формы прошедшего времени из и.-е. аориста и перфекта, сходное с подобным явлением в кельтском и италийском, однако они четко связаны с северо-индоевропейской языковой областью, включающей в себя германский, балтийский, славянский и италийский (Десницкая 1965: 43)⁹⁰.

⁹⁰ А. В. Десницкая считала, что к списку иллирийско-германских соответствий следует добавить умлаут, который обнаруживает не только фонологическое, но и структурное морфонологическое сходство в германских языках и в албанском (ср. Десницкая 1964: 10; 1965: 40). Ван Кутсем нахо-

Исходя из фонетико-грамматических инноваций, можно предположить, что иллирийцы занимают по отношению к германцам примерно такое же положение, что и иранцы, т. е. они вряд ли были непосредственными соседями германцев в протогерманский период, однако область их опосредованного контактирования с германцами была гораздо больше, и они контактировали не только с восточной (балтийский, славянский), но и с западной группой (италийский и кельтский) индоевропейских языков Европы.

4.2.4. Германский – балтийский и славянский

Порциг приводит двадцать в основном лексических германских, балтийских и славянских параллелей, только одна из которых затрагивает грамматику (окончание *-m* в дательном падеже множественного числа) – (24) (Порциг 1964: 208–220). Однако, если мы примем во внимание установленные выше соответствия, то кроме лексических и словообразовательных мы обнаружим двадцать две фонетико-морфологических инновации, общие для германских и балтийских языков (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7a, 8, 9a, 9b, 11, 12, 18a, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25?, 26, 27) тринадцать из которых характерны и для славянских языков (2, 4, 5, 7, 8, 9a, 9b, 19, 20, 21, 24, 25?, 26), две из них (начальное ударение (11) и долгие согласные (12)) характерны только для части балтийских языков. Их нет в славянском, но они засвидетельствованы кроме германского в италийском и кельтском. Количество общих германо-балтийских инноваций оказывается самым большим и превышает количество общих германо-италийских инноваций, которых насчитывается семнадцать. Распределение общих германо-балтийских и германо-славянских соответствий выглядит следующим образом. Есть пять исключительно германо-балто-славянских инноваций (частично общие рефлексии индоевропейских слоговых *m̥* и *n̥* (9b), образование носовых гласных (20), слабые и сильные прилагательные (21), местоименное склонение прилагательных (22), *-m* в дательном множественного числа (24),

дил общность германского умляута с изменениями в соседних индоевропейских языках кельтских (особенно в ирландском) и в романских (van Coetsem 1994: 49). Однако германский умлаут фонологизовался в относительно позднюю эпоху. Его еще нет ни в готском, ни в языке старших рунических надписей. А. В. Десницкая отмечает, что в данном случае мы имеем дело с поздним типологическим параллелизмом, который, однако, мог быть следствием древней общности или древних контактов (Десницкая 1965: 40). Действительно можно предположить, что, хотя умляут и в германских языках, в албанском и ирландском фонологизовался поздно, правило умляута на аллофоническом уровне могло быть очень древним. Хирт считает возможным рассматривать то, что мы бы назвали аллофоническими чередованиями по умляуту, как одну из 19 общегерманских инноваций (Hirt 1931).

генетив на *-o (25?)) и две исключительно германо-балтийских инновации: сходный тип образования сравнительной степени прилагательных (23), и сходные изменения и краткого /o/ (2) и исконного долгого /ā/ (3). Три германо-балто-славянских инноваций (/sr/ > /str/ (1), медиопассив на -i (4) и дифференциация падежных окончаний в зависимости от грамматического рода (5) и одна германо-балтийская инновация (сходная форма инструменталиса (26)) характерны и для индоиранских языков. Одна германо-балтийская инновация частично характеризует и оско-умбрский (/ā/ > /ō/ (3)), одна – кроме германского, балтийского и славянского, характерна и для италийского (рефлексы слоговых /l/ и /r/ (9a)), одна – общая для германского, балтийского италийского, кельтского и албанского (совпадение аориста и перфекта (6)), две инновации характеризуют пять групп языков (германский, италийский, кельтский, балтийский и славянский (супплетивизм *bhu- / *es- (19)), и долгое ē в прошедшем времени (7a), одна германо-балтийская инновация характерна и для италийских языков (количественный аблаут в формах прошедшего времени) (7b, см. также 17a), две германо-балтийских инноваций, которые встречаются только в части балтийского ареала, характерны и для кельтских и италийских языков (корневое ударение (11) и долгие согласные (12)). Нет ни одной германо-славянской инновации, которой бы не было в балтийском. Соответственно нет ни одной германо-индоиранской инновации, которой бы не было в балтийском (2, 4, 5, 26) и только две такие инновации отсутствуют в славянском (2, 26). Все германо-греческие инновации характерны и для индоиранского, славянского и балтийского (4, 5).

Большинство исключительных германо-балто-славянских и германо-балтийских инноваций относятся к грамматической структуре и морфологическим формантам. Прежде всего, это касается окончания падежей существительных, ср. окончание -m в дательном падеже множественного числа (24), окончания -i в инструментальном единственного числа (26), и частичного совпадения окончаний в родительном единственного (25?). Кроме того, общие инновации касаются форм прилагательных, ср. частичное местоименное склонение прилагательных (22), сходство в образовании сравнительной степени (23) и появление двух типов (сильного и слабого) склонения прилагательных (21), в последнем случае параллелизм ограничивается только структурным сходством.

Если мы обратим внимание на предполагаемый возраст инноваций, то к германо-балтийским инновациям относятся и самые старые инновации (такие как 1, 2, 4, 5, 9a, 9b), которые могут относиться к концу третьего, началу второго тысячелетия, и более новые инновации (6, 8, 18a, 24, 25?, 26, 20, 21, 22, 23), но есть три фонологические инновации (1, 3, 19), которые могут быть моложе середины I тыс. до н. э., однако, это именно те инновации, которые

типологически частотны. Возможно инновации 11 (начальное ударение) и 12 (долгие согласные), представленные только в части балтийских языков, относятся к разному времени в германском и балтийском, но определяются влиянием сходного типа интерференции (саамский, прибалтийско-финский), см. выше.

Трудно сказать, являются ли германо-балто-славянские инновации свидетельством существования германо-балто-славянской общности, как многие считают, см. выше. Тот факт, что в балтийском больше общих с германским изоглосс, чем в славянском (см. особенно грамматические инновации **18a**, **22**, **23**, **26**), и что одна из грамматических германо-балто-славянских изоглосс чисто структурная (**21**), свидетельствует скорее о языковом континууме и о контактной связи германского и балтийского, хотя и не противоречит возможности более раннего языкового единства. Я оставляю открытым вопрос о существовании единого языка, а прежде всего, хочу подчеркнуть общие инновации, которые свидетельствуют об особых отношениях между германским, балтийским и славянским и особенно между германским и балтийским.

4.2.5. Германский – италийский и кельтский

Порциг насчитал 32 германо-италийских соответствия, из них 28 лексических параллелей и только пять фонетико-грамматических инноваций: ассимиляцию $tt > ss$ (14), переход звонких придыхательных в звонкие щелевые (9a), сходные рефлексы слоговых плавных (9a), долгое \bar{e} в формах прошедшего времени (**7a**), супплетивизм корней $*bhu-$ $*es-$ (**19**), только одна из которых оказываются исключительно германо-италийской (9a) – (Порциг 1964: 160–176). Однако, если мы добавим к пяти инновациям Порцига установленные выше инновации, а именно: германо-балто-славо-индоиранско-греческо-италийское различия склонения существительных мужского и женского рода (**5**), германо-итало-кельто-балтийское совпадение форм перфекта и аориста (**6**), германо-итало-балтийский количественный аблаут при образовании форм прошедшего времени на базисах помимо $/e/$ (**7b**), германо-итало-балто-славянское различение глаголов действия и состояния (**8**), германо-итало-кельтское сокращение долгот (10), оско-умбрско-балтийско-германское изменение $\bar{a} > \bar{o}$ (3), итало-кельто-германское ударение на корне (11), итало-кельто-германское появление долгих согласных (12), германо-италийско-балтийское чередование ступеней аблаута при образовании форм прошедшего времени (7b, 18a) и оско-умбрско-кельтско-германское образование дентального прошедшего времени (**18b**), исключительную оско-умбрско-германскую инновацию образования инфинитива (**17**) и изменение $k^v > p$ (15), которое было характерно для оского, умбрского, галльского и бриттского и частично затронуло германский а также спирализацию глухих смычных в сочетании с другими смычными ($pt, kt > ft, \chi t$) (16d), то

количество фонетико-морфологических инноваций возрастет до восемнадцати.

Германо-италийские инновации распределены следующим образом: три инновации оказываются исключительно германо-италийскими (или германо-оско-умбрскими) 16a, 16d, **17**, кроме того, в германском и италийском наиболее последовательно распушение слоговых сонорантов *r* и *l* имело вид *ul, ol; ur, or* (9a). Есть семь германо-итало-кельтских инноваций (10, 11, 12, 13, 14, **17b, 18**), две из которых имеют соответствие в саамском, финском (11, 12) и частично в балтийских языках, и девять инноваций, которые наряду с германским и италийским характерны и для балтийских (**5, 6, 7a, 7b, 8, 9a, 11, 12, 18a, 19**) и славянских языков (**5, 7a, 8, 9a**). Некоторые из этих инноваций характерны кроме германского, италийского, кельтского, балтийского и славянского для греческого и индоиранского (**5**) и для албанского (**6**). Все германо-кельтские инновации за исключением 1 (изменение *sr > str* прошло в ряде кельтских языков) характерны также и для италийских языков, однако италийские языки имеют и три исключительные германо-италийские инновации (см. выше) и германо-италийские инновации, отсутствующие в кельтском, но характерные для балтийского (7b, 19), и для других восточных индоевропейских языков (**4**) (балтийский, славянский, индоиранский, греческий). Общие для германских, италийских и кельтских языков инновации 11 и 12 характерны только для части балтийских языков, причем очевидно их более позднее появление (см. выше).

Следует отметить особое отношение оско-умбрского к германскому. Наряду с другими общими германо-италийскими инновациями оско-умбрский имеет две исключительные оско-умбрско-германские параллели – генерализация аккузатива при формировании инфинитива (**17**) и изменение *pt, kt > ft, χt* (16d), и одна италийско – германская параллель, спирализация *bh dh gh* (16a), является полной только в отношении оско-умбрского и германского, поскольку только в них она характерна и для начала, и для середины слова. Одна оско-умбрско-германская инновация есть и в кельтском (**17b**), а одна характерна только для галльского и бриттского (15). Кроме того, есть одна оско-умбрско-германская инновация, характерная также для балтийского и славянского (3). Таким образом, можно насчитать семь полных или частичных германо-оско-умбрских инноваций (3, 15, 16a, 16d, **17, 18b**).

Отношение кельтского и италийского к германскому соответствует отношению балтийского и славянского к германскому. Кельто-германских и славяно-германских инноваций меньше чем итало-германских и балто-германских, и все кельто-германские инновации имеют соответствия в италийском, а славяно-германские в балтийском, тогда как балтийский и италийский имеют целый ряд

общих с германских инноваций, отсутствующих в кельтском и славянском.

Любопытно и сходство некоторых германо-кельто-италийских или германо-италийских фонологических соответствий с саамо-прибалтийско-финскими признаками. К этим соответствиям относится начальное ударение (11) и появление долгих согласных (12), а также изменение /ā/ > /ō/ (3). Вполне вероятно, что эти изменения, продвигались с севера на юг, т. е. из саамско-прибалтийско-финского на юг Скандинавии, далее в Ютландию, далее в италийский, а из италийского в кельтский. Сходного типа изменения в части балтийских языков (11, 12) также могли быть связаны с финно-угорским влиянием, однако, вероятно, более поздним.

4.2.6. Германский-саамский и прибалтийско-финский

Семь германских инноваций имеют соответствия в саамском (3, 13, 16b, 16e, 11, 12, **21**) из них шесть (кроме **21**) характерны для прибалтийско-финских языков или для других уральских языков. Только две из этих инноваций являются исключительными угро-финско-германскими (закон Вернера 16e) и противопоставление центральной и периферийной акцентуации (13), одна соответствует армянскому изменению (16b). Такие инновации как начальное ударение (11), появление долгих согласных (12), и частично изменение /ā/ – /ō/ > /ō/ (3) объединяет саамский, прибалтийско-финский, германский и италийский, а две из них характерны и для кельтского и частично для балтийских языков (11, 12). Большинство германо – финно-угорских соответствий относится к просодике (словесное ударение, связанный с ударением закон Вернера, центральная и периферийная акцентуация, появление долгих согласных).

Из финно-угорских языков только в саамском мы находим два типа склонения прилагательных, что кроме германского характерно для балтийского и славянского (**21**).

4.3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

На основании подсчетов лексических соответствий Крубера и Кретьена установили, что германские языки наиболее тесно связаны с италийскими и балтийскими языками, причем коэффициент сходства лексического состава германского с балтийским составляет 0.64, а с италийским 0.57 (Kroeber, Chrétien 1937: 99). Критикуя методику подсчета Крубера и Кретьена и предлагая новую методику, Эллегорд пришел почти к тем же выводам. Он вычислил, что коэффициент сходства лексики германского с балтийским составляет 49%, а германского с италийским – 41% (Ellegård 1959: 145). Наконец, Манчак, обращая внимание прежде всего на частотность употребления слов в тексте, предположил большее сходство

между германским и славянским, за которым следуют балтийский и италийский (Mańczak 1980: 122). Подсчеты Крубера, Кретъена и Эллегорда о степени лексических соответствий подтверждают справедливость предположения об особых отношениях германского с балтийским и италийским, сделанным на основании сравнения фонологических и морфологических инноваций (см. выше). Однако в составе общегерманской лексики выделяется не только пласт слов, имеющих соответствия в других индоевропейских языках. Речь идет в данном случае не только о германских неологизмах, образованных при помощи индоевропейских корней, но и о возможных заимствованиях из неизвестного субстрата.

4.3.1. Предполагаемые лексические заимствования из неизвестного субстрата

В конце XIX, начале XX века считалось, что значительное количество общегерманских слов с неясной индоевропейской этимологией (таких, например, как нем. *Adel, Bein, Dieb, Grund, Ort, Zehe, Weib, Winter, Tag, arg, arm, klug, fliehen, laufen, trinken* – см. список Kauffmann 1913) могут быть заимствованиями из неизвестного языка⁹¹. Наиболее последовательно эту идею отстаивал З. Фейст, который, просмотрев этимологический словарь немецкого языка Клуге, обнаружил, что около 30% общегерманского словарного состава не имеет соответствия в других индоевропейских языках, т. е. что значительная часть германских слов может иметь субстратное происхождения. К таким словам Фейст относил, прежде всего, слова «морской» семантики, такие как немецкие *See* ‘море’ (гот. *saiws* ‘озеро’, др.-исл. *sær, sjór*, др.-англ. *sæ*; др.-фриз. *sē*, др.-вн., др.-сакс. *sēo*), *Segel* ‘парус’ (др.-исл., др.-англ. *segl*, др.-фриз. *seil*, др.-сакс. *segel*, др.-вн. *segal*), *Storm* ‘буря’ (др.-исл. *stormr*, др.-англ., др.-сакс., *storm*, др.-вн. *sturm*), *Strand* ‘берег’ (др.-исл. *strönd*, др.-англ. *strand*), *Netz* ‘сеть’ (гот. *nati*, др.-англ. *nett*, др.-сакс. *netti, nett*, др.-фриз. *net*, др.-исл. *net*, др.-вн. *nezzi*) и т. д., замечая, что все германские названия рыб, кроме лосося, также не имеют соответствий в других индоевропейских языках (Feist 1924: 89). После работ Фейста этот список продолжал активно пополняться (ср., напр.: Krahe 1935; Rosenfeld 1961, Mackensen 1962; Tschirch 1966; Gysseling 1987). Определелись и основные семантические группы ‘субстратного списка’. Кроме морской тематики и названия рыб к

⁹¹ Впервые количественные подсчеты германских слов без индоевропейской этимологии были проведены Либлихом, который установил, что около 1000 корней в немецком языке этимологически не связаны с корнями в других индоевропейских языках (Liebich 1899). Полный список когда-либо предлагавшихся субстратных слов в германском можно найти в интернете (Mc Callister 1999).

этому списку относят названия птиц, частей тела, ряд глаголов и другие слова⁹².

Однако, начиная с середины прошлого века, несмотря на то, что ряд германистов продолжал утверждать о том, что треть общегерманского словарного состава имеет субстратное происхождение (см., напр.: Scardigli 1987: 222–223; Hutterer 1999: 45), и список Фейста и более поздние дополнения к этому списку стали подвергаться критическому пересмотру. Для многих считавшихся раньше субстратными германских слов была найдена приемлемая индоевропейская этимология (см., напр.: Neumann 1971). И если бы Фейст имел возможность просмотреть последнее, переработанное Зеебольдом издание этимологического словаря Клуге, он бы обнаружил, что часть слов, традиционно относящихся к словам догерманского субстрата, таких, например, как немецкие *Land, Netz, See, Beere, Distel, Möwe, Regen, Reh, Rohr, Taube, Traube*, получили хорошую индоевропейскую этимологию (см., напр.: *Land, Distel, Möwe, Reh, Netz* – Kluge/Seebold 1999: 185, 501, 572, 675), этимология части слов является спорной, но все предлагавшиеся этимологии остаются индоевропейскими (*Beere, Rohr, Taube* – *ibid.*: 89, 690, 817), и только этимология немногих слов из этого списка продолжает оставаться проблематичной (ср. *See, Regen, Traube* – *ibid.*: 674, 753, 833), хотя и для ряда этих слов предлагалась индо-

⁹² Филолог-любитель американский певец Роберт Клэйборн даже дал имя этому субстрату, назвав его «фолькским» языком (англ. *Folkish*), по одному из предполагаемых субстратных слов (**folk-*), и помещая его в район южного побережья Балтийского моря (Claiborne 1989). Нет, однако, никаких оснований отказываться от индоевропейской этимологии германского **folk-* (см., напр., de Vries 1962: 137; Kluge/Seebold 1999). Это слово относится к группе эксклюзивных германских новообразований военной тематики, которые сформировались в протогерманский период из индоевропейских корней с разными суффиксами, которые традиционно называются расширителями корня (примеры см. в разделе 4.4). В данном случае расширителем было *-k*, т. е. **pol* ‘полный’ + *k*. > общегерм. **folk-* ‘отряд’. Традиционно считается, что соответствующее славянское слово (см. ст.-слав. *плѣкъ*, русск. *полк*) является германским заимствованием, хотя индоевропейский корень **pl* хорошо представлен не только в германских, (ср. гот. *fulls*), но и в славянских (ср. русск. *полный*) и в балтийских (ср. лит. *pilnas*) языках. Однако, поскольку расширителя *-k* не находят в славянском, славянское *полк* считается германским заимствованием, а литовское *pulkas*, в свою очередь, рассматривают как славянское заимствование (Фасмер 1971: 311–312). Если это так, то славянская форма отражает, скорее всего, не доперелойное германское состояние, а субституцию отсутствующего в балтийском и славянском /f/ славянским /p/. Не исключено и движение этого слова из германского сначала в балтийский, а затем в славянский.

европейская этимология⁹³. Резкой критике (см. Polomé 1989)⁹⁴ были подвергнуты и доиндоевропейские этимологии ряда германских слов, предложенные Гисселингом (Gysseling 1987). Таким образом, особое положение германского словарного состава было поставлено под сомнение, поскольку оказалось, что количество неясных германских этимологий не превышает количества неясных этимологий в любом другом языке (см., напр.: Seebold 1986).

Несмотря на определение индоевропейских этимологий у многих слов «субстратного» списка, в нем сохраняется целый ряд слов, этимология которых остается неясной. Эти слова продолжают рассматриваться как возможные следы неизвестного субстрата, причем предполагается влияние этого субстрата не только на германский, но и на другие языки северо-западной Европы (Huld 1990; Hamp 1990). Хэмп полагал, что из этого субстрата был заимствован ряд слов в кельтский, германский, балто-славянский, албанский (и фракийский). Причем характерным для этого языка было отсутствие оппозиции краткого /o/ и краткого /a/, а соответствующая фонема выступала в виде открытого /o/, именно в языках этой группы наблюдается совпадение краткого /a/ с кратким /o/. Одним из субстратных слов этого языка, проникшего во все северные индоевропейские языки были слова, обозначающие яблоко и яблоню (ср. др.-ирл. *ubull* ‘яблоко’, *aball* ‘яблоня’; лит. *obuolas* ‘яблоко’, *obelis* ‘яблоня’; ст.-слав. **ЯВЛЪКО**, **ЯВЛАНЬ**; др.-исл. *epli* ‘яблоко’ < **apljaN*, *apaldr* ‘яблоня’ < **apal(n)*, др.-сакс. *appul* ‘яблоко’, которые восходят к реконструированным формам **ablu* ‘яблоко’, **abal-n-* ‘яблоня’ (Hamp 1979: 159, 164–166).

⁹³ Так большинство этимологий самого важного морского слова из субстратного списка (нем. *See*, англ. *sea* и т. п.) предполагает его индоевропейское происхождение. Ср., в частности, реконструкцию общегерманских корней **saiw-* и **saigw-* (ср. нем. *seihan* < др.-вн. *sīhan* ‘сочиться’, др.-вн. *sīgan* ‘капать’ и др.-инд. *sincāti* ‘выливать’, лит. *suvas* ‘сок’, латыш. *sīws* ‘сукровица’, греч. *αἰονάω* ‘поливаю’, (ср., напр., de Vries 1962; Koivulehto 1967; Meid 1984; Mees 2001). Этот германский корень возводили к индоевропейскому корню **sēi* ‘капать, сочиться’, предполагая семантическое развитие «лужа» > «озеро» > «море» (de Vries 1962: 575). Менее популярно стало предположение Коллиндера, считавшего, что **saiwo* могла быть саамо-прибалтийско-финским заимствованием в германский (Collinder 1924). Однако, поскольку в других финно-угорских языках такого слова нет, следует согласиться либо с традиционным предположением, что соответствующее саамское и финское слово было германским (< индоевропейским) заимствованием. Либо действительно это слово относится к словам субстрата, общего для саамо-прибалтийско-финского и германского.

⁹⁴ Полومه не отрицает наличия слов из доиндоевропейского субстрата в германском (Polomé 1989: 54–55), однако критически относится к предлагаемым Гисселингом новым этимологиям.

Критический пересмотр слов германского субстратного списка имел значение и для поисков более веских оснований для предположения о субстратной лексике. Если раньше при определении кандидатов в субстратную лексику объединяли все слова с неясной этимологией, без учета формы слова, то в последнее время стараются выделить и общие формальные признаки подобных слов, предполагая тем самым возможность того, что эти слова могли быть заимствованы из одного языка. Боуткан отмечает, что для многих германских слов, не имеющих индоевропейской этимологии, характерна одинаковая структура. Многие из них двусложны и имеют чередование гласных во втором слоге (ср., напр.: **apal*, *apil* 'имущество'; **durpul*, *durpil* 'порог'; **gadul*, *gadil* 'родич'; **magap*, *magip* 'девушка'; **hebon*, *hebun*, **himin* 'небо' и т. д. (Boutkan 1998)⁹⁵. В некоторых случаях германские слова такого типа имеют соответствия в италийских языках, см. **ha(u)bud*, *-haubid* 'head' (lat. *caput*). А в некоторых случаях, как в частности, в случае со словами, обозначающими яблоко и яблоню, которые также не считаются исконным индоевропейскими, они характерны для ряда языков северной Европы. Причем отметим, что это слово для обозначения яблока двусложно и имеет чередование гласных во втором слоге, что соответствует предполагаемым Боутканом критериям слова, заимствованного из северо-европейского субстрата.

Хотя сравнение германских фонологических и грамматических инноваций с инновациями в других индоевропейских языках и в соседних финно-угорских языках фактически не свидетельствует о существовании пласта инноваций, которые можно было бы объяснить влиянием особого (и неиндоевропейского, и нефинно-угорского) субстрата, в общегерманской лексике можно обнаружить группу слов сходной структуры, которые могут быть интерпретированы как след неизвестного «северного» субстрата. Даже самые активные критики германского субстратного списка, отмечают наличие в германском неиндоевропейских терминов, характерных для некоторых семантических полей (напр.: названия представителей флоры и фауны), замечая, однако, что многое еще предстоит сделать для окончательного выяснения этого списка (Mees 2001: 28), с чем нельзя не согласиться. Несмотря на продолжающиеся споры относительно этимологий отдельных слов, можно согласиться с теми исследователями, которые признают наличие пласта заимствованной неиндоевропейской лексики в германских языках (см., напр.: Sausverde 1996: 142). Причем в ряде случаев эта лексика могла быть заимствована из субстратного языка и в саамо-при-

⁹⁵ Следует, правда, отметить, что фонетическая структура слова с чередованием гласных в суффиксе была свойственно для индоевропейских языков (аблаут), и такое состояние реконструируется и для протоиндоевропейского, что не принимается во внимание Боутканом.

балтийско-финский (как это, по мнению Саусверде могло произойти для слова для обозначения «моря»), а возможно и в некоторых случаях и в балтийские языки (*ibid.*: 139–140).

Однако кроме ставшего уже традиционным предположения о неизвестном субстрате, из которого в германский были заимствованы слова «морской семантики», в последнее время был высказан и ряд нетрадиционных гипотез. Феннеманн считал, что древнеевропейские гидронимы Краэ не являются индоевропейскими, а свидетельствуют о распространении в Европе языка, единственным живым представителем которого является баскский. Он назвал его васконским и предположил наличие пласта слов из этого васконского языка в германском. К таким словам он относил в частности германские слова, соответствующие немецким *Harn, Silver, Eiche, Birke, Haken, Eisen, Garbe, Latte, stinken* и т. п. (Vennemann 1995) В данном случае речь идет не об исключительно германском субстрате, а об общеевропейском субстрате индоевропейского, поскольку многие из списка слов Феннемана имеют соответствия в языках географически далеких от германского (ср., напр.: др.-исл. *eik*, др.-англ. *āc*, др.-вн. *eih* ‘дуб’ и греч. *αἰγίλωψ* ‘разновидность дуба’). Однако Феннеманн предположил не только наличие васконского субстрата в европейских индоевропейских языках, но и наличие семито-хамитского суперстрата в германском (Vennemann 1995; 2000; 2004). Этот семитский суперстрат он связывал с археологической культурой мегалитов (см. ниже), полагая, что целый ряд германских слов были заимствованы из этого языка (ср., напр.: общегерманские слова, соответствующие немецким *Erde, Volk, Eber, Haß, Heer, Horn, Garten, Mond, messen* и т. д. – Vennemann 1995), однако для большинства слов из семитского списка Феннеманна существуют убедительные индоевропейские этимологии, поэтому идеи семитского суперстрата в германском, были отвергнуты германистами не только по экстралингвистическим причинам. Предположение же о васконском лексическом субстрате в индоевропейских языках заслуживает внимания, поскольку генетические исследования свидетельствуют о возможности такого влияния (см. ниже). Однако предполагаемые Феннеманном васконо-индоевропейские контакты относятся к периоду, предшествующему формированию протогерманского.

4.3.2. Германо-балтийские и германо-балто-славянские лексические и словообразовательные параллели

Уже давно был отмечен целый ряд словообразовательных и лексических параллелей, характерных для германских, балтийских и славянских языков. Есть суффиксы, общие для германских балтийских и славянских языков, ср., напр.: продуктивный германский суффикс *-isk* (<*-iska), вероятно, первоначально представляв-

ший собой сочетание двух суффиксов *s + k*, который имеет соответствие в балтийском и славянском, ср., гот. *þiupisks*, лит. *lietuviškas*, ст.-сл. **словѣнскъ**. Хотя есть единичные примеры использования этого суффикса в кельтском и фракийском (СГГЯ I 1962: 47), наиболее продуктивен он в германском, балтийском и славянском (Ambrazas 1996: 126)⁹⁶. На индоевропейские истоки этого суффикса указывают греческие формы, в которых суффикс *-sk-* имеет деминутивное значение (ср. ἀνθρωπίσκος ‘человечек’). Существует параллелизм и у формы и значения германского суффикса *-ing, -ung*, и суффикса прилагательного *-ing-as* в балтийском и возможно суффикса *-eg* в славянском (ср. русск. *работяга*) (Vaillant 1970). В литовском этот суффикс является суффиксом прилагательного, но в древнепрусском он часто используется при субстантивации прилагательного (ср. *naunīngs* ‘человек новой веры’ – Ambrazas 1996: 127). Амбразас предполагает возможность проникновения суффикса *-ing* из балтийского в германский, поскольку в германском *g* в этом суффиксе не подверглось перебою, и в балтийских языках этот суффикс более полно инкорпорирован в словообразовательную систему (в балтийском *īn* сочетается не только с *g*, но и с другим расширителем *d*, см. *īn-d* (ibid.)). Возможно, германский деминутивный суффикс *-k-*, характерный для всех германских языков, но особенно распространенный в западногерманских языках (см. Hofmann 1961), также мог быть заимствован из балтийского (ср. отсутствие перебора в германском суффиксе). Отсутствие перебора в германских суффиксах, имеющих балтийские соответствия, свидетельствует о том, что они проникли в германский из балтийского после 500 г. до н. э.

Амбразас причисляет к общим германо-балто-славянским суффиксам суффикс **-io* для образования *nomina attributiva* и суффикс **-men* для образования *nomina qualitatis* (Ambrazas 1996: 127–132). Станг относит к общим балто-славо-германским словообразовательным элементам суффикс **r*, употреблявшийся для обозначения «того, что выдается», ср., напр.: др.-англ. *hofar*, лит. *kupra* ‘горб’, что отличает балтийский, славянский и германский от других индоевропейских языков (Stang 1972: 88–89). К германо-балто-славянским инновациям относится и модель образования слова для обозначения золота, включающую не только связь этого слова с прилагательным со значением ‘желтый’, но и одинаковый суффикс **-t-* (гот. *gulþ*, латыш. *zelts*, ст.-сл. **ЗЛАТО**).

Образование с назальным инфиксом в балтийских языках и с назальными суффиксами в германских и славянских языках также считаются часто общей германо-балто-славянской изоглоссой (см.,

⁹⁶ Хирт полагал, что общий германо-балто-славянский суффикс *-sk* свидетельствует не об исконном родстве, а является результатом заимствования, не уточняя, правда, из какого языка в какой (Hirt 1897: 293).

напр.: СГГЯ I 1962, IV 1966: 193–194). Однако инфиксальные и суффиксальные образования с носовым согласным встречаются во всех древних индоевропейских языках (Kuiper 1937; Annerholm 1956; Stang 1966). В балтийских языках мы встречаемся чаще с назальным инфиксом, в славянском назальный инфикс редок (САДЖ, ЛАГЖ), но очень продуктивен назальный суффикс (Stang 1966: 338). В германских языках есть соответствие балтийскому назальному инфиксу (ср. гот. *standan* ‘стоять’ – *stóþ*), однако гораздо более продуктивным был назальный суффикс особенно в восточногерманских и скандинавских языках (гот. *waknan*, др.-исл. *vakna*, f. ‘проснуться’), встречающийся и в западногерманских языках, но отличающийся от него по своему значению (см. др.-вн. *lernēn* ‘учиться’ – Schwerdt 2001: 191, 195).

В балтийском славянском и германском каждый из суффиксов и инфиксов приобрел особое значение, отличное от значения назального инфикса и назального суффикса в других индоевропейских языках. В греческом и санскрите глаголы с носовым не обязательно непереходные, имеющие чаще всего терминативное значение (Stang 1966: 339), а в германском балтийском и славянском они обязательно непереходные, имеющие медиальное значение (часто ингрессивное и перфективное). Один из основных признаков этих глаголов их неагентивность (Schwerdt 2001). Станг связывает образования с назальным инфиксом и суффиксом в германских, балтийских и славянских языках влиянием форм тематического аориста, от которого они и образовались (Stang 1966: 340). Таким образом, очевидно семантическое и историческое сходство между германским, балтийским и славянским, хотя одинаково формальное развитие не везде одинаково (ср. инфиксацию в балтийском). Станг считал, что эта общая инновация не предполагает раннюю германо-балто-славянскую общность (Stang 1942: 276), а связана со сходным развитием сохранившихся старых черт. Такой же точки зрения придерживался Аннерхольм (Annerholm 1956). Однако подобное сходство могло быть связано не только с былой языковой общностью, но и с контактами. Причем наиболее точны соответствия между восточногерманским, скандинавским и славянским, где и значение и форма суффикса совпадают. Восточногерманский и скандинавский показывают и сходную с балтийским реорганизацию гетероклитического склонения (см. гот. *watō*, род. пад. *watins*, др.-исл. *vatn*, лит. *vanduo*, род. пад. *vandens*, но др.-англ. *wæter*, др.-вн. *wazzar* (Polomé 1972: 44).

Важной германо-балто-славянской инновацией являются префиксальные образования перфективных глаголов и (ср. напр. гот. *saihvan* – *gasaihvan*, *greipan* – *undgreipan* и соответствующие русские и литовские пары глаголов *matyti* – *pamatyti*, ‘видеть – увидеть’, *čiupti* – *sučiupti*, ‘хватать – схватить’ и т. п. Сходного типа префиксация была характерна и для итальянского (ср. лат. *conficio*

‘делаю, совершаю’, *conduco* ‘собираю’), однако, хотя в некоторых случаях у латинской формы с префиксом можно усмотреть значение акциональности, чаще префикс сохранял исконное значение совместности.

Была ли эта оппозиция типа *saihvan* – *gasaihvan* грамматикализованным видом в общегерманскую эпоху как в современном русском языке, или она носила в основном лексический характер, трудно сказать, однако сходство функций и в некоторых случаях сходство формантов (особенно формантов герм. **ga* < **ku(m)*, слав., балт. **su-* < + **ku(m)* и гот. *us-* лит. *iš-*, слав. *is-*) очевидно. Вопрос о возможности существования перфективного вида в готском и прагерманском был предметом длительной дискуссии (см. литературу: Сизова 1978). Возможно, в готском мы застаем уже только следы грамматической функции префикса *ga-*, который рассматривается Масловым как «абстрактный показатель предельности» (Маслов 1959: 80). Этот префикс встречается у трети всех приставочных глаголов, а вместе с префиксом *us-*, который также имеет значение предельности, они составляют почти половину всех приставочных глаголов. Грамматикализованная предельность (терминативность), значение которой шире, чем значение перфективности, могла быть предшественницей и балто-славянской или только славянской категории совершенного вида, но она исчезла как грамматическая категория в германском). Возможно германо-балто-славянская грамматикализованная терминативность развилась на основе индоевропейской видовой системы, однако, очевидно, что по сравнению с протоиндоевропейской системой германо-балто-славянская приставочная предельность является новообразованием.

Германский, балтийский и славянский сходным образом образуют формы женского рода причастий (ср. гот. *frijōndi*, лит. *augandi*, ст.-сл. **вѣржшти** – вин. ед. гот. *frijōndja*, лит. *augančią*, ст.-сл. **вѣржштѣ** – Zinkavičius 1998: 1).

Особую группу германо-балтийских и частично германо-балто-славянских соответствий, отсутствующую в других индоевропейских языках, составляют сходные модели образования числительных. Часть из них охватывает германский, балтийский, славянский ареал, а часть касается только общих германо-балтийских образований. К исключительным балто-германским параллелям относится образование числительных 11 и 12 с элементами *-lif/-lika* (ср. **twalibu* или **twalihwu* и лит. *dvylika*)⁹⁷. Общая словообразовательная модель при образовании слова, обозначающего тысячу, восходящая, вероятно, к сочетанию значением ‘сильная сотня’ (**tūs-k’mtjom*), ср. др.-исл. *þúsund*, *þúshund*, *þúshundrað*, прусс. *tūsintons*, ст.-сл. **тысяща**, нем. *Tausend*, русс. *тысяча*. В германском балтийском и

⁹⁷ В балтийских языках по такой модели образованы все числительные от 11 до 19.

славянском мы имеем сходную модель для образования десятков, включающую в себя числительное для обозначения единиц в сочетании со словом для обозначения десяти, ср., ст.-сл. **три десеть**, лит. *trisdesimt*, гот. *þreis tigjus*, но ср. лат. *triginta*, греч. τριάκοντα.

К балто-германо-италийской изоглоссе, относящейся к этой же группе, можно причислить суффиксальное образование с *-m* у порядкового числительного со значением первый, см. др.-прусс., лит. *pirmas*, лат. *primus*, др.-англ. *forma*, др.-сакс. *formo*, гот. *fruma*, но ср. русск. *пер-в-ый*. Форма с *-m* есть и в греческом, ср. πρῶμος, но в значении 'первый' употребляется форма без *-m*, ср. πρῶτος.

Лексические германо-балтийские и германо-балто-славянские изоглоссы включают в себя название некоторых процессов и продуктов трудовой деятельности, примитивных (чаще всего деревянных) орудий труда, средств передвижения по воде, сельского хозяйства, хозяйственных построек, явлений природы, названий растений и животных, духовной жизни, верований и социальных отношений (СГГЯ I 1962: 71; Stang 1972: 78–81; Саусверд 1985: 168–170; Непокупный 1989: 298; Непокупный et al. 2005). К важным лексическим параллелям относятся название золота (см. выше) и серебра (ср. гот. *silubr*, др.-сакс. *silubar*, др.-исл. *silfr*, др.-англ. *seolfur* др.-исл. и ст.-сл. **сьрѣбро**, лит. *sidabras*), которое было заимствовано из общего неизвестного источника⁹⁸. Выделяют более 60 исключительных германо-балтийских изоглосс (Zinkiaivičius 1998: 2) и более 70 исключительных германо-балто-славянских изоглосс (*ibid.*, 1), ср., напр. гот. *qairnus*, др.-исл. *kvern*, др.-англ. *sweorn*, лит. *girnos*, русск. *жернов*; др.-исл. *rugr*, др.-англ. *ryge*, др.-вн. *rocko*, лит. *rugys*, русск. *рожь*; др.-вн. *houwan*, др.-исл. *hoggva*,

⁹⁸ Рассматривают возможность заимствования слова для обозначения серебра из протобаскского (см., напр.: Иванов 1979: 29) или из картвельских языков (Иванов 1983: 104). По-видимому, в языке источнике балтийских, славянских и германских форм поствокалическим согласным, который дает разные рефлексy в разных языках (ср. в германских *l*, в литовском *d*, в старославянском *r*), был ретрофлексный одноударный тремулянт типа шведско-норвежского «толстого» *l* или дравидийского и индоарийского ретрофлексного *r*, который мог интерпретироваться в языках, где его нет, и как *l*, и как *r*, и как *d*, ср. также изменения одноударного ретрофлексного тремулянта в *l* и *d* в индоарийских языках (о скандинавском, дравидийском и индоарийском ретрофлексном одноударном тремулянте см. Kusmenko 2003). В Европе ретрофлексные согласные кроме Скандинавии есть в Южной Италии и на Сицилии, а также на Сардинии и Корсике, где они считаются следом неиндоевропейского средиземноморского субстрата (Alinei 2002: 18). Возможно, именно из этого субстратного языка Италии и было заимствовано через неизвестные языки посредники в германский, балтийский и славянский слово, обозначающее серебро.

лит. *kauju*, русск. *ковать* (в латинском и кельтском с суффиксом *-d*, лат. *cūdo* ‘бью’, ирл. *cúad* ‘битва’); др.-исл. *vax*, др.-англ. *weax*, др.-вн. *wahs*, лит. *vaškas*, русск. *воск*; др.-исл. *síkr*, латыш. *sīgas*, русск. *сиг*; др.-вн. *aspa*, др.-исл. *ǫsp*, др.-прусс. *abse* латыш. *apse*, польск. *osa*, *osina*, русск. *осина* < **opsina*; гот. *galisan*, др.-исл., *lesa*, др.-англ., др.-вн. *lesan* ‘собирать’ лит. *lesti*, латыш. *lest* ‘клевать’; гот. *hilpan*, др.-вн. *helfan*, др.-сакс. *helpan*, др.-исл. *hjalpa*, лит. *šelpiti* ‘помогать’; лит. *darbas* ‘работа’, *dirbti* ‘работать’ – др.-исл. *djarfr* ‘смелый’, др.-англ. *deorfan* ‘работать’; лит. *derva* ‘смола’ – др.-исл. *tjara*; лит. *griebti* ‘хватать’, *graibyti* ‘ощупывать’ – гот. *greipa* ‘хватать’; лит. *gomurys* ‘нёбо’ – др.-исл. *gómr* (Георгиев 1958: 236–237; Чемоданов 1962: 71–79⁹⁹; Polomé 1972: 51–57; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 418–419; Zinkavičius 1998: 2; Ernst, Fischer 2001: 92–94; Непокупный et al. 2005). Существует и ряд примеров на одинаковое развитие значений у индоевропейских корней, ср., напр.: появление нового одинакового значения «рыба > лосось» (др.-исл. *lax*, др.-вн. *lahs*, лит. *lāšis*, латыш. *lasis*, русск. *лосось*, но ср. тох. *laks* ‘рыба’). Т. е. общее германо-балто-славо-тохарское слово получило значение ‘лосось’ только в германском и балто-славянском и в таком виде было заимствовано в финский (*lohi*) и северосаамский (*luossa*).

4.3.3. Германо-италийские лексические и словообразовательные соответствия

Большое количество лексических и словообразовательных соответствий находят в германских и италийских языках, причем количество германо-италийских соответствий в суффиксах превышает даже количество подобных соответствий в германских и балтийских языках, ср. суффикс **-tuti*, ср. гот. *gamain-duþs* ‘общность’, лат. *virtus* род. пад. *virtutis* ‘доблесть’¹⁰⁰; суффикс **-jo* в композитах ср. гот. *at-apni* ‘год’, лат. *bi-ennium* ‘два года’; суффикс **-no* у числительных (см., лат. *bīnī* < **dwisno-*, др.-исл. *tvennar* < **twizna-*), суффикс **-nē* у наречий со значением ‘откуда’ (ср. лат. *super-ne* ‘сверху’, *inferne* ‘снизу’, гот. *utana* ‘снаружи’, *innana* ‘изнутри’ и соответствующие древнеисландские формы), наречный суффикс **-trō-* (ср. лат. *extrā*, гот. *hvaprō*), суффикс **-in* для образования особого типа *nomina agentis* (ср. лат. *dominus*, гот. *þiudans*), суффикс **uo* для образования названий цветов, ср. др.-вн. др.-сакс. *gelo*, *gelu*, лат. *helvus* < **g hel-uo-s* (ср. СГГЯ 1962 I, Порциг 1964; Ernst, Fischer 2001). Общим является и сходный суффикс презенса

⁹⁹ Чемоданов приводит более 50 германо-балтийских лексических параллелей, однако Поломе полагает, что только треть из приведенных Чемодановым слов не вызывает возражений (Polomé 1972).

¹⁰⁰ Хотя этот суффикс мы находим только в готском, его форма (передвижение согласных и закон Вернера) свидетельствует о его древности.

глаголов на *io*, ср. лат. *capio, capis, capit*, др.-вн. *heffu, hevis, hevit* (Hirt 1897: 305). Есть и сходного типа префиксаци, ср. гот. *ga-mains*, арх.лат. *sotoine* ‘общий’ и сходное образование отрицания, ср. арх.лат. *noenim* < **ne-oinom*, др.-вн. *nein* < **ne-aina*. Возможно к параллелям подобного типа относятся и сходные префиксальные образования типа гот. *aftiuhan, attiuhan, gatiuhan*, лат. *abdūcere* ‘отводить’, *addūcere* ‘приводить’, *condūcere* ‘сводить’, которые правда могут быть не инновациями, а архаизмами, хотя Н. С. Чемоданов считает их «параллельными инновациями в позднюю эпоху» (СГГЯ I 1962: 38), однако, какая именно эпоха имеется в виду. Однако подобного типа префиксальные образования есть и в балтийском и в славянском (см. выше).

Наличие германского передвижения согласных и чередований по закону Вернера в общих германо-италийских суффиксах, ср. гот. *-dup* – лат. *-tut*, гот. *pro* – лат. *trā*, свидетельствует о том, что итало-германские контакты имели место только до Первого передвижения согласных, в отличие от германо-балтийских контактов, которые продолжались и после Первого перебора (см. выше отсутствие перебора в общих германо-балтийских суффиксах).

Традиционно указывают на две исключительные германо-венетские инновации, ср. венетские формы местоимения *tego* ‘меня’, образованные по аналогии с формой именительного падежа *ego* и соответствующие образования в германских языках, ср. гот., др.-исл. *mik* (<**meka*), по аналогии с *ik* (<**eka*)¹⁰¹ и т. п., и общее местоимение тождества **selbo-* ‘сам’, (ср. венет. *sselb-*, др.-вн. *selb*, гот. *silba* – Krahe 1956: 17–18)¹⁰². Однако модель типа *ik* – *mik* возможна и в хеттском (ср., *uk* – *ammuk*) (СГГЯ I, 1962: 48). Таким образом, единственной эксклюзивной германо-венетской параллелью оказывается только сходный суффикс *-lb-* при образовании местоимения тождества от индоевропейского местоименной основы **s(v)e-*.

Традиционно отмечают и большое количество лексических соответствий в германских и в италийских языках, часть которых характерна и для кельтского. Эти соответствия охватывают названия частей тела, явлений природы, производственную и сельскохозяйственную лексику, в том числе земледельческую и скотоводческую (Euler, Badenheuer 2009: 24). От балтийско-германских соответствий итало-германские соответствия отличаются большим числом общественно-юридических терминов (СГГЯ 1962 I, 85). Большая часть итало-германских лексических соответствий

¹⁰¹ Предполагается, что источником венетского *-go* и германского *-ka* была индоевропейская частица **-g(h)e/o* (Shields 2001: 348).

¹⁰² Критику предполагаемых лексических германо-венетских соответствий см. Polomé 1957: 98, который, однако, не ставит под сомнение две приведенные выше параллели.

оказывается исключительной, ср. лат. *haedus*, гот. *gaitis* ‘коза’; оск. *cadeis*, гот. *hatis* ‘ненависть’; лат. *iuvēta*, гот. *junda* ‘юность’; лат. *sacena* < **sakesna* ‘ритуальный нож’, герм. **saxsa* ‘нож’; лат. *lingua* < *dingua*, гот. *tuggō*, др.-вн. *zunga*; лат. *collus*, гот., др.-исл., др.-вн. *hals*; лат. *turma* ‘отряд, толпа’, др.-англ. *brymm* ‘множество’; лат. *sparus*, др.-исл. *spjör*, др.-вн. *sper* ‘копье’; лат. *arcus* ‘лук’, гот. *arhwazna*, др.-исл. *ör*, др.-англ. *earh* ‘стрела’ и др. (Hirt 1897: 297–303; Krahe 1956: 15–17; СГГЯ I 1962: 85–88; Порциг 1964: 160–176; Polomé 1972: 59–63; Ernst, Fischer 2001: 98–103). Особо интересными представляются исключительно германо-италийские соответствия, обозначающие оружие: «нож», «лук / стрела», «копье», которые могут относиться к каменному веку.

Во многих случаях корень, являющийся основой для германо-италийских параллелей есть и в других индоевропейских языках, однако только германский и италийский показывают сходное семантическое развитие этого корня, ср., напр.: лат. *arcus* и соответствующие германские слова со значением стрела (см. выше), которые восходят к единой форме **arkwo-*, имеющей греческое (ἄρκευθος ‘можжевательник’), латышское (*ercis* ‘можжевательник’) и славянские соответствия (*pakuma*, *rakita*, *rokyta*) со значением сорта деревьев, из которого можно было делать лук ‘можжевательник, ива, ракита’ (de Vaan 2008: 52). Однако только в германских и в италийских языках этот корень стал обозначать орудие охоты (лук и стрелу). Подобным же образом корень для германо-италийского соответствия *sparus* ‘копье для охоты’, др.-вн. *sper* ‘копье’ есть и в албанском, ср. *shparr*, *shperdë*, (ibid.: 578), однако в албанском нет значения копья, а сохраняется, вероятно, исконное значение дерева ‘дуб’, значение ‘ствол, балка’ сохраняется и в древних германских языках, ср. др.-исл. *spari*; *sparri*, др.-вн. *sparro* ‘балка на крыше, столб’. Только в германском и италийском этот корень развил значение ‘копье’.

Важной германо-италийской параллелью является слово для обозначения бронзы, ср. лат. *aes* (род. пад. *aeris*) ‘медь, бронза’ < **ayos*, и соответствующее прилагательное, ср. лат. *aēnus*, *aerātus*, умбр. *ahesnes* дат. мн. (*< *aies-no*) ‘бронзовый’, ср. др.-исл. *eir* ‘бронза’, гот. *aiz*, др.-англ. *ār*, *ér* ‘медь, бронза’, др.-сакс., др.-вн. *ēr*, и прилагательные др.-англ. *áren*, др.-вн., др.-сакс. *ērin* ‘бронзовый, из бронзы’ (ср. совр. нем. *ehern*). Этот корень считается общеиндоевропейским корнем для обозначения металла (**hlei-*, ср. др.-инд. *áyas-* и авест. *ayah-* ‘металл’ – Mallory, Huld 1984: 3), однако только в германском и италийском он сохранил свое значение для обозначения первых металлов меди и бронзы и стал основой для образования сходных относительных прилагательных.

Ряд общих лексических инноваций италийские языки обнаруживают только с древнескандинавскими и готским языком, см.: лат. *ōs*, *annus* (< *atnos*), *vēr*, *aerugo*, *sanctus*, *sons*, *hēbes*, *silēre*, *portus*,

др.-исл. *óss* ‘устье’, гот. *apns* ‘год’, др.-исл. *vár* ‘весна’, норв. *eirk* ‘ржавчина’, др.-исл. *sáttr* ‘примиренный’, др.-исл. *sannr* ‘виновный’, этноним *Gipedes*, гот. *silan* ‘молчать’, др.-исл. *ffjörðr* ‘фьорд’ (Much 1936: 550–551). Возможны и сходные модели сложных слов ср. лат. *longaevus*, др.-исл. *langær* ‘долгоживущий’. Мух объясняет отсутствие подобных слов в западногерманском ареале тем, что соответствующие слова могли быть там потеряны. Он отмечает ряд других скандинаво-италийских соответствий, сравнивая, в частности, латинское значение *auster* ‘южный ветер, юг’, что формально соответствует германскому обозначению востока, с норвежской традицией противопоставления не севера и юга, а севера и востока. Движение в сторону побережья Северного моря рассматривается как движение на север, а движение от моря вглубь страны на юг и на восток, рассматривается как движение на восток. Мух считает скандинаво-италийские соответствия следом того времени, когда задолго до кимвров и тевтонов германские племена из Скандинавии отправлялись в Италию (ibid.: 552–553). Эта гипотеза, связанная, скорее всего, с расцветом немецкого национализма в 30-е годы XX века, давно отвергнута. Однако неверная трактовка Муха не отменяет наличия отмеченных им сходных лексических инноваций.

Много общих инноваций обнаруживается между германским и оско-умбрской группой италийских языков, ср., напр.: отсутствующие в латыни оско-умбрские формы *toutō-* ‘народ’, *treb-* ‘обитать’, *uend-* ‘поворачивать’ (Тронский 2001: 33), *cringatro* (умбрское *krenkatrum*, *krikatru*) возможно ‘пояс жреца’ и соответствующие германские формы (италийских языках и ср. гот. *þiuda*, др.-исл. *þjóð* ‘народ’; гот. *þaurp* ‘поле’, *þorp* ‘небольшое поселение’; гот. *wandjan*, др.-исл. *venda* ‘поворачивать’; *hringr* ‘кольцо’. Причем часть отсутствующих в латыни германо-оско-умбрских лексических параллелей представлена в ряде других языки (оско-умбрские формы *toutā-* ‘народ’, *treb-* ‘обитать’ имеют соответствия не только в германских, но и в балтийских и кельтских языках, ср. лит. *tauta* ‘народ’, *troba* ‘изба’, др.-ирл. *-tauth* ‘народ’, *treb* ‘местопребывание’). Ср. также оско-умбрско-германские лексические параллели, приводимые Зольтой (ср. оск. *herest* ‘хочет’, умбр. *heriest*, др.-вн. *gerōn* ‘желать’; оск. *cadeis* ‘вражда’, гот. *hatis*; оск. *sverruneí* дат. ед. ‘оратор’, герм. **swar-* (ср. др.-исл. *svara* ‘отвечать’ – Solta 1974: 19). Этимология умбрских *pir* ‘огонь’ и *utur* ‘вода’ может быть объяснена только при сопоставлении с соответствующими германскими словами (ibid.).

4.3.4. Германо-кельтские лексические и словообразовательные параллели

Германские и кельтские языки имеют множество лексических параллелей, которых мы не встречаем в других индоевропейских

языках ср., напр.: др.-ирл. *oeth*, гот. *aips* ‘клятва’, др.-ирл. ‘заложник’ др.-англ.; др.-ирл. *rūn*, гот. *rūna* ‘тайна, тайный совет’; галл. *марка*, др.-вн. *marah* ‘лошадь’; валл. *coed* ‘лес’, гот. *haiþi* ‘невозделанное поле, пустошь’, (Krahe 1956: 19; Birkhan 1970; Сквайрс 1984: 91; Калыгин, Королев 1989: 34–35; Schmidt 1991: 139–146). Сходными оказываются и двучленные имена, ср. галл. *Teuto-boduus*, др.-вн. *Deot-pato*; галл. *Sego-māros*, др.-вн. *Sigi-mar*; галл. *Catu-rīx*, др.-англ. *Heado-rīk* (Scherer 1955: 199–200). Причем отмечается не только общность структур собственных имен и общность материальных элементов, но и кальки, т. е. перевод обоих компонентов или только одного компонента с кельтского на германский (ср. напр. бритт. *Cunomorus*, др.-вн. *Wolfmar*) или даже оформление германских имен в соответствии с народной этимологией (ср., напр.: галл. *Dagorīx*, к **dago-* ‘хороший’ и др.-вн. *Tagarīh* к **daga-* ‘день’ – Birkhan 1970: 41–45, 49).

Во многих случаях невозможно определить, являются ли эти соответствия параллельным развитием или заимствованием. Так, в частности, германские слова со значением ‘клятва’ и ‘заложник’ считались и кельтскими заимствованиями, и независимо развившимися из протоиндоевропейского, формами (см., напр.: Hellquist 1957: 173, 282–283). Но есть и очевидные заимствования, причем как из кельтского в германский, такие как общекельтское **rīg-s* < **rēgs* (ср. галл. *-rīx*, др.-ирл. *rī*), гот. *reiks* ‘правитель’; др.-ирл. *rīge* гот. *reiki* ‘правление, власть правителя’; галл. *ambaktos* гот. *andbahti*; так и из германского в кельтский, ср. др.-исл. *brók*, галл. *brāca*; галл.-лат. *camisia*, др.-англ. *hemeðe*, др.-вн. *hemidi* (Krahe 1956: 19–20)¹⁰³.

Германским заимствованием из кельтского считается и германское слово для обозначения железа **īsarna-* < **isarno* (ср. др.-исл. *ísarn*, гот. *eisarn*, др.-сакс. *īsarn*, др.-англ. *īsern* и галл. *Isarno-*) и, вероятно, более позднее заимствование из гэльского в древнеисландский и древнеанглийский ср. др.-исл. *járn*, др.-англ. *īren* и др.-ирл. *iaran* (Birkhan 1970: 128–137), и слово для обозначения свинца (ср. среднеирл. *luaide* ‘свинец’, др.-англ. *léad* ‘свинец’, др.-фриз. *lôd* ‘сплав для пайки’, ср.-вн. *lôt* ‘льющийся (раскаленный) металл’ (ibid.: 147–152).

Кельтские заимствования в германские языки связаны в первую очередь с семантическими полями социально-правовой, технической и военной сферы, но затрагивают и различные бытовые реалии и окружающую природу (Сквайрс 1984: 89). По мнению Краэ, такое лексическое сходство «вряд ли можно найти у двух других индоевропейских языков» (Krahe 1956: 19).

¹⁰³ Биркхан ставит под сомнение возможность заимствования кельтами германских слов для обозначения брюк и мыла (Birkhan 1970).

Обычно считается, что кельтско-германские соответствия затрагивают только лексику, кельтско-германских инноваций ни в словообразовании, ни в фонологии, ни в грамматике не обнаружено (ibid.: 34; Euler, Badenheuer 2009: 24–25). Как мы видели выше это не совсем так. Существует ряд кельтско-германских фонетических и морфологических инноваций (корневое ударение, удлинение согласных, дентальный суффикс) однако ни одна из этих инноваций не является исключительно германо-кельтской, а оказывается характерной еще и для италийского. Что касается словообразовательных германо-кельтских инноваций, то в отличие от балто-славяно-германских, италийско-германских и даже иллирийско-германских параллелей, то за исключением сходного образования сложных собственных имен (см. выше), их действительно нет.

Существуют кельтские топонимы и гидронимы, заимствованные в германский. Самый известный из них название Рейна – ср. герм. *Rhīnas* < кельт. *Rhīnas* < *Rheinas* с кельтской монофтонгизацией *ei* > *ī* или герм. *Rhīnas* < *Rheinas* < кельт. *Rheinas*, еще до кельтской монофтонгизации, но с последующей германской монофтонгизацией *ei* > *ī* (Birkhan 1970: 268), которая могла быть связана с кельтской монофтонгизацией. Однако в древнейшем слое германской топонимики германо-кельтские соответствия не обнаруживаются¹⁰⁴.

4.3.5. Германо-иллирийские и германо-албанские лексические и словообразовательные соответствия

В качестве свидетельств иллирийского языка используются мессапские надписи, топонимы, гидронимы и иллирийские глоссы (апеллятивы и собственные имена) у античных авторов. Многие исследователи считают наследником иллирийского албанский (см., напр.: Напр 1957; Десницкая 1965), соответственно отмечая албано-германские лексические соответствия.

Германо-иллирийские соответствия в словообразовании охватывают сходную модель образования существительного со значением ‘дом, жилище’ от и.-е. корня **bheua-* ‘расти’, ср. мессап. βυριου, др.-англ., др.-вн. *būr*, др.-исл. *bær* ‘жилище’; сходного типа унификация форм существительных женского рода с основой на *-n*, ср. мессапское *Aplonis f.* от *Aplo*, и готское *arbjons f.* от *arbja*, но ср. сохранившие исконное чередование формы мужского рода мессап. *Aplinis*, гот. *arbjins*, а также особый тип образования основы притяжательных местоимений, ср., мессапское *veina* ‘свой’ < **sueino* и готские *teina*, *peina*, *seina*. Краэ отмечает и употребление суффикса *-no* для образования имен, облеченных властью, ср. гот.

¹⁰⁴ Удольф говорит о «полном отсутствии связей» с кельтскими языками в топонимике (Udolph 1994: 941), что может относиться только к древнейшему слою германской топонимики.

þiudans ‘вождь’. иллир. имя или титул *Teutana* ‘королева’ (Krahe 1954: 104; Порциг 1964: 192–193), хотя подобного же типа суффикс характерен и для италийских языков, см. выше.

Отмечают ряд исключительных германо-иллирийских соответствий и в лексике, ср., напр.: мессап. Akk. βρένδον ‘олень’, шв. диал. *brinde* ‘самец оленя’, иллирийские имена *Audarus*, *Audata* и др.-исл. *auðr*, др.-англ. *ēad* ‘богатство’ (ср. др.-вн. имя *Audabert*) или имя иллирийского лесного бога *Vidasus*, соответствующего скандинавскому богу *Viðarr* (Krahe 1954). Сведения об иллирийских языках очень фрагментарны и не дают нам полной картины грамматической структуры. Албанский, считающийся рядом исследователей одним из потомков иллирийского, также имеет ряд словообразовательных и лексических соответствий с германским (напр.: сходное семантическое развитие значений индоевропейского **sp(h)er-* в албанском, ср. гегское *shpreh* ‘высказываю’, и в германских языках, ср. нем. *sprechen*, а также сходный суффикс и сходное развитие значения у слов со значением ‘мужчина’, ср.: др.-вн. *gibūr(o)*, *būr* < **bhūro*, алб. *būrr*, *burrë*, что предполагает то же изменение значения и.-е. **bheua* ‘расти’, что и иллиро-германское название хижины (Порциг 1964: 207)¹⁰⁵.

4.3.6. Саамо-прибалтийско-финские лексические заимствования из германского

В саамском и в прибалтийско-финских языках обнаруживают большое количество германских лексических заимствований, которые относятся к протогерманской и общегерманской эпохе. В структурном отношении самые древние саамские и финские заимствования отражают состояние более древнее, чем самые первые надписи старшими рунами (II в. н. э.). Это проявляется не только в сохранении трехчастной структуры слова (корень, основообразующий суффикс, флексия), ср., напр. севсаам. *gonag-a-s*, фин. *kuning-a-s* ‘король’, южносаам. *reägg-a-s*, фин. *reng-a-s* ‘кольцо’, фин. *val-a-s* ‘кит’, *vant-u-s* ‘варежка’, *kan-a* ‘курица’, *naut-a* ‘бык, корова’) и т. п., но и в отсутствии перехода /e/ > /i/ перед долгими носовыми согласными и в отсутствии ротацизма (ср. фин. *reng-a-s*, др.-исл. *ringr* < **hringaz* < **hrengaz*). Чаще всего в литературе обсуждался вопрос о том, до или после Первого перебора самые древние германские заимствования попали в саамский и в прибалтийско-финский. Традиционно считалось, что германские заимствования появились в финском языке после Первого перебора согласных на рубеже новой эры или несколько раньше (Хакулинен 1955: 43). Однако, поскольку германские глухие смычные отражаются в

¹⁰⁵ Значительное число германо-албанских лексических параллелей приводит Десницкая (Десницкая 1965: 34–37).

финском не только как геминаты (ср. герм. **kauran* > фин. *kauppa*, герм. **nautjan* > фин. *nauttia*), но и, точно также как звонкие, как простые глухие смычные (см. герм. **nauta* > фин. *nauta*, герм. **taikna* > фин. *taika*) было высказано предположение о том, что эти слова были заимствованы до Перебоя *b d g > p t k*, т. е. исходными германскими формами должны были бы быть **nauda* и **daigna* (Karsten 1928: 184). Соответственно предполагалось, что финские смычные на месте германских щелевых в германских заимствованиях в финском (см., напр. фин. *elkia* ‘злобный’ < **elhia*, др.-исл. *illr* ‘злой’; *kuokka* ‘мотыга’ < **ho:xa:*, гот. *hoha* ‘плуг’) свидетельствуют о заимствовании до передвижения /k/ > /χ/ (ibid: 183). Идеи Карстена были, однако, поставлены под сомнение, поскольку различное отражение рефлексов и.-е. звонких смычных (**d=t* и *tt*, **g=k* и *kk*) могло быть связано не с разным временем заимствования (до и после Первого перебоя), а с отражением чередования ступеней в прибалтийско-финском и саамском (литературу см. Schrodtt 1974: 64). Соответственно, формы типа *elkia* и *kuokka* могут быть объяснены субституцией отсутствующего в финском заднеязычного щелевого соответствующим смычным.

В работах Койвулехто хронология ранних германских заимствований в саамских и прибалтийско-финских языках была отодвинута на много веков назад в эпоху раннего прибалтийско-финского, т. е. в период конца II тыс. до н. э. (Koivulehto 1981: 363–366; Fromm 1986: 213; Korhonen 1988: 266), что вновь сделало актуальным вопрос о возможности германских заимствований до Первого перебоя. Сам Койвулехто считает, что нет данных, позволяющих определить, происходило ли заимствование до или после Первого перебоя (Koivulehto 1981: 366). Единственным *terminus post quem* по Койвулехто оказывается германский переход *o > a* (ibid.: 368), что предполагает более раннее изменение *o > a* в германском, чем середина I тыс. до н. э. (см. выше). Однако, о существовании допереребойных германских заимствований в саамском могут свидетельствовать формы, в которых германскому *h* (< *k*) соответствует современное саамское *g*, которое было глухим смычным¹⁰⁶, ср. севсаам. *gierdat* ‘выдерживать’ < протосаам. **kiertē* < досаам. **kārti* < протогерм. **hardjan* (ср. шв. *härda*) (Aikio 2006: 10–11), до Первого перебоя **kardian*, ср. греч. κρᾶτύς ‘сильный’, при том, что в послеперебойных заимствованиях германскому /h/ соответствует ноль звука или /h/¹⁰⁷.

¹⁰⁶ В саамских языках до проникновения большого количества скандинавских (в западносаамские языки) и русских (в восточносаамские языки) заимствований не было противопоставления глухих и звонких смычных в начале слова. В этой позиции стояли глухие смычные.

¹⁰⁷ Ср. также сев.-саам. *guossi* ‘гость’ < **kuossē* < **kansa* < протогерм. **χansō* / *kansō*, ср. др.-вн. *hansa*; скольт-саам. *kuârgg*, луле-саам. *guorgoi*

Койвулехто считает, что ранние германские и догерманские заимствования в саамский и досаамский (Vorlappisch) свидетельствуют о том, что прародина германцев была в Скандинавии задолго до появления в северной Германии культуры Ясторф, которая считается многими археологическим коррелятом германской прародины (см. раздел 5.7) (Koivulehto 2003: 311).

Что касается угро-финских заимствований в германском, то традиционно считалось, что появление их невозможно, поскольку культурное взаимодействие финно-угров и германцев представляли «как улицу с односторонним движением» (см. выше высказывание Эйнарсона). Однако ряд слов определяют как возможные финно-угорские заимствования в германский, хотя ни одна из этих этимологий не является общепризнанной¹⁰⁸.

‘риф’, ‘скалистый берег’ < *kuorkōjz < *karkoj < протогерм. *χargu/kargu-, ср. др.-исл. hörg ‘скалы, святилище’. Возможно, до изменения /p/ > /f/ были заимствованы в протосаамский и buodi < *puojtē < *pajta < протогерм. *faita/paita, ср. др.-исл. feitr; buollda ‘склон’ < *puoltē < *palti < протогерм. *falpa/palta; bahta ‘зад’ < *pētē < *potē < *puti < протогерм. *putV/fut, ср. др.-исл. fuð ‘vagina’. Примеры из Aikio 2006: 11–16. В обоих случаях, однако, возможно предположение о субституции германских /f/ и /χ/ саамскими смычными, хотя наличие и раннее появление во всех саамских языках /f/ и /h/ не исключает и того, что германские заимствования были заимствованы в саамский до германского передвижения /p/ > /f/, /k/ > /χ/.

¹⁰⁸ Так предположению о финно-угорском источнике скандинавского *refr* ‘лиса’, ср. севсаам. *rieban*, фин. *repo* с соответствиями не только в прибалтийско-финских, но и в эрзя-мордовском, мари, коми и венгерском (см. Bergsland 1965), которое могло быть заимствовано до передвижения согласных, противоречит наличие сходного слова в испанском, португальском (*raposa*) и осетинском (*rubas*) (Vries 1962: 436). Не является общепринятой (см. Blöndal 1989) и финно-угорская этимология скандинавского *seið* ‘колдовство’, которую предложил Вюст, сравнивший др.-исл. *seið* не только с севсаам. *sieidi* ‘сейт’, но и с финн. *soida* ‘звучать’, *soittaa* ‘играть на инструменте’, хант. *sui*, *soi*, манси *sei* ‘голос, звук’, венг. *zaj* ‘шум’ (Wüst 1954: 135–138). Однако есть основания признать эту этимологию вполне вероятной. Кроме приводимых Вюстом финно-угорских соответствий важно, что сама процедура сейда, как она описана в сагах, заимствована скандинавами (а возможно и германцами) у их северных соседей (Strömbäck 1935). *Seið* сохранилось только в скандинавских языках, но следы этого корня есть и в западногерманских языках ср. др.-англ. *ælfside* ‘колдовство альвов, лихорадка’. Литовское *saitas*, *saitu*, *saisti* и валлийское *hud* (< *soito) говорят о возможном заимствовании этого слова из финно-угорского в северные диалекты индоевропейского (Vries 1962: 467–468). Происхождение ненецкой формы *sjadai* ‘деревянные идолы’, которую Лехтисало сравнивает с саамским *sieiddis* (см. Lehtisalo 1924: 67) спорно. Недавно Хюллестед предложил саамские этимологии еще для ряда скандинавских слов, обозначающих, как правило, животных и птиц (Hullested 2008).

4.4. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Основываясь на сопоставлении общих изоглосс, лингвисты предлагали разные группировки индоевропейских языков северной Европы. По одной из классификаций такого типа, восходящей к Штрейтбергу и представленной сейчас в работах Леманна никакой промежуточной языковой общности между протоиндоевропейским и протогерманским выделять нельзя (Streitberg 1963; Lehmann 2005-2007). Однако общие пучки изоглосс традиционно считаются показателями существования промежуточных языковых единств на пути от позднеиндоевропейского к общегерманскому. В частности, начиная с Гримма и Цейса, предполагали существование германо-балто-славянского языкового единства (ср., напр.: Zeuss 1837: 18; Grimm 1853: 715; Schleicher 1861: 4, 7; Георгиев 1959: 3; Лер-Сплавинкий 1960: 27; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 372–373, 399) или устанавливали наличие германо-итало-кельтского языкового единства (Feist 1924: 38; Pokorný 1938: 58; Krahe 1954: 22; Schwarz 1956: 24). Хирт (Hirt 1897: 305)¹⁰⁹ также говорил о большем сходстве между германским и итальянским, тогда как «между германским и славяно-литовским зияет пропасть». В отношении лексических соответствий также конкурируют две точки зрения, по одной из них более тесные связи были у германского с итало-кельтским или с итальянским (Euler 1997), по другой – со славянским и балтийским (Mańczak 1980; 2000). Несколько видоизмененной гипотезой о германо-итало-кельтской языковой общности является гипотеза о западно-индоевропейской общности, в которую кроме кельтского, итальянского и германского включают балтийский (Euler, Badenheuer 2009: 24). Однако существование большого количества германо-италийских инноваций, отсутствующих в балтийском, и, наоборот, большого количества германо-балтийских инноваций, отсутствующих в итальянском свидетельствуют против этого предположения.

После работ Краэ, установившего сходство гидронимов на огромной территории Европы и предположившего существование древнеевропейской языковой общности (см., напр.: Krahe 1959) ряд исследователей стали выделять на первом этапе разделения индоевропейских языков промежуточную древнеевропейскую общность, к которой относили кельтский, итальянский, иллирийский, германский и балтийский и частично славянский. Однако, если гипотеза о западной (германский, итальянский, кельтский) или восточной (германский, балтийский, славянский) общности может подтверж-

¹⁰⁹ Общие германо-балто-славянские изоглоссы являлись по Хирту следствием действия общих тенденций или заимствованиями. Общие германо-италийские изоглоссы он рассматривал не как следствие бывшего единства согласно модели родословного древа, а объяснял их в рамках волновой теории Шмидта (Hirt 1897: 291–293, 305).

даться соответствующими общими инновациями, см. выше, то общих древнеевропейских инноваций, свидетельствующих о возможности существования древнеевропейской общности, из которой впоследствии образовались кельтский, иллирийский, италийский, германский, балтийский и славянский очень мало (**6, 7а, 19**, частично 9а), причем одна из них неполная (9а), а две структурные (**5, 19**). Фактически в качестве единственно возможной древнеевропейской инновации оказывается появление \bar{e} в формах прошедшего времени (**7а**). Не удивительно, что ученик Краэ Вольфганг Шмид отказался от предположения о «древнеевропейском языке», свидетельством существования которого по Краэ были сходные гидронимы в разных частях Европы. Шмид утверждал, что отсутствие общих новообразований в древнеевропейской лексике и грамматике не позволяет реконструировать общий древнеевропейский язык, отличающийся от индоевропейского, и предлагал считать древнеевропейский Краэ идентичным протоиндоевропейскому (Schmid 1968: 250–254).

Второй тип классификации индоевропейских языков связан с волновой теорией Иогана Шмидта. Шмидт, считавший, что каждая инновация распространяется волнообразно из определенного центра, учитывая признаки общие у германских языков и с кельтскими и италийскими и с балтийскими и славянскими языками, утверждал, что германские языки в такой же степени родственны кельтским и италийским, как балтийским и славянским (Schmidt 1872: 16, 36–52). О промежуточном положении германских языков писал и Лескин (Leskien 1876: 157). Определение места распространения германских языков и их соседей по общим изоглоссам получило распространение в ареальной лингвистике, и таким методом продолжали пользоваться (ср., напр.: Schwarz 1956: 25) и продолжают пользоваться и сейчас (см., напр.: Hutterer 1999: 14–15).

Сравнивая соответствия между германскими языками и языками их соседей, можно в зависимости от типа соответствий предположить разную степень интенсивности и длительности языковых контактов. Наименее длительными и интенсивными можно считать контакты, проявляющиеся только в лексических заимствованиях. Параллели в словообразовательных моделях свидетельствуют, вероятно, как о сохранении общих моделей, так и о более длительных и интенсивных контактах, т. е. о таком количестве лексических заимствований, когда суффиксы и префиксы в заимствованных словах вычлняются как таковые и начинают использоваться с исконными корнями. Наконец, параллели в словоизменительной морфологии и в грамматической структуре могут свидетельствовать о самых длительных и интенсивных контактах.

Приведенные выше морфологические, фонологические и лексические изоглоссы показывают, что в момент формирования германских признаков протогерманский находился длительное время в

контакте с италийским, балтийским и с саамо-прибалтийско-финским или возможно с языком первой волны финно-угров. Напомним, что с праиталийским прагерманский объединяют восемнадцать, а с балтийским двадцать общих инноваций. Сравнивая германо-италийские и германо-балтийские инновации, мы обнаруживаем некоторый перевес германо-балтийских. Из двадцати германо-балтийских инноваций четырнадцать морфологических или морфонологических, причем только четыре из них структурные (**5, 6, 19, 21**), т. е. теоретически можно предположить их независимое возникновение. Из восемнадцати германо-италийских инноваций только восемь морфологических, три из которых структурные (**5, 6, 19**). Это же сравнение показывает относительно большое количество германо-италийских фонологических инноваций, их девять. Среди германо-балтийских инноваций шесть фонологических, три из которых неполные. Только восемь инноваций являются общими для германского, балтийского и италийского (3, **5, 6, 19, 7a, 7b, 8, 9a**), причем только две из них исключительные германо-балто-италийские (**7b и 18a**). Остальные общие германо-балто-италийские инновации встречаются и в других индоевропейских языках.

Судя по сопоставлению инноваций, контакты с кельтским и иллирийским на первом этапе формирования германских языков были опосредованными. Поскольку нет ни одной германо-кельтской эксклюзивной инновации в области фонологии (кроме позднего стяжения дифтонга $ei > \bar{i}$, которое к тому же типологически частотно) и ни одной морфологической инновации и всего одна германо-кельтская словообразовательная инновация, а исключительные германо-кельтские инновации затрагивают только лексику, следует предположить гораздо более длительный и интенсивный германо-италийский контакт, чем кельто-германский контакт в эпоху формирования общегерманского языка, т. е. в протогерманский период, что обычно и делается (см., напр.: Ernst, Fischer 2001; Euler, Vadenheuer 2009). Если непосредственные германо-кельтские контакты начались в эпоху раннего железа (ср. кельтское заимствование для обозначения железа в германском) и продолжалось до разделения общегерманского, то контакты с италийским должны были начаться не позднее начала второго тысячелетия до н. э.

Соответственно нет исключительных иллирийско-(или албано-)германских фонологических и грамматических инноваций. Все пять германо-иллирийских и германо-албанских инноваций имеют соответствия в балтийском (1, 2, **6, 7a, 9a**), три из них имеют соответствия в славянском (1, 7a, 9a), три в италийском (**6, 7a, 9a**) и два в кельтском (**6, 7a**). Исключительные иллиро- или албано-германские инновации затрагивают только лексику и в очень незначительной степени словообразование. Все это может свидетельство-

вать об отсутствии непосредственного контакта германского и иллирийского в протогерманский период.

Вопросы о том, как определить начало языка как структуры и языка как признака этноса могут быть связаны между собой. Как только у языка определенной общности появляются признаки, позволяющие отличать этот язык от языка соседей, несмотря на сохраняющуюся возможность взаимопонимания, носители этого языка могут использовать эти признаки как один из показателей этноса, однако лишь в том случае, когда такой этнос сложился. Не исключено, что формирование пучка новых признаков и свидетельствует о начинающемся складывании нового этноса. Однако это вовсе не обязательно. Даже значительные языковые различия могут не рассматриваться их носителями как свидетельство появления нового языка и нового этноса. Следовательно, появление новых языковых признаков не свидетельствует однозначно о появлении нового этноса. Они говорят лишь о появлении инноваций, которые могли интерпретироваться носителями языка как признаки, отличающие их этнос от соседних этносов. Естественно, что наиболее четко выделяются эксклюзивные инновации, которые отличают язык от языка всех соседей. Однако признаки, которые могут интерпретироваться как показатели этноса, не обязательно должны быть эксклюзивными. Для лингвистического вычленения языка достаточно, чтобы признаки, общие с признаками языка одних соседей, отсутствовали в языке других соседей. По-видимому, именно состояние такого типа мы находим в начале формирования протогерманского. В нашем случае имеются в виду инновации, общие для германского и балтийского, но отсутствующие в италийском с одной стороны (1, 2, 4, 9b, 20, **21, 22, 23, 24, 25?, 26**) и общие для германского и италийского, но отсутствующие в балтийском с другой (10, 14, 15, 16a, 16d, **17, 18b** и частично 11, 12). По-видимому, древнейшими инновациями первого типа были 1, 4 и 9b, а древнейшими инновациями второго типа 10 и 14. Если мы к этим инновационным признакам добавим архаизмы, например, отсутствие сатемизации и использование редупликации для образования форм прошедшего времени в германском и италийском (см., напр. лат. *tango* – *tetigi* ‘трогать’, *pango* – *pepigi* ‘вбивать’, гот. *tekan* – *taitok* ‘брат’, *fahan* – *faifah* ‘ловить’), то количество отличий от языков соседей будет еще большим. При этом неудивительно, что балтийский оказывается языком, в котором общие с германским архаизмы сохранены лучше, чем в славянском. В частности в балтийском гораздо меньше, чем в славянском распространена сатемизация и палатализация (ср. напр.: литовские формы типа *klausyti* и *geltonas* с соответствующими русскими *слышать* и *желтый*), напомним, что германский относятся к кентумным языкам.

Соответствующим образом появляются различия и в лексике, ср., напр.: общие германо-италийские инновации, отсутствующие в

балтийском (лат. *haedus*, гот. *gaitis* ‘коза’; лат. *collus*, гот. *hals* ‘шея’; лат. *lingua* < *dingua*, др.-исл. *tunga* ‘язык’ и т. п.) и общие германо-балтийские инновации, отсутствующие в итальянском, с другой (латыш. *apse*, др.-вн. *aspa* ‘осина’; лит. *rugys*, др.-исл. *rugr* ‘рожь’; лит. *vaškas*, др.-исл. *vax* ‘воск’ и т. п.).

Кроме слов, общих со словами соседей у германцев появляются и новообразования, «германизмы», восходящие как к индоевропейским корням (ср. современные немецкие *Helm*, *Schwert*, *Schild*, *Volk*, *Nord* и т. п.). Часть германизмов появилась в результате метафорического или метонимического переноса значений индоевропейских слов, часть новых слов образовалась с так называемыми расширителями корня, см., напр.: герм. **helmaz* ‘шлем’ (гот. *hilms*, др.-исл. *hjalmr*, др.-вн., др.-сакс., др.-англ. *helm* ‘шлем’), < **kel* ‘покрывать, загораживать’ + *m*, ср. др.-инд. *çarma(n)*- ‘покрытие, крыша’); **swerða* ‘меч’ (др.-исл. *sverð*, др.-англ. *sweord*, др.-сакс. *swerd*, др.-вн. *swert*) < и.-е. **suer-* ‘колоть, рубить’ или **(s)uer-* ‘висеть’ + *d*; герм. **skelduz* ‘щит’ (др.-исл. *skjöldr*, гот. *skildus*, др.-англ. *sciold*, др.-сакс. *scild*, др.-вн. *scilt*) < и.-е. **skel-* ‘расщеплять’ + *d* и т. п. (Vries de 1962, Kluge/Seebold 1999). Вряд ли случайно, что многие из этих слов связаны с военной тематикой. К новым германским лексемам относятся и заимствования из исчезнувших языков (см. выше).

С момента появления сочетания фонологических и морфонологических инноваций, которые сопровождались и соответствующими различиями в лексике, у носителей языка появились признаки, позволяющие рассматривать свой язык как особый язык. Первые эксклюзивные германские признаки такие, например формы претерита с аблаутом и дентальным суффиксом (18ab), Первый перебой в его совокупности (16abc), появились, вероятно, уже после признаков, общих для германского и одного из языков соседей, но отличавшие его от языка других соседей. Однако, на каком этапе формирования протогерманского возникло этническое единство «своих», мы не знаем, хотя языковое обособление могло свидетельствовать и об обособлении этническом.

Сравнение фонологических и лексических инноваций позволяет утверждать, что на первом этапе формирования протогерманского язык субстратной германской лексики находился в контакте с итальянским и балтийским (возможно на начальном этапе с еще неразличающимися итало-кельтским и балто-славянским), а также с каким-то финно-угорском языком (либо с прото-саамо-прибалтийско-финским, либо с языком первой волны финно-угров в северной Европе). Именно в этот период формировался языковой ареал, отличающийся от соседних ареалов. Затем после ухода, кельтизации и/или германизации итальянцев (венетов) на западе и юго-западе итальянский перестал быть соседом протогерманского (около 900 г. до н. э.) и его место занял кельтский. Однако непосредственный контакт с германского с кельтским затронул только самую послед-

нюю фазу формирования протогерманского и отразился почти только¹¹⁰ в наличии общих лексических инноваций (которые в значительной степени были кельтскими заимствованиями в германский), тогда как контакт с балтийским на востоке продолжался до начала новой эры, когда балтийский перестал быть непосредственным соседом германского, у которого появился новый сосед – славянский. Судя по отсутствию исключительных славяно-германских грамматических соответствий, славянский стал соседом общегерманского уже после его распада на восточногерманский, западногерманский и северогерманский (200 г. до н. э. – 400 г. н. э.).

Задача следующего раздела сопоставить эти данные, полученные путем анализа языковых инноваций, с археологическими данными, т. е. попытаться определить, с какой или с какими археологическими культурами можно связать германский и его непосредственных соседей италийский, балтийский и саамо-прибалтийско-финский.

¹¹⁰ Исключительной кельто-германской фонологической инновацией оказывается позднегерманское изменение /ei/ > /i:/, см. выше.

5. ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРМАНЦЕВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ¹¹¹

Вопрос о том, на какой территории и когда образовалась этническая группа, которая со времен Цезаря носит название германцев, продолжает вызывать споры, причем датировка появления германцев колеблется в промежутке между 10000 г. до н. э. и рубежом н. э. Споры эти определяются и разными методологическими подходами (противопоставление гипотезы тождества этноса, языка и археологической культуры и гипотезы отсутствия тождества) и разными политическими предпочтениями и разным пониманием того, что обозначает термин «германцы». Рассмотрим археологическую датировку появления германцев подробнее.

5.1. ГИПОТЕЗА 1: ГЕРМАНЦЫ – ПЕРВОЕ ПОСЛЕ ТАЯНИЯ ЛЕДНИКА НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (10000–5000 ДО Н. Э.)

Первой археологической культурой, которую связывают с появлением в Европе современного человека (кроманьонца) была ориньякская культура, распространившаяся в Европе 40 000–30 000 лет тому назад. Сменившие ее палеолитические культуры – граветтианская (28 000–20 000) и магдаленская (18 000–10 000), которые были распространены на огромных пространствах Европы, захватывали только юг Германии, поскольку север Германии и Скандинавия были еще покрыты льдом. По мере таяния льда (конец последнего оледенения в Скандинавии относят к 10000 г. до н. э.) человек, следуя за источниками своего пропитания, продвигался все дальше и дальше на север. В позднем палеолите на территории Среднеевропейской низменности была распространена Гамбургская культура (13 000–11 000) и Аренбургская культура (11 000–9000 гг. до н. э.) рыболовов и охотников. В Скандинавии в период 9000–7000 гг. до н. э. на большой территории от западной Норвегии до южной Швеции и Дании были распространены родственные ей культуры Люнгбю-Свэрдборг (Ютландия, датские острова, Сконе), Фосна (северная и западная Норвегия) и Хенсбакка (восточный Бухюслэн, северный Халланд, Осло-фьорд), которые в основном были связаны с рыболовством и охотой на морского зверя. К культуре Фосна примыкает еще более северная культура Комса

¹¹¹ Кроме указанной в разделе 5 литературы, материалом для обзора послужили следующие работы: Brønstedt 1960; Кухаренко 1969; Монгайт 1974; Hensel 1974; Stenberger 1977; Bukowski 1988; Брей, Трамп 1990; Thomas 1992; Gimbutas 1993, Гимбутас 2004; Probst 1991, 1996; Mallory, Adams 1997; RGA 1998; Lüning 2000; Julku 2002; Kossian 2005; Schneider 2006; Buchvaldek et al. 2007.

(10 000 г. до н. э.). В бореальный период при потеплении климата в северной Европе на смену этим культурам приходит первая мезолитная культура – культура Маглемосе 8000–6000 (Зеландия), распространенная на больших пространствах северо-западной, центральной и северо-восточной Европы.

Традиционно считается, что язык носителей всех этих культур не был индоевропейским (см., напр.: Kallio 2003: 232, там же литература), однако существует и другая точка зрения, согласно которой появление индоевропейцев произошло не пять или семь, а сорок тысяч лет тому назад. Свидетельство тому видят в непрерывности культурного развития Европы, начиная с эпохи палеолита. Эта точка зрения стала известна в последнее время под названием *гипотезы палеолитической непрерывности*, которая датирует появление индоевропейцев в Европе временем появлением здесь *homo sapiens* (Otte, Charlier 1996–1997; Otte 1997; Alinei 2000)¹¹². По гипотезе палеолитической непрерывности появление германцев в северной Европе произошло сразу после окончания последнего ледникового периода. Соответственно уже первые археологические культуры, появившиеся после последнего обледенения на территории Скандинавии и северной Германии считаются германскими. Один из первых ученых, выдвинувших эту гипотезу итальянский лингвист Марио Алиней, считает германской и раннемезолитическую культуру Маглемосе (Зеландия), и мезолитическую культуру Фосна (западная Норвегия) – Хенсбакка (Бухюслэн, Швеция) и палеолитическую культуру Комса (северная Норвегия) (Alinei 2002: 27–29, карта 10)¹¹³. В южной Скандинавии на смену культуре Маглемосе приходит культура Эртебёлле (5500–4000) (рис. 2), южнее которой на огромных пространствах от северной Франции, Голландии и Бельгии на западе до Румынии и западной Украины на востоке в 5500–4500 гг. до н. э. распространяется культура ленточной

¹¹² Гипотеза палеолитической непрерывности опирается на работы тех археологов, которые предполагали появления индоевропейцев в 15 000–10 000 гг. до н. э., т. е. гораздо раньше, чем было принято считать. В этих работах утверждалось, что и магдаленская культура и культуры Ютландии и датских островов эпохи позднего палеолита и раннего мезолита (Люнгбю и Маглемосе) были индоевропейскими (Kilian 1988b, 101; см. еще раньше Kühn 1934).

¹¹³ Традиционная датировка культуры ленточной керамики (5500–4500 гг. до н. э.), культуры Маглемосе (8000–6000 гг. до н. э.), культуры Фосна-Хенсбакка (9000–8000 гг. до н. э.) и культуры Комса (10000 гг. до н. э.) не укладывается однако в модель Аллинея, предлагавшего фактически последовательность (ленточная керамика > Маглемосе > Фосна-Хенсбакка > Комса), полностью противоречащую традиционной датировке: Гораздо естественнее связать североскандинавские культуры с культурой Аренсбург (северная Германия), которую относят к 11 000–10 000 гг. до н. э., что традиционно и делается.

5. Появление германцев по археологическим данным

керамики (LBK) (рис. 2), северная граница которой не достигает, однако, южного побережья Северного и Балтийского морей. Культура LBK, как и все предшествующие культуры, также рассматривается Алинеем как германская (Alinei 2002: 27, карта 9), и соответственно германскими оказываются все более поздние культуры на территории распространения современных германских языков.

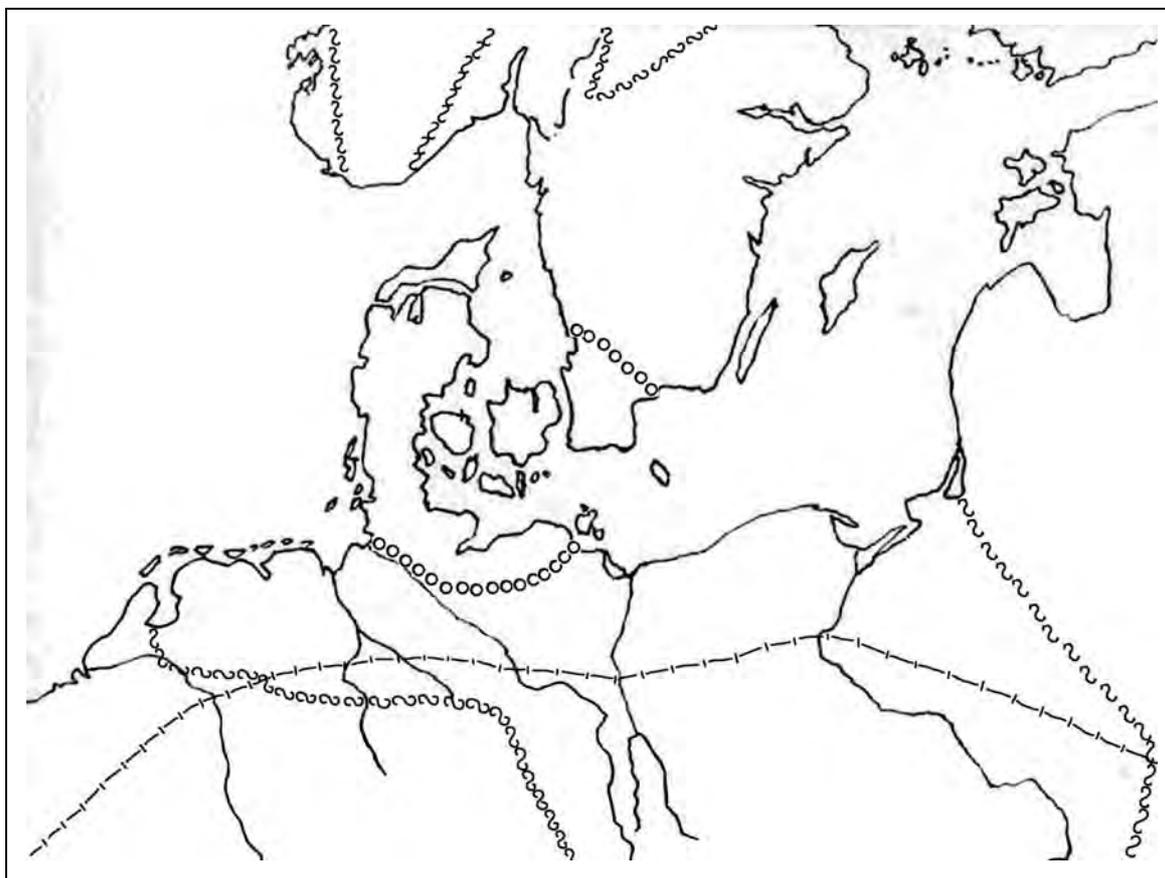
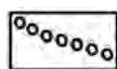
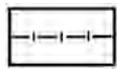

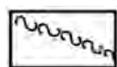
Рис. 2. Археологические культуры в Северной Европе в 5500–3500 г. до н.э.

Эртебёлле 5000–3000 г.

Ленточная керамика (LBK) 5500–4500 до н.э.

Воронковидные кубки (TRB) 4500–2700 до н.э.

Мысль о том, что германцы исконные обитатели южной Скандинавии и Германии разделяет и Конча (Koncha 2002), возрождающий старую идею о северной и центральной Европе как о прародине индоевропейцев. Правда, он датирует появление индоевропейцев более традиционно (8000–6000 гг. до н. э.). Согласно этой гипотезе германцы, балты и славяне сформировались не в результате миграции индоевропейцев на север Европы, как обычно

считается (см. ниже), а остались в областях исконного обитания индоевропейцев (ср. Bach 1970: 54). Основанием для такой датировки служит преемственность археологических культур, начиная от мезолита до появления германцев, балтов и славян в историческое время и предполагаемое Кончей отсутствие субстрата в германском, балтийском и славянском (Koncha 2002).

Фактически модель лингвиста Алинея и его сторонников, предполагающая, что германцы обитали на территории Скандинавии и Германии всегда, основывается на двух нелингвистических постулатах: на данных археологов, свидетельствующих о непрерывности и постепенности развития археологических культур, начиная с эпохи появления кроманьонца в Европе, и на данных генетиков, утверждавших, что вклад палеолитического населения Европы в генофонд современного жителя Европы составляет 80% (Richards et al. 1998: 258; Semino et al. 2000: 1158; Villems et al. 2002: 274; Haak et al.: 2005; Тарантул 2003: 299–300; Soares et al. 2010: 176). Этим данным соответствуют и данные антропологии, свидетельствующие о том, что население, обитавшее в южной Скандинавии до 5000 г. до н. э., не отличается от современного населения (Larsson 1988). Таким образом, даже если гипотезы генетиков соответствуют действительности (а в последних публикациях генетики утверждают, что основные гаплогруппы появились в Европе из Ближнего Востока и Анатолии только в эпоху неолита¹¹⁴), предположение сторонников гипотезы палеолитической непрерывности о германцах как о первых обитателях северной Европы может относиться только к истории распространения генов, но никак не соотносится ни с понятием этноса, ни с понятием языка. Поэтому неудивительно, что большинство археологов и лингвистов не восприняли новых идей Алинея и Отта. Если же понимать под германцами группу людей, обладавших определенными генетическими признаками, то можно, вероятно, считать германскими уже

¹¹⁴ В последнее время появление наиболее частотной в современной западной Европе гаплогруппы R1b стали относить не к мезолиту, а к неолиту, связывая движение R1b в Европе с миграцией населения из западной Азии (Ближний Восток > Анатолия > юго-восточная Европа > западная Европа), которое принесло земледелие в Европу (Belairesque et al. 2009; Myres et al. 2010). Балареск и ее соавторы предполагают, что только митохондриальные гаплогруппы в Европе относятся к палеолиту, а основные европейские хромосомные гаплогруппы появились только в эпоху неолита и отражают распространение земледелия, связанное с миграцией населения из Ближнего Востока и Анатолии (Balairesque et al. 2010). Таким образом, предполагается, что при распространении земледелия в Европе женская часть населения Европы сохраняла генетические связи с палеолитным населением, а мужская часть населения была вытеснена пришельцами (подробнее о возможности использования данных генетики в лингвистических реконструкциях см. раздел 7).

палеолитические культуры, если следовать тем исследованиям по популяционной генетике, на которых основываются сторонники гипотезы палеолитической непрерывности.

5.2. ГИПОТЕЗА 2: ГЕРМАНЦЫ ПОЯВИЛИСЬ В ЭПОХУ КУЛЬТУРЫ ВОРОНКОВИДНЫХ КУБКОВ (4500–2700 ГГ. ДО Н. Э.)

В 4500–2700 гг. до н. э. в южной Норвегии, южной Швеции, Дании и северной Германии, восточной Голландии и Польше распространилась культура воронковидных кубков (TRB) (рис. 3), которая сменила культуру Эртебёлле на юге Скандинавии (см. рис. 2)¹¹⁵. Южная граница этой культуры достигала верховьев Эльбы, Одера и Вислы и доходила до северо-западной Украины, т. е. на юго-восточном фланге своего распространения эта культура занимала те же территории, что и культура ленточной керамики. Около 4500–3500 гг. до н. э. на территорию распространения культуры воронковидных кубков проникает с запада обычай групповых захоронений в мегалитических дольменах (Probst 1991: 323), и с этого периода говорят о единой культуре воронковидных кубков и мегалитической культуры. В эпоху воронковидных кубков в северную Германию, а затем в Скандинавию приходит земледелие и начинается разведение домашних животных (Lüning 2000). И в данном случае существуют две точки зрения относительно причин появления новой культуры. Одна из них говорит о постепенном перерастании культуры Эртебёлле в культуру воронковидных кубков (см., напр.: Tilley 1996: 108), а другая предполагает миграцию населения с юга (см., напр.: Brønsted 1960: 145–146; Becker 1973: 13–14). Ренфрью, опираясь на вторую точку зрения, связал распространение земледелия в Европе с миграцией индоевропейцев (Renfrew 1987)¹¹⁶. Звелебил, несколько изменив модель Ренфрью, принимает определяющую роль распространения земледелия, однако считает, что оно распространилось в Европе не в результате миграции индоевропейцев, как считал Ренфрью, а была связана с постепенной культурной и языковой переориентацией аборигенов (охотников и собирателей), которая происходила в 4400–3600 гг. до н. э. Вслед за Вииком (Wiik 1997; 1999; 2002a; 2002b) Звелебил идентифицирует это аборигенное население, сменившее свой язык на индоевропейский, с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики уральцами или прото-

¹¹⁵ Карты составлялись по следующим источникам: Kilian 1988; Dąbrowski 1988; Malory, Adams 1997; Probst 1991, 1996; Julku 2002; Buchvaldek et al. 2007 с добавлением данных отдельных археологических описаний.

¹¹⁶ Позднее Ренфрью отказался от идеи миграции и принял гипотезу Звелебила о распространении индоевропейского языка и культуры в северную Европу не в результате миграции, а в результате культурного и языкового влияния индоевропейцев на европейских аборигенов (Renfrew 2000).

финно-уграми (Zvelebil 2002: 330). Переняв язык и культуру индоевропейцев (по Звелебилу носителей ленточной керамики, LBK), уральцы сформировали новую культуру – воронковидных кубков (TRB), которая согласно Звелебилу и оказывается первой германской культурой (ibid.: 328–334, карта 4, 332).

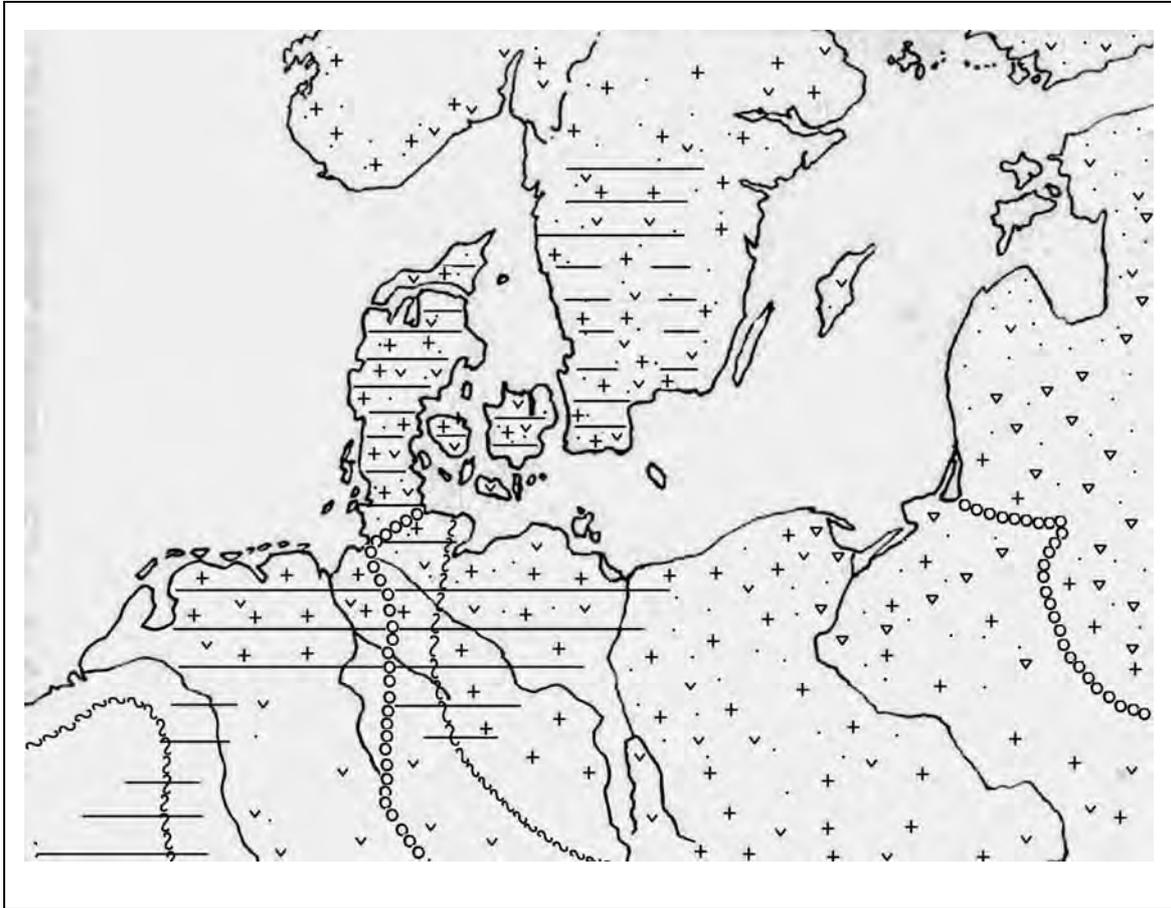
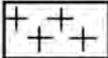
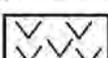
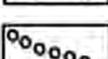
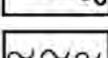
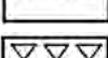

Рис. 3. Археологические культуры в 4500–2000 до н. э.

- Мегалиты 4500–3500 до н. э.
- Воронковидные кубки 4500–2700 до н. э.
- Ямочная и ямочно-гребенчатая керамика 4000–2000 до н. э.
- Шнуровая керамика 3200–2200 до н. э.
- Шаровые амфоры 3600–2150 до н. э.
- Колоколовидные кубки 2800–1900 до н. э.
- Приморская культура 2800–2000 до н. э.

Сходную модель предлагает и Виик, который связывает появление германцев с проникновением индоевропейской культуры и индоевропейского языка земледельческой культуры ленточной керамики, на территорию северной Европы, заселенную уральцами. В результате чего в эпоху культуры Эртебёлле и культуры воронковидных кубков сформировалась германская общность с добавлением суперстрата, который Виик отождествлял с языком носителей мегалитической культуры (Wiik 1999: 294–297; 2002b, 287–288). Балто-славяне появились по Виику из сочетания индоевропейцев и уральцев без мегалитического культурного субстрата (Wiik 2002b: 288), что, однако, не вполне согласуется с областью распространения мегалитической культуры и культуры воронковидных кубков, которая занимала значительную часть территории северной Польши, где предполагается наличие балтов (см. ниже).

Несколько другую модель, однако, тоже связывающую появление германцев с культурой мегалитов, предлагает известный своими нетривиальными идеями Феннеманн. Согласно Феннеманну носители мегалитической культуры, которые были семитами, пришли в III тыс. до н. э. на территорию северной Германии и Скандинавии, где уже обитали пришедшие туда в начале IV тыс. до н. э. индоевропейцы. Индоевропейские аборигены смешались с суперстратом пришедших на эту территорию с запада носителей культуры мегалитов, что и привело к появлению германцев и протогерманского языка (Vennemann 2003). Феннеманн предполагает финикийский (пунический) суперстрат в «ранней Германии». «Массивное лингвистическое и культурное влияние финикийцев из Карфагена превратило индоевропейский язык Германии в германский» (Vennemann 2004: 455; см. также Vennemann 2000). Эта идея, несмотря на многочисленные публикации Феннеманна (см. библиографию в Vennemann 2003: 329–332), не стала популярной, поскольку предполагаемое «массивное влияние» не подтверждается ни языковым, ни археологическим, ни генетическим материалом (критику его гипотезы см., напр.: Seebold 1998: 289; Häusler 2002: 94–95).

Индоевропейской считал культуру воронковидных кубков и Килиан (Kilian 1988b: 93). Дыбо относит к индоевропейским не только культуру воронковидных кубков, но и культуру Винча (середина 4500–3500 гг. до н. э.), и культуру Лендьел (4000–3000 гг. до н. э.), а также культуру шаровых амфор и культуру шнуровой керамики и боевых топоров (Дыбо 2006: 86–87).

Модель появления германцев в эпоху воронковидных кубков соответствует предположению антропологов о том, что относительно антропологически гомогенная группа населения, определяемая как германская (см., напр.: Ament 1986), более всего соответствует антропологическому типу носителей культуры воронковидных кубков, так что «очевидно, что носители культуры воронковидных кубков принимали биологически гораздо более активное

участие в этногенезе германцев, чем, вероятно, тонкий слой носителей культуры шаровой керамики» (Bernhard 1986: 280).

5.3. ГИПОТЕЗА 3: ГЕРМАНЦЫ – РЕЗУЛЬТАТ СЛИЯНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШАРОВЫХ АМФОР С АБОРИГЕННЫМИ КУЛЬТУРАМИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (3600–2150 гг. до н. э.).

Следующим (после мегалитической культуры и культуры воронковидных кубков) этапом развития археологических культур в центральной и восточной Европе является появление культуры шаровых амфор (3600–2150 гг. до н. э.)¹¹⁷, центр распространения которой был в восточной Германии и Польше, но которая достигала территории Чехии и Украины на востоке, и влияние которой ощущается и в Скандинавии, особенно в Дании (Furholt 2003), и на территории западной Германии и Голландии (Raetzel-Fabian 2002: 14). На территории центральной Европы культура шаровых амфор сочеталась на первых этапах своего существования с культурой воронковидных кубков, а затем вытесняет ее. Причем в Польше культура шаровых амфор сменяет культуру воронковидных кубков около 3500 г. до н. э. (Baldia 2008), а западной Германии около 3000–2600 гг. (Raetzel-Fabian 2002: 10), что свидетельствует о ее продвижении с востока на запад. Дольше всего эта культура сохраняется в северной Германии, где самые поздние ее памятники датируют 2130-м годом до н. э. (Nagel 1985), т. е. она здесь частично совпадала по времени не только с культурой шаровой керамики и ямочно-гребенчатой керамики, но и с чуть более молодой культурой колоколовидных кубков.

Гипотезу о появлении германцев в результате взаимодействия носителей культуры шаровых амфор с аборигенными культурами центральной Европы фактически можно вывести из предположения Гимбутас о ее индоевропейском характере. В своих последних работах Гимбутас предположила более раннее, чем это она делала раньше в соответствии со своей курганной гипотезой (см. ниже), появление индоевропейцев на севере центральной Европы. Она видела первых индоевропейцев на севере Европы в носителях культуры шаровых амфор (3400–2800 гг. до н. э.), развившими свою культуру на субстрате аборигенной культуры воронковидных кубков (Gimbutas 1993: 217). Соответственно можно предположить, что формирование протогерманского языка началось в период смешения индоевропейского языка носителей культуры шаровых амфор с языками носителей неиндоевропейских культур воронковидных кубков и ямочно-гребенчатой керамики. Иногда предпола-

¹¹⁷ Традиционная датировка этой культуры 3400–2800 гг. до н. э. Однако во многих местах она сохраняется до середины III тыс. до н. э. (Baldia 2008), а на севере Германии и до 2130 г. (Nagel 1985).

гается, что языком носителей культуры шаровых амфор был еще нерасчлененный германо-балто-славянский (Mallory, Adams 1997: 227), ср. выше гипотезу о едином германо-балто-славянском языке.

**5.4. ГИПОТЕЗА 3: ГЕРМАНЦЫ – РЕЗУЛЬТАТ СЛИЯНИЯ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ С
АБОРИГЕННЫМИ КУЛЬТУРАМИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
(3000 – 2200 гг. до н. э.)**

Следующим этапом развития археологических культур в северной, центральной и восточной Европе является появление культуры шнуровой керамики и одиночных захоронений (3200–2200 гг. до н. э., рис. 3), которая была распространена на огромных пространствах от Рейна на западе до среднего течения Волги на востоке и от центральной Швеции и западной Финляндии на Севере до среднего течения Дуная и Днепра на юге в 3200–2300 гг. до н. э. (рис. 1). В Скандинавию эта культура пришла в 2900–2400 гг. до н. э., где она сочеталась с культурой одиночных захоронений. В III тыс. до н. э. культура шнуровой керамики и культура боевых топоров стала доминировать в Северной Европе. Эта культура распространилась и в бывшей области распространения культуры воронковидных кубков и мегалитов и в области культуры шаровых амфор (рис. 3). Некоторое время эта культура в центральной и северной Европе сопутствовала культуре шаровых амфор (3600–2150 гг. до н. э.), а в северной и северо-восточной Европе – средне-неолитической культуре ямочно-гребенчатой керамики (4000–2000 гг. до н. э.), рис. 3. Считается, что появление шнуровой керамики означало начало культурной традиции, которая началась в середине III тыс. до н. э. и продолжалась в бронзовом и железном веке вплоть до эпохи римской империи (Thomas 1992: 295).

Фактически, начиная с начала XX века до наших дней, культуру шнуровой керамики связывают с индоевропейцами. Существует два конкурирующих объяснения появления германцев в результате экспансии культуры шнуровой керамики, культуры боевых топоров и одиночных захоронений. По гипотезе, восходящей к Мюллеру (Müller 1913), появление германцев объясняли смешением носителей культуры мегалитов, которую идентифицировали с культурой воронковидных кубков эпохи неолита (доиндоевропейцев), с пришедшими из южнорусских степей носителями культуры одиночных захоронений (индоевропейцев) (литературу см. Lund 1998: 20–21). Так считала и Мария Гимбутас, которая связывала появление германцев со второй волной индоевропеизации аборигенов центральной и западной Европы, т. е. датировала его временем 3400–3200 гг. до н. э., когда в результате экспансии «курганной культуры» появились германцы, балтийцы и греки, тогда как остальные европейские индоевропейцы отдифференциро-

вались от оставшейся группы индоевропейцев только около 1500 г. до н. э. (Gimbutas 1986: 5–6). Проникновение индоевропейской культуры в Скандинавию по Гимбутас происходило в период между 3000 и 2500 гг. до н. э. в эпоху шнуровой керамики¹¹⁸. Причем формирование протогерманской культуры зависело от влияния субстратной культуры, что соответственно повлияло и на язык (*ibid.*: 10–11). Таким образом, согласно Гимбутас, языковые признаки протогерманского языка начали формироваться около трех тысяч лет до н. э. В последних работах Гимбутас несколько изменила датировку индоевропеизации Европы. Первую волну индоевропеизации она связывала с экспансией «курганной культуры» из района бассейна Волги в 4400–4300 гг. до н. э., вторую – с экспансией причерноморской курганной культуры в 3500 г. до н. э. и третью – с новой экспансией курганной культуры из бассейна Волги в 3000 г. до н. э. Хотя Гимбутас датирует появление культуры шнуровой керамики в северной Европе до середины III тыс. до н. э., что соответствует современной датировке (см. выше), она предполагает два возможных сценария: либо культура шнуровой керамики и боевых топоров на севере Европы была естественным продолжением несколько продвинувшейся на север культуры шаровых амфор, которую она считает индоевропейской (см. выше), либо появление культуры шнуровой керамики свидетельствует о новой волне миграции представителей «курганной культуры» (Gimbutas 1993).

Гипотеза о появлении германцев в результате слияния представителей культуры воронковидных кубков и мегалитов с культурой шнуровой керамики в эпоху неолита является сейчас господствующей. Ее можно найти и в специальной литературе (см., напр.: Seebold 1998: 288; Laur 2004: 201) и в научно-популярной литературе (см., напр.: König 1994: 40–41; Nack 2004: 45).

Наряду с гипотезой о появлении германцев в результате миграции культуры шнуровой керамики, наложившейся на культуру воронковидных кубков, существует и гипотеза о постепенном перерастании культуры мегалитов и воронковидных кубков в культуру шнуровой керамики и одиночных захоронений на территории северной Германии и южной Скандинавии, где и находят прародину культуры шнуровой керамики (литература см. у Kilian 1988a: 82–86). Однако и в этом случае появление германцев связывается с появлением в этой области культуры одиночных захоронений (см. «ютландская культура одиночных захоронений была культурой прагерманцев» (*ibid.*: 90)). Представители этой гипотезы отвергают «курганную» гипотезу Гимбутас, поскольку отрицают происхож-

¹¹⁸ Современные археологи датируют эпоху шнуровой керамики в северной Германии и Скандинавии 2900–2200 гг. до н. э. (Furholt 2003: 100–112).

дение культуры шнуровой керамики от «курганной культуры» (Kilian 1988b; Häusler 2002).

Теоретически, исходя из гипотезы тождества языка, этноса и археологической культуры¹¹⁹, модель появления протогерманского языка в конце III – нач. II тыс. до н. э. могла бы состоять и из смешения языков носителей четырех культур: культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор, ямочно-гребенчатой керамики и шнуровой керамики (рис. 3), см. выше смешение культур воронковидных кубков и ямочно-гребенчатой керамики в южной Швеции.

Самую позднюю датировку формирования германцев в соответствии с гипотезой тождества следует отнести к последней стадии неолита, см. окончательное слияние до 2000 г. до н. э. культуры боевых топоров с культурой ямочно-гребенчатой керамики (Carlsson 2001: 17) и смешение разных культур и на территории северо-восточной Германии и западной Польши в конце неолита (Hensel 1974: 63), поскольку позднее, начиная с бронзового века, уже не предполагают появления нового населения в южной Скандинавии и северной Германии.

5.5. ГИПОТЕЗА 4: ГЕРМАНЦЫ СФОРМИРОВАЛСЯ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГЕРМАНИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОБОСОБЛЕНИЯ ГРУППЫ НОСИТЕЛЕЙ УНЕТИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (2300–1600 ГГ. ДО Н. Э.)

Один из вопросов, связанных с гипотезами о появлении германцев в результате миграций с юга, образовался ли протогерманский язык до колонизации Скандинавии или после нее. Гидро- и топонимика южной и центральной Швеции оказывается исключительно германской, что интерпретируется лингвистами и археологами по-разному. Одни говорят, что этот факт свидетельствует о существовании непрерывной индоевропейской традиции (Wenskus 1961: 170), другие, наоборот, полагают, что это свидетельство более поздней индоевропеизации Скандинавии по сравнению с континентом, где наряду с германской предполагают пласт древнеевропейской гидронимии (Schmid 1986). Удольф показал, что существует большое различие между гидро- и топонимикой Скандинавии и северной Германии, Голландии и Бельгии, на территории которых он находит самые старые германские топонимы, отсутствующие в Скандинавии (Udolph 1994: 48–49), что, по его мнению, свидетельствует о более поздней германизации Скандинавии, которую он склонен относить только к середине I тыс. до н. э. (ibid.: 916).

¹¹⁹ Брёнстед считал, что аграрии неолита, носители культуры Эртебёлле, культуры одиночных захоронений и культуры ямочной керамики четыре разных народа (Brønsted 1960: 199).

Если скандинавские ученые продолжают в соответствии с традицией, считать, что германцы сформировались в южной Скандинавии и северной Германии, то немецкие германисты, основываясь на идеях Удольфа, ищут прародину германцев в центральной Европе. В середине III тыс. до н. э. здесь на смену культурам шнуровой керамики и колоколовидных кубков пришла унетицкая культура (см. рис. 4, 5), которая сохранялась до сер. II тыс. до н. э. В Германии в последнее время разрабатывается гипотеза о том, что германцы появились в результате обособления группы носителей унетицкой культуры в 2300–1600 гг. на территории центральной Германии (Euler, Badenheuer 2009: 48–50). Их южной границей были Эрцгебирге, а северной юго-восточная часть Нижней Саксонии (*ibid.*). Сопоставление германцев с носителями унетицкой культуры¹²⁰, которая была распространена не только в центральной Германии, но и в Чехии, Австрии и Венгрии, предполагает, что только часть носителей унетицкой культуры говорила на германском языке. Носителями унетицкой культуры в южных областях ее распространения были италийцы и кельты. Аргументация сторонников этой гипотезы в основном лингвистическая. Они опираются на данные Удольфа и на наличие большого количества итало-германских соответствий (см. выше). Однако данные Удольфа вряд ли подтверждают их гипотезу, поскольку Удольф пишет о протогерманских гидронимах к западу от Эльбы (Udolph 1994: 49), а по «центральноевропейской гипотезе» германцы сформировались в Заксен-Анхальте, Тюрингии и западной Саксонии (Euler, Badenheuer 2009: 49). Вторым аргументом центральной европейской гипотезы связан с существованием ряда эксклюзивных итало-германских изоглосс. Если прародина италийцев была в западной Германии (Oettinger 1997: 99) или на паннонской равнине (Meier-Brügger 2000: 29), то германцы должны были находиться где-то поблизости, что исключает северную Германию, южную Скандинавию и Ютландию как место, где начали формироваться протогерманские инновации.

Однако наличие германо-балтийских и германо-финно-угорских инноваций, часть из которых относится к тому же времени, что и германо-италийские инновации, свидетельствует о том, что протогерманский некоторое время одновременно соседствовал с италийским, балтийским и финно-угорским, что не подтверждает предполагаемое гипотезой № 4 формирование германского в юго-восточной Германии. Распространение балтийских гидронимов вдоль побережья Балтийского моря до Нижней Саксонии (см. рис. 9) свидетельствует о том, что германо-балтийский контакт имел место на территории не юго-восточной, а северной Германии.

¹²⁰ Традиционно предполагается, что унетицкая культура была предшественницей гальштаттской культуры, считающейся кельтской.

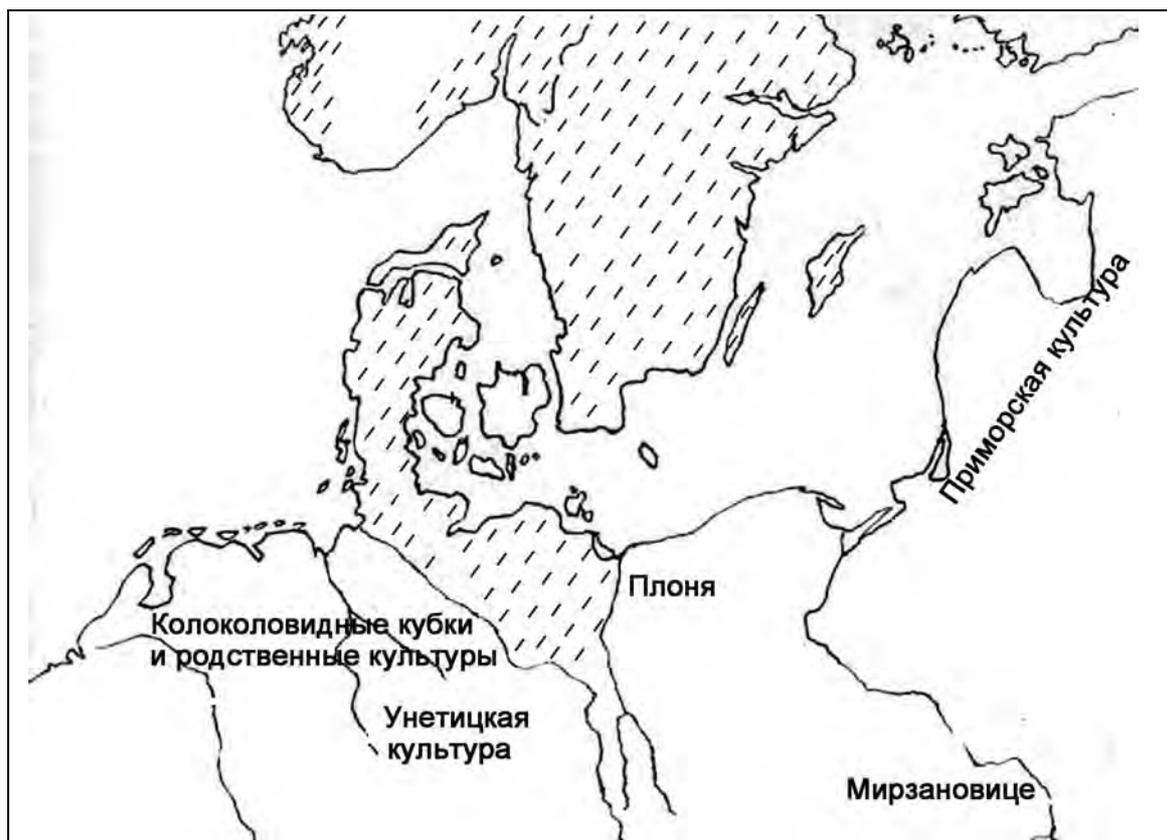

Рис. 4. Археологические культуры в 2200–1800 до н.э.

Поздний неолит Севера Европы

5.6. ГИПОТЕЗА 5: ГЕРМАНЦЫ СФОРМИРОВАЛИСЬ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ В РАМКАХ КУЛЬТУРЫ «СЕВЕРНОГО КРУГА» (1800–800 ГГ. ДО Н. Э.)

Начало культуры бронзового века «Северного круга», которая сформировалась в результате постепенного развития культур неолита, в первую очередь культуры шнуровой керамики, и была распространена в Скандинавии и северной Германии, датируют 1800–800 гг. до н. э. (рис. 5, 6). Отмечают и сильное влияние на формирование будущей культуры «Северного круга» культуры колоколовидных кубков (2800–1900 гг. до н. э.) (рис. 4), особенно в Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейнии и Ютландии, предполагая даже возможные миграции носителей культуры колоколовидных кубков из западной Европы в эти области (Keiling 1999: 15). Гораздо меньше это влияние в Мекленбурге и Передней Померании (ibid.). Другим центром влияния с юга была унетицкая культура (2300–1600 гг. до н. э., рис. 4, 5), распространившаяся от Дуная до Нижней Саксонии. Продолжением этой культуры в бронзовом веке была Лужицкая культура (1300–500 гг. до н. э., рис. 6, 7), которая была

распространена от Шпрее и Заале до Вислы и Дуная (Dąbrowski 1988, карта на с. 91; Probst 1996) и оказала влияние и на культуру Люнебургской пустоши в Нижней Саксонии, которая считается одной из предшественниц культуры Ясторф (Lanx 1988), и на скандинавскую культуру позднебронзового века (Jaanusson 1988: 175).

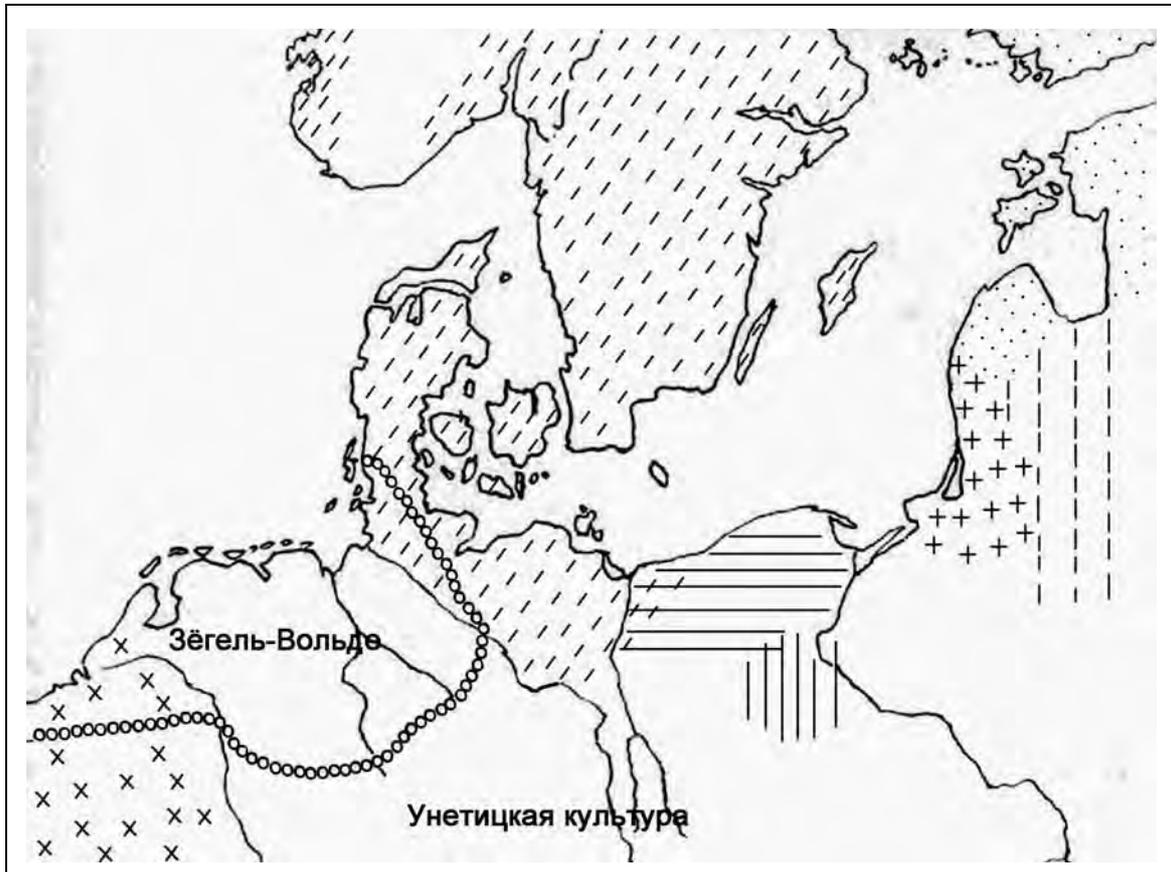
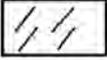
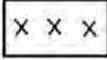
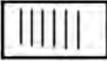
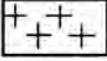

Рис. 5. Археологические культуры в 1800–1600 до н. э.

- Культура «Северного круга»
- Керамика колючей проволоки
- Ранняя бронза в Померании
- Ивно
- Текстильная керамика
- Штих-керамика
- Курганная культура

5. Появление германцев по археологическим данным

К юго-западу от культуры Северного круга отмечают культуру раннего бронзового века Зёгель-Вольде, которая, продолжая традиции культуры колоколовидных кубков, распространилась с 1800 до 1000 г. до н. э. в восточной части земли Северный Рейн-Вестфалия, в Нижней Саксонии и в южной части Шлезвиг-Гольштинии и достигла южной части западной Ютландии. Западная ее граница доходила до северной Голландии, а восточная до устья Эльбы. К востоку от Эльбы эта культура плавно переходит в бронзовую культуру «Северного круга» (Probst 1996; Keiling 1999) (рис. 5).

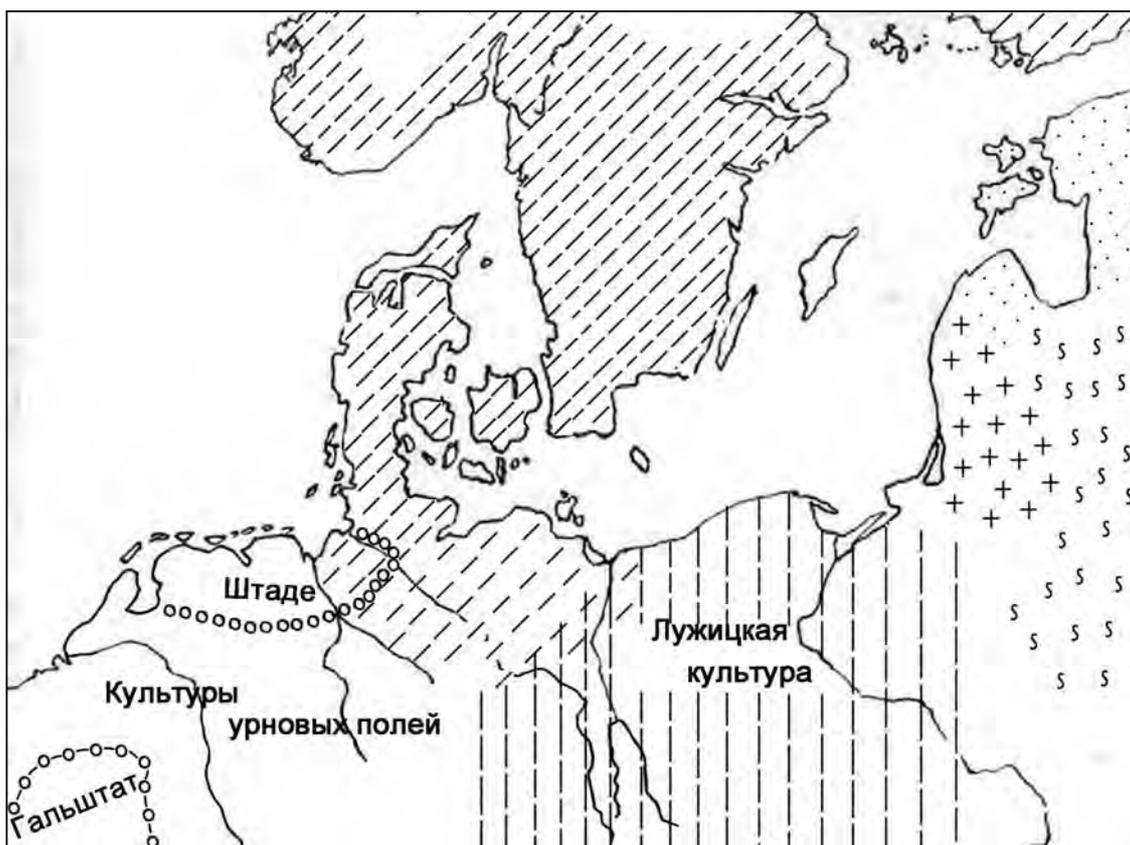
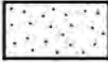
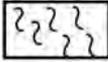
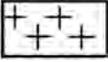

Рис. 6. Археологические культуры в 1300–1000 г. до н. э.

- Культура «Северного круга»
- Текстильная керамика
- Штих-керамика
- Курганная культура

Датировка этногенеза германцев, относящая его к бронзовому веку, восходит к Монтелиусу, который, отмечая непрерывность археологических культур бронзового и железного века в южной Скандинавии, утверждал, что такая преемственность свидетельствует о том, что носители культур бронзового века были германцами

(Montelius 1888). Шпрокофф, приводивший целый ряд археологических признаков, характерных для южной Швеции, Дании и северо-восточной Германии, писал о том, что «формирование германского народа» было закончено около 1200 г. до н. э. (Sprokhoff 1936: 255).

Многие лингвисты также опираются на тех археологов, которые датируют германский этногенез так называемым Скандинавским бронзовым веком. Хуттерер в частности, опираясь на Шпрокоффа, считает, что смешение населения пришлых индоевропейцев и местных аборигенов, приведшее к появлению прагерманского (Urgermanisch), происходило между 1200 и 1000 гг. до н. э. (Hutterer 1999: 44–45), а Полеме следует за теми археологами, которые определяют еще более раннее появления германцев, считая «исходной цивилизацией германцев» культуру Скандинавского бронзового века, «которая развивалась относительно независимо от 1700 г. до н. э. до середины I тыс.» (Polomé 1987: 218, ср. также Schmidt 1991: 130). Ван Кутсем считает, что о собственно германском языке можно говорить только в период между поздней бронзой и первой пол. I тыс. до н. э., имея в виду то, что только в этот период начали формироваться исключительные германские инновации (van Coetsem 1994: 140).

Постепенность перехода культуры бронзового века в культуру железного века на территории южной Скандинавии и северной Германии, что является основным доводом сторонников появления германцев в бронзовом веке, можно сопоставить и с постепенностью перехода на этой территории от неолита к бронзе (см. особенно Keiling 1999: 16) и с постепенностью перехода от мезолита к неолиту (ср. выше гипотезу палеолитической непрерывности).

Фактически гипотеза формирования германского этноса и языка в бронзовом веке не предполагает миграционной основы этого процесса. Однако существует и субстратное объяснение появления германского, относящее его к позднему бронзовому веку. По Элрту германский образовался в результате смены языка у аборигенного населения, которое он вслед за Вииком идентифицирует с протоуральцами (Elert 1997: 78–79). Однако в отличие от Вика, который предлагает гораздо более раннее появление германского в результате смены уральского языка на индоевропейский у аборигенного населения (см. выше), Элрт относит появление германского к первой пол. I тыс. до н. э. Основанием для такого предположения служит языковое единство первых памятников на германском языке (имеются, вероятно, в виду надписи старшими рунами), которое по Элрту свидетельствует о том, что этот язык появился не раньше 1000–500 гг. до н. э. (Elert 1993; 1997). Однако, если культуру ямочно-гребенчатой керамики идентифицировать с уральцами (рис. 3), следует отметить, что на юге Скандинавии и севере Германии эта культура исчезла гораздо раньше, т. е. в конце

5. Появление германцев по археологическим данным

неолита, ок. 2000 г. до н. э. (Carlsson 2001: 17), что не согласуется с предлагаемой Элертом датировкой появления германского. Хотя можно представить себе ситуацию, когда язык сохраняется дольше чем культура, более обычна обратная последовательность, сначала исчезает язык, а потом культура.

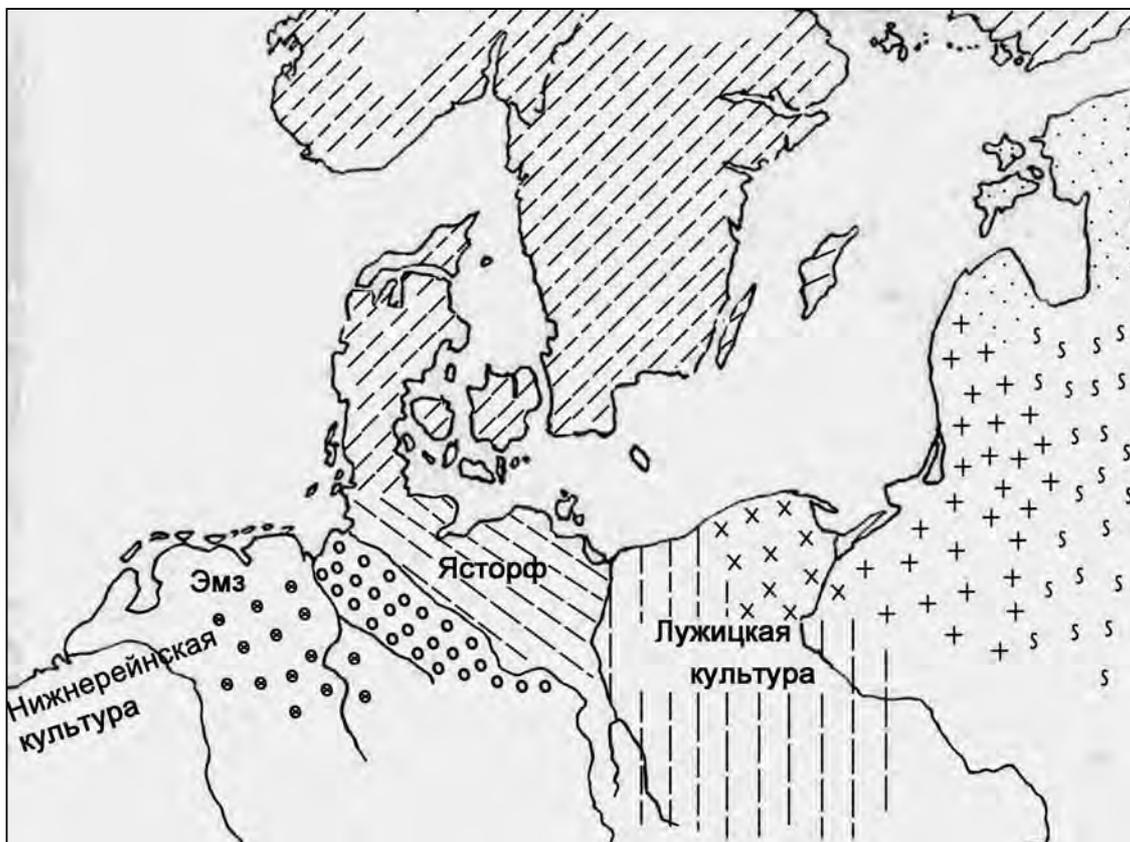
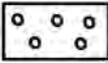
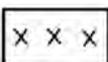
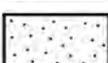
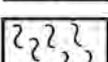
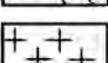

Рис. 7. Археологические культуры в 750–450 г. до н. э.

	Доримское железо в Скандинавии
	Ниенбург-Харпштедт
	Латэн
	Померанская культура лицевых урн
	Текстильная керамика
	Штих-керамика
	Курганная культура

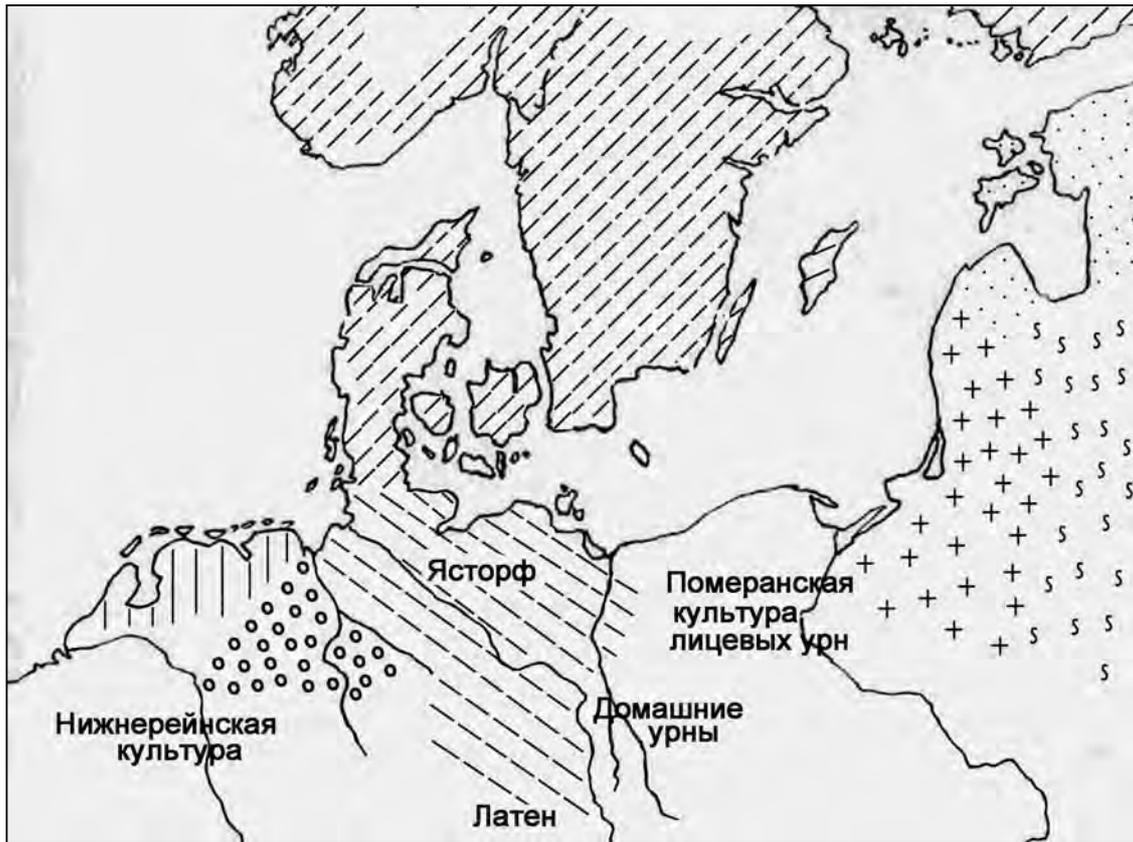
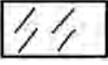
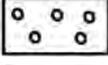
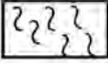
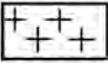

Рис. 8. Археологические культуры в 450–250 г. до н. э.

- Доримское железо в Скандинавии
- Фризская культура
- Ниенбург-Харпштедт
- Текстильная керамика
- Штих-керамика
- Курганная культура

5.7. ГИПОТЕЗА 6: ГЕРМАНЦЫ СФОРМИРОВАЛИСЬ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ В ЭПОХУ КУЛЬТУРЫ ЯСТОРФ (600–100 ГГ. ДО Н. Э.)

Культуры северного круга бронзового века сменились на севере Германии и юге Ютландского полуострова археологической культурой Ясторф, которую датируют обычно второй пол. I тыс. до н. э., от 600 г. до н. э. до рубежа н. э. (рис. 7, 8). На востоке эта культура соседствовала с культурами, сменившими Лужицкую культуру: с Биллендорфской (700–600 до н. э.) между средней Эльбой и Одером и с Померанской (культура лицевых урн), соседствовавшей на

востоке с западнобалтийской курганной культурой, а на юго-западе с родственной ей культурой домашних урн (700 до н. э.), которая была распространена между Эрцгебирге и устьем Заале, рис. 8). Около 500 г. до н. э. часть территории Биллендорфской культуры сменяет культура Ясторф, названная по расположенному в Нижней Саксонии местечку Ясторф.

Культура Ясторф распространялась и на север и на юг и в период своего наибольшего распространения почти достигала верховьев Эльбы. В I в. до н. – I в. н. э., юго-восточным соседом культуры Ясторф была Пшеворская культура, распространившаяся от среднего течения Одера до среднего течения Вислы и Оксивская культура на северо-востоке. С этого времени начинается так называемый исторический период.

Начиная с середины XX века этногенез германцев стали относить именно к эпохе культуры Ясторф (см., напр.: Filip 1966: 552; Монгайт 1974: 325; Germanen 1988: 34, 64, 99, 105; Mallory, Adams 1997: 321). Культура Ясторф и раньше считалась германской, однако не рассматривалась как колыбель германского этногенеза. Причем, если в начале XX века считалось в соответствии с Иорданом, что Скандинавия была родиной германских племен (*officina gentium* и *vagina nationum*, см., Jordanis 25), то в конце XX века, особенно в Германии, распространилось мнение, что германская прародина располагалась, прежде всего, в северной Германии (культура Ясторф), и германцы двигались на север, т. е. из района нижнего течения Эльбы в Ютландию, на Фюн, в Зеландию и в южную Скандинавию (Steuer 1998: 319–320), иными словами, предполагается, что германский этнос образовался не в результате прихода индоевропейцев в Скандинавию, как считалось раньше, а до колонизации Скандинавии потомками индоевропейцев, сравни гипотезу № 4, согласно которой германцы появились в восточной Германии в эпоху распространения унетицкой культуры. Однако отсутствие резких границ между культурами скандинавского и северогерманского бронзового и раннего железного века (Horst 1988: 27–30), привело к возврату многих сторонников этой гипотезы к старой гипотезе о более раннем, чем культура Ясторф германском этногенезе, т. е. ко времени культуры бронзового века «Северного круга», с которой культура Ясторф, как утверждают археологи, была «генетически связана» (Steuer 1998: 318). Хорст показывает не только непрерывность поселений и захоронений, а также постепенность изменения предметов материальной культуры, но и сохранение ряда обрядов в области между нижним течением Везера и Эльбы а также в Ютландии и южной Швеции в период между ранним бронзовым веком и железным веком, однако, считает, что «было бы рискованно и методически неоправданно называть племена северного бронзового века германскими и соответственно протогерманскими» (Horst 1988: 31).

5.8. ГИПОТЕЗА 7: ГЕРМАНЦЫ СФОРМИРОВАЛИСЬ В ЭПОХУ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце XX века появились работы, в которых появление германцев стали относить к еще более позднему периоду, к первым векам до н. э. (Ament 1986; Brather 2004). В этих работах предполагалось, что различные германские племена появились не в результате дивергенции, в соответствии с теорией родословного древа, а в результате конвергенции разных гетерогенных этнических групп на территории центральной и северной Европы (ср. особенно Ament 1986: 253). В этом случае германцы оказывались не древнее, чем сведения о них античных авторов. По этой гипотезе Цезарь был современником германского этногенеза. Считается, что именно Цезарь в середине I в. до н. э. и был создателем античного понятия «германцы» (Walser 1956; Andreocci 2008), а Тацит в первом веке н. э. говорит, что понятие «германцы» новое (Tacitus, cap. 2). Причем появление понятия «германцы» связывают со столкновением с Римом (Brather 2004: 225), что соответствует распространенному в современной этнографии положению, что осознание этнической группы своей этнической идентичности происходит в результате контакта (конфликта) с соседями. Предположение о том, что германцы сформировались в последние века до н. э. – первые века н. э. высказывал и Монгайт (Монгайт 1974: 331).

5.9. ДИСКУССИЯ

Мы видим, что датировка появления германцев колеблется в пределах почти десяти тысячелетий. Причем этническая и языковая принадлежность одних и те же археологических культур определяется по-разному. Такое различие может быть объяснено несколькими и обстоятельствами. К объективным причинам относится отсутствие резких границ в сменяющих друг друга археологических культурах Скандинавии и северной Германии (ср., напр.: Germanen 1988: 102). Братер, суммируя археологические работы, говорит «о непрерывном культурном континууме», который был характерен для данной территории (Brather 2004: 210, 212). Соответственно «при общей непрерывности поселений и культуры отсутствуют однозначные критерии, позволяющие различать «поверхностные» изменения, не имеющие этнической релевантности от глубоких изменений, связанных с этногенетическими процессами» (ibid: 219). Причем непрерывность касается не только материальной культуры, но и обрядов, таких, например, как жертвенный костер, которые сохранялись на этой территории до конца первого тысячелетия новой эры (Germanen 1988: 80). Именно эта непрерывность археологических культур и стала основанием для гипотезы о палеолитической непрерывности и гипотез о внутренних причинах

смены археологических культур. Кроме того, разная датировка появления германцев связана с отсутствием критериев, по которым можно было бы связать язык и этнос с археологической культурой (см. выше). Отсутствие связи распространения археологических культур с распространением этносов объясняет нам и несовпадение данных археологии с данными античных источников, относящих к германцам и народы Скандинавского полуострова, и народы, обитающие в областях распространения археологической латенской культуры, которая отличается и от культуры Ясторф и от культуры Скандинавии (см., напр.: Flemming, Martens 1995: 111–161). Возможно, был прав Фейст, который полагал, что понятия *Germani* у античных авторов первоначально было не этническим, а географическим и обозначало племена, обитавшие на правом берегу нижнего и среднего Рейна (Feist 1924: 5–6). Именно поэтому негерманские по языку белги говорят о своем германском происхождении, поскольку их родина была на правом берегу Рейна (*ibid.*).

Смешение языков¹²¹ и культур особенно заметно в областях контактов. Относящиеся римскими авторами к германцам треверы не только находились в области латенской культуры, но и большинство топонимов и собственных имен области треверов оказываются кельтскими (Gschöbe 2006: 13). Цезарь относит неметов и трибоков к германцам, но название этих народов считаются кельтскими (Калыгин 2003: 222–223). Многие племена (не только треверы и неметы, но и нервии, атуатуки и возможно менапии) относят к кельто-германской смешанной культуре, и многие вожди племен, считающихся германскими, носят кельтские имена Амбиорикс, Малорикс, Байторикс (Norden 1923: 370–376; Neumann 1986). Отмечается, что для области, традиционно считающейся германской античными авторами, нет археологического единства, и она распадается на несколько культурных провинций, «ни одна из которых не соответствует области распространения засвидетельствованных исторически германских племен» (Mildenberger 1986: 313).

Различие в датировке появления германцев связано еще и с тем, что термин «германцы» часто употребляется в разном значении даже представителями гипотезы тождества. Для многих археологов германцы – это, прежде всего, носители определенной археологической культуры¹²², для лингвистов – это люди, говорящие на германском языке, а для этнологов – это этнос, сознающий свою общность и свое отличие от других этносов, для генетиков и

¹²¹ Цезарь сообщает, что вождь свебов Ариовист знал галльский язык (Caesar I, cap. 47)

¹²² Хотя ряд археологов говорит о невозможности существования самостоятельного археологического понятия «германцы» (Nachmann 1975: 117), отождествление археологических культур с этносами не обладает в археологических исследованиях, см. выше.

антропологов – это группа людей с особыми генетическими и антропологическими признаками¹²³. Очень редко все эти признаки совпадают (ср. выше эскимосов или саамов), чаще всего они встречаются в разных комбинациях. Причем уже в каменном веке в Европе одна и та же археологическая культура сочетается с разными антропологическими признаками, ср., напр.: шесть антропологических типов дунайской культуры, включая лаппоноидов или пять антропологических типов культуры шнуровой керамики (Hensel 1974: 36, 71). Если понимать под германцами группу людей, обладавших определенными генетическими признаками, как это фактически делает Алиней, можно утверждать, что германскими были уже палеолитные культуры. Если же под германцами понимать носителей определенной археологической культуры, безотносительно к языку и этническому самосознанию, то в принципе мы можем объявить германской любую археологическую культуру, область распространения которой более или менее совпадает с областью распространения исторически известных германцев, что, как мы видели выше, и делают многие. Наконец, если иметь в виду под германцами этническую группу, сознающую свое единство и свое отличие от соседей, то мы можем сказать, что, вероятно, уже в начале I тыс. до н. э., а возможно и раньше, существовала особая этническая группа «своих» свеев/свебов, которая отличала себя от своих соседей «финнов» с севера, айстов с востока, венетов и вальхов с юга (см. ниже). Эта группа могла иметь одним из своих этнических признаков и язык, поскольку часть признаков, отличавших этот язык от языков соседей, образовалось до этого времени. В середине I тыс. до н. э. этническое единство «своих» стало распадаться, и к уже к эпохе Цезаря, а еще явственнее к эпохе Тацита, оно уже распалось. Когда сформировалось это единство сказать трудно. Оно могло появиться и до начала формирования языковых инноваций, отличавших германский язык от языка соседей, и во время появления этих инноваций. Если понимать под германцами группу людей, язык которых отличался от языка соседей, то поскольку первые германские признаки, которые еще не были исключительно германскими, но сочетание которых уже отличало их от языков соседей, появились, вероятнее всего, в III – начале II тыс. до н. э., то появление германцев следует относить к этому периоду.

В случае несовпадения лингвистических, археологических и этнологических реконструкций авторы соответствующих гипотез обычно обвиняют друг друга в неправоте. В частности, гипотезы историков об этногенезе германцев как конвергенции разнородных племен в конце I тыс. до н. э., см. выше, не могли быть одобрены

¹²³ Многие археологи также говорят о германцах или об «их биологических предках» (см. Kilian 1988a: 13).

лингвистами (см., напр.: Schmidt 1991: 131), поскольку древние германские языки и лингвистическая реконструкция общегерманского показывают нам существование единого германского языка уже в середине I тыс. до н. э. На том же основании (данные реконструкции) большинство лингвистов не может принять снова ставшую популярной у некоторых археологов и лингвистов (ср., напр.: Häusler 2002) известную идею Трубецкого о конвергентном происхождении протоиндоевропейского. Довольно часто мы наблюдаем, как лингвисты обосновывают свою реконструкцию данными археологов, а археологи и этнографы данными лингвистов, забывая о том, что для археологов германцы – это носители определенной археологической культуры, а для лингвистов – люди, говорящие на германском языке. Поскольку часто предполагается, что германцы должны были появиться только после появления у германских языков особых признаков, отличающих их от других индоевропейских языков, археологические и этнографические датировки часто ориентируются на датировки лингвистические. А так как Первый перебой согласных традиционно считается основными признаками германских языков¹²⁴, именно его датировка часто становится ориентиром для археологов. Соответственно после того как были поставлены под сомнения датировки, относившие Первый перебой к III или II тыс. до н. э. (Bremer 1900: 761), и более достоверными стали казаться более поздние датировки, относящие Первый перебой к сер. I тыс. до н. э. (см., напр.: Жирмунский 1964: 39; Schrodtt 1974: 72) или ко 2-й пол. I тыс. до н. э. (500–200 гг. до н. э.), см. Euler, Badenheuer 2009: 64, представление о появлении германцев в эпоху смешения культуры мегалитов с культурой шнуровой керамики сменилось представлением о культуре Ясторф как о центре германского этногенеза. Наконец, еще более поздние лингвистические датировки Первого перебоя (ср., напр.: Pisani 1949: 137) стали использоваться историками, относящими этногенез к эпохе империи. В частности один из аргументов Аменты – датировка Первого перебоя I веком до н. э. (Ament 1986: 253).

Лингвистическим реконструкциям, ориентированным на реконструкции археологических культур, следует не только иметь в виду множественность этих реконструкций, но и, прежде всего, различие объектов реконструкции у археологов и лингвистов (материальная и частично духовная культура в археологических реконструкциях и язык в лингвистических реконструкциях). Встает естественный вопрос, могут ли лингвисты в своих реконструкциях лингвистических ареалов опираться на археологические данные. Поскольку ареалы распространения археологических культур могут совпадать,

¹²⁴ Ср., напр., Feist 1924: 16; Flomm 1986. Порциг писал даже, что до Первого передвижения согласных нельзя говорить о германском, но следует говорить о западноиндоевропейском (Порциг 1964).

а могут и не совпадать с ареалами распространения этноса и языка, единственно возможным путем представляется сопоставление данных, полученных в результате чисто лингвистической реконструкции с известными археологическими реконструкциями.

Мы видели выше, что почти все фонологические и все морфологические германские инновации имеют соответствия либо в соседних индоевропейских языках, либо в соседних финно-угорских языках. Поэтому при сопоставлении языковых данных с археологическими культурами я буду искать в первую очередь те археологические культуры, которые могли быть связаны с языками, которые, судя по большому числу общих инноваций, могли быть соседями германского в период его формирования, т. е. прежде всего с италийским, балтийским и саамо-прибалтийско-финским.

6. СРАВНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

6.1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ СУБСТРАТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ГЕРМАНСКОМ

Вопрос о догерманских субстратах и суперстратах, т. е. о языках находившихся в контакте с протогерманским в период его формирования, но затем исчезнувших, еще не нашел своего окончательного решения. Основанием для выделения догерманского субстрата служили германские инновации, не имевшие соответствий в других индоевропейских языках, прежде всего передвижение согласных (см. выше) и лексика, не имеющая индоевропейских соответствий. Поскольку традиционная датировка Первого перебоя (см. выше) не позволяет предположить его субстратного характера, так как в позднем бронзовом веке не предполагаются миграции населения в северной Германии и южной Скандинавии, а возможная германизация местного населения должна была произойти задолго до Первого перебоя, то единственным основанием для предположения о догерманском субстрате оказывается лексика, не имеющая индоевропейских соответствий. В протогерманский период предполагается появление не только субстратной лексики характерной только для германского, но и субстратной лексики общей для более крупного северо-европейского ареала. Еще более древним оказывается предполагаемый строй субстратной лексики, которая реконструируется для всех индоевропейских языков Европы. Первый пласт таких гипотетических заимствований в индоевропейские языки Европы могут быть слова из предполагаемого Феннеманом васконского субстрата (см. раздел 4.3.1), который затронул фактически все индоевропейские языки Европы. На меньшей европейской территории предполагают распространение еще одного субстрата, из которого были заимствованы слова в индоевропейские языки северной Европы, см. выше предположение о Хэмпта о существовании субстратного языка, из которого были заимствованы слова для обозначения яблока и яблони в индоевропейские языки скверной Европы (см. раздел 4.3.1).

Вопрос о том, каким археологическим культурам может соответствовать ареал распространения предполагаемого германского субстрата наиболее сложен, поскольку до сих пор не вполне ясно, насколько следы предполагаемого субстрата сохранились в германском. Если действительно часть слов морской тематики имеет в германском субстратное происхождение, то, если справедливо предположение о появлении первых протогерманских признаков в конце III тыс. до н. э., то вполне вероятно, что северо-европейский

субстратный язык мог быть одним из языков культуры воронковидных кубков. Антропологические данные, свидетельствующие о значительной доле участия носителей культуры воронковидных кубков в формировании одного и наиболее распространенных антропологических типов германоязычного населения, также подтверждают это предположение (см., Ament 1986; Bernhard 1986, см. выше раздел 5.2). В качестве генетического коррелята этого субстратного языка можно предположить носителей хромосомной гаплогруппы I1 (подробнее см. ниже).

6.2. СОСЕДИ ГЕРМАНЦЕВ С ЮГО-ЗАПАДА

Было выделено 14 полных (**5**, **6**, **7a**, **7b**, **8**, 10, 11, 12, 14, 15, 16a, 16d, **17**, **18b**) и четыре частичных (3, 9a, **18a**, **19**) общих германо-италийских грамматических и фонологических инноваций, девять из которых характерны и для кельтского **6**, **7a**, 10, 11, 12, 14, 15, 16b, **19**) и три эксклюзивно германо-италийских инновации (15a, 15d, 16) и множество исключительных словообразовательных и лексических соответствий), охватывающие временной промежуток от начала формирования протогерманских инноваций до первого этапа передвижения согласных, т. е. до конца второго, начала I тыс. до н. э., что подтверждает традиционное предположение об особо тесных связях германского и италийского. Краэ считал, что родина италийцев находилась где-то в непосредственной близости от германцев (Krahe 1954: 71), а Фейст даже утверждал, что германский является потомком близкого к латинскому исчезнувшего языка (Feist 1924: 38).

И лексические и грамматические и фонологические соответствия свидетельствуют о длительных и тесных контактах, которые были прерваны в начале I тыс. до н. э. (возможно после предполагаемого ухода италийских племен на Аппенинский полуостров, а возможно после смены языка соседних с германцами италийцев на кельтский или германский) и возобновились только в эпоху Римской империи. Судя по семантике лексических соответствий, которые затрагивают не только общественно-юридическую терминологию, но и земледельческую и скотоводческую лексику, германский был соседом италийского еще до бронзового века, ср. особенно италийско-германские эксклюзивные лексические соответствия, которые могут восходить к каменному веку (ср. лат. *sparus*, *sparum* ‘копье для охоты’, *arcus* ‘лук’, герм. **speru-* ‘копье’, **arhwō-* ‘стрела’). О существовании германо-италийского контакта в раннем бронзовом веке (т. е. в начале II тыс. до н. э.) свидетельствует общее германо-италийское название бронзы **ais*¹²⁵, см. выше. Поскольку

¹²⁵ Полеме относит время германо-италийского контакта и время формирования германского к бронзовому веку (Polomé 1972: 59). В более ранних

бронзовый век в области археологической культуры «Северного круга» (около 1800 г. до н. э.), начался позже, чем у носителей культуры их юго-западных соседей (в северной Германии и Скандинавии не было собственных месторождений меди и олова), можно предположить, что общность обозначения бронзы в германском и итальянском объясняется заимствованием этого слова (или, возможно, значения) из итальянского в германский.

Поскольку в исторический период итальянцы и германцы оказываются далеко друг от друга, а лингвистические данные свидетельствуют об их былом тесном контакте, встает естественный вопрос, где и когда имел место этот контакт. Теоретически возможны три сценария: германцы раньше были соседями итальянцев на Аппенинском полуострове, итальянцы были соседями германцев в северной Германии и оба языка соседствовали на какой-то территории, откуда они мигрировали в места своего позднейшего обитания.

Традиционно считается, что итальянцы (т. е. итальянский язык) проникли на Аппенинский полуостров с севера. Причем первая волна итальянцев, уже знакомых с бронзой, появилась здесь в начале II тыс. до н. э. и принесла культуру террамаре, а вторая около конца II тыс. в начале железного века принесла культуру вилланова (Монгайт 1974: 139; Ковалев 1986: 41–42; Heuss 1998: 1–2)¹²⁶. В соответствии с гипотезой тождества этноса и культуры носителей культуры террамаре связывали с латино-фалиссками, а носителей культуры вилланова с умбро-сабеллами (Heuss 1998: 2). Однако уже давно высказывались сомнения в справедливости такого отождествления (см., напр.: Messerschmidt 1935; современную критику этого положения см. Bleicken 1999: 94–96, там же литература). Многие современные археологи и историки считают вообще невозможным выделение итальянцев археологическими методами (Müller 1990: 131; Bleicken 1999: 95). Причем идентификация культуры вилланова с мигрировавшими с севера итальянцами вызывает меньше возражений, чем предположение о миграционной природе культуры террамаре, которая считается естественным развитием местной культуры.

Хотя гипотеза о северном происхождении культур террамаре и вилланова разделяется далеко не всеми, есть все же веские археологические доводы в пользу их миграционной природы. В начальной фазе поздней бронзы 1300–1200 гг. до н. э. отмечают увеличение населения в северной Италии, увеличение размеров поселений, появление трупосожжения вместо прежнего трупоположения и появление урновых полей, соответствующих полям погребальных

работах Полеме ставил под сомнение гипотезу о длительном соседстве или общем развитии итальянского и прагерманского (Polomé 1966: 199).

¹²⁶ Вряд ли справедливы более поздние датировки появления итальянцев на Аппенинском полуострове (1200–1100 до н. э. для итальянцев и 1000 для венетов), как полагает Шварц (Schwarz 1956: 24).

урн центральной Европы (Primas 2008: 28). Причем эти признаки распространяются в Италии с севера на юг (Cornell 1995: 32–33). В начале железного века (900 г. до н. э.) на севере Италии мы видим еще одно резкое изменение археологической культуры с появлением домашних урн (культура вилланова) (ibid.: 33–34).

Таким образом, археологические данные допускают существование двух волн итализации Аппенинского полуострова. Именно так считал и И. М. Тронский, основываясь на историко-археологических изысканиях Модестова (Тронский 2001: 38), ср. «Языки итальянской ветви проникли в Италию не как единое целое, а, по меньшей мере, двумя волнами, отделенными одна от другой значительным промежутком времени. За этот промежуток времени накопились те различия, которые отделяют латинский язык от оско-умбурской группы в целом» (ibid.).

Если мы сравним эти данные с германо-италийскими инновациями, то оказывается, что они полностью соответствуют друг другу. Германо-италийские инновации свидетельствуют о существовании двух групп италийцев, одна из которых раньше ушла из областей их контакта с германским, а другая позже. Больше всего общих с германским инноваций имеет оско-умбурский: дентальный суффикс в прошедшем времени (**18b**), обобщение формы аккузатива отглагольного существительного при образовании инфинитива (**17**), первый этап передвижения согласных (16а), который в оско-умбурском прошел гораздо последовательней, чем в латинском и, возможно, первый этап передвижения глухих смычных, заключавшийся в их спирантизации в положении перед другими смычными (15d – /kt/ > /xt/, /pt/ > /ft/ и т. п.), который также характерен для протогерманского и для прото-оско-умбурского. К этой же группе инноваций относится и изменение /k^w/ > /p/, произошедшее в оско-умбурском и частично в германском (14). Эти соответствия могут свидетельствовать о том, что германский язык был соседом языка наиболее близкого оскому и умбурскому дольше, чем языка предков римлян. Изменения общие и для фалиско-латинского (распущение слоговых *l* и *r* (9а), сокращение долгот (10), корневое ударение (11), долгие согласные (12), ступень удлинения в прошедшем времени (**7b** и возможно **7a**) и супплетивизм форм глагола «быть» (**19**)) могут быть отнесены к более далекому времени, т. е. к началу или середине второго тысячелетия до н. э. Именно в это время и были возможны контакты германцев с еще относительно единым италийским. А изменения **5**, **6**, **8** с оговорками, высказанными выше, следует отнести к еще более отдаленному времени.

Можно предположить, что протоиталийский был соседом протогерманского только во время первого шага первого этапа перебоя (изменение *b^h d^h g^h* в начале слова) и только прото-оско-умбурский оставался соседом германского при соответствующем изменении в середине слова. Остальные этапы германского перебоя, в том числе

изменение $p^h t^h g^h > fp\chi$ происходили уже, вероятно, после ухода италийцев на юг, хотя не исключено, что изменение глухих смычных в щелевые перед глухими смычными в оском и умбрском (ср. умбр. *rehte*, но лат. *recte*, оск. *skriftas*, но лат. *scriptae*) соответствуют первому этапу последней фазы Первого германского передвижения согласных ($p^h t^h g^h > fp\chi$). В таком случае следует предположить, что прото-оско-умбрский был соседом протогерманского еще в начале I тыс. до н. э.¹²⁷

Таким образом, поскольку германский имеет больше общих черт с оско-умбрским, чем с латино-фалиским, естественно предположение о том, что протооско-умбрский дольше был соседом германского, чем протолатино-фалиский, т. е. что первыми италийцами в Италии были люди говорящие на латино-фалиских языках (около 1300 г. до н. э.), а предки осков и умбров пришли на Аппенинский полуостров позднее (около 900 г. до н. э.).

Встает естественный вопрос, где имели место германо-италийские контакты, который связан с вопросом, откуда пришли италийцы (или италийский язык) в Италию. Традиционно считается, что «специфические языковые черты, характеризующие италийскую ветвь, создались раньше, чем носители языков этой ветви поселились в Италии» (Тронский 2001: 28), и что италийский язык проник на Аппенинский полуостров с севера, из района среднего течения Дуная (Necken 1955: 26; Martinet 1996–1997: 307; Meier-Brügger 2000: 29) или из областей на юго-западе Германии (Oettinger 1997: 99). Предположение о германо-италийских контактах в период формирования протогерманского в этих областях во II тыс. до н. э. (ср., напр.: Necken 1955: 27) в последнее время вновь стало популярным в связи с гипотезой о центральноевропейской прародине германцев, связывающей германцев с унетицкой культурой (см. выше Euler, Badenheuer 2009). Однако общие инновации в период формирования протогерманского показывают, что он находился в контакте не только с италийским, но и с балтийским (см. выше германо-балтийские инновации, отсутствующие в италийском) и с финно-угорским, что заставляет предположить, что тот язык, который мы называем италийским был распространен не только на среднем Дунае и в Саксонии и Тюрингии, но и на севере центральной Европы.

С лингвистической точки зрения италийская прародина должна была находиться между кельтской и германской, поскольку больше всего общих инноваций у италийского с германским и кельтским¹²⁸.

¹²⁷ Следует, однако, заметить, что изменения типа $pt > ft$, $kt > \chi t$ типологически частотны, поэтому возможно и только типологическое соответствие между германским и оско-умбрским.

¹²⁸ К исключительным итало-кельтским инновациям относятся, в частности, генитив на $-\bar{i}$, конъюнктив на $-\bar{a}$, суперлатив на $*-ismo$ и множество

А германскую прародина следует искать между италийской и балтийской и рядом с финно-уграми. При этом у германского и италийского имеются исключительные общие грамматические и фонологические инновации, а общность германского и кельтского ограничивается словарным запасом, что может свидетельствовать о том, что кельто-германский контакт был более поздним и менее длительным, чем итало-германский контакт. Расположение италийского между германским и кельтским с одной стороны и существование у германского инноваций общих с балтийскими и финно-угорскими, с другой, предполагает распространение италийского на севере центральной Европы. Если сопоставить эти данные с более длительными оско-умбрско-германскими контактами и с двумя волнами итализации Аппенинского полуострова, то не исключено, что италийцы пришли в Италию двумя волнами с места их северной прародины на северо-западе центральной Европы, хотя конкретный их путь остается неясным (возможно он пролегал через области, прилегающие к среднему течению Дуная), а возможно, что все пространство от современной Венгрии до северо-запада Германии занимали протоиталийцы.

О традиционных связях северной Италии с северной Европой в 1400–1000 гг. до н. э. свидетельствуют многочисленные находки в Италии янтаря, который происходит с побережья современной Дании (Кларк 1953: 262; Немировский 1957: 104)¹²⁹. Считается, что янтарь попадал в северную Италию через Бреннерский перевал, который в древности был единственной доступной дорогой, связывающей северную Италию с центральной и северной Европой, а до Бреннерского перевала янтарь везли вверх по рекам (по Рейну или Эльбе, а затем по Дунаю). Возможно, именно таким и был путь первых италийцев на юг из Северной Европы, причем связи с северной Европой у италийцев не прерывались и после их переселения на Аппенинский полуостров. Об этом говорит большое количество привозного балтийского янтаря в северной Италии¹³⁰ и то,

лексических инноваций. О том, что кельтский не был непосредственным соседом германского в период формирования общегерманских инноваций свидетельствует отсутствие германо-кельтских фонологических и морфологических эксклюзивных инноваций. Такие инновации у германского есть только с италийским и балтийским.

¹²⁹ Греки, к которым янтарь попадал из Северной Италии и из долины По, считали, что именно там и находятся месторождения янтаря (Немировский 1957: 104). Плиний Старший писал, что янтарь стал известен грекам через венетов (Plin. N. H. III. 30; XXXVII, 11).

¹³⁰ В Италии был и собственный янтарь, однако, содержание янтарной кислоты в нем не превышало 1%, тогда как содержание янтарной кислоты в балтийском янтаре от 3% до 8%, что позволяет отличить местный янтарь от привозного (Немировский 1957: 104, примечание 1)

что именно северная Италия стала центром распространения балтийского янтаря на Балканы.

Если мы посмотрим на археологические культуры, распространенные к югу от областей, традиционно считающихся германскими, то увидим поздненеолитическую группу культур колоколовидных кубков (2800–1900 гг. до н. э.), северные области распространения которой находились между Рейном и Эльбой. Эту культуру сменила культура раннего бронзового века, распространенная на северо-западе Германии и в северо-восточной Голландии с 2200 по 1800 гг. до н. э. (об этой культуре см. Roymans, Fokkenns 1995; Becker 2006) и позднее культура Зёгель-Вольде (1800–1000 гг. до н. э.), распространенная на севере земли Северный Рейн-Вестфалия, в Нижней Саксонии и в Шлезвиг-Гольштинии (см. рис 3)¹³¹. С северо-востока к области распространения культуры колоколовидных кубков примыкала культура шаровых амфор¹³², западная граница которой в конце III тыс. до н. э. в значительной степени соответствовала западной границе ГДР и шла с севера на юг, пересекая нижнее течение Эльбы и, отделяя Шлезвиг, Гольштению и Люнебургскую пустошь на западе от Передней Померании, Мекленбурга, Бранденбурга и Заксен-Анхальт на востоке (Dirks 2000, рис. 64). Позднее эта культура сменилась культурой шнуровой керамики, а затем и унетичкой и еще позднее лужицкой культурой.

Археологическое отличие культур северо-запада Германии и северо-востока Голландии и от более южных и от более северных культур, ставшее заметным в конце третьего тысячелетия до н. э., и особенно проявившееся в период распространения культуры Зёгель-Вольде, продолжало существовать и в более позднее время. Оно сохранялось и на рубеже новой эры. Хахманн отмечает, что в последние века до нашей эры сохранялось культурное различие между областью среднего Рейна и Шиферных гор, которую относят к областям распространения позднелатенской культуры (Nachmann 1962: 36) и более северной областью от нижнего Рейна до Эльбы. Латенскую культуру на среднем Рейне традиционно отождествляют с кельтами, что вполне вероятно, поскольку именно здесь сохраняются многочисленные кельтские топонимы (Kuhn 1962: 109–115;

¹³¹ Термин культура Зёгель-Вольде соответствует частично тому, что в голландской традиции принято называть элпской культурой (1800–800 гг.), распространенной на территории современной Голландии и северо-западной Германии. На востоке элпская культура граничит с родственной ей хильверсомской культурой того же периода, на западе с культурой «Северного круга».

¹³² Обычно время существования культуры шаровидных амфор определяется как 3100–2600 гг. до н. э., однако на севере Германии эта культура была распространена в период 2300–2130 гг. до н. э. (Nagel 1985), т. е. она здесь частично совпадала по времени с чуть более молодой культурой колоколовидных кубков.

см. рис. 5). Область, лежащая к северу от Липпе, хотя и находилась под некоторым влиянием поздней латенской культуры, но сохраняла свой собственный характер¹³³, отличавший ее и от более южных областей на среднем Рейне и от более северных областей низовья Эльбы (Nachmann 1962: 36–38; Kossack 1962: 103). На рубеже новой эры отмечают сильное влияние на эту промежуточную область менее развитой культуры с севера, что связывают с распространением германцев из района нижнего течения Эльбы (ibid.: 41).

Археологическому отличию культуры области к северу от Липпе до Эльбы и от более южной латенской культуры, которую традиционно связывают с кельтами, и от более северной культуры низовьев Эльбы, которую традиционно связывают с германцами, соответствует наличие в этой области пласта топонимов, которые не являются ни кельтскими, ни германскими (см. рис. 9). Основываясь на анализе этих топонимов, Гисселинг и Кун выдвинули предположение о существовании на этой территории догерманского индоевропейского субстрата. Гисселинг считал, что этим негерманским индоевропейским населением были белги, которые были окончательно германизованы только во втором веке до н. э., но оставили следы в виде топонимов (Gysseling 1960; 1983). Более детально обосновал гипотезу об индоевропейских племенах между кельтами и германцами Кун, выдвинувший идею о существовании племен так называемого северо-западного блока, которые в железном веке обитали в областях между Эмзом и Эльбой (Kuhn 1959, 1962, 1963, 1970; см. также Birkhan 1970; Laur 2004)¹³⁴, когда на смену культуре Штаде (1100–800 до н. э.), преемнице культуры Зёгель-Вольде, приходит культура Харпштедт-Ниенбург (700–100 до н. э.), рис. 7, 8, которая отделяет область латенской культуры (600–100 г. до н. э.) от культуры Ясторф (600–100 до н. э.) и занимает промежуточное положение между ними (см. рис. 4)¹³⁵.

К признакам «северо-западного блока» Кун относит сохранение и.-е. *p* и частичное сохранение и.-е. *t*, суффикс *-st* (*Alista*, *Ateste*, *Segesta*), часто встречающийся в топонимах к югу от Альп, суффиксы *-k*, *-andr* в топонимах и *-apa* (без перебора в *Olpe*, *Ennepe* и т. п. и с перебором в *Honnef*, *Horloff*, *Walluff* и т. п.) в гидронимах, корни с *venet-* и *belg-* в собственных именах и отдельных словах (Kuhn 1962, 1963, 1970, см. также Birkhan 1970; Laur 2004). Область

¹³³ Хахманн называет эту область «варварской периферией» латенской культуры (Nachmann 1962: 34).

¹³⁴ Подробное обсуждение гипотезы Куна с указанием всех его работ на эту тему см. Meid 1986, который считает доказанным существование негерманского и некельтского «Северо-западного блока», однако оставляет открытым вопрос о его границах и его поздней германизации, не упоминая степень вероятности его идентификации с италийским (венетским) (ibid.: 200).

¹³⁵ См. Kuhn 1962, карты N 13, 14, 15, 16. Birkhan 1970, карты N 6, 7, 8, 9.

6. Сравнение археологических и лингвистических данных

предполагаемых древних контактов германцев с племенами северо-западного блока доходила до Везера. В области к востоку от Везера

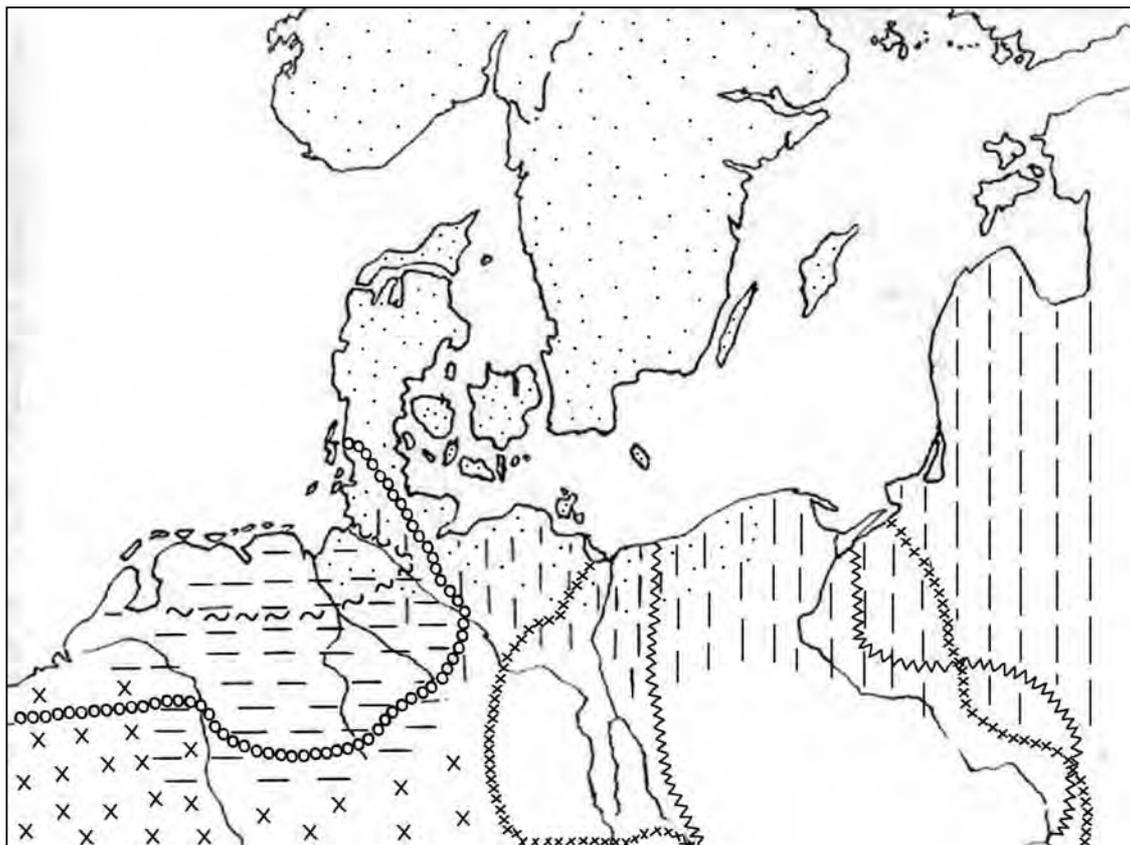
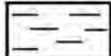
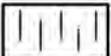
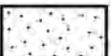
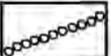
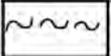
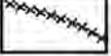
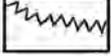

Рис. 9. Негерманские топонимы на южной границе германского языка

	Кельтские топонимы (Kuhn 1962, 1963, 1970; Birkhan 1970)
	Топонимы племен «Северо-западного блока» (италийские?)
(Kuhn 1962, 1963, 1970; Birkhan 1970; Laur 2004)
	Балтийские топонимы (Топоров, 1966, 1982; Schall 1962, 1964, 1966; Rimantienė 1992)
	Культура «Северного круга» 1800–800 до н.э.
	Культура Зёгель-Вольде 1800–1000 г. до н.э.
	Культура Штаде 1300–1000 г. до н.э.
	Лужицкая культура 1300–1000 г. до н.э.
	Померанская культура 750–450 г. до н.э.

и Аллера нет следов негерманских топонимов¹³⁶. Кун высказал предположение, что племена северо-западного блока были потомками народа, сформировавшегося в результате смешения движущихся в восток индоевропейцев с доиндоевропейцами на северо-западе Европы (Kuhn 1963, 567). Этот народ Кун отождествлял с италийцами, считая, что, возможно, именно их германцы называли венетами (Kuhn 1962: 127), имея, вероятно, в виду предков тех армориканских венетов, о которых говорил Цезарь (Caesar BG III, 7–16)¹³⁷.

Гипотеза Гисселинга и Куна о существовании особой группы «индоевропейских племен северо-западного блока» была подвергнута критике сразу после ее появления (ср. библиографию в убедительных ответах Куна своим оппонентам (Kuhn 1965: 19) и продолжает подвергаться критике до сих пор, особенно сторонниками центральноевропейской прародины германцев (см., напр.: Ernst, Fischer 2001; Euler, Badenheuer 2009¹³⁸), однако, несмотря на то, что отдельные пункты его доказательств продолжают оставаться дискуссионными, в частности вопрос об этнической принадлежности племен «северо-западного блока», само существование особой группы племен между германцами и кельтами признается теперь многими (см., напр.: Meid 1986; van Coetsem 1994). В своих более поздних работах Х. Кун не настаивал на исключительной идентификации племен северо-западного блока с италийцами, считая их группой индоевропейцев, от которой около 1200 г. до н. э. отдифференцировались и ушли на юг иллирийцы, италийцы и венеты (см., напр. Kuhn 1978: 24). Однако в таком случае датировка этих «последних индоевропейцев» оказывается гораздо старше, чем конец I тыс. до н. э., как Кун считал раньше (Kuhn 1962), ср. предполагаемую связь племен северо-западного блока с культурой Харпштедт-Ниенбург (*ibid.*). Несмотря на то, что еще многое предстоит сделать для языковой атрибуции топонимов «северо-западного блока», обнаруживаются очевидные соответствия с топонимами Италии (Kuhn 1978). Возможно отмечаемые Куном чередования *f* и *b* в начале слова в сходных корнях в топонимах

¹³⁶ Исключение составляет небольшая область у Ганновера, так называемая ганноверский Вендланд, где есть более поздние славянские топонимы (Laur 2004: 208).

¹³⁷ Хотя традиционно этих венетов считают кельтами, вопрос об их этнической принадлежности остается открытым (см. Merlat 1955: 708–709). Не исключено и предположение о том, что армориканские венеты сменили свой «венетский» язык на кельтский.

¹³⁸ Некоторые критики гипотезы Куна не вполне корректны. Эйлер и Баденхейер опираются на Мейда (Euler, Badenheuer 2009: 26), который, однако, критикуя отдельные моменты доказательства Куна, считает доказанным существование особой группы племен, расположенных между германцами и кельтами на северо-западе Германии (Meid 1986).

(Kuhn 1977: 332) отражают как итальяйское изменение звонких придыхательных в глухие щелевые ($b^h > \beta > f$), так и германское их изменение в звонкие щелевые ($b^h > \beta > b$), т. е. топонимы с /f/ являются итальяйскими (ср. *filg-*), а с /b/ германскими (ср. *belg-*).

В предполагаемой смешанной области отмечены топонимы и гидронимы, сохраняющие доперебойные согласные и топонимы с перебоем, и смешанные топонимы, одна из частей которых интерпретируется как германская, а другая как догерманская, т. е. относящаяся к языку племен северо-западного блока (Kuhn 1962; Laur 2004). К гидронимам такого типа относятся, в частности, составные топонимы со считающейся догерманской формой *-apa*, первая часть которых является германской, ср. *Ascapha* (без перебора) с германским **aska* ‘яшень’, *Brunafa* (с перебоем) с германским **brūn-* ‘коричневый’, *Halappe* с германским **halluz* ‘скала’ (Laur 2004: 209).

Форма *-apa* соответствует либо оско-умбрской форме с *p*, которое соответствует латинскому k^w (ср. лат. *quattor*, оск. *pettiur* ‘четыре’) либо галльскому и бриттскому *p*, которое соответствует гэльскому и кельтиберскому k^w (ср. ирл. *cethir*, брит. *pedwar*) (Schwarz 1956: 26). В оском засвидетельствованы формы *aapat* (вин. ед.), *aapas* (род. мн.) ‘вода’ < протоитал. **āpā-* (de Vaan 2008: 19). Можно предположить, что подобная форма была и в латинском, где реконструируют форму с губным смычным **aba*, ср. лат. *amnis* ‘река’ (Laur 2004: 211), см. № 14, наряду с обычным для латинского k^w (*aqua*). Хотя возможно звонкость реконструируемого *b* объясняется соседством с последующим *n* (**ap-nis > *abnis > amnis*). Таким образом, формы типа *Ascapha* могут свидетельствовать либо о германо-оско-умбрском, либо о германо-галльском контакте в северо-западной части современной Германии. Форма *-apa* в этой области соответствует частичному германскому изменению $k^w > p$ (14), характерному и для оско-умбрского и галло-бриттского. Критики Куна полагали, что топонимы с /p/ следует признать кельтскими, поскольку изменение $k^w > p$, было характерно для так называемых *p*-кельтских языков (ср., напр.: Guttenbrunner 1957–1958). Однако в некоторых позициях *p* в топонимах не соответствовало ни *p*-кельтской ни германской фонотактике (см. *Plore* < и.е. **plār-*, ср. англ. *floor* – Mees 2001: 29), однако вполне соответствует итальяйской фонотактике, поэтому более вероятно именно итальяйское (прото-оско-умбрское) присутствие на территории племен «северо-западного блока». Именно в прото-оско-умбрском наблюдается и изменение $k^w > p$, и сохранение начального *pl*, и отражение $b^h d^h g^h$ как щелевых. Появление *f* на месте глухого лабиовелярного и соответственно разные отражения индоевропейского глухого лабиовелярного и как h^w и как *f* (см. № 14) в германском могут свидетельствовать об германо-италийском контакте, подобно разным отражениям исконного b^h (см. выше). Вероятно

такую же природу имеют и параллельные формы (без перебоя и с перебоем типа *Ascapa* и *Brunafa*, см. выше).

Несмотря на продолжающуюся критику гипотезы Куна об италийском языке племен северо-западного блока, отделявших кельтов от германцев, (см., напр. Ernst, Fischer 2001: 72; Euler, Badenheuler 2009: 26), она единственная объясняет не только негерманские топонимы этой области, но и поразительное сходство германских и италийских инноваций. Было даже высказано предположение, что именно эти племена «северозападного блока» кельты называли германцами, т. е. этноним германцы, вначале был дан кельтами не германцам, а своим северным соседям, племенам «северо-западного блока» (Nachmann 1962: 61–63; Meid 1987: 94), ср. этимологию германцев, связывающую их с кельтским корнем **ghair*- ‘близость’¹³⁹. Если верно предположение о том, что племена «северо-западного блока» были италийцами, то не исключено, что первоначально германцами кельты называли именно италийцев. Этот этноним сохранился за племенами, обитавшими на этой территории и после их языковой германизации (а возможно и предшествующей кельтизации), и именно в таком значении этноним германцы стал использоваться в римской и современной традиции.

Если предположение Куна верно, то место обитания племен «Северо-западного блока» согласуется с областью распространения культуры Харпштедт-Ниенбург (см. рис. 7), однако не исключено, что эти топонимы могли относиться и к гораздо более отдаленному времени (ср., напр.: формы с перебоем согласных, которые должны были быть заимствованы до Первого перебоя) т. е. к бронзовому веку (ср. культуру Зёгель-Вольде, рис. 5, 9) или даже к последней фазе неолита. Отсутствие перебоя в топонимах на этой территории (как в *Ascapa* и т.п.) может свидетельствовать о том, что и после германского перебоя, т. е. до середины первого тысячелетия до н. э., на этой территории сохранялось негерманское население.

Как мы видели выше, археологическое отличие «северо-западного блока» от юга и севера существовавшее уже в конце второго тысячелетия до н. э. сохранялось и позже (ср. особенно культуру Зёгель-Вольде). Возможно действительно мы имеем дело здесь с остатками италийских племен в эпоху культуры Харпштедт-Ниенбург, однако столь же вероятно, что в этот период на этой территории уже говорили по-германски (а, возможно, и по-кельтски), а топонимы были следом прежнего италийского населения, т. е. во время распространения культуры Харпштедт-Ниенбург племена «Северозападного блока», которые возможно раньше были

¹³⁹ Возможно кельты называли германцами и своих соседей в других областях. Плиний Старший упоминает германцев на Иберийском полуострове, которые оказываются оретанами (*Oretani qui et Germani vocantur*), см. выше.

италийцами были в языковом отношении кельтизированы и (или) германизированы. Культурную германизацию уже отмечают в последний период культуры Штаде (1100–800 гг. до н. э.). Наиболее вероятным представляется такой сценарий смены языков в этой области италийский > кельтский > германский.

Принимая во внимание количество и возраст италийско-германских инноваций и предположение археологов о преемственности культуры колоколовидных кубков и более поздней культурой Зёгель-Вольде и даже о возможности миграции носителей культуры колоколовидных кубков на север (Keiling 1999: 15), можно подумать, что, по крайней мере, одним из языков этой культуры был прото-италийский. Вполне вероятно, что и культура бронзового века Зёгель-Вольде также имела италийский языковой компонент. Эта культура была исторически связана не только с культурой колоколовидных кубков, но и с распространенной на юго-востоке центральной Европы более поздней унегицкой культурой, граничащей с ней в Нижней Саксонии и распространенной до Нижней Австрии и областей к северу от Дуная. Многие артефакты культуры Зёгель-Вольде, ср., напр.: знаменитый наряд так называемой принцессы из Фаллингбостеля, соответствуют артефактам культуры, распространенной в районах нижней Австрии и Венгрии (Probst 1996: 86–88). Напомним также и сходство культур в долинах рек По, Дуная, Эльбы и Рейна в центральной Европе в бронзовом веке (Primas 2008).

Германо-италийская зона контакта охватывала не только самый северо-запад Германии но и северофризские острова, где название острова Амрум, возможно сохраняющего племенное название амбронов, может указывать на связь с умбрами. Вопрос об этнической принадлежности амбронов, бывших западными соседями кимвров и тевтонов на Северофризских островах и на северо-западе Ютландии неясен. Их считают и германцами, и кельтами, и германизированными кельтами. Однако не исключено, что свое племенное название амброны сохранили с того времени, когда северо-запад центральной Европы занимали италийцы (племена северо-западного блока по Куну). Название *Ambrones* мы находим и у лигуров. В битве у Секстиевых Вод (102 г. до н. э.), в которой амброны были союзниками тевтонов, а лигуры союзниками Рима, оба племени называли себя амбронами (*Ambrones*)¹⁴⁰, форма, которая могла восходить к форме **Ombr-*, реконструируемой и для

¹⁴⁰ «...ритмично ударяя мечами и копьями о щиты, они <амброны> все разом подпрыгивали и выкрикивали: «Амброны!» – то ли окликавая друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, услышав и разобрав их клич, стали кричать в ответ, что и они, и предки их из рода в род назывались амбронами» (Плутарх 1994, т. 1. Гай Марий 21, 468, перевод С. А. Ошерова).

этнонима умбры (Schwarz 1956: 26). Шварц отмечает многочисленные топонимы с *Ambr-* в Лигурии (*ibid.*). Этот же корень встречается и в именах кельтских (или германских) вождей (см., напр.: Амбиорикс, имя вождя эбурунов (имя вождя выглядит кельтским, а имя племени – германским ср. др.-вн. *euur*, др.-англ. *eofor*, др.-исл. *jöfurr* < **eburaz*) ‘вебрь’, ср. также гидроним *Ambra* (*Emmer*) и собственное имя *Ambricho*, на которые обращал внимание еще Цейс (Zeus 1837: 147). Вопрос о языке лигуров тоже неясен, хотя есть предположение о его италийском характере. В эпоху расцвета немецкого национализма Кречмер даже выдвинул идею о том, что умбры – потомки германских амбронов, которые совершали набеги на северную Италию задолго до кимвров и тевтонов (Kretschmer 1932). Похожую гипотезу предложил тоже в 30-е годы XX века Мух, который, основываясь на оско-умбрско-скандинавских лексических параллелях, предложил гипотезу о доисторических походах германцев из Скандинавии в северную Италию (Much 1936, подробнее см. ниже).

К области германо-италийских контактов относилась, вероятно, и северо-восточная часть Нижней Саксонии, где в эпоху бронзы была распространена Люнебургская культура (1550–1100 до н. э.) с центром между Аллером и Эльбой. Постепенное проникновение германского на юг может быть отражено в отмечаемом археологами проникновении культуры «Северного круга» в зону Везера и Аллера в результате чего Люнебургская группа теряет свои особенности. Области же к западу от Везера продолжают ориентироваться на культуры нижнего Рейна (Keiling 1999: 28).

Возможно, именно в северо-западной области распространения культуры колоколовидных кубков и последующих культур бронзового века на этой территории и была зона взаимопроникновения германского и италийского, а возможно и появления германо-италийских инноваций.

Предположение о ранних контактах германского и италийского во втором тысячелетии, а возможно и в конце третьего тысячелетия до нашей эры, может быть сопоставлено с контактами позднеолитической культуры колоколовидных кубков, нижнерейнской культурой и культуры Зёгель-Вольде бронзового века (предположительно с италийским языковым компонентом) с культурами шнуровой керамики и «Северного круга» (предположительно с германским языковым компонентом). Причем возможно, что в самых северных областях распространения культуры Зёгель-Вольде в Шлезвиге, Голштинии и Нижней Саксонии говорили и на германском языке, а на юго-западе области распространения культуры «Северного круга» в частности в области распространения культуры Штаде (между Везером и Эльбой), которую относят к культуре «северного круга» (Probst 1996: 196) могли говорить и на протоиталийском языке. Именно эти контактные области и были центрами распро-

странения германо-италийских инноваций. Сменившая культуру Зёгель-Вольде и Штаде культура железного века Харпштедт-Ниенбург, испытавшая сильное влияние латенской культуры, отделяла область латенской культуры, традиционно считающейся кельтской, от культуры Ясторф, считающейся германской. Определение этнической принадлежности культуры Харпштедт-Ниенбург не столь очевидно. Судя по данным Куна, это могли быть и германизированные италийцы, и кельты, также впоследствии германизированные. Во всяком случае, вероятно, именно в этой области германцы впервые оказались непосредственными соседями кельтов.

Как германцы называли италийцев, и было ли у них единое название на протяжении всего периода тесного контакта, сказать трудно. Остается предположить, что либо этот этноним был утерян, либо им был этноним **wenetōs* 'венеты', как предполагал Кун (см. выше), хотя более поздний этноним «венеды» и «венды» и топонимы типа *Wendland*, означавшие в древних германских языках юго-восточных соседей германцев славян в начале нашей эры, указывает скорее на восточную по отношению к германцам, а не на юго-западную локализацию исконных венетов (см. ниже). Однако можно предположить, что армориканские венеты, занимавшие во времена Цезаря территории от Сены до Луары (Merlat 1955: 707, 712–719), ранее обитали на более восточных территориях. В этом случае их предки, возможно, говорившие первоначально на одном из италийских языков, могли быть соседями племен, говоривших по-германски.

Германский этноним **weneþōs* реконструируется на основании сравнения древних германских языков и античных источников ср. *venethi* у Тацита, *venedi* у Плиния, Οὐνέδαι у Птолемея III, 5, который называет Балтийское море Венетским заливом. Боденское озеро, находящееся между Германией и Швейцарией называлось в латинской традиции *Venetus lacus*. Древнейшую форму этого этнонима находят у Гомера Ἐνετῶν (род. мн. числа) в Пафлагонии (Малая Азия), если не учитывать хеттский гидроним *Wa-na-at-ti-ja-ta*, который тоже связывают с венетами (Калыгин 2011: 185). Античные авторы сообщают о венетах-венедах не только на обширных территориях от истоков Вислы до Балтийского моря (ср., Tacit. 46; Plin. IV, 97; Птолемей III, 5,8; Iordannis 34, 119) в первые века новой эры, но и на северо-западе Франции, в Арморике где венеты чаще всего идентифицируются с кельтами, хотя их этническая принадлежность остается неясной (Merlat 1955: 708). В древних германских языках «венеды» прежде всего славяне, ср. др.-англ. *Winedas* 'венды, славянские соседи англоv и саксов на севере Германии', ср. *Wineda lond*, *Weonod land* 'страна вендов', др.-исл. *Vindir* 'венды, юго-восточные славянские соседи данов', *Vindland* 'страна вендов'. О том, что вендов отождествляли с одним из славянских племен прибалтийские финны свидетельствует финское и эстонское назва-

ние России (ср. эст. *Venemaa*, фин. *Venäja* ‘Россия’ < **Venäda*). Однако в древневерхненемецком *Winidā* обозначают вандалов. Возможно, что название венедов (вендов), также как и название вольков (см. ниже), было заимствовано германцами до первого перебоя согласных и до действия закона Вернера, ср., *venethi* у Тацита и формы с *d* в древних германских языках, ср. др.-англ. *Winedas*, где буква *d* обозначает озвонченное по закону Вернера *þ* (/ð/ < /p/ < /t/), ср. также др.-вн. *Winidā* (в древневерхненемецком любое *þ* стало *d*). Следы объединения названий южных соседей германцев в аллитерирующей формуле «Wende und Walch» сохранялись до средневерхненемецкого периода, ср. *wendisch unde wal* (Wenskus 1961: 233).

Все древние германские языки, кроме древневерхненемецкого, употребляют этноним венды/винды и вinedы/венеды для обозначения славян. В древневерхненемецком это слово обозначает, однако, восточногерманское племя вандалов, которое на рубеже новой эры занимало бывшие венетские территории. После ухода вандалов на юго-запад, эти территории заняли славяне. Традиционно предполагали, что славянские венеды получили свое название от обитавших ранее на этих же территориях венетов. Однако возможно в области обитания вандалов этот этноним менял свое значение дважды: италийцы (венеты) > вандалы (венеды) > славяне (венеды, венды)¹⁴¹.

Вопрос о том, кто такие венеты остается спорным (Калыгин 2011: 186)¹⁴². Обозначал ли этноним венеты единый по языку, хотя бы первоначально, народ нельзя считать решенным. Вполне вероятно, что венеты на западе Франции, к которым возможно в языковом отношении примыкали венеллии на полуострове Контантен, и венеты в центральной Европе во времена Цезаря говорили на разных языках. Колендо считает, что, даже восточные венеты, судя по сообщениям античных авторов (Плиний Старший, Тацит, Птолемей), состояли из двух этнических групп, венетов-славян и венетов-балтийцев на рубеже н. э. (Kolendo 1984). О существовании

¹⁴¹ Адам Бременский еще в 11 веке называет славян, заселивших бывшие территории восточных германцев в восточной Германии *vandale* или *vinnili* (Bierbrauer 1998: 409).

¹⁴² Этимология венетов также неясна. Их связывали с латинск *venus* ‘любовь’, др.-англ. *wine*, др.-вн. *wini*, др.-исл. *vinr* ‘друг’, др.-ирл. *fine* ‘родство, семья’ < **uen(ə)* ‘любить, желать’ (литературу см. Калыгин 2011: 185–186); с др.-исл. *una*, др.-англ. *wunjan*, др.-вн. *wonōn* ‘жить, пребывать’ и с индоевропейским корнем со значением ‘вода’ с инфиксом как в латинском *unda* ‘волна’ и литовском *vanduo* ‘вода’ (ср., напр., Malone 1947: 557; Blöndal 1986: 1120). В последнее время наиболее популярна этимология, связывающая этноним венеты с индоевропейским корнем **uen(ə)* ‘любить, желать’, при этом ирландская форма позволяет реконструировать значение этнонима как ‘родственные, дружественные’ (Bader 1994: 68; Калыгин 2011: 185–186). Обзор кельтских этимологий названия венетов, обитавших в Арморике см. Merlat 1955: 707–708.

этнически разных венетов могут свидетельствовать и энеды (которые обычно сопоставляются с венетами), о которых говорит Геродот (V в. до н. э. *Hdt. Hist. V, 93; I, 196*). Не забудем и исторических венетов в северной Италии (ср. Венеция), единственных венетов, сохранивших венетский язык (см. ниже).

Хотя возможно, что на рубеже н. э. этноним венеты обозначал разные народы, не исключено, что первоначально этот этноним обозначал единый народ (Fleischer 1922: 58). Германцы могли называть венетами своих юго-западных и частично юго-восточных итальянских соседей (возможно часть носителей лужицкой культуры говорила на итальянской языке, см. ниже) во II тыс. до н. э. Не исключено, что таким было первоначально и их самоназвание. Затем часть венетов ушла к Адриатическому морю, сохранив свой язык, часть, вероятно позже, ушла на запад Франции, возможно поменяв язык на кельтский, но сохранив самоназвание, а часть еще позже переняла германский язык и дала название вандилиям, а затем и западным славянам¹⁴³. Йордан уже, скорее всего, имеет в виду под венедами славян (Седов 1979: 29; Скржинская 2001: 203–205), что, вероятно, для эпохи Йордана справедливо, однако для более раннего периода вряд ли возможно, если справедливо предположение тех археологов, которые говорят о появлении славян на территории северо-восточной Германии и северо-западной Польши только в середине I тыс. н. э. (Godłowski 1979; Dulinicz 2006)¹⁴⁴.

Венеты у северного побережья Адриатического моря (Венеция) в конце первого тысячелетия, судя по эпиграфическим памятникам, сохраняли венетский язык. Хотя венетских надписей немного, очевидна индоевропейская принадлежность венетского языка и его тесные связи с итальянским и иллирийским. Соответственно языковую принадлежность венетского определяли по-разному. Венкус полагал, что первоначально венедами называлось древнеевропейское (в духе Краэ) племя, которое передало свое название занявшим это место славянам (Wenskus 1961: 229). Предполагали, что венетский один из диалектов иллирийского (Порциг 1964: 113)¹⁴⁵, один из диалектов итальянского (Pulgram 1958: 212), или особая индоевропейская ветвь (Krahe 1954: 44). В последнее время

¹⁴³ Возможно, часть венетов переняла славянский язык. На что могут указывать не только значение этого этнонима в древних германских языках, в эстонском и финском, но и исключительные славяно-латинские лексические соответствия (см. Pohl 1977; Мартынов 2004)

¹⁴⁴ Есть и более ранняя датировка появления славян в Польше. Славянских венедев связывают с Оксывской и Пшеворской культурами (125–200 гг. н. э.), которые в польской археологии традиционно называются оксывской группой венедевской культуры и пшеворской группой венедевской культуры (Седов 1979: 53–74).

¹⁴⁵ Северо-иллирийским племенем считал венетов называвший их иллиро-венетами Трубачев (Трубачев 1992: 21).

снова преобладает точка зрения об италийском характере венетского, морфологические признаки которого свидетельствуют о том, что венетский является архаичным периферийным италийским диалектом (Euler 1993: 105; de Vaan 2008). Мартине определяет венетов как южных соседей германцев, занимающих территорию от Рейна до Вислы уже в конце III тыс. до н. э., и граничащих с кельтами на юге, балтами и славянами на востоке (Martinet 1996–1997: 304). Первую волну миграции венетов и италийцев на юг он датирует серединой II тыс. до н. э., а вторую волну еще более поздним временем (*ibid.*). Тот язык италийской периферии, который был южным соседом германского и простирался от Рейна на восток, вовсе не обязательно должен был полностью соответствовать засвидетельствованному венетскому. Однако, по-видимому, именно носителей этого италийского языка германцы называли венетами.

Если мы попытаемся сопоставить лингвистические данные о германцах и их южных соседях италийцах (венетах) в I, II и III тыс. до н. э. с данными археологии, то можно предположить, что италийский языковой компонент мог быть характерен и для северо-восточной области распространения культуры колоколовидных кубков и, соответственно, для более поздних культур к юго-западу и к югу от германцев, и унетицкой культуры и сменившей ее лужицкой культуры к юго-востоку от германцев, т. е. самую протяженную границу на юге своего распространения германцы имели с италийцами.

Протяженность границы балтов, которые граничили с германцами на юго-востоке области их распространения, у самого Балтийского моря была, вероятно, гораздо меньшей. Однако контакт протогерманского с протобалтийским был более длительным (см. ниже).

Что касается контакта между кельтами и германцами, то лингвистические данные свидетельствуют о том, что долгое время этот контакт был опосредованным. Кельты оказываются соседями германцев только в железном веке, когда у германцев и появляется особый этноним для их обозначения. Для германского названия кельтов реконструируется общегерманская форма **walhōs*. В древних германских языках мы находим формы др.-англ. *wealh* ‘чужестранец, кельт в Британии, римлянин, слуга’ (ср. *Wealhland* ‘чужая земля’), др.-вн. *walah*, *walh* ‘чужестранец, кельт’, др.-исл. *valir* ‘кельты во Франции, французы’, (ср., *Valland* ‘Франция’)¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Хотя в восточногерманских языках корня **valh-* не засвидетельствовано, но это не означает, что его там не было. Его отсутствие там связано с особой тематикой готских текстов, которые не предполагают ни появления названий германских племен, ни появления названий племен, соседей германцев. Нет в известных нам готских текстах и других названий соседей германцев.

Слово, обозначающее кельтов, встречается уже в старших рунических надписях (ср. Dat. Sg. **valhakurne** ‘золото’, буквально, ‘зерно кельтов’) ¹⁴⁷. Реконструированная форма **walhōs* восходит к кельтскому племенному названию, соответствующему латинскому *Volcae* ‘вольки’ ¹⁴⁸, что было обобщающим понятием, обозначавшим ряд кельтских племен (Rübekeil 2002: 415). По-видимому, именно эти кельтские племена и оказались первыми кельтскими соседями германцев. В каком именно месте германцы встретились с вольками сказать трудно, но обычно полагают, что этот этноним появился у германцев во второй половине I тыс. до н. э. (Wenskus 1961: 210; Schmidt 2003: 225), хотя германская форма **walhōs* свидетельствует о чуть более раннем времени. В германской форме **walhōs* мы встречаемся с двумя заметными германскими изоглоссами, передвижением /k/ > /h/ и с изменением индоевропейского краткого /o/ в германское краткое /a/, которые должны были произойти после того, как была заимствована кельтская форма с корнем **volk-* ¹⁴⁹. Если справедливо предположение о том, что последний этап передвижения согласных (*k* > *h*) проходил около 500 г. до н. э., и к этому же времени, возможно, относится изменение /o/ > /a/ (см. выше) ¹⁵⁰, то это может свидетельствовать о появлении германского названия кельтов до этого времени, т. е. в первой половине I тыс. до н. э., вероятно около 700–600 г. до н. э.

Многие германско-кельтские лексические соответствия не имеют параллелей в италийских языках, что может говорить о том, что кельты стали соседями германцев только после ухода или германизации племен «Северозападного блока» и оставались ими до начала нашей эры. Причем названия металлов дают нам возможность установить время этого изменения. Германский и италийский имеют одно и то же слово для обозначения бронзы (ср., лат. *aes*, гот. *aiz*), а германский и кельтский имеют одно и то же слово для обозначения железа (см. др.-исл. *járn*, *ísarn*, гот. *eisarn*,

¹⁴⁷ **valhakurne** в надписи на брактеате из Чюркё интерпретируется Краузе как кеннинг для обозначения золота (Krause 1966: 273), что подтверждается древнеисландским кеннингом *Vala málmr* ‘золото, буквально руда кельтов’.

¹⁴⁸ Несмотря на ряд фонологических трудностей наиболее вероятно гипотеза, связывающая латинский этноним *Volcae* с др.-ирл. *olc-* ‘злой’, т. е. *Volcae* это ‘волки’ (Rübekeil 2002: 105). Есть целый ряд кельтских племен, названных по названиям животных (ср. *Epidii*, ср., *epos* ‘лошадь’, *Gabrantovici* (*gabros* ‘коза’), *Brannovices* (*brannos* ‘ворон’) (ibid.).

¹⁴⁹ Во времена Цезаря мы застаем вольков на юге Франции к западу от Роны. Т. е. они подобно венетам-кельтам мигрировали из мест контакта с германцами на запад.

¹⁵⁰ Возможно, соответствие *o*-*a* в свидетельствует не об изменении *o* > *a* в германском после заимствования этого слова из кельтского, а о субституции кельтского *o* германским закрытым кратким *a*, см. выше.

др.-сакс. *īsarn*, др.-англ. *īsern*, *īren* и галл. *Isarno-*, др.-ирл. *iaran*), что может свидетельствовать о том, что в эпоху бронзы соседями германцев были италийцы, а в эпоху железа их место заняли кельты (Meid 1986: 186). Семантика других лексических соответствий также свидетельствует о более раннем контакте италийского с германским, чем германского с кельтским. Кроме приведенных выше соответствий слов для обозначения бронзы и железа, можно указать на то, что кельтские заимствования в германском связаны в первую очередь с семантическими полями социально-правовой, технической и военной сферы, тогда как германо-италийские соответствия, помимо общественно-юридической терминологии, охватывают семантические поля производства, в том числе разведения домашних животных и земледелия.

С кельтами германцы соприкоснулись уже тогда, когда было закончено формирование общегерманского языка, поскольку нет ни одной грамматической инновации, которая была бы характерна только для кельтского и германского языка, кроме позднегерманского стяжения дифтонга /ei/, которое может быть связано с соответствующей кельтской монофтонгизацией. Кун считал, что проникновение германцев на территорию племен «Северо-западного блока» происходило относительно поздно, уже после Первого перебоя или во время его прохождения (Kuhn 1959: 21; 1962: 122), т. е. именно в эпоху раннего железа. Судя по заимствованным словам, кельтско-германские контакты имели место в середине I тыс. до н. э.¹⁵¹, именно этим временем датируют обычно последний этап Первого перебоя (Schrodt 1974: 72). Возможно, германцы стали непосредственными соседями кельтов чуть раньше. Калыгин и Королев отмечают, что «кельтско-германские контакты начались в позднегалльштатское время и достигли максимума в латенский период» (Калыгин, Королев 1989: 35). Традиционное отождествление кельтов с латенской культурой кажется справедливым, с той оговоркой, что со второй половины I тыс. до н. э. на пограничных германо-кельтских территориях латенская культура могла сочетаться с германским языком, что знаменует собой начало распада этнического единства германцев («своих»).

¹⁵¹ Мейе датирует начало германо-кельтских контактов V веком до н.э (Мейе 1952: 42).

6.3. СОСЕДИ ГЕРМАНЦЕВ С ЮГО-ВОСТОКА

Были выделены шестнадцать полных (2, 3, 4, 5, 6, 7а, 8, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25?, 26) и шесть частичных (1, 9а, 9, 11, 12, 18а) балто-германских грамматических и фонологических инноваций. Тринадцать из этих инноваций отсутствуют в итальянском, шесть есть только в германском, балтийском и славянском и три инновации оказываются исключительными германо-балтийскими. Число общих германо-балтийских инноваций превышает число германо-италийских инноваций (всего 18, из них 8 нет в балтийском, 7 нет нигде кроме кельтского и 3 исключительно германо-италийских инноваций) может свидетельствовать о том, что контакт германского с балтийским был, по крайней мере, не менее длительным, чем контакт германского с итальянским. Очевидна связь германо-балтийских инноваций с основными изменениями грамматической системы, прежде всего с развитием склонения существительных (25, 26?, 27) и становлением категории прилагательных (21, 22, 23). Если мы добавим общие инновации в лексике, к которым относятся название примитивных работ и общие модели образования числительных, то можно предположить продолжительный контакт германцев и балтов, начиная с самого начала формирования протогерманских признаков, т. е. как минимум с конца III – начала II тыс. до н. э. Этим данным соответствуют и выводы Удольфа о балто-славяно-германских соответствиях в гидронимии и топонимии, которые относятся к самому древнему пласту германской топонимии (Udolph 1994: 16–49). К такому же выводу еще раньше пришел Шмид, отмечавший германо-балтийские параллели в топонимике, свидетельствующие о древних германо-балтийских связях. Появление типично германских изоглосс должно было происходить по его мнению в непосредственной близости от балтийских племен (Schmid 1986: 167). О границах распространения балтийского языка могут свидетельствовать балтийские гидронимы и топонимы, которые Краэ и Килиан находили в областях к западу от Вислы (Kilian 1955, карта 14; см. также Krahe 1943), и граница которых была отодвинута Шаллем, Топоровым и Брауэром еще дальше на запад, ср. балтийские гидронимы и топонимы в Померании, Мекленбурге, Бранденбурге, и даже в Гольштинии (см. рис. 9), ср., напр.: *Paperdein* река в Ганновере, ср. латыш. *paparde* ‘папоротник’, *Persante* река в Передней Померании, ср. прусс. *Perses*, *Persas*, *Perses upe* ср. балт. **pers-* ‘орошать’ (Топоров 1966: 104–111; Топоров 1983). Шалль приводит 27 балтийских гидронимов в Мекленбурге (Schall 1966: 11–20, карта на с. 40) и ряд топонимов и гидронимов в Бранденбурге и Передней Померании (Schall 1964: см. также Schall 1962; Brauer 1981). Сохранение глухих смычных в этих топонимах ср., напр.: *Persante*, *Pirsna*, *Karwen*, *Kawle*, *Lappalitz*, может свидетельствовать в пользу того, что они

были заимствованы после передвижения согласных, т. е. что балты сохранялись на этих территориях и после германского перебора.

В статье, посвященной анализу работ о балтийской топонимике к западу от Вислы, прежде всего монографии В. Брауэра (Brauer 1981), В. Н. Топоров приходит к выводу о существовании двух пластов балтийской топонимике к западу от Вислы. Один из них очевидно прусский, другой, распространен на значительно более западных территориях (до Шлезвига и Гольштинии), причем ни соотношение этих двух пластов, ни их хронология неизвестны (Топоров 1983: 268).

Контакт германцев и балтов продолжался и в период появления названия (или нового названия) серебра и золота, причем если слово для обозначения серебра было общим заимствованием из третьего, вероятно, неиндоевропейского источника, то слово для обозначения золота явилось общим новообразованием с суффиксом *-t*, с использованием старой индоевропейской мотивации «желтый – золото». Если слова для золота и серебра в германском, балтийском и славянском являются первым названием этих металлов в этих языках (что, скорее всего, так и было), то появление этих инноваций следует отнести к тому же периоду, что и появление названия бронзы, поскольку и золото, и серебро появляются у германцев не позже эпохи бронзы. Отдельные изделия из золота (вначале как продукты импорта) находят в областях, где предполагают появление германцев уже в эпоху воронковидных кубков (Probst 1991: 328).

Вероятно, у германцев существовал единый этноним для обозначения балтийских племен. Таким термином скорее всего было название, которое встречается у Тацита (*aesti, Aestiorum gentes*) и позднее у Йордана, который писал о том, что айсты занимают большую часть южного побережья «Германского океана» (Балтийского моря) к востоку от Вислы (Jordan, 120). Этимология этнонима *aesti* продолжает оставаться спорной (Zinkevičius 2010, там же библиография). Традиционно предполагаемое германское происхождение этого этнонима¹⁵² было поставлено под сомнение уже Бугой,

¹⁵² Этноним *айсты* / *эсты* сопоставляли либо с др.-англ. *ást* ‘сушильная печь’, средненижненем. *este* ‘сушилка для зерна, рига’, либо с гот. *aistan* ‘стесняться, бояться, почитать’, др.-исл. *eira* ‘(по)щадить’, либо с древнеисландским *eisa* ‘жар, раскаленные угли’, либо с др.-исл. *eista* ‘яичко (анат.)’ (ср. др.-шв. *Æistfors* ‘бурлящий порог’, ср. греч. οἰδέω ‘пухнуть’, т. е. *Eistland* ‘земля морского прибоя’). Предлагалась и этимология, связывающая этноним айсты не с типом моря, а с типом берега ср. др.-исл. *eið* ‘коса, песчаная отмель’, ср. известную Куршскую косу. (обзор германских этимологий см. Laur 1954: 223–224; Vries 1961: 98; Schmid 1973: 116–118; Zinkevičius 2010: 349). Большинство этих этимологий основывается на сведениях об айстах античных авторов. Тацит (ср. 45) сообщал, что айсты гораздо в большей степени, чем германцы выращивают зерновые (ср. этимологию, связывающую айстов с названием сушилки для зерна), и

который считал, что латинское *aesti* является отражением балтийского слова, корень которого он находил в латышском *īstnieki* ‘родственники’ и в старославянском **истъ**, определяя исконное значение балтийского этнонима как ‘родичи, род’ (Vūga 1961: 122–123). Впоследствии предлагались и другие балтийские этимологии этого этнонима. Кузавинис считал, что этот этноним связан с балтийскими гидронимами типа лит. *Aista, Aisė, Aiseta*, латыш. *Aiša* (Kuzavinis 1964: 5–18; см. также Schmid 1973: 118). В таком случае латинский этноним *aesti* мог быть отражением балтийского этнонима, связанного с гидронимом, образованным от индоевропейского корня **eis-* ‘идти, спешить, течь’ (Zinkevičius 2010: 349). Модель образования этнонимов от названий рек и других природных объектов вполне обычна, см., напр.: этнонимы Восточной Сибири (Бурыкин 2006: 85–105, 169–179), хотя известна и обратная модель, т. е. образование гидронимов от этнонимов (см., напр.: *Göta-älv* в Швеции, названную по племени гаутов или впадающую в Балтийское море и упоминаемую Птолемеем реку $\Sigma\upsilon\eta\beta\omicron\varsigma$ $\rho\omicron\tau\alpha\mu\omicron\varsigma$ ‘река свебов’, названную по имени племени свебов). Наконец, Баммесбергер и Каралюнас предложили новую этимологию *aesti* < **aisti*, реконструируя значение ‘земля, край, поле, почва’ для балтийского корня **aist-*, т. е. полагая, что айсты – это ‘люди поля или земли’ (Bammesberger, Karaliūnas 1998: 41–47).

Проблематичен вопрос о том, кем были первоначальные айсты. Айстов считали финно-уграми, балтийцами и германцами (Laur 1954). Карстен считал, что этот этноним обозначал сначала одно из германских племен, обитавшее на юго-западном побережье Балтийского моря, и лишь позднее стал обозначать балтийские племена (Karsten 1928: 113–114; см. также Lehmann 2005–2007: 6.1.1.). Предположение Карстена основывается на словах Тацита, сообщающего, что по обычаям и облику айсты похожи на свебов и называют янтарь *glesum* (Сар 45), что интерпретируется, как германское слово (ср. др.-вн. *glas* ‘янтарь, стекло’). Однако Тацит сообщает, что айсты отличаются от германцев по языку¹⁵³, притом,

занимались добычей янтаря (ср. этимологию айстов, связывающую их с понятием жара или раскаленного, что могло намекать на янтарь). Иордан сообщает, что айсты были миролюбивыми, ср. этимологию, связывающую айстов со словом ‘стесняться’. Де Фрис писал о том, что германское происхождение слова ‘кажется достоверным’ (Vries 1961: 98; см. также Much, Jankuhn, Lange 1967: 509), и именно германская этимология, связывающая айстов с др.-исл. *eisa* представлена в современных этимологических словарях германских языков (ср., напр., Blöndal 1989: 149).

¹⁵³ Тацит сообщает, что язык айстов похож на британский (Сар. 45), что, если бы это соответствовало действительности, должно было бы означать, что айсты были кельтами. Обычно считается, что Тацит в данном случае ошибается, поскольку балтийские языки и кельтские языки вряд ли были ближе, чем балтийские и германские. Основанием для такого утверждения

что о языковых различиях Тацит говорит очень редко, и по образу жизни, который гораздо в большей степени, чем у германцев связан с земледелием (Tacit. 45). Поэтому, начиная с Цейса (Zeuss 1837) до наших дней (Скржинская 2001: 217) айсты идентифицируются с балтийскими племенами. Гидронимия области былого распространения айстов показывает постепенный переход от древнеевропейской к балтийской, «поэтому не может быть и речи о принадлежности айстов к прибалтийским финнам и германцам» (Schmid 1973: 117). Скорее всего, айсты Тацита это западные балтийские племена. Именно так их определяет и Зинкявичюс (Zinkevičius 2010: 347). Считается, что балтийские племена имеет в виду и Иордан (*aesti*) (Скржинская 2001: 217). У более поздних авторов, таких как биограф Карла Великого Эйнхард или английский король Альфред Великий (IX век), вероятно и балтийская и прибалтийско-финская идентификация этнонима айсты/эсты. Что касается названия янтаря *glesum* в языке айстов, который, несомненно, являлся германским словом, то возможно именно благодаря торговым контактам балтийские племена заимствовали германское название янтаря, который был их основным продуктом торговли с германцами, сохраняя, однако, и собственное название (ср. лит. *gintaras*, латыш. *dzintars*). О том, что германское заимствование *glesum* существовало в балтийских языках свидетельствует восходящая к прусской (см. переход $\bar{e} > \bar{i}$) латышская форма (*glihse*), зафиксированная в значении янтаря в словаре 1777 года (Schmid 1973: 116).

Термин айсты сохранился только в германских языках и в эстонском, где самоназвание *eesti* ‘эстонский’ считается поздним (XIX в.) заимствованием из германских языков (Laur 1954: 229). В древних германских языках этот этноним обозначает не одно из балтийских племен, а эстов, одно из прибалтийско-финских племен (ср.: др.-англ. *īstas*, *eāstes*¹⁵⁴, *ēstes*, др.-исл. *eistir*). Традиционно появление названия айсты у финно-угров объясняют тем, что часть прибалтийско-финских племен заняла часть территории балтийских айстов и соответственно эти прибалтийско-финские племена стали называться айстами (Schmid 1973: 117). Однако вероятно и обратное движение, т. е. распространение балтийского на финно-угорские территории, прежде всего в Латгалии и Земгалии¹⁵⁵, поэтому вполне

Тацита могли послужить некоторые лексические соответствия между кельтскими и балтийскими языками, ср.: лит. *tauta* – брит. *touta*, лит. *dievas* – брит. *devos* (Much, Jankuhn, Lange 1967: 510). Во всяком случае, замечание Тацита говорит о том, что айсты его времени вряд ли говорили на финно-угорском языке или на германском языке.

¹⁵⁴ Совпадение этого этнонима со словом, обозначающим восток (*eāst*), привело к интерпретации эстонцев (*eāstes*) и Эстонии (*Eāstland*) как «восточных людей» и «восточной страны» в древнеанглийском.

¹⁵⁵ Популяционная генетика свидетельствует о значительном проценте мужского населения Литвы (43%) и Латвии (42.1%), имеющих

вероятно предположение Лаура о том, что германцы называли айстами (**aistiz*) и балтийцев и прибалтийско-финские племена на южном побережье Балтийского моря до Финского залива (Laur 1954: 231), хотя все же более вероятно, что в начале этот этноним относился к самым западным балтийцам, которые, судя по топонимам и общим инновациям были непосредственным соседям германцев в период формирования протогерманского и протобалтийского языков. Вполне вероятно, что именно так германцы называли тех западных балтов, следы пребывания которых (топонимы и гидронимы) сохранились до сих пор в областях к западу от Одера, см. выше.

Как соотносятся лингвистические данные с данными археологическими? Культуру воронковидных кубков и культуру ямочно-гребенчатой керамики сочеталась на северо-востоке центральной Европы с культурой шаровых амфор (3600–2150 гг. до н. э.), которая распространилась от Эльбы на западе до Калининградской области и среднего течения Днепра на востоке и доходила почти до низовьев Буга (рис. 3). Эту культуру иногда сопоставляют с реконструируемой германо-балто-славянской общностью (Mallory, Adams 1997: 227). Культура шаровых амфор в центральной Европе сочеталась и с культурой шнуровой керамики, которая распространилась в 3200–2300 гг. на огромных пространствах от среднего течения Волги на востоке до Рейна на западе и от юга Скандинавского полуострова и побережья Финляндии на севере до среднего течения Днепра и Дуная на юге (рис. 3). Традиционно считается, что носители культуры шнуровой керамики – индоевропейцы (см. выше). Причем, если раньше сторонники северной прародины индоевропейцев считали шнуровиков протоиндоевропейцами, то теперь более распространена точка зрения, что носители культуры шнуровой керамики были предками северо-восточных индоевропейцев, в том числе германцев, балтийцев и славян, а также возможно кельтов, италийцев и иллирийцев (Mallory, Adams 1997). Значительная часть области распространения культуры воронковидных кубков, шаровых амфор и шнуровой керамики совпадала с областью распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики (4000–2000 гг. до н. э.)

Традиционная модель появления балтийцев соответствует модели N 4 (см. раздел 5.4) появления германцев и связывается с

гаплогруппу N1c, которая характерна, прежде всего, для народов, говорящих на финно-угорских языках (см., удмуртов – 85.1%) и для некоторых народов Сибири (ср. якутов – 80%) – (Kasparavičiūtė, Kučinskas, Stoneking 2004). О возможном финно-угорском субстрате в Литве, язык которой в гораздо меньшей степени, чем латышский подвергся финно-угорскому влиянию, свидетельствуют и около тридцати финно-угорских гидронимов (список финно-угорских гидронимов Литвы см. Ванагас 1985: 121–122).

появлением культуры шнуровой керамики. Культура шнуровой керамики и боевых топоров и культура шаровых амфор сливается в конце IV тыс. до н. э. с местными культурами (неманской и нарвской), а также с пришедшей с востока культурой ямочно-гребенчатой керамики (Rimantienė 1992: 109–121). Лозе отмечает, что шнуровая керамика полностью поглотила местное население на юге и вошла в контакт с местным населением на севере и северо-востоке (Лозе 1985: 18). Именно этот процесс и явился отражением формирования балтов, которые по Римантене сформировались в конце III – начале II тыс. до н. э. (Римантене 1985, 7–8). В результате взаимодействия культур возникает приморская культура (англ. Bay Cost Culture, нем. Haffküstenkultur), распространившаяся в 2800–2000 от Гданьска до Латвии (Rimantienė 1992: 129) – см. рис. 3. Отмечают тесные связи между культурами ладьеобразных топоров (разновидностью культуры шнуровой керамики и боевых топоров) и приморской культурой, причем наибольшее сходство отмечают между территориально близкими областями (Kilian 1955: 89). Килиан предлагал считать приморскую культуру балтийской (ibid.: 190–191) и для доказательства этого положения приводил балтийские гидронимы к западу от Вислы. Балтийские гидронимы нашли позднее и на территориях к западу от Одера (см. выше).

Судя по археологическим, антропологическим и генетическим данным в формировании балтийцев большую роль сыграли и носители культуры ямочно-гребенчатой керамики. Антропологические исследования подтверждают связь носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики с финно-уграми (Денисова 1975: 81–82, 184–185), а генетические данные свидетельствуют о самом высоком среди народов, говорящих на индоевропейских языках проценте населения с характерным для финно-угорских народов гаплотипом N1c (чуть менее 50%) у литовцев и латышей (Kasparavičiūtė et al. 2004). Поэтому можно было бы предположить, что сдвиг ударения на первый слог и долгие согласные появились в балтийском ареале уже в период проникновения на эту территорию культуры гребенчатой керамики, т. е. даже раньше, чем у германцев, италийцев и кельтов. Однако отсутствие этих инноваций в части балтийского ареала (прежде всего в части литовских диалектов) говорят о большей вероятности традиционно предполагаемой более поздней датировки этих инноваций в балтийском ареале (см. выше). По-видимому, угро-финским влиянием следует объяснять и сходство балтийского и германского изменения исконного /ā/ > /ō/, которое и в протогерманском и в протобалтийском могло быть связано с отсутствием долгого /ā/ в протофинском. Однако этот процесс не обязательно должен был происходить в германском и балтийском одновременно. Традиционно предполагается более позднее изменение /ā/ > /ō/ в балтийском (см. выше).

Предположение Килиана о появлении балтов в результате контакта пришлой культуры шнуровой керамики с аборигенными культурами было поддержано и Гимбутас, которая полагала, что балты появились в результате экспансии индоевропейской курганной культуры во время второй волны индоевропеизации местного населения центральной и западной Европы (Гимбутас 2004 (1963): 42, 54; Gimbutas 1986: 5–6). Предшественниками этой культуры была культура воронковидных кубков и культура гребенчатой керамики (см. Кухаренко 1969, карты на с. 38 и 33; Hensel 1974, карты на с. 38 и 61), культура шаровых амфор, а также нарвская и неманская культуры (5000–2000 гг. до н. э.). Считается, что в результате слияния этих культур и возникло прабалтийское единство. Таким образом, оказывается, что балты появились в результате контакта почти тех же самых культур, что и германцы (если принять традиционную точку зрения, см. гипотезу N 4 выше). Различие заключается в участии в формировании балтийцев местных нарвской и неманской культур. По-видимому, основным фактором, определяющим особое развитие балтийского по сравнению с германским (и возможно славянским) языком, и явилось существование языка носителей неманской и нарвской культуры.

Существует предположение о том, что балтийский праязык появился не в результате появления носителей шнуровой керамики на юго-восточном побережье Балтийского моря, а гораздо раньше. Гирининкас считает, что балтийской, т. е. культурой, носители которой говорили на прабалтийском языке, была уже нарвская культура, распространенная в Прибалтике с пятого по II тыс. до н. э. и сохранившая свои признаки даже после появления носителей культуры шнуровой керамики, которые тоже были индоевропейцами (Girininkas 1996). Приморскую культуру (Haffküstenkultur) он считает результатом контакта нарвской культуры (северных индоевропейцев) с культурой шнуровой керамики (южных индоевропейцев) (ibid., 45–46).

По археологической реконструкции территория распространения балтийской культуры достигла наибольших размеров в раннем и среднем бронзовом веке. Считалось, что западная ее граница доходила тогда до устья Одера, а на востоке она достигала Уральских гор (Гимбутас 2004 (1963): 67, карта 10 на с. 69; см. также Klimas 1970: 266–267), однако балтийские топонимы к западу от Одера показывают, что балтийский язык уже в это время мог быть распространен еще дальше на запад. Около 1200 г. до н. э., согласно Гимбутас, балтийская культура стала исчезать (Гимбутас 2004 (1963): 68), когда ее западные области стала занимать Лужицкая культура (рис. 6). Северо-восточной соседкой Лужицкой культуры была культура «Северного круга», распространенная на территории южной Швеции, Дании и северной Германии (Steuer 1998: 318), т. е. северо-восточная Германия (в первую очередь Мекленбург–

Передняя Померания и северный Бранденбург) были зоной балто-германских контактов (ср. балтийские топонимы к западу от Одера). Как мы видели выше, культура Билленсдорф (700–600 гг. до н. э.) и сменившая ее культура Ясторф также доходили до Одера и захватывали восточный берег Одера, где их восточным соседом была наследница Лужицкой культуры Померанская культура, культура лицевых урн (см. рис. 7).

Относительно территории распространения, языковой и этнической принадлежности носителей Лужицкой культуры высказывались самые разные предположения. Носителей лужицкой культуры считали карпато-даками, иллирийцам, фракийцами, венетами, италийцами, кельтами, кельто-иллирийцами, кельто-италийцами, балтийцами и славянами (см., напр.: Монгайт 1974: 346; Малеванный 1983; Мартынов 2004: 15). Отечественные ученые считали эту культуру либо праславянской, либо полагали, что западные славяне составляли часть лужицкого единства (Малеванный 1983: 106; Трубачев 1992: 21). Предполагают, что иллирийцы, выделившись из группировки лужицкой культуры, ушли на юг в район Адриатического моря и на Балканы в XII–XI вв. до н. э. (Малеванный 1983: 106)¹⁵⁶. Коссинна считал, что область между Вислой и Одером в бронзовом веке занимали балты, и что Лужицкая культура была балтийской (Kossinna 1920: 14). Предполагали и разноплеменной состав носителей лужицкой культуры, относя к ней иллирийцев, кельтов и славян (Лер-Сплавинский 1960: 28). Монгайт, основываясь на предположении Краэ о существовании древнеевропейского, полагал, что носители лужицкой культуры представляют собой «особую ветвь индоевропейских племен, неизвестных нам по наименованию, но сыгравших важную роль в формировании исторических славян, кельтов, иллирийцев и других народов» (Монгайт 1974: 346). Мартынов считает Лужицкую культуру италийской (Мартынов 2004: 15–16). Возможно, действительно восточные италийцы были в числе носителей лужицкой культуры, подобно тому, как западные италийцы могли быть среди носителей культуры Зёгель-Вольде (см. выше, см. рис. 9).

Лер-Сплавинский (1960: 28) считает, что Лужицкая культура, которая была и не германской, и не балтийской, отделила германцев от балтов, которые раньше были соседями. Если это так, то приходится предположить, что все германо-балтийские инновации появились до 1200 года до н. э., т. е., что соседство германцев с балтийцами было даже короче, чем соседство германцев с италийцами, что вряд ли справедливо, поскольку общее количество балто-германских инноваций свидетельствует о более длительном

¹⁵⁶ Существует и альтернативная теория, которая отстаивается, прежде всего, албанскими учеными, утверждающая автохтонность иллирийцев на Балканах (литературу см. Малеванный 1983)

германо-балтийском контакте, и, кроме того, ряд германо-балтийских инноваций относится к середине I тыс. до н. э. О сравнительно позднем германо-балтийском контакте свидетельствует и отсутствие Первого перебоя в германских топонимах балтийского происхождения (см. выше). Предпочтительней поэтому кажется предположение о существовании балтийского языкового компонента и в Лужицкой культуре, как фактически считала и Гимбутас, и в сменившей ее Померанской культуре лицевых урн, распространенной от Вислы до Одера в 700–300 до н. э. (рис. 7, 8), которая определяется и как балтийская (Kilian 1988b, карта 91), и как германская, и как нечто среднее между балтийской и германской (Seebold 1998: 294). Лицевые урны находят, однако, и в северной Германии (в Дитмаршене) и в Дании (более всего в центральной Ютландии, но встречаются и на севере и на Юге Ютландии) и на Лангеланне и даже в Южной Норвегии. Однако центром их распространения считается Западная Пруссия (Brønsted 1960: 247), см. рис. 7. Возможно именно к эпохе культуры лицевых урн относятся балтийские топонимы в Гольштинии, Бранденбурге и Мекленбурге (рис. 9). Если справедливо наше предположение, что ряд общих германо-балтийских инноваций, таких, напр., как появление назализованных гласных (19) относится к середине I тыс. до н. э., то именно эти изменения могут быть связаны с культурой лицевых урн, центр распространения которой находился в западной Пруссии, т. е. в области балтийского языка. Однако пример распространения культуры лицевых урн показывает нам и то, что артефакты и даже обычаи распространяются гораздо дальше и быстрее, чем языки (ср. лицевые урны в Дании и в южной Норвегии).

Судя по общим инновациям, контакт германского с балтийским принял другие формы в последние века до н. э, когда территории балтов заняли восточные германцы – готы и вандалы. В это время северовосточными их соседями оказались балты, а юго-восточными – славяне. Именно к этому периоду и относится появление медиальных глаголов с суффиксом *-na-* в скандинавском, восточногерманском и славянском. Однако, восточные германцы недолго были соседями балтов. Они, также как и их западные собратья двинулись на юг. Уже в IV в. н. э. земли у среднего Одера и Нейссе опустели, а из районов к востоку от Заале германцы ушли в VI веке. Эти места заняли славяне (Dulnicz 2006: 278–280), которые окончательно отделили германцев от балтийцев.

Если учесть исключительные германо-балтийские и германо-балтославянские языковые инновации, первые из которых появились предположительно в III – начале II тыс. до н. э., а последние – в середине или во второй половине I тыс. до н. э., а также балтийские топонимы, доходящие до Ганновера, то следует предположить многовековой контакт германского и балтийского.

Продвигаясь по временной оси сверху вниз, можно предположить, что на последнем этапе этого контакта (железный век) люди, говорящие на протогерманском языке были среди носителей культуры Ясторф, а люди говорящие на протобалтийском языке были среди носителей соседней культуры лицевых урн. На более раннем этапе (бронзовый век) следует предположить балтийцев среди носителей Лужицкой культуры и германцев среди носителей культуры Северного круга. На еще более раннем этапе (конец неолита), на протогерманском языке должны были говорить носители культуры ладьевидных топоров и одиночных захоронений, а на протобалтийском носители приморской культуры. Возможно, общие инновации явились следствием еще более ранних контактов. Такая модель не предполагает знака равенства между областью распространения языка и археологической культуры, поскольку культура может быть полиэтничной (какими, вероятно, и были все упомянутые выше культуры), так что германцы и балты наряду с другими народами могли оказываться среди носителей соседних культур (отсюда и взаимовлияние языков). Однако очевидно, что области протогерманского и протобалтийского языков в восточной Европе могут частично коррелировать с областями распространения археологических культур.

Кроме возможного контакта балтийского и германского, который, судя по большому количеству общих инноваций и по топонимам, мог иметь место на территории прибрежных областей Германии и Польши, можно предположить и вторую область контактов на территории Прибалтики и западной Финляндии. Возможно, именно здесь сформировалась общая для саамского, германского, балтийского и славянского структурная инновация противопоставления двух типов прилагательных (см. № 20). Предположение о том, что саамы занимали раньше всю территорию Финляндии традиционно (об этом свидетельствуют и саамские топонимы, см. Saarikivi 2006), однако датировка их появления здесь продолжает оставаться дискуссионной. Во всяком случае, эта инновация показывает, что саамо-германо-балтийские контакты должны были иметь место до прибалтийско-финско-германских контактов.

6.4. СОСЕДИ ГЕРМАНЦЕВ С СЕВЕРА

Ряд инноваций объединяет германские языки с финно-угорскими языками (3, 11, 12, 13, 16b, 16e, **21**). Причем за исключением общей структурной инновации образования двух форм прилагательных (**21**) в саамском, балтийском, славянском и германском все остальные германо-финно-угорские соответствия являются фонологическими, что соответствует типологии интерференции неродственных языков, которая является, как правило, либо структурной, либо фонологической. Кроме того, большинство этих инноваций

(11, 12, 13, 16e) имеют просодический характер, а именно просодика чаще всего проявляется при интерференции.

Вопрос о том, когда и где индоевропейцы и германцы контактировали с финно-уграми, и каковы были результаты такого контакта для контактирующих языков, давно занимает исследователей. Традиционное предположение о невозможности финно-угорского влияния на индоевропейские языки и культуру в последнее время подвергается пересмотру, и крайней точкой зрения является гипотеза о том, что многие германские инновации, в том числе и Первое передвижение согласных, объясняются влиянием финно-угорского (или уральского) субстрата (см. особенно работы Виика, упомянутые выше).

На севере Европы, начиная со второй половины IV тыс. до н. э. культура воронковидных кубков сочетается с культурой ямочной керамики, которая была характерна для Готланда, Аландских островов, центральной и южной Швеции, южной Норвегии, северной Зеландии, северной Ютландии, и носители которой отличались от носителей культуры воронковидных кубков «полностью отличным образом жизни» (Stenberger 1977: 78, см. также Brøndsted 1960: 244; Strinnholm 2001), рис. 3. Носители этой культуры в отличие от земледельцев культуры воронковидных кубков занимались в основном охотой, рыболовством и промыслом тюленей, хотя показывали способность адаптироваться и воспринимать влияние чужих культур и в Скандинавии (Stenberger 1977: 93), и в более восточных областях (Hensel 1974). Существуют и области смешения культуры воронковидных кубков и культуры ямочной керамики, в частности, в Альвастре (Эстерьётланд, Швеция), где ямочная керамика сочетается с орудиями, присущими культуре воронковидных кубков. Стриннхольм даже отмечает, что носители культур воронковидных кубков и носители культуры ямочной керамики образуют единую группу, «которая противостоит продвижению культуры боевых топоров» (Strinnholm 2001: 16).

В скандинавской археологии давно идет спор о природе культуры ямочной керамики¹⁵⁷. Было высказано предположение о ее связи с предшествующими мезолитными культурами охотников и собирателей (Malmer 1969), прежде всего с культурой Эртебёлле¹⁵⁸. Традиционная точка зрения определяет носителей ямочной керамики как особый этнос, проникший в Скандинавию с востока и отличающийся и от носителей культуры воронковидных кубков, и

¹⁵⁷ «Культура ямочной керамики самая трудноопределяемая культура из всех неолитических культур» (Malmer 1973: 60).

¹⁵⁸ Традиции ямочной керамики можно усмотреть уже в керамике Эртебёлле, см., напр. ямочный узор на керамике и янтаре, сходный с узором ямочной керамики (Larsson 1994, рис. на с. 31). Ларссон считает культуру ямочной керамики, также как и культуру воронковидных кубков, результатом естественного развития культуры Эртебёлле (ibid.: 57).

от носителей позднейшей культуры шнуровой керамики (Brønsted 1960: 244–249). Однако в последнее время распространилась точка зрения, что ямочная керамика свидетельствует не об особом этносе, а только об особом способе хозяйствования (охоте, рыболовстве и собирательстве) носителей культуры воронковидных кубков, а позднее и культуры шнуровой керамики¹⁵⁹. Против такого предположения говорит, однако, не только особый тип хозяйствования носителей культуры ямочной керамики, но иной тип захоронений (об особом типе захоронений носителей ямочной керамики см. Carlsson 2001: 16–17).

Один из важнейших вопросов представляет собой отношение культуры ямочной керамики к культуре гребенчатой керамики. Самые известные образцы керамики ямочного типа имеют и ямочный и гребенчатый узор (см., напр.: горшок из Ньюмолле из Сконе, Larsson 1994, рис. на с. 56) и относятся одними археологами к ямочной керамике, а другими к гребенчатой (см., напр.: Vente, Myhre 1976: 73). Сходство этих культур определяется и общим типом ведения хозяйства и сходством орудий. Разным оказывается только не вполне совпадающая территория распространения этих культур. Ямочная керамика распространена в Скандинавии, гребенчатая на огромных территориях восточной и центральной Европы.

Культура гребенчатой керамики, сходная с культурой ямочной керамики в Скандинавии, сочеталась с культурой воронковидных кубков на севере центральной и восточной Европы, хотя границы этой археологической культуры у разных авторов не всегда совпадают (см., напр.: Mallory, Adams 1997: 430; Julku 2002, карты 10, 11, 12, 13, 14, 17, 20; Kallio 2003: 239). В соответствии с традицией карты распространения культуры гребенчатой или ямочно-гребенчатой керамики не учитывают скандинавскую ямочно-гребенчатую керамику. По Юлку западная граница культуры гребенчатой керамики, которую он приписывает уральцам, доходила до Вислы (Julku 2002), однако польские археологи говорят о ее распространении и в областях западнее Одера (Hensel 1974: 60), а скандинавские археологи находят ее в Скандинавии (см. выше), т. е. фактически область распространения гребенчатой керамики на востоке Европы смыкается с областью распространения ямочной керамики в Скандинавии (рис. 3). Предположение о единстве этих культур вполне допустимо (напомним также о распространении ямочной керамики с востока, что особенно заметно на территории Польши, где в IV тыс. до н. э. памятники этой культуры распространены только на самом северо-востоке, а в третьем тысячелетии занимают уже всю территорию Польши, что свидетельствует о распространении этой культуры с

¹⁵⁹ «Не было нескольких народов, как ранее считали. Был один народ, который стремился использовать природные ресурсы наилучшим образом» (Malmros 1980: 65; см. также Strinnholm 2001).

востока на запад). Распространенный в археологии термин ямочно-гребенчатая керамика (см., напр.: Hensel 1974: 19; Mallory, Adams 1997: 430; Kallio 2003: 239) соответствует единству культур ямочной и гребенчатой керамики¹⁶⁰.

Антропологи отождествляют носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики с финно-уграми (ср., напр.: Денисова 1975: 81–82, 184–185). Традиционно ориентированные на археологию лингвисты также связывают культуру ямочно-гребенчатой керамики с уральцами или финно-уграми (см., напр.: Kallio 2003: 228–229, там же литература). Появление ямочно-гребенчатой керамики связывают, соответственно, с началом финно-угорской языковой экспансии в северной Европе около 3900 до н. э. (Saarikivi 2006: 165) или даже раньше (Kallio 2003), однако в южной Скандинавии она появилась около 3000 г. до н. э. и была соседом других культур в течение тысячи лет. Если часть носителей ямочно-гребенчатой керамики говорила на протоуральском языке, то этот язык распространялся с востока (распространение культуры ямочно-гребенчатой керамики с востока на запад очевидно). В таком случае языком мезолитных культур вряд ли был протоуральский. Если принимать гипотезу о соответствии языка и археологической культуры, то язык носителей ямочно-гребенчатой керамики в течение более тысячи лет находился в контакте с языком носителей культуры воронковидных кубков и носителей культур шаровых амфор и шнуровой керамики. В таком случае именно это время можно считать временем финно-угорско-(или уральско-) германского контакта. Именно в этот период и могли появиться общие германо-саамско-прибалтийско-финские инновации, прежде всего закон Вернера (15е), корневое ударение (11) и геминация (12), противопоставление центральной и периферийной акцентуации (13), а, возможно, и изменение /ā/ > /ō/ (3).

Если часть пришедших в Скандинавию и северную Германию с востока носителей ямочно-гребенчатой керамики были финно-уграми, можно предположить, что изоглоссы 11 и 12 сформировались на северо-западе германского ареала, возможно в южной Скандинавии, а оттуда проникли в италийский, а затем и в кельтский. Таким же образом могло распространиться и изменение /ā/ > /ō/ (3), которая только частично затронуло оско-умбрский. В это же время могли появиться и особый тип просодической структуры ударного слога с противопоставлением периферийной и центральной акцентуации (13) и чередования по закону Вернера (16е). Вторая уже гораздо более поздняя волна германских инноваций, обусловленная контактом с финно-угорскими языками (саамским и квенским) была

¹⁶⁰ Ямочно-гребенчатый узор на керамике, обнаруженный при раскопках в северо-западной России (см. Patrushev 2000), полностью соответствует ямочно-гребенчатому узору на керамике в Скандинавии (Larsson 1994).

уже связана с контактами в центральной Скандинавии (500–1400 гг. н. э.) и затронула только скандинавские языки (Kusmenko 2008).

Если корневое ударение в латышском и в части литовских диалектов и удлинение согласных в латышском и возможно в прусском относятся к концу первого началу второго тысячелетия н.э., как это принято считать, (см. выше), то эти изменения вряд ли связаны с подобными изменениями в германском, кельтском и италийском. В таком случае речь может идти только о типологическом сходстве. В обоих случаях речь может идти о результатах контактов с финно-угорскими языками, однако относящихся к разному времени. Однако антропологические и археологические исследования, устанавливающие наличие финно-угров на территории современных Латвии и Литвы уже в III тыс. до н. э., а возможно и раньше (Денисова 1975: 63, 184), не исключают и более ранней, чем принято, датировки появления начального ударения и долгих согласных в балтийском ареале. Не противоречат этому и данные популяционной генетики, свидетельствующие о самом высоком среди народов, говорящих на индоевропейских языках, проценте населения с характерным для финно-угорских народов гаплотипом N1c (чуть менее 50%) у литовцев и латышей (Kasparavičiūtė et al. 2004). Поэтому можно было бы предположить, что сдвиг ударения на первый слог и долгие согласные появились в балтийском ареале уже в период проникновения на эту территорию культуры гребенчатой керамики, т. е. даже чуть раньше, чем у германцев, италийцев и кельтов. Однако отсутствие этих инноваций в части балтийского ареала (прежде всего в части литовских диалектов) говорят о большей вероятности традиционно предполагаемой более поздней датировки этих инноваций в балтийском ареале.

Следует, однако, отметить, что уже давно высказывались сомнения об уральском или финно-угорском характере языка носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики (см., напр.: Hensel 1974: 61). Многие современные финно-угроведы полагают, что начало финно-угорско-германских контактов относится к гораздо более позднему времени, поскольку появление финно-угров на восточном берегу Балтийского моря (которое связывается с появлением ложно-текстильной керамики) относится ими только к началу нашей эры (см., напр. Janhunen 2009: 74).

Если финно-угры стали соседями германцев только в самом конце I тыс. до н. э. или в начале нашей эры, то следует отказаться от связи закона Вернера, появления долгих согласных, сдвига ударения и, вероятно, связанного с ним передвижения согласных с финно-угорской интерференцией, поскольку все эти изменения согласно этой гипотезе должны были произойти до появления финно-угров по соседству с германцами. В таком случае следует признать либо неизвестный субстрат, у которого случайно оказались те же признаки, что и у финно-угорских языков, либо

общий субстрат для германских и финно-угорских языков, либо независимое параллельное развитие в германских и финно-угорских языках. Все эти возможности кажутся все же менее предпочтительными, чем предположение о контактной природе этих параллелей в германских и финно-угорских языках. Предположение об общем субстрате следует исключить в связи с тем, что и начальное ударение, и чередование ступеней, и долгие согласные есть или было и в финно-угорских, и в самодийских языках, находящихся вне зоны контактов с германскими языками и, кроме того, у германских и финно-угорских языков нет единого пласта субстратной лексики, хотя традиционно считается, что и в саамском, и в германском субстратная лексика составляет значительную часть словарного состава. Единственным кандидатом в общий германо-финно-угорский субстрат может быть только противопоставление центральной и периферийной акцентуации, которая характерна только для германских и саамских языков. Менее вероятно субстратное появление двух форм прилагательных, что кроме германского и саамского характерно и для балтийского и для славянского.

По-видимому, не исключен сценарий нескольких исходов уральцев со своей прародины в Западной Сибири или в бассейне Камы. Первый такой исход и мог быть связан с распространением с востока на запад культуры ямочно-гребенчатой керамики, часть носителей которой могла говорить на языке родственном финно-угорскому. Именно носители этого языка и были среди представителей культуры, распространившейся на огромных пространствах от Западной Сибири до Скандинавии¹⁶¹. Первые носители этой культуры появились в Скандинавии уже в 4000–3000 гг. до н. э. и сохраняли свою культуру до 2000 г. до н. э. В течение не менее тысячи лет они находились в контакте вначале с носителями культуры воронковидных кубков, шаровых амфор, а затем и с носителями культуры шнуровой керамики. В позднем неолите (конец второго, начало первого тысячелетия до н. э.) на юге Скандинавии исчезают и захоронения культуры ямочно-гребенчатой керамики и культуры боевых топоров, сменяясь захоронениями в каменных гробах, что соответствует и появлению нового типа поселений и нового типа хозяйствования, представлявшего собой окончательный переход от смешанного типа хозяйствования к земледелию и разведению домашних животных (Carlsson 2001: 16), что может свидетельствовать об окончательном слиянии культуры боевых топоров (их роль как символа мужчины-воина в захоронениях играют теперь кинжалы из кремня) и культуры ямочно-гребенчатой керамики в южной и центральной Скандинавии. Боду отмечает, что

¹⁶¹ О связи археологических культур ямочно-гребенчатой керамики в Европе и Западной Сибири см. Стоколос 2000: 220–222

около 2000 г. до н.э. южная Скандинавия стала отличаться от северной Скандинавии в своей культурной ориентацией. Если южная Скандинавия в бронзовом веке ориентировалась в основном на западную и центральную Европу, то северная Скандинавия была ориентирована в большей степени на восточную Европу. Такая разная ориентация была связана и с этнической границей, которая проходила в 2000–800 гг. до н. э. по среднему Норрланду (Baudou 1995: 157)¹⁶². Таким образом, можно предположить, что культурная интеграция носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики на юге Скандинавии и на севере Германии и Польши с культурой одиночных захоронений, боевых топоров и шнуровой керамики произошла до 2000 года до н. э., а более северные носители этой культуры сохраняли ее и после 2000 г. до н. э.

Последняя волна потомков уральцев появилась в Северной Европе позже. Айкио полагает, что первые контакты протосаамского языка с протогерманским следует датировать только началом нашей эры, когда саамы, по его мнению, обитали еще не в Скандинавии, а на территории своей предполагаемой прародины, т. е. у Финского залива и Ладожского и Онежского озера (Aikio 2006: 39–47). Существование протосаамского языка на этой территории с очевидностью показывают топонимы, однако, предположение Айкио о времени формирования протосаамского и о времени и месте контактов протосаамского с протогерманским не убеждает. Количество и вид ранних германских заимствований в саамском свидетельствует о тесных контактах, а не о контактах в результате набегов германцев через море. Более вероятным кажется традиционное предположение о гораздо более раннем формировании саамского и о гораздо более раннем появлении протосаамского на Скандинавском полуострове, чем полагает Айкио. Напомним, что Койвулехто относил время этих заимствований к концу II тыс. до н. э. (Koivulehto 1983). Однако, и Айкио отмечает, что среди германских заимствований в саамский есть слова, сохраняющие фонетический облик, предшествовавший последней фазе Первого перебоя, ср. севсаам. *gierdat* ‘выдерживать’ < протосаам. **kiertë* < досаам. **kärti* < протогерм. **kardian* (>**hardian*), ср. шв. *härda* (Aikio 2006).

Не исключено, что первым финно-угорским народом, контактировавшим в Скандинавии с германцами, могли быть не саамы, а квены. Если действительно соседи свионов ситоны (ср. Тас. 45) соответствуют упоминаемым в исландских сагах и Охтхере квенам,

¹⁶² Патрушев полагает, что юго-западная граница ямочно-гребенчатой керамики проходила южнее, т. е. по северо-восточному Уппланду (Patrushev 2000: 74 fig. 24). А в последнее время археологи проводят южную границу скандинаво-саамской контактной зоны, сохранявшейся и в эпоху викингов, чуть севернее Осло и Стокгольма (см. Zachrisson 1997; Hansen, Olsen 2004).

а многое свидетельствует в пользу этого (подробнее о возможной интерпретации ситонов как квенов см. Кузьменко 2008), то вполне вероятно, что эти квены говорили на финно-угорском языке. Этимологически топоним *Kvennland* соответствует финскому *Kainuu*, обозначавшему область примерно соответствующую современному Эстерботтену, с последующей (германской) народной этимологией «земля женщин», которая нашла отражение и в замечании Тацита о том, что ситонами правит женщина, и в представлении Адама Бременского о том, что на севере Скандинавии есть *terra feminarum* (ibid.: 267–268). Современные квены, живущие в северной Норвегии, говорят на северозападнофинском диалекте, однако, считается, что эти квены не являются потомками древних квенов, а появились в Норвегии только в XVI веке в результате новой волны финской миграции (Karikoski, Pedersen 1996: 4–5). Однако существование топонимов с исконным финским *Kainuu* в северо-восточной Швеции и тот факт, что новая волна финнов стала именоваться квенами, свидетельствует о возможном финно-угорском характере исконного квенского языка. Не исключено, что именно квены и могли быть тем первым угро-финским народом, который оказался соседом германцев в Скандинавии¹⁶³, однако время их появления здесь неизвестно, ясно только то, что уже в первом веке нашей эры они были северными соседями свионов.

Как германцы называли финно-угров? Во всех древних германских языках, в старших рунических надписях и у античных историков, начиная с Тацита, мы находим название народа, бывшего соседом германцев, которое реконструируется как **fennōz* (ср. *fenni* у Тацита, др.-англ. *finnas*, др.-исл. *finnar* и собственное имя **фина** ‘Финна’ в рунической надписи конца V в. н. э. из Берги (Эстерьётланд, Швеция), и которое и у Тацита и в древних германских языках обозначает саамов (Collinder 1953: 25). Многие полагали, что первоначально словом **fennōz* обозначали не саамов, а другой, возможно германский, народ охотников и собирателей, возводя **fennōz* к германскому корню со значением ‘находить’, и лишь позднее этим словом стали обозначать саамов (Noreen 1911: 154; Karsten 1928: 147; Hellquist 1993: 211)¹⁶⁴. В древних германских

¹⁶³ В Гетике Йордан помещает между светидами (см. др.-исл. *svíþjóð*) и финнами (т. е. саамами) *finni* (др.-исл. *finnar*) народ *vinoviloth*, что может соответствовать готскому *kwinowi* (род. мн.) *liop* ‘народ квенов’ (Кузьменко 2008: 266).

¹⁶⁴ Основанием для такого предположения было положительная характеристика финнов (т. е. саамов) в древнеисландской литературе и существование многочисленных скандинавских имен с корнем *finn-* (*Finnr*, *Finni*, *Finnbjörn*; *Finnbogi*), что никак не вязалось со стигматизацией саамов в Скандинавии начала XX века, ср., напр, высказывание одного из самых известных скандинавских филологов Адольфа Нуреена «непонятно, почему питающим отвращение и презрение саамам и финнам должна была

языках и у античных авторов словом *fenni*, *finnas*, *finnar* несомненно обозначаются саамы. Такое же значение сохраняет слово *finnar* в ряде современных норвежских диалектов. Однако, возможно, что этноним «финны» мог относиться первоначально и к квенам, имевших в эпоху викингов, а возможно и много раньше, много общего с саамами и живших, подобно саамам, в общинах «ситах», отсюда и их название ситоны у Тацита (Кузьменко 2008).

Употребление этнонима *finnar*, *finnas* и топонима *Finnland* для обозначения предков современных финнов и земли финнов (Суоми) связано с тем, что, как показывают топонимы, раньше всю территорию Финляндии, а не только самую ее северную часть как сегодня, занимали саамы (Saarikivi 2006, карта 3 на с. 180, 4 – 195, 5 – 196, 8 – 202, 12 – 206, 13 – 207, 17 – 211). Появившиеся на территории Финляндии финские племена стали соответственно тоже называться германскими соседями «финны».

Не исключено, однако, что именно так германцы называли не только своих соседей на севере Скандинавского полуострова (саамов и их предков), но и своих более ранних соседей носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики в южной Скандинавии и северной Германии, которых можно связать с первой волной финно-угризации Европы. Мы встречаем топонимы с составной частью *Finn-* не только в северной Швеции и Норвегии, но и в центральной и южной Швеции и Норвегии, и в Дании (см., напр.: *Findinge*, *Finderup* – Hald 1959: 279). Собственные имена и топонимы с составной частью *Finn-* мы встречаем и у западных германцев, ср. имя фризского вождя *Finn Folcwalding*, который упоминается в древнеанглийском Видсиде, в Беовульфе, и в знаменитом Финнсбургском отрывке. Собственные имена с составным элементом *Finn-* есть и в древнеанглийском (*Finn*, *Merefinn*) и в древнефранкском (*Finn*, *Finngast*). Возможно *finn-* в южноскандинавских топонимах в Дании и южной Швеции, в частности в топониме *Finveden* (др.-исл. *Finn(h)eiðr*) в Смоланде, который известен со времен младших рунических надписей, и который встречается у Йордана (*Finnaithe*), обозначал именно представителей первой волны финно-угров, которая достигла северной Европы задолго до появления там предков саамов и финнов (Gutenbrunner 1936: 469)¹⁶⁵.

быть оказана даже большая честь при давании имен, чем данам и свеям» (Noreen 1911: 151) или высказывание норвежского историка Хансена о том, что невозможно идентифицировать финнов исландских саг с саамами, поскольку они описывались с уважением, «а саамы тогда также как и сейчас являются только объектом презрения» (Hansen 1907: 134), подробнее об этом см. Kusmenko 2008: 322–328.

¹⁶⁵ Если это предположение справедливо, то моя трактовка топонима *Finneiðr* как обозначение дороги к саамам (см. Kusmenko 2008), может относиться только к тому периоду, когда этот топоним, исконно имевший значение ‘финский мыс’ (*Finneiðr*) или ‘финская пустошь’ (*Finnheiðr*), где

Название народа по типу хозяйствования (а именно так традиционно интерпретируется термин **fenpōz* (> **fennōz* > **finnōz*) ‘те, кто находят, т. е. собиратели’, ср. гот. *finþan* ‘находить’) вполне естественно, особенно если собственный тип хозяйства отличается от типа хозяйствования соседа¹⁶⁶. Поэтому не исключено, что этноним **fenpōz* возник в III – начале II тыс. до н. э., когда охотники, рыболовы и собиратели ямочно-гребенчатой керамики контактировали в северной Европе с земледельцами культуры шаровых амфор и шнуровой керамики. После германизации южной части носителей ямочно-гребенчатой керамики, которое, вероятно, произошла на рубеже III и II тыс. до н. э., этот этноним сохранился только для обозначения северных соседей германцев (саамов), и был перенесен и на занявших саамские территории в Финляндии прибалтийских финнов.

Германские инновации, имеющие параллели в саамском и прибалтийско-финских языках, могли начать появляться уже в конце III – начале II тыс. до н. э. и продолжали появляться в более позднее время уже в результате контактов с саамами и квенами на Скандинавском полуострове. Возможно, проникновение германо-угро-финских черт в итало-кельтский (начальное ударение (№ 11) и появление долгих согласных (№ 12)) началось еще до германизации финно-угров, однако не менее вероятным представляется германское влияние на итало-кельтский уже после германизации финно-угорского населения южной Скандинавии.

компонент *finn*- обозначал представителей первой волны финно-угров, был переосмыслен как обозначение пути на север к историческим саамам.

¹⁶⁶ Мартин Хульд предложил новую этимологию германского этнонима *финны* (**finnōz*), возводя его к германскому **fenna-* < **fezna-* < и.-е. **pesno-* (ср. хеттское *pesnas* ‘мужчина’) < и.-е. корень **pes-*, ср. греч. πῆος ‘пенис’, которую поддержал Койвулеhto (Koivulehto 2003: 293). Таким образом, по Хульду и Койвулеhto германский этноним **finnōz* обозначал первоначально мужчин или просто людей. Этнонимы подобного типа очень распространены, однако этноним подобного типа («люди») является, как правило, самоназванием, тогда как германский этноним «финны» таковым не является, а обозначает соседний народ.

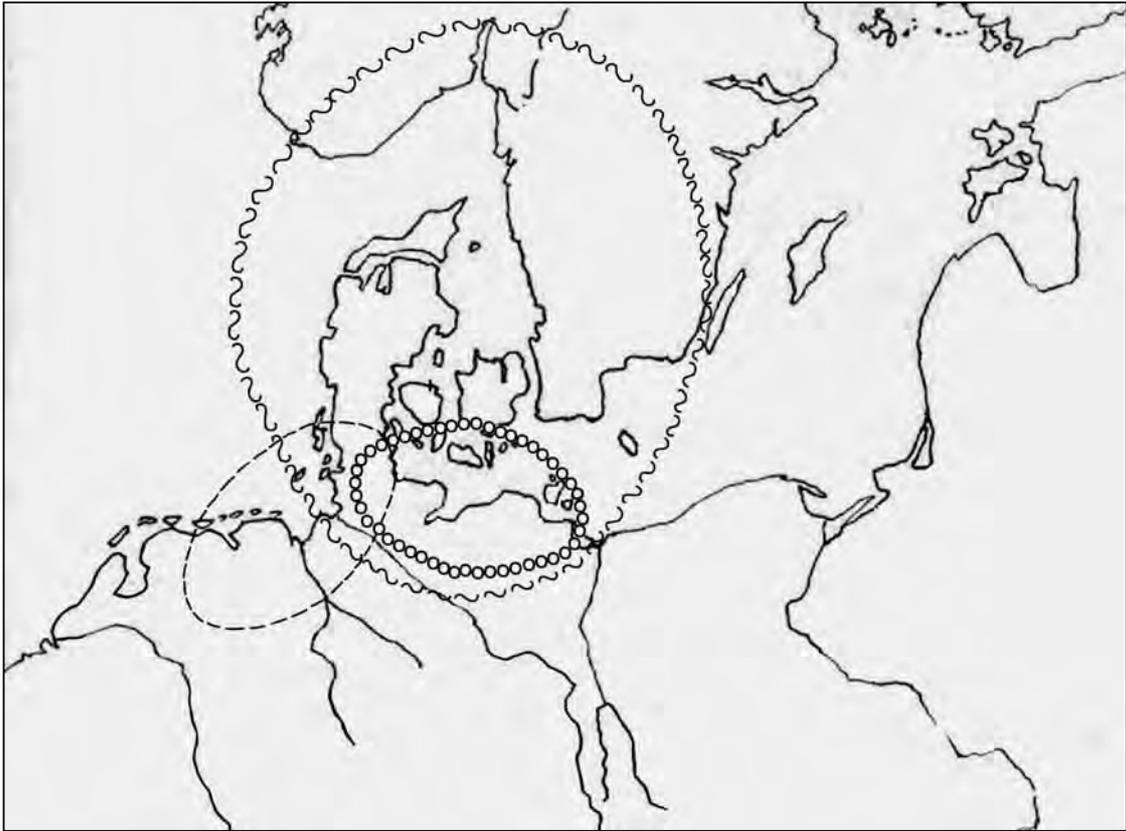
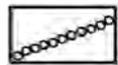

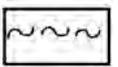
Рис. 10. Предполагаемые центральные области контактов протогерманского

Италийско-германские контакты 2500–1000 до н.э.

Балтийско-германские контакты 2500–500 до н. э.

Область контактов протогерманского с языками носителей ямочно-гребенчатой керамики (первая волна финно-угров ?) 2200–1800 до н. э.

7. ДАННЫЕ ПОПУЛЯЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ О ПРАРОДИНЕ И КОНТАКТАХ ГЕРМАНЦЕВ

В конце XX, начале XXI века бурное развитие генетики позволило определять генетическую характеристику населения земли, устанавливая распространение митохондриальных генов (mtDNA), которые передаются только по женской линии, и хромосомных (Y-DNA) генов, передаваемых только по мужской линии¹⁶⁷. Причем генетики научились определять не только генетические характеристики современного населения, но и генетические характеристики древнего населения (особенно в отношении митохондриальных гаплогрупп), исследуя человеческие останки. Таким образом, был найден ключ к генетической истории человечества. С самого начала генетики стали сопоставлять свои данные с данными лингвистики и археологии (ср., напр. Cavalli-Sforza, Menozzi, Piazza 1994), предполагая, что распространение генетических характеристик, археологических культур и языков совпадало¹⁶⁸. Однако, высказанные выше возражения против гипотезы тождества областей распространения археологических культур и языков еще в большей степени относятся к предположению о тождестве генетических характеристик и языков, поскольку языки, как и культуры, распространяются не только от родителей к детям, но и между людьми, не состоящими в родстве. В современной Европе нет ни одного народа, который бы был генетически гомогенен, и лишь немногочисленные народы показывают значительное преобладание одной из гаплогрупп¹⁶⁹ (ср., напр.: басков и ирландцев у которых наблюдают более 80% хромосомной гаплогруппы R1b, а у валлийцев процент R1b превышает 90%, см. карту № 12). Исследование останков свидетельствует о генетической гетерогенности народов уже в древней Европе. Особенно это относится к разнообразию митохондриальных гаплогрупп в Европе, начиная с самых древних времен (Bramanti 2009).

¹⁶⁷ Y-DNA определяет мужской пол и передается только по мужской линии, mtDNA передается от матери и сыновьям, и дочерям, но наследуется только по женской линии.

¹⁶⁸ Некоторые высказывания о возможностях генетики кажутся слишком оптимистичными. По словам В. З. Тарантула, академик А. Л. Киселев утверждает что «многие спорные вопросы истории цивилизации будут, скорее всего, решены не историками, а геномооведами» (Тарантул 2003: 295).

¹⁶⁹ Гаплогруппа – группа схожих совокупностей генов на хромосоме (гаплотипов), которая наследуется как единое целое и восходит к одному предку, т. е. к человеку с определенной мутацией.

Есть множество примеров генетических различий у людей, говорящих на одном языке. Наиболее очевидно это в таких странах как США или Бразилия, где генетические различия видны невооруженным глазом. Во многих европейских странах генетические границы были установлены только в последнее время в результате исследований по популяционной генетике, ср., напр.: генетические различия населения западной и восточной Финляндии (Kittles et al. 2006) и западной и восточной Германии (Rosser et al. 2000). С другой стороны, население может много раз сменить язык, оставаясь генетически гомогенным. О фактическом отсутствии корреляции между современным распределением языков и генетических типов пишут и генетики. Россер с соавторами показали, что современное распределение Y-хромосом в Европе фактически не коррелирует ни с современным распределением языков, ни с современным географическим положением народов (Rosser et al. 2000: 1540), причем коэффициент корреляции между распределением языков и генов оказывается в два раза меньше коэффициента корреляции между географическим положением популяции и ее генами, который определяется генетиками как незначительный (*ibid.*: 1537). Генетические различия внутри народов, говорящих на одном языке, свидетельствуют не только о том, что распространение языка связано не только с распространением генов, но и о том, что язык не обязательно должен сохранять следы языка, на котором говорил один из партнеров по контакту (отсутствие следов языка, находившегося в контакте имеет место, прежде всего, в том случае, когда одноязычию предшествует координативное двуязычие). Однако столь же несомненно, что в ряде случаев есть связь между генетическими и языковыми признаками (см., напр.: Poloni et al. 1997: 1019).

Мы видим, что отношение генетических признаков и языков похоже на отношение археологических культур и языков, т. е. есть случаи, когда их корреляция очевидна, однако не менее многочисленны случаи отсутствия такой корреляции. Поэтому мы не будем отбрасывать генетические реконструкции, а попытаемся установить, степень соответствия генетической и лингвистической реконструкции в каждом конкретном случае, воспользовавшись советом генетика Гвидо Барбуджани, считающего, что гипотезу о распространении связи языков с распространением генов надо доказывать заново в каждом конкретном случае (Barbujani 1997: 1013).

Генетическое исследование древних останков, к сожалению, не всегда может быть использовано для установления истории движения генов из-за отсутствия статистически релевантных величин. Кроме того, если митохондриальные гаплогруппы останков определяются сравнительно просто, то определение хромосомных гаплогрупп

групп древних останков во многих случаях невозможно¹⁷⁰. Эти ограничения приводят к тому, что основным методом, позволяющим установить генетическое происхождение населения, у генетиков до недавнего времени оставалась реконструкция, базирующаяся на описании современного состояния. При определении возраста и направления движения генов реконструкция основывается на определении области наибольшей концентрации маркера¹⁷¹ исследуемой гаплогруппы, области концентрации гаплогруппы, предковой по отношению к исследуемой, а также на установлении количества разновидностей исследуемой гаплогруппы. При этом считается, что чем более разнообразна гаплогруппа, тем она древнее.

При определении возраста гаплогрупп у генетиков фактически нет разногласий относительно очередности появления соответствующих мутаций и, соответственно, очередности появления гаплогрупп, но у них нет единого подхода к определению их абсолютной датировки (ошибки при абсолютной датировке могут составлять более 50% – Forster 2004). Метод определения возраста мутаций у популяционных генетиков, предполагающий одинаковые промежутки времени между мутациями, сходен с методом глоттохронологии лингвистов, который исходит из того, что изменения основного словарного состава языка происходят регулярно, т. е. за равные промежутки времени появляется равное количество новых слов и исчезает равное количество старых слов¹⁷². Такое огрубление действительности еще можно признать для очень отдаленных эпох, но оно не работает на отрезке времени в несколько тысячелетий. Не кажется вполне убедительным и метод определения возраста гап-

¹⁷⁰ Так при анализе останков из 43 захоронений в могильнике Деренбург (Заксен-Анхальт, 5500–4900 до н. э.) удалось установить хромосомные гаплогруппы только у трех человек (G2a3 и дважды F*), при том, что митохондриальные гаплогруппы были установлены у 22 человек (Naak et al. 2010: 3).

¹⁷¹ Маркер – определенная специфическая нуклеотидная последовательность ДНК.

¹⁷² Любой лингвист, имеющий представление об истории конкретного языка, знает, что в разные исторические эпохи языковые изменения происходят с разной скоростью. Бергсланд и Фогт показали, что те изменения, которые произошли в основном словарном запасе исландского и норвежского языков за 1000 лет по методу глоттохронологии должны были бы произойти за 100–150 лет в исландском и за 1400 в норвежском (Bergsland, Vogt 1962), а, если бы мы сравнивали реальные изменения словарного запаса в английском за последние 1000 лет, и предполагаемый возраст этих изменений, вычисленный по методу глоттохронологии, то очевидно, что различие в реальной и глоттохронологической скорости изменений было бы еще большим. Различие в скорости языковых изменений даже в близко родственных языках может быть очень значительным (на чем и основывается сравнительно-исторический метод). И эти аксиомы относятся и к изменению основного словарного запаса.

логрупп генетиками, предполагающий появление мутаций за равные промежутки времени, однако неспециалисту нелегко разобраться в математических тонкостях этого метода, и все же очевидно, что именно методологические проблемы и приводят к значительным расхождениям генетиков при датировке. Одни генетики считают, что основной генетический пул современных народов Европы сложился уже в эпоху палеолита (ср. напр. Richards et al., 1998: 258; Semino et al. 2000: 1158; Soares et al. 2010: 176)). Другие полагают, что и митохондриальные, и хромосомные современные европейские гаплогруппы сложились в основном в эпоху неолита в результате переселения населения из Анатолии и с Ближнего Востока. Именно это население и принесло земледелие в Европу (Cavalli-Sforza, Menozzi, Piazza 1994: 300; Di Benedetto et al. 2000). В соответствии с еще одной гипотезой митохондриальные гаплогруппы сохраняются в Европе с эпохи палеолита, а основные европейские хромосомные гаплогруппы появились только в эпоху неолита, что свидетельствует о миграции только мужского населения с Ближнего Востока и Анатолии, которое и принесло земледелие в Европу (Balaresque et al. 2010). Таким образом, предполагается, что при распространении земледелия в Европе женская часть населения Европы сохраняла генетические связи с палеолитным населением, а мужская часть населения была вытеснена пришельцами. Существует и компромиссное решение: судя по распространению митохондриальных гаплогрупп, в южной Европе в эпоху неолита имела место миграция аграриев из Анатолии и Ближнего Востока, а в центральную и северную Европу земледелие проникло без смены населения (Sampietro et al. 2007: 2161). Судя по распространению хромосомных гаплогрупп, появившихся в Африке и на Ближнем Востоке, в основном на юге Европы в Присредиземноморье и редкости этих гаплогрупп в центральной и северной Европе такое предположение вполне вероятно. По этой гипотезе распространение земледелия в центральной и северной Европе происходило не путем миграции населения с Ближнего Востока, а путем миграции идей. Наконец, существует предположение о сравнительно позднем появлении основных хромосомных гаплогрупп современного германоязычного населения, прежде всего R1a и R1b, разрабатываемая специалистами по ДНК-генеалогии (см., Клёсов 2008; Рожанский, Клёсов 2009), и именно эта точка зрения опирается и на реконструкцию, основанную на современных данных, и на данные генетического анализа древних останков (самые древние останки с гаплогруппой R1a в Германии относятся к 2600 году до н. э., а с R1b – к еще более позднему времени). При анализе возраста современных гаплогрупп следует учитывать и то, что указываемый обычно процент населения с определенной гаплогруппой является суммой процентов частотности разных субкладов гаплогруппы, которые имеют разный возраст.

Рассмотрим подробнее, какие гаплогруппы характерны для области распространения современных германских языков в Европе и соседних территорий, и как генетики реконструируют историю распространения гаплогрупп. При определении абсолютной хронологии гаплогрупп я буду исходить из принятой в популяционной генетике датировки, представленной на сайте Международного Общества Генетической Генеалогии (ISOGG 2011), сопоставляя эти данные с данными отдельных публикаций.

Три основные гаплогруппы современного германоязычного населения Европы это I1 (по старой классификации I1a), R1b и R1a, к которым в разных областях добавляются гаплогруппы I2b (по старой классификации I1c), N1c (по старой классификации N3), J1, E1b1b (по старой классификации E3b), G и T. Причем процент хромосомных гаплогрупп J, E1b1b, G и T в германоязычных странах редко превышает 5%. В Швеции, например, процент всех этих групп вместе не превышает 4% (Karlsson et al. 2006: 968), в Норвегии он менее 2% (Dupuy et al. 2006).

7.1. ХРОМОСОМНЫЕ ГАПЛОГРУППЫ ГЕРМАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ (Y-ДНК)

7.1.1. Гаплогруппы I1 и I2b

Значительная часть мужчин современной северо-западной Европы является носителем хромосомной гаплогруппы I1, распространенной, прежде всего, в Скандинавии, в Голландии и на севере Германии (см. рис. № 11). Процент носителей гаплогруппы I1 у норвежцев 37.9%*¹⁷³, у шведов 41.9%*, у датчан 32.5%*, у немцев в северной Германии 27.7%*, у фризов 29.0%, у голландцев 22.6%* (Tambets et al. 2004; Rootsi et al. 2005: 128; Karlsson et al. 2006: 965; Dupuy et al. 2006: 2; Distribution 2011). В некоторых областях Швеции и Норвегии процент носителей этой гаплогруппы превышает 50%, на Готланде он достигает 59% (Lappalainen et al. 2009: Tab. 3; Dupuy et al. 2006). По ее наличию определяют потомков англо-саксонской и более поздней скандинавской колонизации в Британии, где ее процент составляет 15% (ISOGG 2011). Высока частотность этой гаплогруппы и в западной Финляндии (Kittles et al. 2006: 1171). У саамов частотность гаплогруппы I1 также высока, 31.4% (Rootsi 2004: 130–131)¹⁷⁴, что уступает только частотности гаплогруппы N1c, характерной для народов, говорящих на уральских и алтайских языках (см. ниже).

¹⁷³ Звездочкой обозначены данные, являющиеся средним арифметическим от различающихся данных разных авторов. Так число 37.9% является средним арифметическим от приведенных в нижеуказанной литературе процентов гаплогруппы I1 в Норвегии – 40.3%, 37.3% и 36%.

¹⁷⁴ По другим данным 25.9% (Tambets 2004, табл. 3).

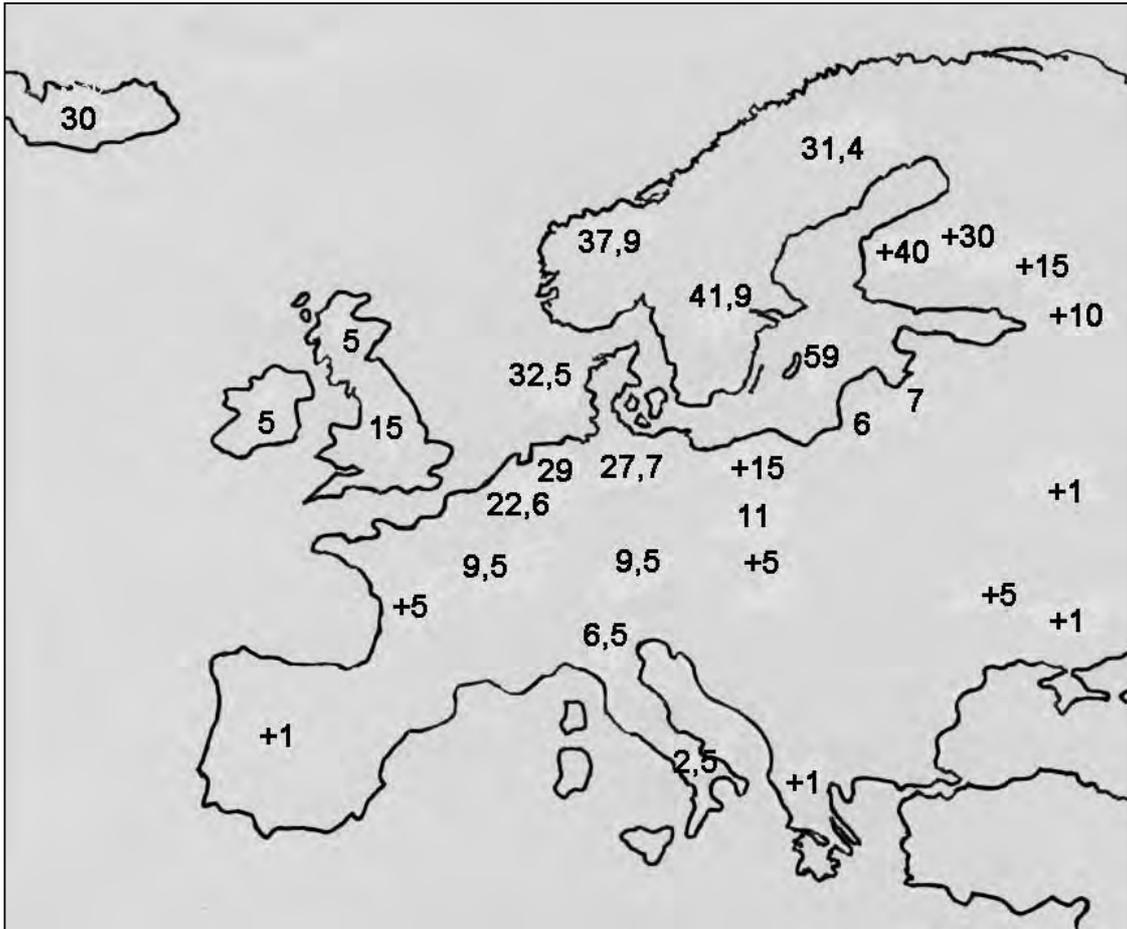

Рис. 11. Распространение гаплогруппы I1 (Y-ДНК) в современной Европе (+ больше чем; – меньше чем)

Частотность гаплогруппы I1 уменьшается при продвижении на восток в сторону Польши (11%*), Прибалтики (латыши 6%-7%, литовцы 5%-6%), на запад в сторону Франции (наиболее частотна эта гаплогруппа в Нормандии 12%, в целом по Франции ее частотность составляет 9.5%) и на юг (на севере Италии 6.5%, на юге 2.5%) (Tambets et al. 2004, табл. 3; Rootsi et al. 2004: 128–129; Distribution 2011). В южной Германии процент носителей этой гаплогруппы 9.5% (Distribution 2011).

Как мы видим, наибольшая частотность гаплогруппы I1 наблюдается либо у народов, сконцентрированных в Скандинавии, северо-западной Германии и Голландии, которые говорят на германских языках, либо у народов, долгое время находившихся и сейчас продолжающих находиться в контакте со скандинавами (саамы, западные финны, Нормандия, Британские острова) или с народами, предки которых обитали ранее в северной Германии (Англия).

Как уже было сказано выше, человек заселил северную и центральную Европу после таяния последнего ледника. По одной из

гипотез считается, что одной из гаплогрупп Y-DNA, сохранившейся в северной Европе с тех пор до наших дней была гаплогруппа I, которая появилась в одном из убежищ Европы около 23 000–22 000 лет назад, во время распространения граветтианской культуры (Rootsi et al. 2004: 135) или еще раньше (Soares et al. 2010: 176) и в виде подвида I1 распространилась в северной Европе после таяния последнего ледника около 10 000–6 800 лет тому назад (Rootsi et al. 2004: 135)¹⁷⁵. Считается, что гаплогруппа I1 была характерна для носителей первых после последнего ледника культур северной Европы и через носителей культуры Эртебёлле и культуры воронковидных кубков сохраняется в северной Европе до сих пор (Origins 2011). Если справедливо, что гаплогруппа I1 появилась на севере Европы около 10 000–6 800 лет тому назад, то именно к этому периоду следует отнести появление одного из генетических предков тех, кто впоследствии стал говорить на языке, который мы называем протогерманским. Однако предположение о том, что этот язык появился 10 000–6 800 лет тому назад лингвистически маловероятно. Самые первые изоглоссы, позволяющие отличить протогерманский от языка соседей, появились, вряд ли, раньше середины III тыс. до н. э. (см. выше).

Однако предполагаемая датировка гаплогруппы I1 основывается только на современных данных. Анализ генетического материала останков фактически не выявляет наличие хромосомов группы I1 в самых древних образцах. Пока гаплогруппы типа I были обнаружены только у найденных в Нижней Саксонии останков, относящихся к 1000 г. до н. э., причем это не гаплогруппа I1, а гаплогруппа I2b2 (Schilz 2006; Manco 2011). Очевидно несоответствие реконструкций, основанных на данных современной популяционной генетики, утверждающей древность гаплогрупп типа I1 на севере Европы с результатами анализа древних останков, которые, насколько мне известно, находят эти гаплогруппы только, начиная с 1000 г. до н. э. Возможно это связано с пока еще очень небольшим количеством обследованного материала и с трудностью установления хромосомных гаплогрупп древних останков (см. выше). Существует, однако и более поздняя датировка появления гаплогруппы I1 в северной Европе. Американский генетик Кен Нордведт, активно использующий Интернет для пропаганды своих идей, считает, что тот подвид I1, который характерен для большой группы современного германоязычного населения появился уже

¹⁷⁵ Предполагали разные места появления гаплогруппы I (Украина, Балканы, юго-запад Франции и север Испании), т. е. фактически все три предполагаемые европейские убежища во время последнего ледникового максимума. В последнее время принято считать местом появления этой гаплогруппы северные Балканы, где около 30% мужского населения имеют родственную гаплогруппе I1 гаплогруппу I2 (Rootsi et al. 2005: 129) или Иберийский полуостров (Soares et al. 2010: 177).

после окончания ледникового периода в Дании около 4000–6000 лет назад (Nordvedt 2007). Однако он не опровергает возможную связь гаплогрупп типа I с иберийским убежищем, откуда этот гаплотип распространился и в юго-восточную Европу (прежде всего на территорию бывшей Югославии, где очень высок процент родственной гаплогруппы I2) и в северную Европу, где согласно Нордведту появилась гаплогруппа I1. О более позднем, чем раньше считалось, появлении гаплогруппы I1 в Скандинавии пишут и Лаппалайнен с соавторами, который датирует появление здесь I1 эпохой неолита (Lappalainen et al. 2008). В более поздних публикациях, однако, можно снова наблюдать возврат к традиционной датировке появления I1 в Европе (верхний палеолит) (Soares et al. 2010).

Согласно Роотси с соавторами, концентрация частотности I1 характерна для южной Швеции, Дании и прилегающих к ней областей северной Германии (Rootsi et al. 2004, fig. 1). Вряд ли случайно, что область наибольшей современной концентрации I1 полностью совпадает и с распространением археологической культуры Эртебёлле (см. карту 1), и с традиционно предполагаемой прародиной германцев, и с областью первых рунических надписей. Хотя все эти явления относятся к разному времени, складывается впечатление, что на протяжении нескольких тысячелетий на этой территории жило (и продолжает жить) население генетически восходящее к эпохе Эртебёлле, которое внесло значительный вклад в формирование генетического пула современных германоязычных народов (I1). Одним из центральных вопросов является вопрос о том, насколько язык (или языки) носителей I1 принял участие в формировании протогерманского языка. В качестве возможных признаков этого языка (или языков) можно было бы рассматривать германские инновации, которые плохо выводимы из индоевропейского и отличаются от инноваций других индоевропейских языков. Однако, если мы обратим внимание на грамматические инновации протогерманского, то фактически все они выводимы из индоевропейского материала (см. выше соответствующие изменения в других индоевропейских языках). Выше отмечалось, что огромное большинство языковых инноваций протогерманского имеет соответствие либо в итало-кельтском, либо в балто-славянском, либо в соседних финно-угорских языках. Распространение гаплогруппы I1 нельзя связать ни с одним из этих возможных источников протогерманского. Возможно, единственной фонологической инновацией, которая необычна для индоевропейских языков и для финно-угорских языков, но которая была характерна для германских и саамских языков, является противопоставление центральной и периферийной акцентуации. Менее вероятно субстратное происхождение хорошо реконструируемого для протогерманского протопоставления двух типов прилагательных, обозначающих постоянный и временный признак или, возможно, особый и

обычный признак (см. инновацию № 20). Наличие двух типов прилагательных в балтийском и славянском можно было бы объяснить германским влиянием (распространение не формы, а модели с запада на восток). Существование подобной категории в саамском, единственном финно-угорском языке, в котором развилась эта категория, может быть также связана с германским влиянием, однако, не исключено и влияние общего субстрата языка носителей II. Напомним, что частотность гаплогруппы II среди саамов очень высока (31.4%). Если действительно появление центральной и периферийной акцентуации и двух типов прилагательных в протогерманском было вызвано контактами начинающегося складываться протогерманского с языком носителей II, индоевропейцев, то эти инновации следовало бы считать одними из самых древних (конец третьего или начало второго тысячелетия до н.э.), что, однако, не вполне согласуется с традиционными представлениями о времени формирования категории прилагательного.

Еще одной фонологической чертой, которая могла бы рассматриваться как субстратная, и которая отличает германский от соседних индоевропейских языков, является вторая и третья фазы Первого перебора согласных ($b d g > p t k$ или $p' t' k' > p t k$ и $p t k > f b \chi$). Однако, если справедливо предположение, о том, что Первый перебой происходил в конце второго, начале I тыс. до н. э., причем последняя его фаза вряд ли старше 500 г. до н. э., то связь Первого перебора с языком носителей II оказывается мало вероятной, поскольку предполагает существование неиндоевропейского и нефинно-угорского языка на севере Европы в это время. Носители гаплогруппы II должны были быть индоевропеизованы гораздо раньше, а именно в момент прихода на эту территорию языка западных индоевропейцев (итало-кельтского) и северо-восточных индоевропейцев (балто-славянского), см. ниже.

Более вероятным кандидатом в качестве возможного субстрата языка носителей II является небольшое количество слов, происхождение которых остается невыясненным (типа немецкого *See, Regen, Traube*). Важным следом языка II могли бы быть топонимы, однако, как писал один из ведущих специалистов в этой области Андерссон, несмотря на то, что теоретическая возможность субстрата не исключена, каких-либо достоверных следов его в топонимике южной Скандинавии нет (Andersson 1972: 8; см. также Hald 1971: 88). Это вовсе не свидетельствует об отсутствии догерманского населения, поскольку как показывает современная ситуация в областях с двуязычным населением, в частности на севере Скандинавии и в Финляндии, местные топонимы и гидронимы могут заменяться одновременно со сменой языка (при переходе с саамского на шведский или норвежский саамские топонимы заменяются скандинавскими, а при переходе со шведского на финский, шведские топонимы заменяются финскими).

Если предположить, что протогерманский сформировался на территории распространения носителей гаплогруппы I1, каким образом можно объяснить слабое присутствие следов языка носителей I1 в протогерманском? Одно из возможных объяснений предоставляет генетика. Предполагают, что, несмотря на то, что мутация, приведшая к образованию гаплогруппы I1, произошла 20 000 или 10 000 лет назад, непосредственный предок современных носителей гаплогруппы I1 жил около 3000 лет до н. э. Именно к этому периоду относят так называемый эффект бутылочного горлышка, т. е. резкое сокращение популяции с разнообразием гаплогруппы I1 с последующим постепенным количественным и территориальным распространением только одного из ее гаплотипов (Origins 2011). Если эти данные популяционной генетики, свидетельствующие о времени появления гаплогруппы I1 и об эффекте бутылочного горлышка, имевшем место около 3000 г. до н. э., достоверны, то понятно почти полное отсутствие следов неизвестного субстрата в грамматике, фонологии и незначительное присутствие его в лексике протогерманского, который начинал формироваться именно в III тыс. до н. э. Первое население Скандинавии и северной Германии, по крайней мере, ее мужская часть, фактически исчезло в III тыс. до н. э., (генетики говорят даже об одном единственном мужчине с гаплогруппой I1, пережившем этот период – Origin 2011). Чем было вызвано резкое уменьшение носителей гаплогруппы в 3000 г. до н. э. трудно сказать. Возможно эпидемией, а возможно приходом нового населения, прежде всего носителей гаплогрупп R1a и R1b, говоривших на языках, которые и стали основой для развития протогерманского. Такой сценарий соответствует появлению носителей археологической культуры шаровых амфор, а затем шнуровой керамики, которую традиционно связывают с гаплогруппой R1a и с протоиндоевропейским языком. Однако предположение о таких драматических событиях, происходивших около 3000 до н.э. необязательно, поскольку смена языка может происходить и без сохранения следов субстрата.

Появление культуры шнуровой керамики в Скандинавии относят обычно к чуть более позднему времени, чем резкое сокращение популяции с гаплогруппой I1 (см. выше), однако, культура шаровых амфор в северной Германии появилась несколько раньше культуры шнуровой керамики, поэтому возможно резкое сокращение мужского населения, носителей гаплогруппы около 3000 г. до н.э. связано с появлением на севере Европы носителей культуры шаровых амфор. Самой северной областью распространения культуры шаровых амфор считается Дания, именно та область, где и предполагается вторичный центр распространения I1. Возможно, что именно на этой территории и происходила и более ранняя смена (в первую очередь мужского, см. ниже) населения, приведшая к сокращению частотности гаплогруппы I1.

Археологическим коррелятом гаплогруппы I1 можно считать и культуру Эртебёлле, которая занимала территорию наибольшей современной концентрации I1, и культуру воронковидных кубков, современное распространение которой в значительной степени соответствует распространению гаплогруппы I1. Однако культура воронковидных кубков была распространена на территориях гораздо более обширных, чем территории современного распространения высокой частотности I1, что, возможно, свидетельствует о постепенном вытеснении I1 на севере центральной Европы.

Предполагаемая связь гаплогруппы I1 с субстратом, не означает, что следует ставить знак равенства между появлением гаплогруппы I1 и появлением субстрата протогерманского. Однако в момент формирования протогерманского, т. е. в момент распространения индоевропейского (итало-кельтского и балто-славянского) среди людей, говорящих на языке носителей воронковидных кубков, эти люди в основном имели гаплогруппу I1.

Для северо-западной Европы характерна и гаплогруппа I2b (по старой классификации I1c), которая есть в северной и центральной Германии (от 10 до 20%, по другим данным от 3% в восточной Германии до 7% на западе Германии), Голландии (10%, по другим данным 6%) в Дании (10%, по другим данным 5%), в Швеции (1.9%, по другим данным 4%, более всего, до 10% в Вестерботтене) (Lappalainen et al. 2008; Lappalainen et al. 2009; Distribution 2011). Благодаря богатой вариативности эта гаплогруппа считается одной из самых старых в северо-западной Европе. Ее возникновение датируют 11 000 г. до н. э. Предполагают, что именно эта гаплогруппа была и у строителей мегалитов (Origins 2011). Возможно, что именно носители этой гаплогруппы говорили на языке, который был вытеснен впоследствии языком племен «северо-западного блока» (см. выше), которые, в основном, были носителями гаплогруппы R1b (см. ниже).

7.1.2. Гаплогруппа R1b

Очень частотны в германоязычных странах хромосомные гаплогруппы R1a и R1b, основные гаплогруппы современной Европы. Причем для западной Европы наиболее характерна гаплогруппа R1b, а для восточной Европы гаплогруппа R1a. Более частотной у современных германоязычных народов является гаплогруппа R1b (R1b1a2-M 269), ср. рис. 12, которая характерна, прежде всего, для Германии, Голландии и Бельгии. Эта гаплогруппа наиболее частотна в странах Бенилюкса (в Голландии 62%*, у фризов 56%, в Бельгии 63%). В Германии средняя частотность этой гаплогруппы 47.9%, причем ее процент в южной Германии (48.5%) выше, чем в северной (38%). В меньшей степени эта гаплогруппа характерна для Скандинавии, ср. норвежцы 28%*, шведы 23%*, датчане 41.2%* (Tambets et al. 2004; Karlsson et al. 2006; Dupuy et al.

2006; Distribution 2011), причем на севере Скандинавии процент этой гаплогруппы ниже чем в центральной Скандинавии (ср. 9.4 % в Вестерботтене и 28.6% в Ёнчёпинге – (Lappalainen et al. 2009). В Норвегии процент R1b уменьшается к востоку, ср. 45% носителей R1b на юго-западе Норвегии и 26% на востоке (Dupuy et al. 2006). У южных и особенно у западных европейцев, в том числе и у соседей германоязычного населения Европы, процент гаплогруппы R1b очень высок (у валлийцев более 90%, у ирландцев и басков более 80%, у французов и северных итальянцев более 60%). Частотность этой гаплогруппы убывает по направлению на восток (у поляков 17.6%*, у латышей 15%, у литовцев 5%, у саамов около 6%, у финнов 2%). Однако еще дальше на юго-восток процент гаплогруппы R1b снова возрастает, однако, без характерного для Европы маркера M 269. Наибольшей концентрации эта разновидность R1b достигает на северном Кавказе и в юго-западной Азии (Myres et al. 2011; ISOGG 2011).

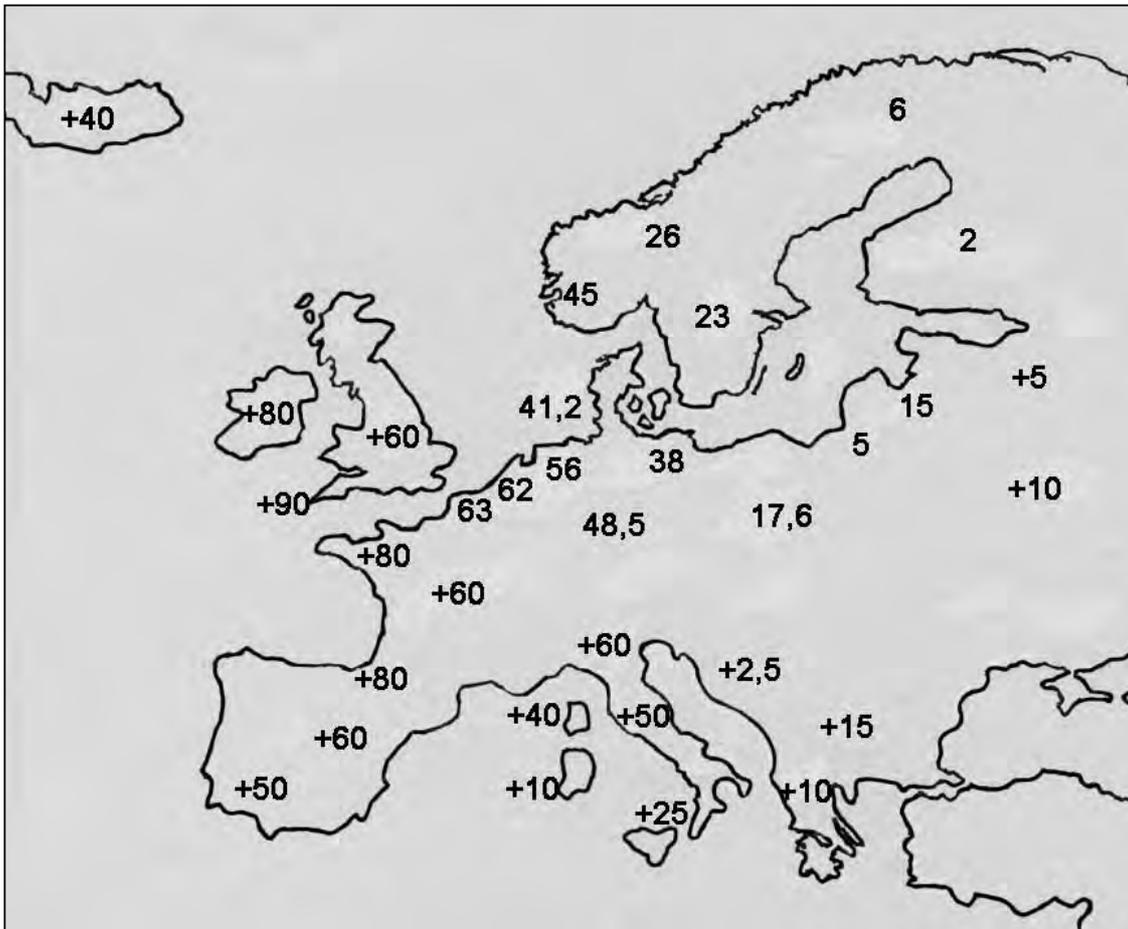

Рис. 12. Распространение гаплогруппы R1b M 269 (Y-ДНК) в современной Европе (в процентах)

Что касается датировки появления R1b в Европе, то здесь мы сталкиваемся с тремя гипотезами. Если у генетиков фактически нет

разногласий относительно ее азиатского происхождения и времени ее появления, то предположения о времени ее появления в Европе сильно отличаются друг от друга. В первых работах по популяционной генетике считалось, что все варианты R1b в Европе восходят к эпохе верхнего палеолита, т. е. к эпохи охотников и собирателей. Семин с соавторами считают, что R1b и R1a появились в Европе вместе с ориньякской культурой около 40 000–35 000 лет назад (Semino et al. 2000). Карлссон с соавторами, не определяя этническую и археологическую принадлежность гаплогрупп считают, что и гаплогруппа R1b и гаплогруппа R1a проникли на север Европы и в Скандинавию также еще в эпоху верхнего палеолита одновременно с гаплогруппой I1 сразу же после окончания последнего ледникового периода (Karlsson et al. 2006: 969). В последнее время, однако, появление этой гаплогруппы в Европе стали относить не к мезолиту, а к неолиту, связывая движение R1b в Европе с миграцией населения из западной Азии (Ближний Восток > Анатолия > юго-восточная Европа > западная Европа), которое принесло земледелие в Европу (Belaresque et al. 2009; Myres et al. 2011)¹⁷⁶. При этом считается, что отправным пунктом их непосредственного распространения в Европе была северная Италия, Швейцария, южная Германия и юго-запад Франции, куда носители этой гаплогруппы пришли из Малой Азии (Belaresque et al. 2009). Наконец, высказывалось предположение о еще более позднем появлении в западной Европе гаплогруппы R1b, датируя его третьим тысячелетием до н. э. (Клёсов 2008). В самых последних публикациях вновь наблюдается возврат к более ранней датировке R1b в Европе. Соарес с соавторами вновь датируют появление R1b в Европе верхним палеолитом (Soares et al. 2010), считая, что R1b распространялась с запада на восток одновременно с распространением митохондриальных гаплогрупп H и V (ibid., 177).

Генетики, относящие появление R1b к палеолиту, как правило, не пытались установить языковую и этническую принадлежность древних носителей R1b, а генетики, связывающие появление этой гаплогруппы в Европе с миграцией населения, принесшего в Европу земледелие, соотносят появление и распространение R1b в Европе с

¹⁷⁶ Основанием для такого утверждения является наибольшая концентрация маркера M 269 в Европе и наибольшая вариативность его в Малой Азии и на Балканах, что интерпретируется как следствие происхождения этого маркера из Малой Азии или с Балкан с последующим эффектом основателя в Европе. Эффект основателя приводит к резкому снижению разнообразия гаплогруппы при повышении ее частотности. Он позволяет выделить территории, на которых происходило быстрое распространение новых маркеров. Наиболее распространенный исключительно европейский маркер M 412, появившийся в Европе позднее не связывается Балареск с каким-либо этносом (Balaresque et al. 2010).

археологической культурой линейно-ленточной керамики (Muges 2011: 95), хотя заметим, что у немногочисленных останков, которые позволяют устанавливать хромосомные гаплогруппы из области распространения линейно-ленточной керамики гаплогруппы R1b не обнаружено (см., напр.: анализ останков из захоронения Деренбург в Заксен-Анхальте (5500–4900 гг. до н. э.) (Naak et al. 2010), а древнейшие останки с гаплогруппой R1b в центральной Европе относятся только к 1000 г. до н. э. (Manco 2011), что скорее подтверждает гипотезу Клёсова о позднем появлении R1b. Если, однако, справедливо предположение о том, что большая часть носителей культуры ленточной керамики имела в основном гаплогруппу R1b, то эта гаплогруппа должна была быть характерна и для последующих культур западной Европы, в частности, культуры колоколовидных кубков, унетицкой культуры, культуры Зёгель-Вольде и культуры Харпштедт-Ниенбург).

Многое в истории и распространении R1b в Европе остается неясным. В частности очень высокий процент этой гаплогруппы у басков не свидетельствует о том, что R1b была свойственна протоиндоевропейцам, продвигавшимся из Малой Азии в Европу, как фактически считали Ренфрю и Кавалли-Сфорца, а скорее говорит о смене языка на индоевропейский у большей части протобаскских аборигенов Европы, что соответствует васконской гипотезе Феннеманна (см. раздел 4.3.1).

Следует отметить, что в последнее время у генетиков наблюдается тенденция к уменьшению возраста гаплогрупп. Так, в таблице, выложенной на сайте Еуропедии (Eupedia 2011), появление большинства субкладов гаплогруппы R1b, характерных для современного германоязычного населения, датируется либо началом нашей эры (ср. микромутации L1/S26, L48, L44, L5, L6, M497/S29/U198), либо серединой второго тысячелетия до н. э. (M405/S21/U106), см. также Origins 2011. Если эта датировка справедлива, то первая группа указанных выше мутаций появилась уже после распада германского этнического единства «своих», в эпоху формирования отдельных древних германских языков, а мутация M405/S21/U106 произошла в период существования этнического единства «своих», в протогерманский период. Такая относительно поздняя датировка появления субкладов R1b у германоязычного населения не исключает и более поздней датировки появления носителей гаплогруппы R1b на севере центральной Европы, тем более, что у древнейших останков гаплогруппы R1b не обнаружено. Таким образом, не кажется слишком смелым предположение, что распространение гаплогруппы R1b среди населения северной Европы следует относить к концу третьего началу II тыс. до н. э., а возможно и к более позднему времени (сравни датировку наиболее ранних останков с гаплогруппой R1b временем 1000 г. до н. э.). Клёсов полагает, что R1b является сравнительно молодой гаплогруппой в Европе, появ-

ление которой следует относить ко времени 3000–2500 гг. до н. э., причем по Клёсову даже у басков гаплогруппа R1b появилась только в III тыс. до н. э. (Клёсов 2008). Он считает, что эта гаплогруппа появилась на среднем течении Волги и через северный Казахстан, Кавказ, Анатолию, Ближний Восток и северную Африку попала на Пиренейский полуостров, а оттуда распространилась по западной Европе. Гаплогруппа R1b быстро продвигалась на северо-восток центральной Европы. Продвигаясь с Пиренейского полуострова на восток эта гаплогруппа вытесняла более ранние гаплогруппы, такие как G2a и F*, характерные для останков эпохи ленточной керамики в Германии, см. Haak et al. 2010.

Трудно сказать, насколько весь реконструированный Клёсовым путь R1b в западную Европу соответствует действительности, однако предполагаемый им путь R1b по западной Европе совпадает с путем и временем распространения культуры колоколовидных кубков (*ibid.*), что соответствует нашей лингвистической реконструкции, предполагающей появление итало-кельтского на севере центральной Европы в III тыс. до н. э.

Вопрос о том, говорили ли предки носителей этой гаплогруппы на протоиндоевропейском (или возможно ностратическом) языке с момента образования этой гаплогруппы или исконные обитатели Европы, носители гаплогруппы R1b, сменили свой язык (за исключением басков) на протоиндоевропейский язык или носители R1b появились в Европе только около 3000 г. до н. э. в нашем случае не столь важен. Нам важна не столько предыстория гаплогруппы R1b, сколько распространение R1b в период формирования протогерманского. Вероятнее всего, что в эту эпоху значительная часть носителей гаплогруппы R1b в Европе говорила на протоиталийском и протокельтском, а, возможно, на первых этапах формирования протогерманского на прото-итало-кельтском языке.

7.1.3. Гаплогруппа R1a

Третьей по частотности хромосомной гаплогруппой в германоязычных странах является гаплогруппа R1a, которая наиболее частотна в восточной Европе (ср. рис. 13). Среди германоязычного населения ее процент меньше, чем на востоке Европы, где частотность R1a превышает 30% (ср. 38% у литовцев, 41.0 у латышей, 56.5% у поляков), но больше, чем на западе: во Франции, Италии, Испании и в Ирландии ее частотность колеблется от 0 до 5% (*Distribution 2011*). У финно-угорских соседей скандинавов процент R1a ниже, чем у скандинавов, но выше, чем у западноевропейцев (саамы 13%, финны 9% *). В Скандинавии частотность этой гаплогруппы выше, чем в континентальной Европе: у норвежцев 26% *, у шведов 18.2% *, частотнее всего на юге Швеции в Халланде 26.5%, у датчан 14.6% *, у немцев на 12.5% (причем на севере и востоке

Германии 23%-24%, на западе Германии 7%*, в Баварии 15% (Semino et al. 2000; Tambets et al., 2004; Karlsson et al. 2006; Dupuy et al. 2006; Distribution 2011). И в Скандинавских странах и особенно в Германии процент R1a убывает с востока на запад. У германоязычных народов, обитающих к западу от Германии частотность R1a становится еще ниже (см. фризы 7%, голландцы 4.8%*) – (Semino et al. 2000; Karlsson et al. 2006; Dupuy et al. 2006; Distribution 2011).

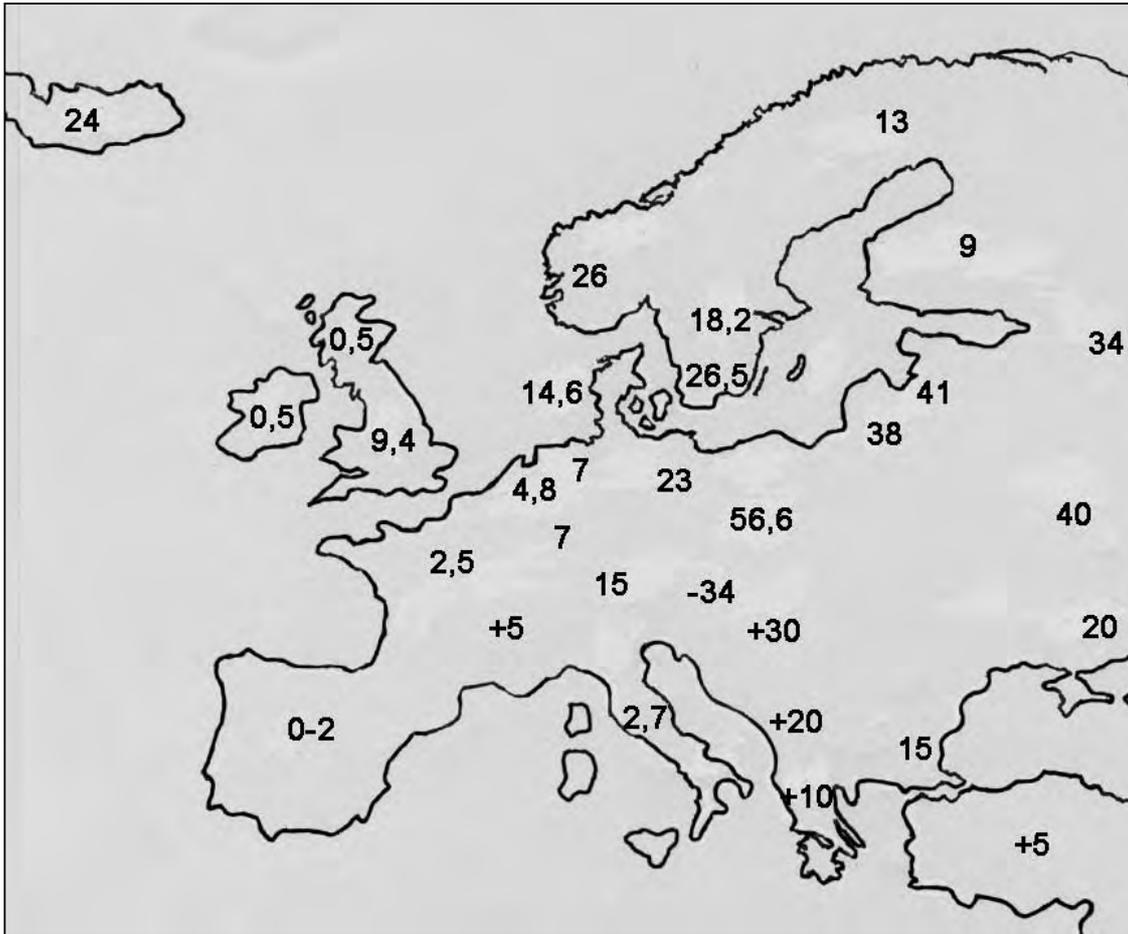

Рис. 13. Распространение гаплогруппы R1a (Y-ДНК) в современной Европе (в процентах)

Предполагали два возможных места появления и соответственно центра распространения гаплогруппы R1a. Это степи Украины (Soares et al. 2010), южная Азия (долины Инда и Ганга) – (Underhill et al. 2010) или Южная Сибирь (Рожанский, Клёсов 2009). Однако даже те, кто признает южноазиатское происхождение этой гаплогруппы предполагает ее раннее появление в восточной Европе (по Андерхиллу с соавторами R1a появилась в восточной Европе около 9 300 г. до н. э., достигла территории Германии около 7 900 г. до н. э. и Дании около 7 700 г. до н. э. – Underhill et al. 2010). Если эта датировка справедлива, то первая волна носителей R1a оказалась в

центральной и северной Европе задолго до предполагаемого появления здесь шнуrowой керамики, которую часто идентифицируют с индоевропейцами. Рожанский и Клёсов также считают, что носители R1a появились в Европе 10–12 тысяч лет назад, сразу после таяния ледника, однако, только очень незначительный процент современного населения Европы (доли процента) являются потомками первых носителей R1a в Европе, основная же масса предков современных носителей R1a в Европе появилась здесь только во время второй миграции с востока новых субкладов R1a, которая началась около 3000 г. до н. э., а непосредственные основатели большей части современных субкладов R1a появились еще позднее (Рожанский, Клёсов 2009: 975–976, 985, 1024, 1088, 1094–1095). Мне неизвестно, есть ли исследования генетической природы останков, подтверждающие датировки Андерхилла с соавторами и Рожанского и Клёсова о первой волне носителей R1a в центральной Европе. Однако, если данных о распространении гаплогруппы R1b в доисторической Европе фактически нет, то гаплогруппу R1a часто обнаруживают в древних останках. Так она была обнаружена у скелетов нескольких человек эпохи неолита в центральной Европе и в северной Германии (около 2600 г. до н. э), правда не в столь отдаленный период, как полагает Андерхилл, а в захоронении археологической культуры шнуrowой керамики (Keyser et al. 2009; Manco 2011), что соответствует предполагаемой Клёсовым и Рожанским второй волне R1a в центральную и западную Европу (Рожанский, Клёсов 2009: 1095).

Если мы посмотрим на современное распределение гаплогруппы R1a в Европе то очевидно, что эта гаплогруппа продвигалась с востока на запад и что в языковом отношении она характерна, прежде всего, для современных славянских и балтийских народов, а также для тех этносов, которые находились в контакте с ними. Вероятно, что в период формирования протогерманского основную массу носителей протобалтийского и протославянского составляли популяции с гаплогруппой R1a. Скорее всего, и носители предполагаемого многими балто-славянского языкового единства имели гаплогруппу R1a.

Таким образом, судя по данным популяционной генетики, можно предположить, что одним из элементов, из которых формировался генетический пул германоязычных народов, была продвигающаяся с востока на запад популяция, которая в эпоху формирования протогерманского говорила на балто-славянском, а позднее на протобалтийском и протославянском языках. Носители гаплогруппы R1a были, вероятно, и среди носителей культуры шаровых амфор и среди носителей культуры шнуrowой керамики, последнее очевидно, судя по генетическому анализу древних останков. Если правы Рожанский и Клёсов, датирующие появление третьего типа субкладов R1a серединой первого тысячелетия до н. э. (Рожанский,

Клэсов 2009), то вполне вероятно, что распространение этих субкладов среди германоязычного населения, было связано с более поздними германо-балтийскими контактами эпохи лицевых урн. Вероятно, об этом свидетельствует распространение так называемых балто-карпатских и северо-карпатских субкладов R1a, характерных главным образом для Польши и Литвы, ср. их частотность в Германии (14% от всех R1a) и Скандинавии (7% от всех R1a) – (ibid.: 1045, 1074, табл. 1 на с. 995).

7.1.4. Гаплогруппа N1c

Остальные гаплогруппы, характерные для современного германского населения гораздо менее частотны, чем описанные выше. Наиболее заметной из них, особенно в Скандинавии является гаплогруппа N1c (по старой классификации N3). Эта гаплогруппа встречается у ряда народов Сибири, у финно-угорских народов Европы (у удмуртов ее частотность превышает 80%, у финнов в восточной Финляндии 70.9 %, в западной 41.3%, у саамов от 45% до 50%, у эстонцев более 33.9 % – Tambets et al. 2004; Lappalainen et al. 2008). Очень высок процент этой гаплогруппы и гаплогруппы N1b (по старой классификации N2E) и у других финно-угорских народов (Rootsi et al. 2007). У самодийских народов гаплогруппа N1b преобладает: 92% нганасан, 78% энцев и 74% тундровых ненцев являются носителями гаплогруппы N1b (ibid.). Гаплогруппа N1c характерна и для индоевропейских народов северной и северо-восточной Европы, которые либо раньше находились, либо сейчас находятся в контакте с финно-угорскими народами (у латышей около 40%, по другим данным 38%, у литовцев 36%, по другим данным 38%, у русских на севере европейской России 41.3%). Среди германоязычных народов наибольший процент N1c у шведов (11%* – Karlsson et al. 2006; Lappalainen et al. 2008; Distribution 2011), причем в северной и центральной Швеции он заметно выше чем в южной и западной (ср. 12.5% в Вестманланде, 12.1% в Уппланде и 15.4% в Сёдерманланде – Lappalainen et al. 2008: 64). В Вестерботене этот процент доходит до 37% (Karlsson et al. 2006: 968). У норвежцев процент N1c меньше (около 5.5%* – Passarino et al. 2002; Dupuy et al. 2006). Однако и здесь процент населения с гаплогруппой N1c убывает с севера на юго-запад (в северной Норвегии ее процент достигает 11%, а в Финмаркене 18.6% – Dupuy et al. 2006). У датчан процент N1c 0.5% (Tambets et al. 2004, table 3), по последним данным 1.5% (Distribution 2011). У голландцев процент N1c еще меньше (0.5%). В северной и восточной Германии процент этой гаплогруппы также незначителен (1.5%), на западе Германии он еще меньше 1% (Distribution 2011), причем в первую очередь она характерна для немцев родом из Восточной Пруссии (germ-dna, 2011), что связано, по-видимому, с тем, что у пруссов процент N1c был высок (ср.,

процент N1c у современных балтийских народов). Не отмечают гаплогруппы N1c на Британских островах и в Нормандии. Очень низка ее частотность и в Исландии (1%) – Distribution 2011.

Считается, что N1c появилась в Китае около 35 000 лет назад и в эпоху позднего плейстоцена (около 14 000–12 000 лет назад) она достигла северной Европы. При этом северо-восточная Европа считается центром вторичной экспансии N1c на запад (Rootsi et al. 2007). Генетики полагают, что гаплогруппа N1c распространилась в Скандинавии с востока 3000–2000 лет до н. э. (ibid.: 210). Возможно, эта вторичная экспансия и была связана с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики, которые появились в Скандинавии именно в это время.

Незначительное присутствие гаплогруппы N1c на севере Германии (1.5%), которая традиционно считается одной из центральных областей формирования протогерманского, может быть объяснено несколькими причинами. Возможно, мы имеем дело в данном случае с вытеснением («вымыванием») здесь этой гаплогруппы. В ряде случаев можно наблюдать очень быстрое изменение частотности (а возможно и полное исчезновение) древних гаплогрупп¹⁷⁷ в результате процессов, которые в популяционной генетике определяются как «дрейф генов»¹⁷⁸ и «эффект основателя»¹⁷⁹. Можно предположить и распространение языковых инноваций, которые мы связываем с финно-уграми или уральцами, без распространения генов, случай не менее частый, чем их распространение, которое следует за распространением генов. Однако не исключено, что малая частотность гаплогруппы N1c в Германии, Голландии и Исландии и отсутствие ее у потомков англов, саксов и ютов, а также скандинавов на Британских островах, также как и ее отсутствие в Нормандии может свидетельствовать о том, что эта гаплогруппа распространилась в Скандинавии только после эпохи викингов. Все это может поставить под сомнение предположение об угро-финском влиянии на протогерманский (сдвиг ударения, долгие согласные,

¹⁷⁷ В частности митохондриальная гаплогруппа I (mtDNA) была гораздо более частотна на территории Дании в начале нашей эры (13%), чем у современных датчан (2.5%), а частотность митохондриальных гаплогрупп U4 и U5 в Дании, появление которых относят к мезолиту, резко уменьшается к железному веку и с эпохи викингов приобретает частотность, соответствующую современной (Melchior 2010).

¹⁷⁸ Дрейф генов – ненаправленное случайное изменение частотности вариантов генов в популяции, ведущее к уменьшению генетического разнообразия и к увеличению различия между популяциями.

¹⁷⁹ Эффект основателя – уменьшение генетического разнообразия популяции, проявляющееся в закреплении и распространении мутации, характерной для одного из представителя популяции (основателя). Часто связан с миграцией.

закон Вернера, противопоставление центральной и периферийной акцентуации и, возможно, изменение $/\bar{a}/ > /\bar{o}/$). Однако редкость хромосомных гаплогрупп, характерных для финно-угорских народов у части народов, говорящих на германских языках (прежде всего сюда относятся народы, говорящие на западногерманских языках, у которых процент N1c составляет от 0.5% до 1.5%), не означает отсутствие генетических связей германцев с финно-уграми. Фактическое отсутствие N1c в Британии и низкая ее частотность у западных германцев и в Исландии может быть связана с тем, что основная часть браков между германцами и финно-уграми, а позднее между скандинавами и саамами в эпоху викингов были браками германских (а позднее скандинавских) мужчин с финно-угорскими (а позднее саамскими) женщинами, потомки которых естественно не сохранили хромосомных гаплогрупп, которые передаются только от отца к сыну. О браках скандинавов и саамов в эпоху викингов есть множество исторических свидетельств, ср., напр.: известную историю женитьбы норвежского короля Харальда Прекрасноволосого на саамке Снёфрид и женитьбу легендарных скандинавских королей на саамских женщинах, о чем рассказывали Снорри и Саксон Грамматик (подробнее об этом см. Kusmenko 2008: 317–351, там же литература). При такой направленности браков хромосомные гаплогруппы не покажут нам генетических связей, и мы должны обратиться к митохондриальным гаплогруппам, которые передаются по женской линии.

7.2. МИТОХОНДРИАЛЬНЫЕ ГАПЛОГРУППЫ GERMAНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ (МТДНК)

Поскольку митохондриальные гаплогруппы у древних останков определяются гораздо легче, чем хромосомные, есть возможность сравнить их распределение в древние эпохи с современным состоянием. Хотя набор митохондриальных гаплогрупп остался в значительной степени почти тем же, что и в верхнем палеолите, мы можем наблюдать значительные колебания в частотности их распространения.

В отношении истории митохондриальных гаплогрупп генетики также предлагают две модели. По одной из них почти все митохондриальные гаплогруппы сохраняются в Европе со времен верхнего палеолита и по мере таяния ледника двигаются на север.

Сайкс предполагает, что основные европейские митохондриальные гаплогруппы распространились в центральной и северной Европе по мере таяния ледника 11 000–14 000 лет тому назад (U, H, V, I, W, T, K) и только гаплогруппа J (вместе с дополнительными небольшими потоками H, T, K) появилась в Европе в эпоху неолита 8 500 лет назад (Sykes 1999: 137). Даже сторонники гипотезы о том, что основные хромосомные гаплогруппы распространились в

Европе в результате миграции земледельцев с Ближнего Востока и Анатолии, считают, что основные митохондриальные гаплогруппы сохранились (и сохраняются) со времен палеолита (Balaresque et al. 2009), т. е. пришельцы мужчины брали в жены местных женщин.

Ряд генетиков, однако, полагает, что европейские аграрии раннего неолита являются генетически новым населением не только по мужской линии, и значительная часть митохондриальных гаплогрупп также появилась вместе с хромосомными гаплогруппами в период неолитической революции из Анатолии и Ближнего Востока, поскольку анализ останков эпохи ленточной керамики в Европе показывает сходство с гаплогруппами современного населения этих регионов (Naak et al. 2010)¹⁸⁰.

Если у хромосомных гаплогрупп можно установить определенную связь и с языками, и с археологическими культурами (ср., в частности определенную связь балтийских и славянских языков и культур шаровых амфор и шнуровой керамики с гаплогруппой R1a и кельтских и итальянских языков и культуры колоколовидных кубков с гаплогруппой R1b), то установить какую-либо связь мито-

¹⁸⁰ Такой вывод делается на основании отличия частотности митохондриальных гаплогрупп HV, J и U3 в останках эпохи ленточной керамики от частотности этих гаплогрупп в современной Европе, с одной стороны, и сходству их частотности с частотностью этих гаплогрупп на Ближнем Востоке (Naak et al. 2010: 6), с другой. Этот вывод, однако, не кажется вполне убедительным, поскольку частотность гаплогрупп может меняться со временем и без миграции населения. Данные Хаака с соавторами (Naak 2010, table 1) свидетельствуют о том, что распределение митохондриальных гаплогрупп в центральной Европе в эпоху ленточной керамики отличалось от современного: у 25 останков с определяемыми митохондриальными гаплогруппами из захоронения Деренбург (Германия), около 5000 до н. э., наиболее частотной оказывается гаплогруппа T (у шести останков), K (4), J, H, HV, N1 (по 3), W (2), V (1), U (1). При этом процент N1 в останках из Деренбурга по данным Хаака с соавторами составлял 13.6% (ibid., 4) а в более ранней публикации посвященной генетическому анализу останков эпохи ленточной керамики в Германии он был еще больше (Naak et al. 2005). В современной Европе митохондриальная гаплогруппа N1 фактически не встречается (0.2%) (Naak et al. 2005). Другие митохондриальные гаплогруппы имеют в эпоху ленточной керамики совершенно иную частотность (см., напр., H – 13.6% в эпоху ленточной керамики (Naak et al. 2010: 3) и 41.5% в современной Германии (Distribution 2011). Судя по раскопкам в Деренбурге, носители культуры ленточной керамики генетически отличалось и от предшествующего населения охотников и собирателей и от современного населения Европы и по митохондриальным гаплогруппам (высокая частотность N1a, T, K W), и по немногим установленным хромосомным гаплогруппам (F* (2), G2a3 (1) (Naak et al. 2010: 6). Таким образом, оказывается, что частотность ряда гаплогрупп эпохи ленточной керамики отличается и от частотности предшествующих и от частотности последующих эпох, ср., в частности, распределение гаплогрупп H, T, K, W и особенно N1a.

хондриальных гаплогрупп с языками и археологическими культурами и географическими ареалами фактически невозможно. В захоронениях магдаленской культуры в южной Германии (13 400 г. до н. э.), культуры линейно-ленточной керамики в Заксен-Анхальте (5500 г. до н.э.), культуры Кунда (6250 г. до н. э.) и нарвской культуры в Прибалтике (4200 г. до н. э.), культуры ямочной керамики в Швеции (2800–2000 г. до н. э.), культуры колоколовидных кубков в Дании (2300 до н. э.), культуры шнуровой керамики в северной Германии (2600 г. до н. э.) мы находим фактически идентичный набор митохондриальных гаплогрупп H, U4, U5, U5a, U5b, V, T, I, K1a2, K1b (Мансо 2011). Анализ древних останков показывает, что гаплогруппы типа H, V, U4 и U5 и сохранились в Европе с донеолитических времен, причем частотность гаплогрупп типа H в Европе увеличивалась, а частотность родственной ей гаплогруппы V и гаплогрупп типа U постепенно уменьшалась (см., напр.: Haak et al. 2010; Melchior et al. 2010).

Тот факт, что митохондриальные гаплогруппы современного населения Европы гораздо в меньшей степени, чем хромосомные гаплогруппы коррелируют с археологическими культурами и языками объясняется и тем, что митохондриальных гаплогрупп меньше, чем хромосомных, но еще в большей степени тем, что они оказываются гораздо менее мобильными, чем хромосомные гаплогруппы, т. е. в ряде случаев миграции мужчин сопутствует сохранение аборигенного женского населения. Такой относительной генетической стабильности может сопутствовать языковая нестабильность, т. е. частая смена языка в связи со сменой хромосомных партнеров.

Как правило, митохондриальные гаплогруппы более или менее равномерно распределены в Европе, хотя в ряде периферийных областей (в частности на севере Скандинавии) их процентное распределение резко отличается от остальной Европы. Для современного германоязычного населения, кроме самой частотной гаплогруппы H, характерны гаплогруппы U (от 15% в Германии до 36% в южной Швеции (Kittles et al. 1999)¹⁸¹, T (от 10% в Исландии до 14% в Голландии), K (U8) (от 3% в Швеции до 10.5% в Дании), J (от 1.5% до 12% в Норвегии) – (Distribution 2011). Частотность остальных гаплогрупп не превышает 5%. Необычно высок процент V в южной Швеции (43%), соответствующий только проценту V у саамов (40%) - (Kittles et al. 1999). Рассмотрим подробнее две наиболее распространенные среди германоязычного населения митохондриальные гаплогруппы H и U и гаплогруппу V.

¹⁸¹ Приводятся только цифры наибольшей и наименьшей частотности этих гаплогрупп в германоязычных странах.

7.2.1. Гаплогруппа Н

Наиболее частотной митохондриальной гаплогруппой в Европе оказываются гаплогруппы типа Н, прежде всего гаплогруппы Н1 и Н3. Причем частотность Н1 превышает частотность Н3. Процент частотности современного распределения гаплогрупп Н в германоязычных странах почти не отличается от процента их частотности у соседей германоязычных народов, независимо от их языковой принадлежности. Процент Н в Норвегии, Швеции, Дании и северной Германии в некоторых областях может достигать 50% (Achilli et al. 2004). В современной северной Европе Н наиболее частотна у норвежцев (30%), у современных шведов 28.6% (Malmström et al. 2009: 3, fig. 2). В центральной Германии процент Н – 35%-40%. Соотношение Н, Н1 и Н3 у голландцев соответствует их соотношению в Скандинавии и Германии (Н – 38.2%) (Achilli 2004). Высок процент Н и у исландцев (39.4%) (Helgason et al. 2000).

Если мы сравним частотность гаплогруппы Н с ее частотностью у других народов Европы, то увидим, что фактически только баски, у которых процент Н несколько выше: Н 51.9%, (Н1 27.8%, Н3 13.9%) (Achilli et al. 2004: table 1), отличаются от германоязычных народов. В остальной Европе частотность Н в основном соответствует ее распределению у германоязычных народов, см. частотность Н у романоязычных народов (французы Н – 47.2%, север Италии Н – 49.9%) или славяноязычных народов (см., напр.: поляки Н – 37.2%) (Achilli 2004: рис. 2, 3). У прибалтийско-финских народов сравнительно частотной оказывается Н1 (эстонцы 16.7%), при обычном для Европы низком проценте Н3 (2.6%).

Можно обнаружить определенную закономерность в распределении Н. Ее частотность незначительно убывает с юго-запада на северо-восток Европы. Резко отличаются от других европейских народов только саамы, у которых по данным Тамбертса с соавторами процент Н колеблется от 2.9% у финских саамов до 4.7% у норвежских саамов, при этом Н1 обнаруживают только у норвежских саамов (4%), причем низкая частотность Н отличает саамов и от финно-угорских народов европейской России, у которых частотность гаплогрупп Н (40%) и Н1 (13.6%) соответствует их частотности в остальной Европе (Achilli et al 2004).

Раньше считалось, что гаплогруппа Н появилась 30 000–25 000¹⁸² лет назад на Ближнем Востоке и распространилась в Европе в связи со второй волной переселения в эпоху палеолита в период распространения граветтианской культуры. Акилли с соавторами датируют гаплогруппу Н более поздним временем, считая, что она появилась около 18 400 ($\pm 2 000$) лет тому назад, а гаплогруппы Н1 и Н3 еще моложе (соответственно 12 800 $\pm 2 400$ и

¹⁸² Торрони с соавторами определяет возраст Н как 22 414–29 545 лет (Torroni et al 1996: 1843).

10 300±2 400 лет – Achilli et al 2004: 915; похожую датировку предлагает Soares с соавторами H – 17 500, H1 – 11 100, H 3 – 11 500 – Soares et al. 2010, tab. 1, 177). Поскольку наиболее частотны гаплогруппы H у басков Испании (см. выше) предполагается, что они распространились в Европе из иберийского убежища по мере таяния ледника (начиная с 13 000 до н. э.), и их вероятными хромосомными партнерами были гаплогруппы R1b и I1b2, если следовать за теми генетиками, которые предполагают появление R1b и I1b2 в северной Европе в эпоху верхнего палеолита (Achilli et al 2004: 917; Soares et al. 2010: 178).

Гаплогруппа H была характерна для центральной Европы эпохи ленточной керамики, где ее частотность, судя по анализу скелетных останков, составляла около 20% (Haak et al. 2010), т. е. гораздо ниже, чем частотность H в современной центральной Европе, что свидетельствует о постепенном увеличении частотности H в Европе за последние несколько тысячелетий.

7.2.2. Гаплогруппы U и V

Второй по частотности гаплогруппой в германоязычных странах являются гаплогруппы типа U (карта 14). Около 21% шведов являются носителями одной из разновидностей U (более всего U5a – 4.6%, U5b – 3.9%, U – 3%, U 4 – 2.9%, U5b1b – 2.0% и т. п.) – (Lappalainen et al. 2008), по другим данным частотность U у шведов составляет 16% (в том числе U 4 – 7%, U 5 – 6.5%) (Torroni et al 1996: 1839; Distribution 2011). По данным американского генетика Киттлес с соавторами наиболее частотны разновидности гаплогруппы U5 в южной Швеции (36%), причем значительный процент составляет здесь гаплогруппа U5b1 (29%) – (Kittles et al. 1999), которая по своей частотности намного превышает частотность U5b1 в других германоязычных ареалах, но соответствует проценту этой гаплогруппы у саамов (43%). У исландцев гаплогруппы U4 и U5 характерны для 11.1% населения (Helgason 2000, table 3), что ниже, чем в других скандинавских странах, но в целом выше, чем в среднем по Европе, где процент U4 составляет 1.0%, а U5 – 7.0% (ibid.). У датчан общий процент U составляет 22%, причем наиболее частотны U5 (8%) и U 2 (8%), у норвежцев общий процент U – 16.5% (U5 10%, U 4 3%), у немцев – 15% (по другим данным 13.5%, см. Villems et al 2002: 279), причем наиболее частотна U5 (9.5%) – (Distribution 2011).

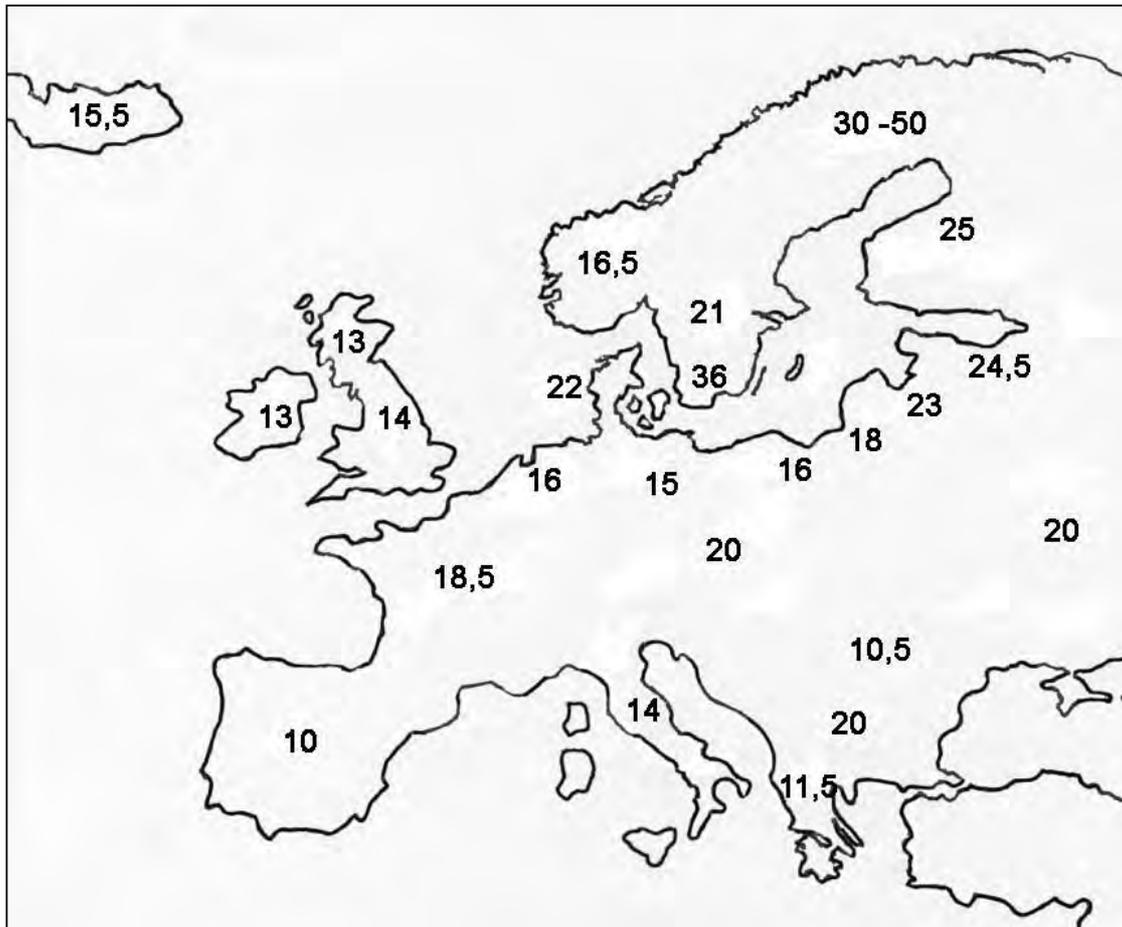

Рис. 14. Распространение гаплогруппы типа U (mtДНК) в Европе

Для сравнения приведем частотность U в других европейских странах с относительно высокой частотностью U. Сходную со шведами картину имеют финны, с несколько отличающейся частотностью гаплогруппы U5b, (всего U 21.6%, по другим источникам 25%) в том числе U5 – 18% (U5b – 8.9%, U5b1b – 5.1%, U5a – 3.8%, U5a1 – 1.3%; U4 – 2.5%),¹⁸³. У эстонцев частотность U – 24.5% (U5 – 16%), у латышей 23% (U5 – 9%), у литовцев 18% (U – 9.5%). У французов частотность U 18.5 % (U5 – 9.5), у поляков U – 16% (U5 8.5%), у итальянцев 14% (U5 – 7%). Высока частотность гаплогруппы U (U4 – 15%, U5 – 12%) и у носителей финно-угорских бассейна Волги (Distribution 2011)

Гаплогруппа U считается самой древней в Европе. Ее возраст определяют временным промежутком между 65 600 и 50 000 лет тому назад (Achilli et al. 2005: 183–185; Sykes 1999: 137; Soares et al. 2010: table 1, fig. 1). Считается, что гаплогруппа U5 появилась в Европе в промежутке между 30 000 и 55 000 лет тому назад (Soares 2010, table 1). Она сохранялась во время ледникового периода в

¹⁸³ Торрони с соавторами дают другой процент частотности U для шведов (16.2%) и финнов (16.3%) (Torroni et al. 1996: 1839, table 4)

одном из убежищ Европы (на Иберийском полуострове или на Украине) и сразу после таяния ледника распространилась по Европе. Сходную судьбу имела U4, появившаяся около 25 000 лет тому назад и сохранявшаяся во время ледника, скорее всего, в убежище в юго-восточной Европе (на Украине).

Считается, что на самом севере Скандинавии среди саамов сохраняется самый высокий процент основных западноевропейских гаплогрупп охотников и собирателей верхнего палеолита и мезолита. От 30% до 50% саамов имеют гаплогруппу mtDNA U5b и 40% являются носителями гаплогруппы V. Согласно Торонни с соавторами процент древних митохондриальных гаплогрупп U5b и V у саамов составляет 78% (Torroni et al. 1998). Этот процент уменьшается по мере продвижения на юг. В Швеции наибольший процент гаплогруппы U5b достигает 10% и процент родственной ей гаплогруппы U5a не превышает 14.3% (в Вэстманланде) – (Lappalainen 2009. tabl. 2).

Анализ древних останков донеолитической эпохи показывает большой процент распространения митохондриальных гаплогрупп U (особенно U5) не только в северной, но и в центральной Европе. Браманти с соавторами обнаруживают останки с гаплогруппой U5, относящиеся к верхнему палеолиту на огромных территориях Европы (Англия, Германия, Польша, Литва, Россия) (Bramanti et al. 2009). Причем ее частотность в донеолитическую эпоху намного превышала ее современную частотность. Хаак с соавторами сообщают, что 28.57% охотников и собирателей Европы имело гаплогруппу U5b (Haak et al. 2010, table 2), что почти соответствует современному распространению гаплогруппы U5b у саамов (от 30% до 50%). Оказывается, что именно саамы с низкой частотностью H и с высокой частотностью U оказываются популяцией, в наибольшей степени сохранившей исконное распределение митохондриальных гаплогрупп H и U.

Очень высокая частотность гаплогрупп типа U у саамов, и сравнительно высокая их частотность у прибалтийско-финских народов (ср. финны 25%) и балтийских народов, которые, судя по распространению среди них носителей хромосомной гаплогруппы N1c находились в длительном контакте с финно-уграми (см. выше), позволяет сделать предположение о том, что в момент формирования протогерманского часть носителей U5 (U5, U5a и U5b) и возможно U4 на севере Европы говорила на финно-угорском языке¹⁸⁴.

Об этом же свидетельствует и генетический анализ древних останков. В Скандинавии у носителей культуры воронковидных кубков были обнаружены только гаплогруппы H, J и T, тогда как у носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, которая свя-

¹⁸⁴ Вопрос о том, когда часть носителей гаплогруппы U5 заговорила на финно-угорском языке я оставляю открытым.

зывается с финно-угорским языком (см. выше), наряду с этими гаплогруппами очень частотны гаплогруппы U4/H1b, U5, U5a. Высокая частотность этих гаплогрупп отличает носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики и от предшествующих носителей культуры воронковидных кубков и от современных скандинавов (Malmström et al. 2010). Судя по данным Мальмстрёма с соавторами именно в эпоху ямочно-гребенчатой керамики в Скандинавии появляются гаплогруппы типа U и V (ibid.), которые являются преобладающими у современных саамов (см. выше.). Сравнение генетического анализа останков разных эпох показывает постепенное увеличение разнообразия митохондриальных гаплогрупп в Скандинавии от трех в эпоху воронковидных кубков и шести в эпоху ямочно-гребенчатой керамики до более 30 у современных шведов (ibid.). Возможно, такая картина связана не с отражением реального распределения гаплогрупп, а с количеством найденных образцов (только три образца эпохи воронковидных кубков, девятнадцать образцов эпохи ямочно-гребенчатой керамики, что не идет ни в какое сравнение с числом обследованных современных шведов). Однако, если отсутствие митохондриальных гаплогрупп среди трех образцов эпохи воронковидных кубков может оказаться случайным, абсолютное преобладание типа U в эпоху ямочно-гребенчатой керамики, где количество обследованных образцов 19, вряд ли случайно.

Процент носителей гаплогрупп типа U в Европе постепенно уменьшался. Так, в частности, на территории Дании частотность митохондриальных гаплогрупп U4 и U5 резко уменьшается к железному веку и с эпохи викингов приобретает частотность, соответствующую современной (Melchior et al. 2010). Однако процент U у современного германоязычного населения остается относительно высоким и более всего соответствует проценту U у финно-угорского населения. Такое состояние может быть связано с германо-финно-угорским контактом эпохи формирования протогерманского, хотя я понимаю, что такая лингвистическая интерпретация генетических данных является только одной из возможных.

На возможное участие финно-угорско-язычного населения в формировании генетического пула германоязычных народов может указывать и совпадение генетического пула саамов с генетическим пулом населения южной Швеции, которое проявляется не только в необычно высоком проценте гаплогруппы U5b1 у населения Сконе (29%), сопоставимого только с процентом U5b1 у саамов (43%), но и в большом проценте гаплогруппы V, процент которой в Сконе достигает 43% (Kittles et al., 1999; Erlingsson 2005, 50), что соответствует только проценту гаплогруппы V у саамов (40%) и резко отличает население южной Швеции от других германоязычных народов (процент V у датчан составляет 2.5%, у немцев и англичан 3.5%, у голландцев 8%, у норвежцев 4%, у остальных шведов 6.5%) и от населения остальной Европы (Kittles et al., 1999;

Erlingsson 2005). Если мы обратим внимание на то, что ни у саамов, ни в Сконе не встречаются mtDNA T, J и K (Erlingsson 2005, 76), то сходство генетического пула жителей южной Швеции и саамов становится еще очевиднее. Появление «саамских» гаплогрупп в южной Швеции может свидетельствовать о сохранении искомого распределения митохондриальных гаплогрупп на реликтовых территориях. Такое состояние может быть интерпретировано двояко. Либо в случае V мы встречаемся со следом аборигенного доиндоевропейского и дофинно-угорского населения (женской его части), которое соединилось позднее с мужским финно-угорским населением на севере Скандинавии (гаплогруппа N1c) и мужским индоевропейским населением на юге Скандинавии (R1a, R1b), либо носители гаплогруппы V и носители гаплогруппы U появились в Скандинавии одновременно с появлением культуры ямочно-гребенчатой керамики, которая часто ассоциируется с прото-финно-уграми. О том, что гаплогруппа V на территории современного германоязычного ареала встречалась уже в 4000 до н. э. свидетельствует анализ древних останков (Haak 2010, 3).

7.3. ВЫВОДЫ

В период появления протогерманского, начало которого по лингвистическим признакам следует отнести к III тыс. до н. э., в его формировании приняли участие в основном носители хромосомных гаплогрупп Y-DNA I1, I21b, R1b, R1a и, возможно, N1c и митохондриальных гаплогрупп U (прежде всего U5 и U4), H и частично V. Менее значителен был вклад носителей митохондриальных гаплогрупп T, J и K.

Анализируя распространение гаплогрупп у современного германоязычного населения и гаплогруппы древних останков, можно попытаться установить генетические корреляты языковых инноваций при формировании протогерманского языка. Субстратная лексика, появление центральной и периферийной акцентуации и, возможно, появление двух типов прилагательных может соответствовать языкам носителей гаплогрупп I1, общие инновации протогерманского с италийским и кельтским могут быть связаны с распространением гаплогруппы R1b. Причем носителями гаплогруппы R1b были и племена так называемого северо-западного блока, что отразилось и в современном распределении гаплогруппы R1b у фризов, голландцев и датчан (убывание R1b с запада на восток). Если мы обратим внимание на современное распределение гаплогрупп на территории бывшего северо-западного блока, то обнаружим там абсолютное преобладание гаплогруппы R1b, убывающей по направлению на север и восток и относительно высокий процент гаплогруппы I2b, тогда как процент носителей гаплогруппы I1 в этой области возрастает с юго-запада на северо-восток,

достигая максимума в Скандинавии. Такое распределение не противоречит предполагаемому по гипотезе Куна италийскому (венетскому), а затем и кельтскому населению на этих территориях, для которых характерен высокий процент R1b (ср. 80% в Ирландии и более 50%-60% в северной Италии). Возможно именно контакты языков носителей гаплогрупп R1b и I2b и привели к формированию протоиталийского, а узкая полоска распространения маркера S-28 (R1b), идущая от Бельгии и Голландии и достигающая Италии (Origins 2011), показывает возможный путь протоиталийского от побережья Северного моря до Италии. Инновации общие у протогерманского с балтийским и славянским коррелируют с распространением гаплогруппы R1a, а общие черты у протогерманского и прото-саамо-финского и могут быть связаны с распространением гаплогруппы N1c на севере центральной Европы, хотя более вероятно их связь с распространением митохондриальных гаплогрупп U, в первую очередь с распространением гаплогруппы U5 и возможно U4. Если наше предположение о финно-угороязычных носителях гаплогрупп U5 и U4 справедливо, и отсутствие N1c у части германоязычного населения, см. выше, не связано с позднейшим «вымыванием» этой гаплогруппы, а отражает более позднее появление носителей гаплогруппы N1c на севере Европы, следует признать существование двух периодов контакта финно-угорского с германским. Первый мог быть связан с влиянием финно-угорского языка носительниц U и возможно V на протогерманский, а второй, с более поздним влиянием и женской (mtDNA U5) и мужской (N1c Y-DNA) части финно-угорского населения. Возможно, первый финно-угорско-протогерманский контакт связан с появлением первой волны финно-угров в северной Европе, которая коррелирует с культурой ямочно-гребенчатой керамики, а более поздний контакт связан с появлением прото-саамского, что отразилось в первую очередь на общескандинавском языке (Кузьменко 2008).

Мы видим, что распространение генетических характеристик современного германоязычного населения также как и генетических характеристик соседей германоязычного населения в период формирования протогерманского частично соответствует распространению языковых инноваций и археологических культур. Однако генетические характеристики оказываются значительно более стабильными и чем лингвистические характеристики и тем более чем археологические культуры. Области распространения упомянутых выше гаплогрупп современного германоязычного населения могут коррелировать фактически со всеми распространенными в северной Европе археологическими культурами. В частности носители гаплогруппы I1 могут принадлежать и культуре Эртебёлле, и культуре воронковидных кубков, и культуре шаровых амфор, и культуре шнуровой керамики и т. д. Однако области концентрации определенных гаплогрупп в Европе показывает более определенную

связь между археологическими культурами и генетическими характеристиками. Так область концентрации II полностью соответствует области распространения культуры Эртебёле и в значительной степени соответствует области распространения культуры воронковидных кубков. Область концентрации Rb1 соответствует области распространения культуры колоколовидных кубков, унегицкой культуры и культуры Зёгель-Вольде, а область распространения культуры шаровых амфор и частично культуры шнуровой керамики соответствует области распространения Ra1.

Таким образом, можно предположить, что три основных хромосомных гаплогруппы современного германоязычного населения могут быть связаны с тремя основными языковыми компонентами протогерманского. Неизвестный язык носителей гаплогруппы II принес в протогерманский часть лексического состава, центральную и периферийную акцентуацию и, возможно, две формы прилагательных. Носители гаплогруппы R1b предопределили последовательное распространение признаков общих для протогерманского и итало-кельтского, затем протогерманского и италийского, затем протогерманского и оско-умбрского и, наконец, протогерманского и кельтского, причем в последнем случае была затронута только лексика. Носители гаплогруппы R1a определили последовательное распространение признаков, общих для протогерманского и балтославянского и затем протогерманского и балтийского. Распространение четвертого (финно-угорского) компонента протогерманского могло быть связано не только с распространением хромосомной гаплогруппы N1c, но, прежде всего, с распространением митохондриальных гаплогрупп U и, возможно, V.

Такая модель ставит вопрос о хронологическом соответствии движения генов движению языковых признаков. Если первые языковые различия, отделившие протогерманский от других индоевропейских языков, прежде всего итало-кельтского и балтославянского, появились в III тыс. до н. э., то предполагаемое рядом генетиков появление гаплогрупп R1b и R1a (наиболее частотных гаплогрупп индоевропейских народов) на севере центральной Европы в верхнем палеолите или в начале неолита оказывается намного старше, чем наша реконструкция, относящая появление первых протогерманских признаков к III тыс. до н. э. Такое хронологическое несоответствие особенно заметно, если принять точку зрения генетиков, относящих появление гаплогрупп R1b и R1a на севере Европы к периоду таяния последнего ледника (10 000 г. до н. э.), см. выше., однако оно заметно и при гипотезе об их появлении вместе с земледельцами из Анатолии и Ближнего Востока в эпоху неолитической революции. Еще более очевидно несоответствие по времени между распространением митохондриальных гаплогрупп U и появлением финно-угорского языка на интересующей нас территории. Если справедливы датировки генетиков, предполагающих, что и

современный генетический пул народов северной Европы, и основное распределение гаплогрупп на территории северной Европы сложились в основном в верхнем палеолите или раннем неолите, то предположение о том, что языковые признаки распространялись вместе с распространением генов предполагало бы гораздо более раннее появление и индоевропейского и протогерманского, чем это принято считать. Такой сценарий кажется лингвистически маловероятным.

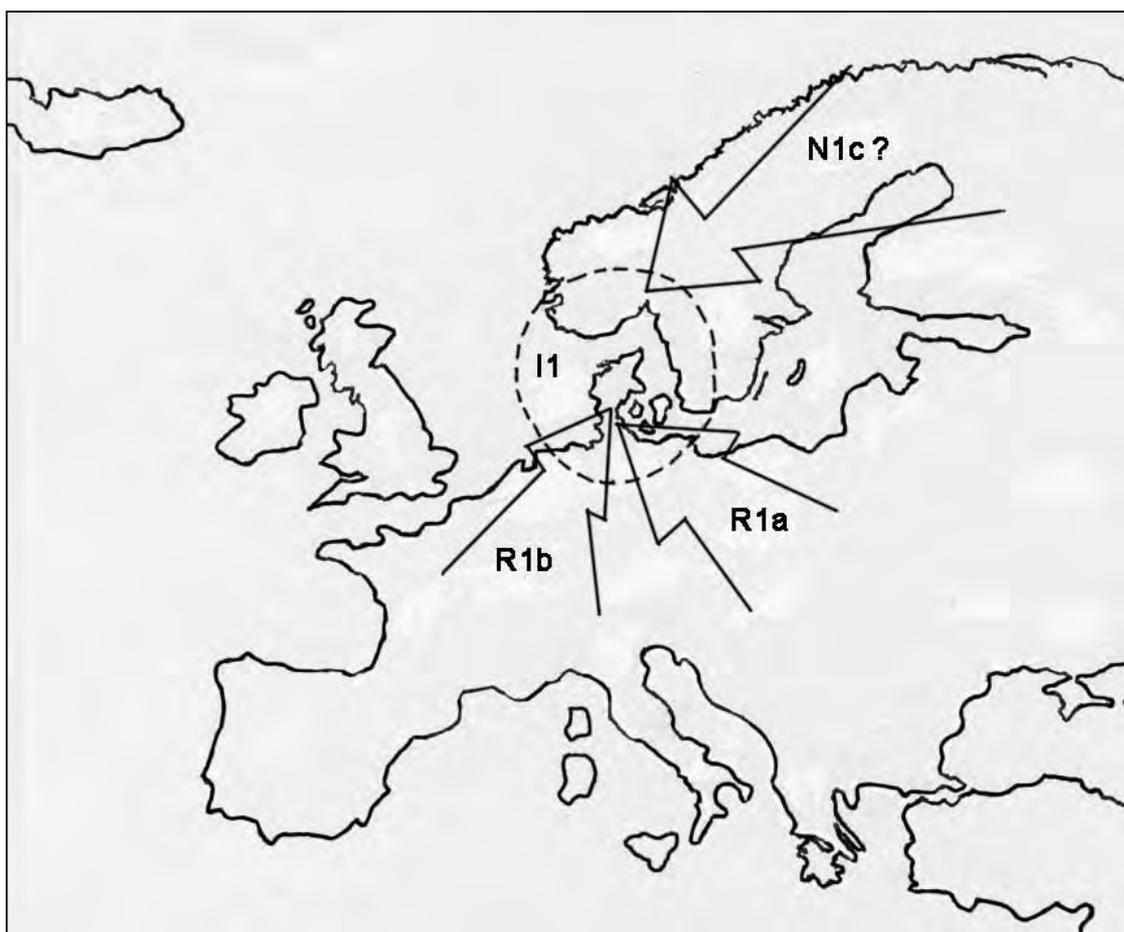

Рис. 15. Распространение хромосомных гаплогрупп в 3000–1000 гг. до н. э.

Предположение же о том, что эти гаплогруппы появились на севере центральной Европы сразу после окончания последнего ледникового периода (см. выше) означает, что хромосомные гаплогруппы, характерные для современного населения северной Европы, распространились там задолго до появления протогерманского. В таком случае получается, что индоевропейский язык попал на север центральной Европы позднее, чем гаплогруппы R1a и R1b. И попал он туда не в результате миграции населения, а в результате культурной диффузии, т. е. распространения языка без миграции населения. Соответственно, надо предположить, что и носители R1a

и носители R1b сменили язык на индоевропейский, что, судя по современным данным возможно для носителей R1b (см. выше), но не подтверждается для носителей R1a. Такой сценарий развития представляется все же менее предпочтительным, чем гипотеза о сравнительно позднем (не ранее 3000 г. до н. э.) появлении R1a и R1b на севере Европы, которая не только соответствует лингвистическим данным, но и подтверждается генетическим анализом древних останков.

Наша реконструкция, предполагающая появление языковых признаков, отличающих протогерманский от языка соседей только начиная с середины или конца III тыс. до н. э. подтверждает предположение о сравнительно позднем появлении гаплогрупп R1a и R1b на севере Европы (ср. особенно Клёсов 2008; Рожанский, Клёсов 2009), о чем свидетельствует и генетический анализ древних останков, свидетельствующий о появлении R1a на севере центральной Европы в III тыс. до н. э. (Мансо 2009), и, возможно, о еще более позднем появлении там гаплогруппы R1b¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Самый древний образец R1b, найденный на интересующей нас территории относится к 1000 г. до н.э. (Мансо 2009).

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение инноваций, которые привели к образованию общегерманского языка, показывает, что в период его формирования (протогерманский период), который предположительно продолжался около двух тысяч лет (со второй половины III тыс. до н. э. до второй половины I тыс. до н. э.), германский язык находился в тесном контакте с италийским, балтийским и саамо-прибалтийско-финскими языками, а возможно и с языками первой волны уральцев в Европе (рис. 10). Причем время этих контактов и тип контактов были различным. Начало формирования общегерманского, т. е. появление первых признаков, отличающих германский от индоевропейских языков соседей, следует относить ко второй половине третьего тысячелетия до н. э., когда появляются первые общие германо-кельто-италийские и германо-балто-славянские инновации, особое сочетание которых может свидетельствовать о формировании германской языковой общности. По-видимому, почти в это же время имели место контакты с языком, который был родственен прото-саамскому и прото-прибалтийско-финскому. Контакты с угро-финским населением на севере центральной Европы и на юге Скандинавии прекратились после германизации угро-финнов в начале II тыс. до н. э., контакты с италийцами прекратились после их ухода на юг в бронзовом веке (1300 г. до н. э. – 900 г. до н. э.) и (или) кельтизации или германизации оставшихся италийцев. Место ушедших или кельтизованных италийцев заняли кельты в первой половине I тыс. до н. э., а контакты с восточными соседями германцев, балтами, прекратились в конце I тыс. до н. э., начале I тыс. н. э., когда между балтийским и германским появился (западно)славянский.

Определение того, с какими археологическими культурами коррелируют лингвистические данные, дает не всегда однозначный результат. Вероятнее всего, итало-кельтский языковой элемент был в культуре колоколовидных кубков, восточная граница которой проходила между Эльбой и Одером. Возможно, италийский языковой компонент присутствовал и в северных областях распространения унетицкой культуры в центральной Европе. По-видимому, самым северным этносом унетицкой культуры (к югу от германцев) и связанной с ней более поздней культурой Зёгель-Вольде (к юго-западу от германцев) и Лужицкой культурой (расположенной к югу и частично юго-востоку от германцев) были северные италийцы, которых германцы, возможно, называли венетами. Что касается языковой принадлежности более поздних культур Штаде и Харпштедт-Ниенбург, расположенных на территории бывшей культуры Зёгель-Вольде, то не исключено, что вхождение культуры Штаде в

культуры «Северного круга» могло означать уже ее языковую германизацию, а в культуре Харпштедт-Ниенбург возможен уже и кельтский языковой компонент.

Археологические данные не противоречат лингвистическим данным, свидетельствующим о более длительном контакте с германцами языковых предков осков и умбров, чем предков фалиско-латинян. Появление последней группы италийцев в Италии в 900 г. до н. э. (культура вилланова) может означать, что последние италийцы ушли с северо-запада центральной Европы, где они были соседями германцев, в начале I тыс. до н. э.

Лингвистические данные показывают, что балты были соседями германцев с начала формирования общегерманского языка и оставались их соседями до самого конца эпохи формирования общегерманского. Возможно, истоки балтов следует искать в культуре шаровых амфор, которую сменила культура шнуровой керамики, образовав приморскую культуру (Haffküstenkultur). Следующая по времени Лужицкая культура должна была на территории прилегающей к Балтийскому морю иметь балтийский языковой компонент, а на юго-западе и италийский языковой компонент. Балтийский продолжал оставаться соседом германского и в эпоху культуры лицевых урн, вероятно последняя эпоха непосредственного тесного контакта балтийского и германского в эпоху формирования общегерманских инноваций, от которой сохранились балтийские топонимы к западу от Одера.

Наконец, третий компонент формирования германского представлял язык, который по своим признакам (начальное ударение, долгие согласные, чередование ступеней > закон Вернера) соответствовал финно-угорскому языку. Более всего предположению о раннем финно-угорско-германском контакте соответствует контакт культуры ямочно-гребенчатой керамики, распространенной не только в Восточной Европе, включая Польшу, но и в южной Скандинавии с земледельческими культурами этих областей, в том числе с культурой шаровых амфор и шнуровой керамики, распространенными в южной Скандинавии и северной Германии. Слияние культуры охотников и собирателей культуры ямочно-гребенчатой керамики с земледельческими культурами в начале II тыс. до н. э. может означать и окончательную смену языка первой волны финно-угров. Это время появления германо-саамо-прибалтийско-финских инноваций (сдвиг ударения на корень 11, появление долгих согласных 12 и закон Вернера 15e), часть из которых проникла и в италийский и в кельтский (11, 12). Впоследствии тесные контакты германцев с финно-уграми (квенами и саамами) продолжались уже в центральной и северной Скандинавии. Особо тесными они стали на Скандинавском полуострове в середине I тыс. н. э., что способствовало появлению особенностей скандинавских языков, отличающих их от других германских языков (Kusmenko 2008).

Если мы теперь обратимся к археологическим культурам эпохи формирования общегерманского, то наши выводы оказываются вполне традиционными. Языковые особенности протогерманского начали формироваться во второй половине III тыс. до н. э. в эпоху культур шаровых амфор, шнуровой керамики и колоколовидных кубков, которые взаимодействовали и с культурами воронковидных кубков и с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Признаки протогерманского продолжали формироваться в эпоху культуры «Северного круга», которая, в отличие от предыдущих культур, была в основном моноязычной. В это время протогерманский соприкасался с соседними языками только на границах своего распространения, с юго-запада он граничил с протоиталийским, а затем с прото-оско-умбрским, с юго-востока с протобалтийским. Вероятно, постепенное увеличение области распространения культуры «Северного круга» на юг (ср. культуру Штаде, культуру Люнебургской пустоши и Биллендорфскую культуру) связано с постепенной экспансией германского языка, которая продолжалась и в эпоху Ясторф (600–1 г. до н. э.), хотя в эпоху Ясторф уже появляются заметные археологические отличия между северо-германской и скандинавской культурой.

Поскольку первые отличия языка германцев от языков соседей начали формироваться в III-м – начале II тыс. до н. э., можно было бы предположить и начало формирования германского этноса в этот период, однако, поскольку между этносом и языком нет однозначного соответствия, этот вывод в высшей степени гипотетичен. Однако представляется вполне вероятным, что до середины I тыс. до н. э., т. е. до времени археологической культуры Ясторф существовал единый германский этнос «своих» («свебов / свеев»). Вероятно, этот этнос уже существовал во II тыс. до н. э. Более точно можно определить время распада этого этноса, который прекратил свое существование во второй половине I тыс. до н. э., когда от «своих» (германцев) стали дифференцироваться этносы уже не идентифицировавшие себя со «своими». Этот процесс начался, вероятно, в эпоху археологической культуры Ясторф, когда этническое единство германцев («своих») стало распадаться в результате кельто-германских и римско-германских контактов и, соответственно, стал распадаться общегерманский язык, хотя языковое взаимопонимание сохранялось еще долгое время.

Предлагаемая выше, основанная на анализе языковых инноваций, модель подтверждается данными популяционной генетики. Если мы сравним данные популяционной генетики с анализом генетической структуры останков, то оказывается, что распространение хромосомных гаплогрупп в ареале формирования протогерманского языка в значительной степени соответствует распространению протогерманских инноваций. Ареал распространения соседних с протогерманским с востока языков протобалтийского и протосла-

вянского соответствует ареалу наибольшей концентрации распространения гаплогруппы R1a, а ареал распространения протоиталийского и протокельтского соответствует ареалу распространения гаплогруппы R1b. Соответственно, в германоязычном ареале процент распространения R1b убывает с запада на восток, а R1a – с востока на запад. Территории северной Германии и южной Скандинавии оказываются местом встречи двух идущих навстречу друг другу потоков генетических и языковых признаков (рис. 15). Причем оказывается, что лингвистическая картина с чуть большим количеством германо-балто-славянских и германо-балтийских инноваций по сравнению с германо-итало-кельтскими и германо-италийскими более соответствует распределению R1a и R1b в Скандинавии, где процент R1a выше, чем в Германии. Эти данные могут свидетельствовать о справедливости традиционного представления о северной Европе, как об очаге формирования протогерманского.

Третий компонент формирования генетического пула германоязычных народов, который более всего определяет его генетическое своеобразие это, прежде всего, гаплогруппа I1, язык (или языки) носителей которой оставил(и) в протогерманском след в виде неиндоевропейской и нефинно-угорской субстратной лексики и, возможно, центральной и периферийной акцентуации.

Наконец, четвертый (финно-угорский) компонент в формировании протогерманского может быть сопоставлен с участием языка носителей митохондриальной гаплогруппы U 5 (а возможно и mtDNA U4) и, возможно V, в формировании протогерманского. О том, что одним из языков носителей гаплогруппы U 5 мог быть один из предков современных финно-угорских языков Скандинавии свидетельствует тот факт, что у саамов процент гаплогруппы типа U 5 и V самый высокий в Европе, и эти гаплогруппы наряду с гаплогруппой U4 сравнительно частотны и у других финно-угорских народов.

Таким образом, если сопоставить языковые, генетические и археологические данные можно предположить такую модель формирования протогерманского языка и германского этноса. Протогерманский язык начал формироваться в результате взаимодействия четырех языковых, генетических и культурных (что видно по археологическим данным) компонентов: языка, культуры и геновдвигающихся с востока в сторону северной Германии и южной Скандинавии северо-восточной группы индоевропейских племен (ср. древнейшие германо-балто-славянские инновации, гаплогруппу R1a, культуру шаровых амфор, а затем и культуру шнуровой керамики), и двигающихся с запада носителей языка, культуры и генов северо-западной группы индоевропейцев (ср. древнейшие германо-итало-кельтские инновации, гаплогруппу R1b, культуру колоколовидных кубков) во взаимодействии с языком, культурой и генами аборигенного местного населения (ср. субстратную германскую лексику,

гаплогруппы I2b и I1 и культуру воронковидных кубков) и с языком, культурой и генами первой волной финно-угров на севере центральной Европы (ср. германо-финно-угорские языковые параллели, (гаплогруппы mtDNA U, Y-DNA N1c, культура ямочно-гребенчатой керамики). Доля этих элементов в формировании протогерманского языка, была, вероятно, различной. Почти равной была доля участия западных и восточных индоевропейских соседей ранних германцев в формировании протогерманского, менее заметно финно-угорское влияние и меньше всего видно участие языка аборигенов. Однако не следует забывать, что приведенное выше большое число общих германо-итало-кельтских и германо-италийских инноваций также как и еще большее число германо-балто-славянских и германо-балтийских инноваций охватывает все время существования протогерманского, т. е. от 2500 до 500 года до н.э., тогда как германо-финно-угорские параллели также как и субстратная лексика относятся только к самому первому периоду формирования протогерманского. Контакты же ранних германцев с италийцами продолжался до начала первого тысячелетия до н. э., а контакт с балтами был еще продолжительнее. Иными словами, если на первых этапах своего формирования у протогерманского было четыре основных источника, то к середине II тыс. до н. э. их осталось только два. Генетические (более раннее появление R1a на севере центральной Европы, судя по анализу древних останков) и археологические данные (распространение культуры шаровых амфор) могут быть интерпретированы как возможное свидетельство более раннего прихода на север центральной Европы северо-восточных индоевропейцев, чем северо-западных индоевропейцев (R1b, культура колоколовидных кубков). Однако лингвистические данные трудно интерпретировать таким образом. Судя по всему, древнейшие германо-балто-славянские и германо-итало-кельтские инновации относятся примерно к одному и тому же времени, к концу третьего, начале II тыс. до н. э. Формирование протогерманского языка продолжалось во II тыс. до н. э., когда появились новые протогерманские инновации в результате контакта с итало-кельтским, а затем и с италийским и с балто-славянским, а затем с балтийским. По-видимому, продолжался и контакт с «финнами» на севере Скандинавии, хотя значительная часть «финнов» на юге Скандинавии уже в это время, судя по археологическим данным, сменила язык на германский. Еще раньше, вероятно, смена языка произошла у аборигенов северной Германии и южной Скандинавии, носителей культуры воронковидных кубков. Генетический пул, однако, продолжал оставаться качественно тем же, что и во второй половине III тыс. до н.э., однако частотность гаплогрупп, как показывает нам анализ древних останков, менялась.

Наиболее вероятная территория формирования протогерманского языка и протогерманского «свебского» этноса «своих» –

южная Скандинавия и северная Германия, как традиционно и было принято считать. Начало формирования протогерманского языка конец III тыс. до н. э. Время появления германского этноса определить трудно, однако, скорее всего, он сформировался не раньше конца III тыс. до н. э. Более точно можно предположить время распада этого этноса – середина или вторая половина I тыс. до н. э.

Общегерманский язык сложился к середине I тыс. до н. э., и, начиная с этого времени, происходят изменения, приведшие к образованию отдельных групп германских языков (восточно-германская группа, западно-германская группа и скандинавская группа, причем, возможно, первичным было двоичное деление). В это же время начинает распадаться и единый германский этнос свебов/свеев «своих», однако это уже тема другой книги.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И., 1958: Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I. М.; Л.
- Алексеев В. П., 1986: *Этногенез*. М.
- Амбразас В. (ред.), 1985: *Грамматика литовского языка*. Вильнюс.
- Базылев В. Н., 1990: К интерпретации суффикса «слабого претерита» германских языков в свете типологических исследований // *Сборник научных трудов Вып. 364. Типология языков: теоретические и прикладные аспекты*. М. 41–46.
- Барроу Т., 1976 (1959): *Санскрит*. М.
- Баталова Р. М., 1993: Коми (-пермяцкий) язык // *Языки мира. Уральские языки*. М., 229–239.
- Брей У., Трамп Д., 1990: *Археологический словарь*. М.
- Бромлей Ю. В., 1983: *Очерки теории этноса*. М.
- Бубрих Д. В., 1949: *Грамматика литературного коми языка*. Ленинград.
- Валецкене 1958: *Употребление местоименных форм прилагательных в современном литовском языке*. Автореферат канд. дисс. Вильнюс.
- Ванагас А. П., 1985: Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов // *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов*. Москва 119–123.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., 1984: *Индоевропейские языки и индоевропейцы*. Т. 1. Тбилиси.
- Георгиев В., 1958: *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*. М.
- Георгиев В., 1959: Балтославянский и германский // *Slavia* ̋. 23. 1–11.
- Герценберг Л. Г., 2010: *Краткое введение в индоевропеистику*. СПб.
- Гимбутас М., 2004 (1963): *Балты. Люди янтарного моря*. М.
- Грабис Р., 1966: Латышский язык // *Языки народов СССР*. М. 466–499.
- Гринавецкис В., 1964: Историческое развитие ударений и интонаций в жемайтских говорах литовского языка (в сравнении с латышским) // *Славянская и балтийская акцентология*. М. 3–17.
- Гринавецкис В., 1970: *История фонетики жемайтских говоров*. Вильнюс.
- Гринавецкис В.З., 1982: Развитие аттракции ударения в говорах литовского языка // *Вопросы языкознания* № 4. 102-108.
- Денисова Р. Я., 1975: *Антропология древних балтов*. Рига.
- Десницкая А.В., 1964: Проблема диалектного членения индоевропейской языковой общности и исследование В. Порцига // *Порциг В. Членение индоевропейской языковой области*. М. 5–26.
- Десницкая А. В., 1965: Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики // *ВЯ* № 6. 24–43.
- Дыбо В. А., 1961: Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. М. 9–34.
- Дыбо В. А., 2006: Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // *Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы*. Кн. 1. М. 75 –94.

- Жирмунский В. М., 1964: *Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков*. М.; Л.
- Иванов Вяч. Вс., 1979: Лингвистическая проблематика этногенеза славян в свете отношений славянского и балтийского к другим индоевропейским языкам // *Комплексные проблемы истории и культуры народов центральной и юго-восточной Европы*. М. 27–34.
- Иванов Вяч. Вс., 1983: *История славянских и балканских названий металлов*. М.
- Казанский Н. Н., 2004: Синкопа в латинском языке и проблемы фразовой интонации // *Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания СПб ГУ*. СПб. 99–111.
- Казанский Н. Н., 2001: Именные формы глагола в индоевропейских языках (грамматика порядков и проблема реконструкции) // *Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского*. СПб. 144–153.
- Казанский Н. Н., Солопов А. И., 2001: Изучение исторической грамматики латинского языка на современном этапе // *И. М. Тронский, Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. М. 489–525.
- Калыгин В. П., 2003: Этнонимика и теонимика древних кельтов // *Этимология 2000-2002*. М. 222–233.
- Калыгин В. П., 2011: Проблема индоевропейской этнонимии // *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. Вып. XI. М. 180–189.
- Калыгин В. П., Королев А. А., 1989: *Введение в кельтскую филологию*. М.
- Кацнельсон С. Д., 1949: *Историко-грамматические исследования I. Из истории атрибутивных отношений*. М.; Л.
- Кларк Г., 1953: *Доисторическая Европа*. М.
- Клёсов А., 2008: Загадки «западноевропейской» гаплогруппы R1b // *Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии*. Т. 1, № 4. 568–629.
- Ковалев С. И., 1986: *История Рима*. Л.
- Купер Ш. К., 1987: Типы чередования ступеней в селькупском языке // *Строй самодийских и енисейских языков* / Ред. Ю. А. Морев. Томск. 66–74.
- Кузьменко Ю. К., 1980: Взаимодействие диалектов и фонологические изменения // *Взаимодействие лингвистических ареалов* / Ред. М. А. Бородина. Л. 100–160.
- Кузьменко Ю. К., 1991: *Фонологическая эволюция германских языков*. Л.
- Кузьменко Ю. К., 1995: Этнические контакты в Ютландии и языковые изменения в датских диалектах // *Этнолингвистические исследования. Этнические контакты и языковые изменения* / Ред. М. А. Бородина, Ю. К. Кузьменко. СПб. 1995. 28–60.
- Кузьменко Ю. К., 2008: Кто такие ситоны в Германии Тацита, и почему ими правит женщина? // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII*. СПб. 263–271.
- Курилович Е., 1969: Флексии прилагательных в балтийском и славянском // *ВЯ* № 3.
- Куркина Г. Г., 1986: К проблеме акцентуации в хантыйском языке // *Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов*. Новосибирск. 124–127.
- Кухаренко Ю. В., 1969: *Археология Польши*. М.

- Лер-Сплавинский Т., 1960: К современному состоянию проблемы происхождения славян // *ВЯ* № 4. 20–30.
- Лозе И., 1985: Нарвская культура и ее роль в этногенезе народов восточной Прибалтики // *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов*. 11–20.
- Малеванный А. М., 1983: Этнические и исторические связи славян и иллирийцев // *Античный мир и археология*. Вып. 5. Саратов. 103–114.
- Мартынов В. В., 1961: К лингвистическому обоснованию гипотезы о висло-одерской прародине славян // *ВЯ* № 3. 51–59.
- Мартынов В. В., 1963: *Славяно-германские лексические взаимодействия древней поры*. Минск.
- Мартынов В. В., 2004: *Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян*. М.
- Маслов Ю. С., 1959: Категория предельности неопредельности глагольного действия в готском языке // *ВЯ* № 5. 69–80.
- Мейе А., 1938: *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. Под ред. Р. Шор. М.; Л.
- Мейе, А., 1952: *Основные особенности германской группы языков*. М.; Л.
- Монгайт А. Л., 1973: *Археология западной Европы. Каменный век*. М.
- Монгайт А. Л., 1974: *Археология западной Европы. Бронзовый и железный век*. М.
- Напольских В.В., 1997: *Введение в историческую уралоистику*. Ижевск.
- Немировский А. И., 1957: Племена Италии во II тысячелетии до нашей эры // *Вестник древней истории* № 1 (59). 102–121.
- Непокупный А. П., Быховец Н. Н., Буниятова И. Г. и др., 1989: *Общая лексика германских и балто-славянских языков*. Киев.
- Непокупный А. П., Быховец Н. Н., Пономаренко В. А., 2005: *Очерки по сравнительной семасиологии германских, балтийских и славянских языков*. Киев.
- Одри Ж., 1988: *Индоевропейский язык* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. 24–121.
- Павидис С. Д., 1987: О рефлексах кратких слогаобразующих в германских и балтийских языках // *Системный и функциональный анализ языков*. Рига. 102–107.
- Пизани В., 1966: К индоевропейской проблеме // *ВЯ* № 4. 3–21.
- Поляков О. В., 1991: Реконструкция окончания номинатива аккумулятива единственного числа *o*-основ среднего рода в балтийском и славянском языках // *Известия ОЛЯ* т. 50 № 4. 305–314.
- Поляков О. В., 1992: Славянский аккумулятив единственного числа и один фонетический закон конца слова // *Вопросы языкознания* № 4. 84–90.
- Порциг В. 1964: *Членение индоевропейской языковой области*. М.
- Прокош Э., 1954: *Сравнительная грамматика германских языков*. М.
- Ренфрю К., 1998: Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // *ВДИ* № 3. 112–122.
- Римантене Р., 1985: Роль неманской культуры в образовании балтов // *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов*. М. 7–11.
- Рожанский И., Клёсов А., 2009: Гаплогруппа R1a1: гаплотипы, генеалогические линии, история, география // *Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии*. Т. 2, № 6. 974–1099.

- Розенцвейг В. Ю., 1972: *Языковые контакты. Лингвистическая проблематика*. Л.
- Ромбандеева Е. И., 1973: *Мансийский (вогульский) язык*. М.
- Саусверд Э. Ф., 1985: Некоторые германо-балтийские параллели // *Лингвистические исследования 1985*. М. 168–170.
- СГГЯ 1962 I: *Сравнительная грамматика германских языков* / Ред. М.М. Гухман, В. М. Жирмунский, Э. А. Макаев, В. Н. Ярцева. Т.1. Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики. М.
- СГГЯ 1962 II: *Сравнительная грамматика германских языков* / Ред. М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, Э. А. Макаев, В. Н. Ярцева. Т. 2. Фонология. М.
- СГГЯ 1963 III: *Сравнительная грамматика германских языков* / Ред. М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, Э. А. Макаев, В. Н. Ярцева. Т. 3. Морфология. М.
- СГГЯ 1966 IV : *Сравнительная грамматика германских языков* / Ред. М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, Э. А. Макаев, В. Н. Ярцева. Т. 4. Морфология (продолжение). М.
- Седов В. В., 1979: *Происхождение и ранняя история славян*. М.
- Селищев А. М., 1952: *Старославянский язык*. Ч. 2. М.
- Семереньи О., *Введение в сравнительное языкознание*. М. (перевод издания 1970 года).
- Сизова И.А., 1978: *Становление германского глагольного словообразования*. М.
- Сквайрс, Е. Р., 1984: К вопросу о кельтско-германских изоглоссах // *Вопросы германского языкознания*. М. 89–94.
- Скржинская Е. Ч. 2001: Комментарий // *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica*. СПб.
- Стеблин-Каменский М. И., 1982: Скандинавское передвижение согласных // *Вопросы языкознания* № 1. 48–64.
- Стоколос В. С., 2000: Самодийская проблема севера европейской части России в свете новых археологических данных // *Коренные этносы севера европейской части России на пороге нового тысячелетия*. Сыктывкар. 220–222.
- Таранець В., Ethohim (sic!) *Germanen* в індоЄвропейському мовному контексті // *Науковий вісник Чернівецького університету*. Випуск 165–166. Германська філологія. 218–225.
- Тарантул В. З., 2003: *Геном человека. Энциклопедия, написанная четырьмя буквами*. М.
- Терешкин Н. И., 1966: Хантыйский язык // *Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки*. М. 319–342.
- Терещенко Н. М., 1993: Энецкий язык // *Языки мира. Уральские языки*. М., 343–349.
- Толстой Н. И., 1957: Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 2. М. 43–122.
- Топоров В. Н., 1966: К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях к западу от Вислы // *Baltistica* 1. 103-111.
- Топоров В. Н., 1983: Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы // *Балто-славянские исследования 1982*. М. 263-272.

- Тронский И. М., 2001: *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. М.
- Трубачев О. Н., 1983: *Этимологич. словарь славянских языков*. Т. 9. М.
- Трубачев О. Н., 1992: Этногенез славян и индоевропейская проблема // *Этимология 1988–1990*. М. 12–27.
- Фасмер М., 1971: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. М.
- Феоктистов А.П., 1993: Эрзянский язык // *Языки мира. Уральские языки*. М. 190–208.
- Фогт Г., 1961: Заметки по армянскому консонантизму // *ВЯ*. № 3. 40–43.
- Хааг К., 1955: О границах диалектов // *Немецкая диалектография* / Пер. Н. А. Сигал, предисловие, комм. В. М. Жирмунского. М. 70–91.
- Хайду П. 1993: Уральские языки // *Языки мира. Уральские языки*. М. 7–19.
- Хакулинен Л., 1955: *Развитие и структура финского языка* (перевод с финского). Ч. 2. М.
- Ходорковская Б. Б., 1978: Система интерпунктации в древнеиталийской письменности и ее связь с геминацией согласных // *Acta antiqua*. Т. 26, fasc. 4. 361–370.
- Ходорковская Б. Б., 1979: Итальянский дентальный претерит и проблема латинского имперфекта // *Вопросы языкознания* № 3. 106–118.
- Хонти Л., Хантыйский язык // *Языки мира. Уральские языки*. М. 301–319.
- Чемоданов Н. С., 1962: Германские, балтийские и италийские языки // *Вестник МГУ* № 1. 33–39.
- Шмальstieg В. Р., 1992: Положение древнепрусского в кругу северной ветви индоевропейских языков: окончание номинатива-аккузатива ср. рода единственного числа как изоглосса, объединяющая балтийский, славянский и германский // *Вопросы языкознания* № 3. 31–43.
- Шухардт Г., 1950: К вопросу о языковом смешении // *Избранные статьи по языкознанию*. М. 174–184.
- Эндзелин И. М., 1951: О латышско-финских языковых связях // *Памяти академика Щербы*. Сборник статей. Л. 299–304.
- Achilli A. et al.,¹⁸⁶ 2004: The molecular dissection of mtDNA haplogroup H confirms that the Franco-Cantabrian glacial refuge was a major source for the European gene pool // *The American Journal of Human Genetics*. V. 75 N 5. 910–918.
- Aikio A., 2006: On Germanic-Saami contacts and Saami prehistory // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Т. 91. 9–55.
- Agrell S., 1925-1926: *Zur Geschichte des indogermanischen Neutrums*. Lund.
- Alinei M., 2000: An alternative model for the origins of European peoples and languages: the continuity theory // *Quaderni di semantica* 21. 21–50.
- Alinei M., 2002: Towards a generalized continuity model for Uralic and Indoeuropean languages // In: *The Roots of Peoples and Languages of Northern Euroasia IV*. Ed. K. Julku. Oulu. 9–33.
- Ambrazas, S. 1996: The ancient relationship between Baltic and Germanic languages from the stand point of word formation // *The Indo-Europeanization of Northern Europe. Papers presented at the International*

¹⁸⁶ В том случае, когда число соавторов превышает четырех, а в генетических исследованиях список соавторов может занимать три четверти страницы, я ограничиваюсь указанием на первого соавтора и прошу прощения у остальных.

- conference held at the University held at the University of Vilnius Lithuania held at the University, September 1-7, 1994.* Ed. by K. Jones-Bley and M.E. Huld. Washinhton D.C. 126–132.
- Ament, H. 1986: Die Ethnogenese der Germanen aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // *Ethnogenese europäischer Völker aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte.* Stuttgart, New York. 247–256.
- Andersson T. 1972: Norden och det forna Europa // *Namn och bygd.* Bd 60. 5–58.
- Andreocci P., 2008: *Die Germanen bei Caesar, Tazitus und Ammian. Eine vergleichende Darstellug.* Freiburg (Dissertation). http://deposit.ddb.de/cgi-bin/dokserv?idn=1006817166&dok_vaed1&dok_ext=pdf&dok=pdf&filena me=1006817166.pdf
- Annerholm, Hj. 1956: *Studier över de inkoativa verben på na(n) i gotiskan och de nordiska fornspråken.* Lund.
- Antonsen E. H., 1965: *On defining stages in Prehistoric Germanic* // *Language.* Vol. 41, N 1. 19–36.
- Antonsen E. H., 1994: The earliest attested Germanic language, revisited // *NOWELE.* Vol. 23. 41–68.
- Antonsen E. H., 2007: Proto-Germanic final /-a/ in second syllable // *NOWELE* v. 52. 23–29.
- Archeology and language 1997–1999.* V. 1–4. Ed. R. Blench and M. Spriggs. London and New York.
- Arntz H., 1936: Gemeingermanisch // H. Arntz (Hg.) *Germanen und Indogermanen* II. Heidelberg. 429–451.
- Bader F., 1994: Les noms des Aryens: ethnique et expansion // *Langues indo-européenes.* Red. F. Bader. Paris. 65–84.
- Bach A., 1970: *Geschichte der deutschen Sprache.* Heidelberg.
- Balaresque P. et al. 2010: A predominantly Neolithic origin for European paternal lineages // *Public Library of Science (PLoS). Biology.* V. 8 (1). January 2010 Issue. 119–122.
- Baldia M. O., 2008: *The Globular Amphora Culture.* <http://www.comp-archaeology.org/htm>. 2001, updated 2008.
- Bammesberger A., 1990: *Die Morphologie des urgermanischen Nomens.* Heidelberg.
- Bammesberger A., Karaliūnas S., 1998: Zu Fragen nach der ethnischen Identität der Aisten // *Baltistik: Aufgaben und Methoden.* Hrsg. A. Bammesberger. Heidelberg. 39–51.
- Barbujani G., 1997: DNA variation and language affinities // *American Journal of Human Genetics.* V. 61. 1011–1014.
- Barth F., 1969: Introduction // *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference.* Ed. F. Barth. Boston. 9–38.
- Baudou E., 1995: Norrlands forntid – ett historiskt perspektiv. Umeå.
- Bech G., 1963: *Die Entstehung des schwachen Präteritums.* København.
- Becker C. J., 1973: Problemer omkring overgangen fra fangstkulturer til bondekulturer i Sydskandinavien // *Simonsen P., Munch G. S. (red.), Bonde-veidemann och bofast-ikke bofast i nordisk forhistorie.* Tromsø, Oslo, Bergen. 6–21.
- Becker Th. et al., 2006: *Der Niederrhein zwischen Xanten und Nijmegen.* (Führer zu archäologischen Denkmälern in Deutschland Bd 47). Stuttgart.

- Belaresque P. et al., 2010: A predominantly Neolithic origin for European paternal lineages // *PloS Biology*. January 2010. V. 8 (1). <http://www.plosbiology.org/article>.
- Bendetto Di et al., 2000: Mitochondrial DANN sequences in prehistoric human remains from the Alps // *European Journal of Human Genetics*. V. 8, N 9. 669-677.
- Benediktsson Hreinn, 1960: The vowel syncope in Oscan-Umbrian // *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. Bd 19. 157–295.
- Benediktsson Hreinn, 1972: *The First Grammatical Treatise. Introduction, text, notes, translation, vocabulary, facsimiles*. Reykjavík.
- Bente M., Myhre Bj., 1976: *Fra jægergrupper til høvdingasamfunn*. (Cappelens Norgeshistoria Bd 1). Oslo.
- Bergsland K., 1965: Finno-Scandinavian **rebas* „fox“ // *Norsk tidsskrift for språkvidenskap* Bd 20. 242–248.
- Bergsland K., Vogt H. 1962: On the validity of glottochronology // *Current Anthropology*, v 3 N 2. 115–153.
- Bernhard W., 1986: Die Ethnogenese der Germanen aus der Sicht der Anthropologie // *Ethnogenese europäischer Völker aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte*. Stuttgart, New York. 263–284.
- Bierbrauer V., 1998: Gepieden in den Wielbark-Kultur? Eine Spurensuche // *Studien zur Archäologie des Ostseeraums. Festschrift für M. Müller Wille* (Hrsg. H. Wesse). Neumünster. 389–409.
- Birkhan H., 1970: *Germanen und Kelten bis zum Anfang der Römerzeit. Der Aussagewert von Wörtern und Sachen für die frühesten keltisch-germanischen Kulturbeziehungen*. Wien.
- Bjorvand H., 1991: Der Genitiv Singular der indoeuropäischen o-Stämme im Germanischen // *Indogermanische Forschungen*. Bd 96. 96–117.
- Bleicken J., 1999: *Geschichte der Römischen Republik*. 5. Aufl.
- Blöndal Magnússon Ásgeir 1989: *Íslensk orðsifjabók*. Reykjavík.
- Boutkan D. F. H., On the form of North European substrate words in Germanic // *Historische Sprachforschung* Bd 111. 102–133.
- Bramanti B et al., 2009: Genetic discontinuity between local hunter-gatherers and Central Europe's first farmers // *Science*. Oct. 326 (issue 5949). Epub. Ser. 3.
- Brather S. 2004: *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. Berlin New York.
- Brauer W., 1981: *Preußische Siedlungen westlich der Weichsel (Versuch einer etymologischen Deutung heimatlicher Flurnamen)*. Lübeck.
- Braunmüller K., 1995: Forudsætninger for at overtage middelnedertyske sprogstrukturer i de skandinaviske sprog // *Nordisk og nedertysk. Språkkontakt og språkutvikling i seinmellomalderren*. (red. E. H. Jahr). 29–54.
- Bremer O., 1900: *Ethnographie der germanischen Stämme*. Strassburg.
- Brugmann K., 1922: *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Berlin und Leipzig.
- Brønsted J., 1960: *Nordische Vorzeit*. Bd 1. Neumünster.
- Buchvaldek M., Lippert A., Košnan I. in coop. with M. Popelka, A. Krenn-Leeb, T. Klír: 2007. *Archeologický atlas pavěké Evropy*. T. 1–2. Praha.
- Būga K., 1961 (1921) Lietuvių kalbos žodynas // K. Būga, *Rinktiniai raštai*. T. III. Vilnius.

- Bukowski Z., 1988: Die Lausitzer Kultur. Einleitung und Problematik // Z. Bukowski (Hg.), *Forschungen zur Problematik der Lausitzer Kultur*. Wrocław et. al. 15-40.
- Carlsson A., 2001: *Tolkande arkeologi och svensk forntidshistoria. Bronsåldern*. Stockholm.
- Carnap-Bornheim C., von, (Hrsg.) 2003: *Kontakt, Kooperation, Konflikt: Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus*. Neumünster.
- Cavalli-Sforza, L. L., Menozzi P., Piazza A., 1994: *The history and geography of human genes*. Princeton.
- Claiborne R., 1989: *The roots of English. A reader's handbook of word origins*. New York.
- Coetsem van F., 1970: Zur Entwicklung der germanischen Grundsprache // *Kurzer Grundriß der germanischen Philologie bis 1500*. Hrsg. von L.E.Schmitt. Bd 1. Berlin. 1–93.
- Coetsem van F., 1994: *The Vocalism of the Germanic Parent Language*. Heidelberg.
- Collinder B., 1924: Några problematiska germanska lånord i finskan // *Festskrift tillägnad Hugo Pipping*. Helsingfors. 77–89.
- Collinder B., 1944: The name Germani // *Arkiv för nordisk filologi*. Bd 59. 19–39.
- Collinder B., 1953: *Lapparna. En bok om samefolkets forntid och nutid*. Stockholm.
- Cornell T. J., 1995: *The beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic wars (1000-264 BC)*. London, New York.
- Cowgill W., 1974: Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European // *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia. 113–153.
- Dąbrowski J., 1988: Über die Unterscheidungsprinzipien der östlichen Zone der Lausitzer Kultur // Bukowski Z. *Forschungen zur Problematik der Lausitzer Kultur*. Wrocław et al. 85–104.
- Damm Ch., 1991: The Danish Single grave culture – ethnic migration or social construction? In: *Journal of Danish archaeology* v. 10. 199–204.
- Devoto 1936: Germanisch-Lateinisch und Germanisch-Oskisch-Umbrisch // *Germanen und Indogermanen*. Bd. 2. Heidelberg. 533-547.
- Dirk U., 2000: *Die Bernburger Kultur in Niedersachsen*. Rahden/Westf.
- Distribution mtDNA, 2010: Distribution of European mitochondrial DNA (mtDNA) haplogroups by region in percentage. http://www.eupedia.com/europe/european_mtdna_haplogroups_frequency.shtml (last updated January 2010).
- Distribution Y-DNA, 2011: Distribution of European Y-chromosome DNA (Y-DNA) haplogroups by country in percentage. http://www.eupedia.com/europe/european_y-dna_haplogroups_frequency.shtml (last updated June 2011).
- Dulnicz M., 2006: *Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe. Eine archäologische Studie*. Neumünster.
- Dupuy B. M. et al. 2006 : Geographical heterogeneity of Y-Chromosomal lineages in Norway // *Forensic Science International*. V. 164, issue 1. <http://vetinary.sitesled.com/norway.pdf>
- Ebbesen K., 1975: *Die jüngere Trichterbecherkultur auf den dänischen Inseln*. København.

- Einarsson Stefán, 1986: "Harp song heroic poetry (Chadwick). Greek and Germanic alternative singing // Stefán Einarsson, *Studies in Germanic philology*. Ed. by A. Liberman. Hamburg. 62–78.
- Elert Cl.-Chr., 1993: Hur länge har de nordiska språken talats i Sverige? // *Studier i svensk språkhistoria* 3. Utg. av. L. Wollin. Uppsala. 69-75.
- Elert Cl.-Chr., 1997: Språket i södra Skandinavien under bronsåldern: finsk-ugriskt, baltisl, germanskt eller...? In: *Studier i svensk språkhistoria* 4. Utg. Av P. Åström. Stockholm. 77-86.
- Ellegård A., 1959: Statistical measurement of linguistic relationship // *Language* v. 35, N 2 (1). 131–156.
- Endzelin J., 1944: *Altpreußische Grammatik*. Riga.
- Erlingsson U., 2005: Européernas DNA från en geografisk perspektiv i 40.000 år omblandning. http://Europeernas_DNA.php
- Ernst P., Fischer G., 2001: *Die germanischen Sprachen im Kreis des Indogermanischen*. Wien.
- Euler W., 1993: Oskisch-Umbrisch, Venetisch und Lateinisch – grammatische Kategorien zur inneritalischen Sprachverwandschaft // *Oskisch-Umbrisch. Texte und Grammatik*. Hrsg. H. Rix. Wiesbaden. 96–105.
- Euler W., 1997: Die Beziehungen zwischen der italischen, germanischen und baltischen Sprachgruppen // *Res Balticae* N 3. 103–118.
- Euler W., Badenheuer K., 2009: *Sprache und Herkunft der Germanen*. Hamburg, London.
- Falk Hj., Torp A., 1979: *Wortschatz der germanischen Spracheinheit*. 5. Aufl. Göttingen.
- Feist S., 1924: *Indogermanen und Germanen*. Halle (Saale). 3. Auflage.
- Feist S., 1927: *Germanen und Kelten in den antiken Überlieferung*. Halle.
- Feist S., 1932: The origin of the Germanic languages and the Indo-Europeanising of North Europe // *Language*, v. 8, N 4. 245–254.
- Filip J., 1966: *Enzyklopädisches Handbuch zur Uhr- und Frühgeschichte Europas*. Bd I, Prag.
- Fleischer O. 1922: Die vorgeschichtliche germanisch-griechische Kultur-gemeinschaft // *Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte*. Bd 14. 1–72.
- Flemming, Martens, 1995: Southeast European Influence in the early Iron Age of Southern Scandinavia // *Acta Archaeol.* Kopenhagen Bd 66. 111–161.
- Flomm H., 1986: Germanisch-finnische Lehnforschung und germanische Sprachgeschichte // *Germanenprobleme...* 213–230.
- Förstemann, E.W., 1874: *Geschichte des deutschen Sprachstammes* 1. Nordhausen.
- Forster P., 2004: Ice Age and the mitochondrial DNA chronology of human dispersals: a review // *Philosophical transactions of Royal Society of London. B. Biological Sciences*. Feb. 359 (1442). 255–264.
- Frahm F., 1929: Die Entwicklung des Suebenbegriffs in der antiken Literatur // *Klio* 23. 181–210.
- Furholt M., 2003: *Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südsandinavien*. Bonn. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie Bd 101).
- Gardani F., 2008: *Borrowing of inflectional morphemes in language contact*. Frankfurt am Main et al.
- Gäters A., 1959: Das bestimmte Adjektiv im Baltischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft*. Bd 76, N 1–2. 136–159.

- Genealogy 2011: <http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com>
- Germanen 1988: *Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa*. Bd. 1. Von den Anfängen bis zum 2. Jahrhundert unserer Zeitrechnung. 5. Aufl. Berlin.
- Germ-dna, 2011: *Germany Y-DNA Project. Haplogroup Index*. – <http://german-dna.net/HGIndex.htm>
- Gimbutas M., 1986: Remarks on the Ethnogenesis of the Indo-Europeans in Europa // *Ethnogenese europäischer Völker aus der Sicht der Anthropologie und Vor und Frühgeschichte*. Stuttgart, New York. 5–20.
- Gimbutas M., 1993: The Indo-Europeanization of Europe: the intrusion of steppe pastoralists from south Russia and the transformation of Old Europe // *Word*, v. 44 N 2. 205–222.
- Girininkas A., 1996: The Narva culture and the origin of the Baltic culture // In: *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Papers presented at the International conference held at the University held at the University of Vilnius Lithuania held at the University, September 1–7, 1994. Ed. by K. Jones-Bley and M.E. Huld. Washinhton D.C. 42–47.
- Gjerdman O., 1963: *The dialect of the Swedish coppersmith Gypsy Johan Dimitri Taikon*. Uppsala.
- Goblirsch K. G., 2005: *Lautverschiebungen in den germanischen Sprachen*. Heidelberg.
- Godłowski K., 1979: *Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V–VII w. n. e.* Kraków.
- Goody J., 1967: *The Social Organisation of the LoWiili*. Oxford.
- Grienberger Th., 1984: Dea Garmangabis // *Zeitschrift für deutsches Altertum*. Bd 38. 189–195.
- Grimm J., 1868: *Geschichte der deutschen Sprache*. Leipzig.
- Gschöbe R., 2006: *Im Schmelztiegel der Religionen. Göttertausch bei Kelten, Römern und Germanen*. Mainz am Rhein.
- Guild G.D., 1970: The development of the concept of definiteness in Baltic and Slavic // *Donum Balticum. To professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15. March 1970*. Ed. Rūķe-Draviņa. Stockholm. 162–172.
- Gutenbrunner S., 1936: Namenkundliche Zeugnisse zur germanischen Urgeschichte // *Germanen und Indogermanen. Festschrift für H. Hirt*. Bd 2. Hg. H. Arntz. 453–470.
- Gutenrunner S., 1957–1958: Vorindogermanisches bei den rheinischen Germanen? // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Bd 88. 241–249.
- Gysseling M., 1960: *Toponymisch Woordenboek van België, Nederland, Luxemburg en West-Duitsland (vóór 1226)*. Bd 1–2. Tongeren.
- Gysseling M., 1983: *Inleiding tot de oude toponymie van West-Vlaanderen*. Leuven.
- Gysseling M., 1987: Substratwörter in den germanischen Sprachen // *NOWELE*, vol. 10. 47–62.
- Haak W. et al., 2005: Ancient DNA from first European farmers in 7500 old neolithic sites // *Science* 310. 1018–1018.
- Haak W. et al., 2010: Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities // *PLOS Biology*. Vol. 8. Issue 11. e1000536. <http://www.plosbiology.org>

- Hachmann R., 1962: Germanen und Kelten am Rhein in der Zeit um Christi Geburt // *Völker zwischen Germanen und Kelten*. Hrsg. R. Hachmann, G. Kossak, H. Kuhn. Neumünster. 9–68.
- Hachmann R., 1975: Der Begriff des Germanischen // *Jahrbuch für interdisziplinäre Germanistik*. Jg. VII, N 1. 113–144.
- Hald K., 1959: *Finne i person- og stednavne* // *Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid* 4. Malmö. 278–279.
- Hald K., 1971: De danske ønavne // *Namn och bygd*. Bd 59. 71–84.
- Hamp E. P., 1957: Albanian and Messapic // *Studies presented to Joshua Whatmough on his sixtieth birthday*. Ed. E. Pulgram. ,s-gravenhage. 73–90.
- Hamp E. P., 1979: The North European word for „apple“ // *Zeitschrift für celtische Philologie*. Bd 37. 158–166.
- Hamp E. P., 1990: The Pre-Indo-European language of Northern (Central) Europe // *When Worlds Collide: Indo-European and the Pre-Indo-Europeans. The BelagZfmio papers* ed. By Th. L. Markey and J. A. C. Greppin. Ann Arbor. 291–310.
- Hansen A. M., 1907: *Oldtidens nordmænd. Opphav og bosætning*. Kristiania.
- Hansen, Å., 1967: *Moderne dansk*. Bd 2. København.
- Hansen L. I., Olsen Bj., 2004: *Samenes historie fram til 1750*. Oslo.
- Haugen E., 1984: *Geschichte der skandinavischen Sprachen*. Hamburg.
- Häusler A., 1998: Überlegungen zum Ursprung der Indogermanen // *The Roots of peoples and languages of Northern Euroasia I*. Eds. K. Julku, K. Wiik. Turku. 141–150.
- Häusler A., 2002: Bemerkungen zu einigen Hypothesen über Ursprung, Verbreitung und die Gesellschaft der Indogermanen // *The Roots of peoples and languages of Northern Euroasia IV*. Ed. K. Julku. Oulu. 84–104.
- Heinrichs H. M., 1954: *Studien zum bestimmten Artikel in den germanischen Sprachen*. Giessen.
- Helgason Agnar et al., 2000: MtDNA and the origin of Icelanders: deciphering signals of recent population history // *The American Journal of Human Genetics*. V. 66 N 3. 996–1016.
- Hellquist E., 1993: *Svensk etymologisk ordbok*. 6. Uppl. Malmö.
- Hencken H., 1955: *Indo-European languages and archaeology*. (American Anthropologist v 57 N 6, part 3. Memoir N 84).
- Henning R., 1913: Der Name der Germanen // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Bd 54. 210–230.
- Hensel W., 1974: *Ur- und Frühgeschichte Polens*. Berlin.
- Heuss A., 1998: *Römische Geschichte*. 6. Aufl. Paderborn et al.
- Hill E., 2003: Untersuchungen zum inneren Sandhi des Indogermanischen. Der Zusammenstoß von Dentalplosiven im Indioiranischen, Germanischen, Italischen und Keltischen. Bremen.
- Hirt H., 1894: Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanen // *Indogermanische Forschungen*, Bd 4. 36–45.
- Hirt H. 1897: Die Stellung des Germanischen im Kreise der verwandten Sprachen // *Zeitschrift für deutsche Philologie*, Bd 29. 289–306.
- Hirt H., 1931: *Handbuch des Urgermanischen*. Teil 1. Heidelberg.
- Hirt H., 1932: *Handbuch des Urgermanischen*. Teil 2. Heidelberg.
- Hofmann D., 1961: *Die K-diminutiva im Nordfriesischen und in verwandten Sprachen*. Köln.

- Horst F., 1988: Nordischer Kulturbereich der jüngeren Bronzezeit und die Herausbildung der germanischen Stämme // *Frühe Völker in Mitteleuropa*. Hrsg. Von Fritz Horst und Friedrich Schlette. Berlin. 25–34.
- Huld M., 1990: The linguistic typology of the Old European substrata in north central Europe // *Journal of Indo-European Studies*. V. 18. 389–423.
- Hutterer C.J., 1999: *Die germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen* Hill E., n. 4. Aufl., Budapest.
- Hyllested A., 2008. Saami loanwords in Old Norse // *NOWELE*, October 2008, V. 54/55. 67–81.
- Itkonen E., 1955: Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. V. 5. 21–34.
- ISSOG 2011: International Society of Genetic Genealogy. Y-DNA haplogroup tree.- <http://www.isogg.org/tree> (updated 27 мая 2011)
- Jentgens G., 2001: *Die Alamannen. Methoden und Begriffe der ethnischen Deutung archäologischer Funde und Befunde*. Paderborn / Westf.
- Jaansson H., 1988: Beziehungen zwischen den lausitzer und der nordischen Kulturprovinzen während der jüngeren Bronzezeit // Z. Bukowski (Hg.), *Forschungen zur Problematik der Lausitzer Kultur*. Wrocław et. al. 170–177.
- Janhunen J., 2009: Proto-Uralic – what, where and when? In: *Memoires de la société Finno-Ougrienne* N 250. 57–78.
- Julku K., 2002: Die Verbreitung der Kammkeramik // *The Roots of Peoples and Languages of Northern Euroasia* IV. Ed. K. Julku. Oulu 2002. 105–134.
- Kallio P., 2004: *Studia Indo-Uralica. The early relation between Indo-European and Uralic*. Leiden.
- Kallio P., 2003: Languages in prehistoric Baltic Sea region // *Languages in prehistoric Europe*. Ed by A. Bammesberger, Th. Venneman in collaboration with M. Bieswanger, J. Grzega. Heidelberg. 227–243.
- Karikoski E., Pedersen A.-K., 1996: Kvenane / dei finskætta i Norge. Tromsø.
- Karlsson A. O. et al., 2006: Y-chromosome diversity in Sweden – a long time perspective // *European Journal of Human Genetics*. V. 14, issue 8. 963–970.
- Karsten T. E., 1928: *Die Germanen. Eine Einführung in die Geschichte ihrer Sprache und Kultur*. Berlin und Leipzig.
- Kasparavičiūtė D., Kučinskis V., Stoneking M., 2004: Y-chromosome and mitochondrial DNA variation in Lithuanians // *Annals of Human Genetics*. V. 68, issue 5. 438–452.
- Katz H., 2003: *Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörtern in den uralischen Sprachen*. Heidelberg.
- Kauffmann F., 1913: *Deutsche Altertumskunde* I. München.
- Kazlauskas J., 1968: *Lietuvų kalbos istorinė gramatika*. Vilnius.
- Keiling H., 1999: Die Bronzezeit – ein goldenes Zeitalter? Eine Einführung in die Bronzezeit Norddeutschlands // W. Budenheim, H. Keiling (Hrsg.) *Zur Bronzezeit in Norddeutschland*. Neumünster. 11–38.
- Keyser Chr. et al., 2009: Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. V. 126, N 3. 395–410.
- Kidd I. G., 1988: *Posidonius II. The Commentary*. Cambridge.
- Kilian L., 1939/40: Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel? // *Alt-Preußen. Vierteljahresschrift für Vorgeschichte und Volkskunde*. Jg. 4. 67–69.

- Kilian L., 1955: *Haffküstenkultur und Ursprung der Balten*. Bonn.
- Kilian L., 1988a: *Zum Ursprung der Germanen*. Bonn.
- Kilian L., 1988b: *Zum Ursprung der Indogermanen*. 2. Aufl. Bonn.
- Kittles R. A. et al., 1998: Dual origine of Finns revealed by Y-chromosome haplotype variation // *American Journal of Human Genetics*. V. 62, issue 5. 1171–1179.
- Kittles R. A., et al., 1999: Autosomal, mitochondrial and Y-chromosome DNA variation in Finland: evidence for male-specific bottenleck. In: *American Journal of Physical Anthropology*. V. 108, Issue 4. 381–399.
- Klimas A., 1970: Baltic, Germanic and Slavic // *Donum Balticum. To Prof. Chr. Stang*. Stockholm. 263–269.
- Kluge/Seebold 1999: Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erw. Auflage. Bearbeitet von E. Seebold. Berlin, New York.
- Koivulehto J., 1967: Zur Etymologie von germ. *saiwa- ‘See’ // *Neu-philologische Mitteilungen*. V. 68 N 2. 113–118.
- Koivulehto J., 1981: Zur Erforschung der germanisch-finnischen Lehnbeziehungen // *SFU* 17. 161–175.
- Koivulehto J., 1983: Seit wann leben die Urfinnen im Ostseeraum? Zur relativen und absoluten Chronologie der alten idg. Lehnwortschichten im Ostseeraum // *MSFOu* 185. 135–157.
- Koivulehto J., 2003: Frühe Kontakte zwischen Uralisch und Indogermanisch im nordwestindogermanischen Raum // *Languages in prehistoric Europe*. Ed. A. Bammesberger, Th. Vennemann in collaboration with M. Bieswanger, J. Grzega. Heidelberg. 279–317.
- Koivulehto J., Vennemann Th., 1996: Der finnische Stufenwechsel und das Vernersche Gesetz // *PBB*. Bd 118, N 2. 163–182.
- Kolendo J., 1984: Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej. Lokalizacja i rzeczywistość etniczna // *Pregład historyczny*. T. 75, z. 4. 637–653.
- Koncha S., 2002: The Indo-European homeland problem: Models and facts // *The Roots of Peoples and Languages of Northern Euroasia IV*. Ed. K. Julku. Oulu. 135–143.
- König W., 1994: *Dtv-Atlas zur deutschen Sprache*. 10. Aufl. München.
- Korhonen M., 1988: The History of the Lapp language // Denior D. (Hrsg.) *The Uralic languages*. Leiden. 264–287.
- Kossak G., 1962: Archäologisches zur frühgermanischen Besiedlung zwischen Main und Nordsee // R. Hachmann, K. Kossak und H. Kuhn. *Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt*. Neumünster. 68–104.
- Kossian R., 2005: *Nichtmegalitische Grabanlagen der Trichtenbergkultur in Deutschland und in den Niederlanden*. Halle (Saale).
- Kossinna G., 1911: *Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie* (2. Aufl. 1920).
- Kossinna G., 1920: *Die Herkunft der Germanen: zur Methode der Siedlungsarchäologie*. Leipzig.
- Kossinna G., 1934: *Ursprung und Verbreitung der Germanen*. Leipzig.
- Kotcheva K., 1996: Den-lösa konstruktioner i svenskan: synkroni och diakroni // *Nordisk spåkhistoria* (utg. J. Kusmenko, S. Lange). Berlin. 36–45.
- Krahe H., 1935: *Die Indogermanen*. Leipzig.

- Krahe H., 1943: Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel // *Alt-Preußen. Vierteljahresschrift für Vorgeschichte und Volkskunde*. Jg. 8. N 3. 11–12.
- Krahe H., 1954: *Sprache und Vorzeit*. Heidelberg.
- Krahe H., 1956: *Germanische Sprachwissenschaft*. Einleitung und Lautlehre. Berlin.
- Krahe H., 1959: *Sprachliche Ausgliederung und Sprachbewegungen in Alteuropa*. Wiesbaden.
- Krahe H., 1965: *Germanische Sprachwissenschaft*. 5. Aufl. Berlin.
- Krause W., 1966, mit Beiträgen von H. Jankuhn. *Die Runeninschriften im älteren Futhark*. Göttingen.
- Krause W., 1971: *Die Sprache der urnordischen Runeninschriften*. Heidelberg.
- Kretschmer P., 1932: Die Herkunft der Umbrer // *Glotta*, Bd 21. 112–125.
- Kretschmer P., 1948: Die frühesten sprachlichen Spuren von Germanen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Bd 69. N 1–2. 1–25.
- Kroeber A. L., Chretien C. D. 1937: Quantitative classification of Indo-European languages // *Language* v 13, N 2. 83–103.
- Krogmann W., 1951–1952: Zum Problem des Germanen-Namens // *BNF* Bd 3. 139–157.
- Krogmann W., 1978: *Die Kultur der alten Germanen I*. Wiesbaden.
- Kuhn H., 1959: Vor- und frühgermanische Ortsnamen in Norddeutschland und in den Niederlanden // *Westfälische Forschungen* 12. 5–44.
- Kuhn H., 1962: Das Zeugnis der Namen // *Völker zwischen Germanen und Kelten*. Hrsg. R. Hachmann, G. Kossak, H. Kuhn. Neumünster. 105–128
- Kuhn H., 1963: *Grenzen vor- und frühgeschichtlicher Ortsnamentypen*. Wiesbaden. (Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1963, N 4).
- Kuhn H., 1968: Apa zwischen Aller und Elbe // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Bd 44 N 3. 214–225.
- Kuhn H., 1970: Fremder t-Anlaut im Germanischen // *Gedenkschrift W. Foerste*. Köln-Wien. 34–52.
- Kuhn H., 1977: Kracht es im Nordwestblock? Zur Kritik an meiner Namenforschung // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, Bd. 106. 321–346.
- Kuhn H., 1978: *Das letzte Indogermanisch*. Wiesbaden.
- Kühn H., 1934: Herkunft und Heimat der Indogermanen // *Proceedings of The First International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences (London August 1-6, 1932)*. Oxford. 237–242.
- Kuiper F.B.J., 1937: *Die indogermanischen Nasalpräsentia. Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse*. Amsterdam.
- Kuiper F., 1995: Gothic *bagms* and Old Icelandic *ylgr* // *NOWELE*. Vol. 25. 72–76.
- Kurzová H., 1993: *From Indo-European to Latin*. Amsterdam, Philadelphia.
- Kusmenko Ju, 2003: Die Suprudentale. Eine nordskandinavisch-indoarisch-drauidische Parallele // *Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского*. СПб. 185–195.
- Kusmenko J., 2008: *Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen*. Berlin.

- Kuryłowicz J., 1957: Morphological gemination in Keltic and Germanic // *Studies presented to Joshua Whatmough on his sixtieth birthday* / Ed. T. Pulgram. S' gravenhage. 131–144.
- Kuryłowicz J., 1965: Zur Vorgeschichte des germanischen Verbalsystems // *Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag am 28. Februar 1965 dargebracht*. Berlin. 242–247.
- Kuzavinis K., 1964: Lietuvos vardo kilmė // *Kalbotyra* 10. 5–18.
- Labov W., 1994: *Principles of linguistic change*. Oxford.
- Laistner L., 1892: Germanische Völkernamen // *Württembergische Vierteljahreshefte für Landesgeschichte*. NF 1. 1–57.
- Lang V., 1998: Some aspects of the Corded Ware culture east of the Baltic Sea // *The Roots of People and Languages of Northern Euroasia I*. Turku. 84–105.
- Lanx F., 1988: Einflüsse aus dem Lausitzer Kulturkreis auf die bronzezeitlichen und früheisenzeitlichen Kultur der Lüneburger Heide und des übrigen Niedersachsens // Z. Bukowski (Hg.), *Forschungen zur Problematik der Lausitzer Kultur*. Wrocław et. al. 157–170.
- Lappalainen P. et al., 2008: Migration waves to the Baltic Sea region // *Annals of Human Genetics*. V. 72 N 3. 337–348.
- Lappalainen P. et al., 2009: Population structure in contemporary Sweden. A Y-chromosomal and mitochondrial DNA analysis // *Annals of Human Genetics*. V. 73, issue 1. 61–73.
- Larsson L., 1994: Stenåldern // *Signums svenska konsthistorien*. Lund. 9–68.
- Laur W., 1954: Aisten/Esten, eine germanische Volksbezeichnung im baltischen Raum // *Zeitschrift für Ostforschung*. 3. Jg. 223–233.
- Laur W., 2004: Die Herkunft des Germanischen im Spiegel der Orts- und Gewässernamen // *Namenwelten*. Hrsgg. Von Astrid von Nahl et al. Berlin, New York. 201–212.
- Lehmann W.P., 1943: The Indo-European *dh*-determinative as Germanic preterite formant // *Language*. Vol. 19 N 1. 19–26.
- Lehmann W.P., 1961: A definition of Proto-Germanic // *Language*. Vol. 31, N 1. 67–74.
- Lehmann W. P., 2005–2007: *A Grammar of Proto-Germanic*. (Ed. J. Slocum). Austin. online-version (utexas.edu/cola/centers/lrc/books/pgmce.html).
- Lehtisalo T., 1924: *Entwurf einer Mythologie der Juraksamojeden*. Helsinki.
- Leskien A., 1876: *Die Deklination in im Slavisch-Litauischen und Germanischen*. Leipzig.
- Liebich B., 1899: *Die Wortfamilien der lebenden hochdeutschen Sprache als Grundlage für ein System der Bedeutungslehre*. Breslau.
- Lindquist I., 1929: Ett fall av den pronominala instrumentalen på -n i germanska språk // *Studier tillägnade Axel Kock*. Lund. 359–370.
- Lund A., 1998: *Die ersten Germanen. Ethnizität und Ethnogenese*. Heidelberg.
- Lüning J., 2000: *Steinzeitliche Bauern in Deutschland. Die Landwirtschaft im Neolithikum*. Bonn.
- Mackensen L., 1962: *Deutsche Etymologie*. Bremen.
- Mailhammer R., 2007: The Germanic strong verbs. Foundation and development of a new system. Berlin.
- Malitz J., 1983: *Die Historien des Poseidonios*. München.

- Mallory J. P., Huld M. E., 1984: Proto-Indo-European “silver” // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Bd 98, N 1. 1–12.
- Mallory J. P., Adams D. Q., 1997: *Encyclopedia of Indo-European culture*. London, Chicago.
- Malmer M. P., 1969: *Gropkeramikplatsen Jonstorp*. (Antikvarisk arkiv v. 36). Stockholm.
- Malmer M. P., 1973: Om den gropkeramiska kulturens väsen // Simonsen P., Munch G. S. (red.), *Bonde-veidemann och bofast-ikke bofast i nordisk forhistorie*. Tromsø, Oslo; Bergen. 59–61.
- Malmros C., 1980: Den tidlige enkelgravskultur og stridsøksekultur // *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie* 1979. København. 59–66.
- Malmström H. et al., 2009: Ancient DNA reveals lack of continuity between Neolithic hunter-gatherers and contemporary Scandinavians // *Current Biology* 2009, doi:10.1016/j.cub.2009.09.017.
- Malone K., 1947: The Name Wends // *Modern Language Notes*. V. 62, N 8. 556–557.
- Manco J., 2011: *Ancient Western Eurasian DNA*. Table 1- Mitochondrial and Y-chromosome haplogroups extracted from historic and prehistoric human remains (last revised 17. 03.2011). <http://www.buildinghistory.org/distantpast/ancientdna.shtml>
- Mańczak W., 1980: The position of Germanic within the Indo-European languages // *Folia linguistica historica*. I, N 1. 117–123
- Mańczak W., 2000: Relations entre le germanique, le slave, le balte et le latin // *Lingua poznaniensis* XLII. 99–106.
- Markey T.L., 1985: Some Italic perfects revisited // *Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft*. Bd 98, N 2. 260–268.
- Martinet A., 1996–1997: Archéologie et linguistique indo-européennes // *Actes XXe Colloque international de Linguistique fonctionnelle*. Louvain-La-Neuve. 303–310.
- Mažiulis V., 1997: *Prūsu kallbos etimologijos žodynas*. Bd 4. Vilnius.
- Mc Callister R., 1999: On-line dictionary of postulated non-IE substrate vocabulary in the Germanic languages. (http://s155239215.onlinehome.us/turcic/41TurkicInEnglish/Non-IE_GermanEn.htm)
- Mees B., 2001: Stratum and shadow. A genealogy of stratigraphy theories from the Indo-European west // *Language contacts in prehistory. Studies in stratigraphy*. Ed. by H. Andersen. Amsterdam, Philadelphia. 11–44.
- Meid W., 1960: Zur Vertretung des idg. *sr-* in den keltischen Sprachen // *Indogermanische Forschungen*. Bd 55, N 3. 266–274.
- Meid W., 1984: Bemerkungen zum indogermanischen Wortschatz des Germanischen // *Das Germanische und die Rekonstruktion der indogermanischen Grundsprache. Akten des Freiburger Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft, Freiberg 26–27 Februar 1981*. Hrsg. von J. Untermann und B. Brogyanyi. Amsterdam. 91–112.
- Meid W., 1986: Hans Kuhns „Nordwestblock“-Hypothese. Zur Problematik der „Völker zwischen Germanen und Kelten“ // *Germanenprobleme...* 183–212.
- Meid W. 1987: Zum „Germanen“-Problem // *NOWELE*. Vol. 9. 91–97.
- Meier-Brügger M., unter Mitarbeit von M. Fritz, M. Meyrhofer, 2000: *Indogermanische Sprachwissenschaft*. 7. Aufl. Berlin, New York.
- Melchior L. et al., 2010: Genetic diversity among ancient Nordic population // *PLoS one* 5 (issiu 7). E11898 (doi: 10.1371/journal.pone.0011898).

- Merlat P., 1955: Veneti // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, fortgesetzt von M. Kroll und K. Mitthaus. Zweite Reihe. 15. Halbband. Stuttgart. 705–784.
- Messersmidt F., 1935: *Bronzezeit und frühe Eisenzeit in Italien. Pfahlbau, Terramare, Villanova*. Berlin, Leipzig.
- Mildenberger G., 1986: Die Germanen in der archäologischen Forschung nach Kossina // *Germanenprobleme in heutiger Sicht* (Hrg. H. Beck) Berlin, New York. 310–320
- Montelius O., 1888: Über die Einwanderung unserer Vorfäter in den Norden // *Archiv für Anthropologie*. Bd 47. 151–160.
- Moulton W. G., 1988: Mutual intelligibility among speakers of Early Germanic dialects // *Germania. Comparative studies in the Old Germanic languages and literatures*. (Ed. D.G. Calder, T.C. Christy). Los Angeles. 9–28.
- Much R., 1928: Baudihilia und Friagabis // *Festschrift für Max H. Jellinek*. Wien, Leipzig. 75–85.
- Much R., 1936: Das Problem des Germanen-Namens // *Germanen und Indogermanen. Festschrift für Hermann Hirt*. Bd 2. Hrsg. von H. Arntz. Heidelberg. 507–531.
- Much R., Jahnkuhn H., Lange W. 1967: *Die Germania des Tacitus erläutert von Rudolf Much*. Dritte erweiterte Auflage unter Mitarbeit von Herbert Jahnkuhn, herausgegeben von Wolfgang Lange. Heidelberg.
- Müllenhoff K., 1906: *Deutsche Altertumskunde*. Bd 2. Berlin.
- Müllenhoff K., 1920: *Deutsche Altertumskunde*. 2. Aufl. Bd 4. Berlin.
- Müller S., 1913: Sønderjyllands stenalder // *Aarbøger for nordisk oldkyndighet*. København. 169–322.
- Müller H. M., 1990: *Sprache und Evolution. Grundlagen der Evolution und Ansätze einer evolutionstheoretischen Sprachwissenschaft*. Berlin.
- Must G., 1951: The origine of the Germanic dental preterite // *Language*, v. 27 N 2. 121–135.
- Must G., 1953: The genetive singular of *o*-stems in Germanic // *Language*, v. 29 N 3. 301–305.
- Myres N. et al. 2011: A Major Y-Chromosome Haplogroup R1b Holocene Era Founder Effect in Central and Western Europe // *European Journal of Human Genetics* v. 19. 95–101.
- Nack E., 2004: *Die Germanen. Land und Volk*. Tosa.
- Naert P., 1969: Góður maðurinn // *Arkiv för nordisk filologi*. 115-130.
- Nagel E., 1985: *Die Erscheinungen der Kugelamphorenkultur im Norden der DDR*. Berlin.
- Neumann G., 1971: *Substrate im Germanischen?* Göttingen. (Nachrichten der Akademie der Wiss. in Göttingen. Philol.-Hist. Klasse. Jg 1971, N 4)
- Neumann G., 1986: Germani cisrhenani – die Aussage der Namen // *Germanenprobleme...* 107–129.
- Neumann G., 1992: Der Name der Sweben // *Beiträge zum Verständnis...* 153–166.
- Neumann G., 1998: Name und Namen (in „Germanen, Germania, Germanische Altertumskunde“) // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Hrsg. Hoops, Beck. (далее RGA). Bd. 11. 259-265.
- Nielsen H. F., 2000: *The early runic language of Scandinavia. Studies in Germanic dialect geography*. Heidelberg.

- Nielsen K., 1933: A note on the origin of attributive forms in Lapp // *Liber semisaecularis societatis fenno-ugricae. (Mémoire de la Société Finno-ougrienne 67)*. Helsinki. 296–307.
- Norden E., 1923: *Die germanische Urgeschichte in Tacitus „Germania“*. Leipzig, Berlin.
- Nordvedt R., 2007: Haplogroup-I-L Archives. <http://archiver.rootsweb.ancestry.com/th/read/H-DNA-Haplogroup-I/2007-2/1171216290>.
- Noreen A., 1911: De nordiska fäderneslandens namn // *Spridda studier*. 2. Upl. Stockholm. 142–154.
- Noreen A., 1913: *Geschichte der nordischen Sprachen besonders in altnordischer Zeit*. (3. vollständig umgearbeitete Auflage). Strassburg.
- Odner K. *Finner och terfinner. Etniske processer i det nordlige Fenno-Scandinavia*. Oslo. 1983 (Occasional papers in social anthropology 9).
- Olzscha K., 1963: Das f-Perfectum im Oskisch-Umbrischen // *Glotta* Bd 41 N 3–4. 290–299.
- Origins 2010: Origins, age, spread and ethnic association of European haplogroups and subclades. http://www.eupedia.com/europe/origins_haplogroups_europe.html. Last update. Dec. 2010.
- Origins 2011: Origins, age, spread and ethnic association of European haplogroups and subclades. http://www.eupedia.com/europe/origins_haplogroups_europe.shtml#Subclades. Last update. August 2011.
- Otte M., 1997: The diffusion of modern languages in prehistoric Euroasia // *Archeology and language 1*. Ed. Robert Blench and Matthew Spriggs (One world archaeology 27). London & New York. 74–81.
- Otte M., Charlier J.-L., 1996-1997: Les indo-européens et l'archéologie // *Actes XXe Colloque international de Linguistique fonctionnelle*. Louvain-La-Neuve. 311–321.
- Oettinger N., 1997: Grundsätzliche Überlegungen zum Nordwest-Indogermanischen // *Incontri Linguistici. Revista delle Università degli studi di Trieste e di Udine*. Pisa. V. 20. 93–111.
- Palmaitis M. L., 1981: The new look of Indo-European declension (thematic stems) // *Indogermanische Forschungen*. Bd 86. 71–95.
- Passarino G. et al., 2002: *Different genetic components in the Norwegian population revealed by analysis of mtDNA and Y-chromosome polymorphisms* // *European Journal of Human Genetics*. V. 10, issue 2. 521–529.
- Patrushev V., 2000: *The early history of the Finno-Ugric peoples of European Russia*. Oulu.
- Pekkanen T., 1971: *Germani* as a translation of *Sciri* // *Indogermanische Forschungen* 76. 151–164.
- Peschel K., 1978: Die Sueben in Ethnographie und Archäologie // *Klio* 60. 259–309.
- Pfeifer W. 1997: *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. 3. Aufl. München.
- Pisani V., 1949: Zur Chronologie der germanischen Lautverschiebung // *Die Sprache*. Bd 1. 136–234.
- Pohl H. D., 1977: *Slavisch und Lateinisch*. Klagenfurt. (Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft. Beiheft 3).
- Pohl H.-D., 1989: Zur Herkunft des germanischen Präteritums // *Indogermanica Europaea Festschrift für W. Meid zum 60. Geburtstag am 12. 11. 1989*. (Grazer linguistische Monographien 4). Graz. 193–208.
- Pokorny J., 1938: *Zur Urgeschichte der Kelten und der Illyrier*. Halle (Saale).

- Pokorny J., 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* I. Bern und München.
- Pokorny J., 1960: Zur Lautgruppe *sr* im Brittanischen // *Indogermanische Forschungen*. Bd 55 N 3. 263–265.
- Polomé E.C., 1957: Germanisch und Venetisch // MNHMHE XAPIN II. *Gedenkschrift für Paul Kretschmer*. Wien. 86–98.
- Polomé E. C., 1966: Germanisch und Italisch im Lichte des deskriptiven Sprachbetrachtens. *Orbis*. T. 15, N1. 190–199.
- Polomé E. C., 1972: Germanic and the other Indo-European languages // *Toward a grammar of Proto-Germanic*. Ed. F. van Coetsem, H.L. Hufner. Tübingen. 43–69.
- Polomé E. C., 1987: Who are the Germanic people? In: *Proto-Indo-European: The archaeology of a linguistic problem. Studies in honor of Maria Gimbutas*. Washington. (Eds Skomal S., Polomé E. C.). 216–244.
- Polomé E. C., 1989: *Substrate Lexicon in Germanic* // NOWELE, vol. 14. October. 53–73.
- Polomé E. C., 1991: Linguistics and archaeology: differences in perspective in the study of prehistoric cultures // *Language typology 1988*. (eds. Lehmann W. P., Jgermanisch und Italischakusz Hewitt H-J.). 111–134.
- Polomé E. C., 1994: Proto-Germanic and the reconstruction of Proto-Indo-European // *NOWELE*. Vol. 23. 3–40.
- Poloni E. S. et al., 1997: Human genetic affinities for Y-chromosome P49a,f/TaqI haplotypes show strong correspondence with linguistics // *American Journal of Human Genetics*. V 65, issue 5. 1015–1035.
- Posti L., 1953: From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic: Studies on the Development of the consonant system // *Finnisch-Ugrische Forschungen* 31. 1–91.
- Prien R., 2005: *Archäologie und Migration*. Bonn.
- Primas M., 2008: *Bronzezeit zwischen Elbe und Po: Strukturwandel in Zentraleuropa 2200 – 800 v. Chr.* Bonn.
- Probst E., 1991: *Deutschland in der Steinzeit*. Berlin.
- Probst E., 1996: *Deutschland in der Bronzezeit*. Berlin.
- Pulgram E., 1958: *The tongues of Italy. Prehistory and history*. Cambridge, Mass.
- Quin E. G., 1998: Dictionary of the Irish language, based mainly on Old and Middle Irish materials. Compact edition. Dublin.
- Ramat P., 1981: *Einführung in das Germanische*. Tübingen.
- Raetzl-Fabian D. 2001: Revolution, Reformation, Epochenwechsel? Das Ende der Kollektivgrabsitte und der Übergang von der Wartberg- zur Einzelgrabkultur in Nordhessen und Westfalen // *Die Absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 vor Chr. Studien zur Archaeologie in Ostmitteleuropa 1*. Hrsg. von J. Czebreszuk, J. Müller. Bamberg. 319–336. (jungsteinsite.uni-kiel.de/pdf/2002_3_fabian.pdf)
- Richards M. B. et al., 1998: Phylogeography of mitochondrial DNA in Western Europe // *Annals of Human Genetics*. V. 62. 241–260.ëëë
- Rimantienė R., 1992: The Neolithic of the eastern Baltic // *Journal of World Prehistory*. V. 6 N 1. 97–143.
- Renfrew C., 1987: *Archaeology and language. The puzzle of Indo-European origins*. London.
- Renfrew C., 2000: At the edge of knowability: towards a prehistory of languages // *Cambridge Archaeological Journal*. Vol. 10, N 1. 7–34.

- Ringe D., 2006: *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*. Oxford.
- Rix H. (ed.), 2001: *Lexikon der indogermanischen Verben*. Unter Leitung von H. Rix, bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. 2. erweiterte Aufl. Wiesbaden.
- Rootsi S. et al., 2004: Phylogeography of Y-chromosome Haplogroup I reveals distinct domains of prehistoric gene flow in Europe // *American Journal of Human Genetics*. V. 75 (issue 1). 128–137.
- Rootsi S. et al., 2007: A counter-clockwise northern route of the Y-Chromosome haplogroup N from Southeast Asia towards Europe // *European Journal of Human Genetics*. V 15. 204–211.
- Rosenfeld H., 1961: Kultur der Germanen // *Abriss der Geschichte antiker Randkulturen*. W. D. von Barloewen (Hrsg.). München.
- Rosser Z. H. et al., 2000: Y-chromosome diversity in Europe is clinal and influenced primarily by geography rather than by language // *American Journal of Human Genetics*. V. 67. 1526–1543.
- Roymans N., Fokkens H., 1995: Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Siedlungen in den Niederlanden – Eine Übersicht // *Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen*. RGZM. Monographien. Bd 35. 91–108.
- Rübekeil L., 1992: *Suebica. Völkernamen und Ethnos*. Innsbruck.
- Rübekeil L., 2002: *Diachrone Studien zur Kontaktzone zwischen Kelten und Germanen*. Wien.
- Saarikivi J., 2006: *Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugric substrate in northern Russian dialects*. Helsinki.
- Sabalaiuskas A., 1963: Baltų ir pabaltijo suomių santykiai. *Lietuvių kalbotyros klausimai* VI Vilnius. 109-135.
- Salminen T., 2001: The rise of the Finno-Ugric language family // in Carpelan, Parpola, Koskikallio red. *Early Contacts between Uralic and Indo-European*. 385-396.
- Salmons J. C., 1992: *Accentual change and language contact: Comparative survey and a case study of early Northern Europe*. Stanford.
- Sammallahti P., 1998: *The Sámi languages. An introduction*. Kárásjohka.
- Sampietro M. L., 2007: Palaeogenetic evidence supports a dual model of Neolithic spreading into Europe // *Proceeding of the Biological Society*. 274 (1622). 2161–2167.
- Sausverde E., 1996: “Seewörter” and substratum in Germanic, Baltic and Baltic Finno-Ugric languages // *The Indo-Europeanization of Northern Europe. Papers presented at the International conference held at the University held at the University of Vilnius Lithuania held at the University, September 1-7, 1994*. Ed. by K. Jones-Bley and M. E. Huld. Washinhton D.C. 133-147.
- Scardigli P., 1987: Der germanische Anteil am indoeuropäischen Wortschatz und anderes // *Studien zum indogermanischen Wortschatz*. Hg. W. Meid. Unnsbruck. 219-226.
- Schall H., 1962: Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel // *Forschungen und Fortschritte*. Bd 36, N 2. 56–61.
- Schall H., 1964: Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // *Zeitschrift für Sprachforschung indogermanischer Sprachen*. Bd 78, N 1/2, 123-170.
- Schall H., 1966: Baltische Gewässernamen im Flußsystem „obere Havel“ // *Baltistica* 2. 7–42.

- Scherer A., 1955: Die keltisch-germanischen Namengleichungen // *Corola linguistica. Festschrift Ferdinand Somer*. Wiesbaden.
- Schiels K., 2001: The German personal pronouns accusatives in -*k and their indoeuropean origin // *PBB*. Tübingen. Bd 123, N 3. 343–352.
- Schilz F., 2006: *Molekulargenetische Verwandtschaftsanalyse am prähistorischen Skelettkollektiv der Lichtensteinhöhle*. Göttingen (Diss.).
- Schleicher A., 1876: *Compendium der vergleichenden indogermanischen Sprachwissenschaft*. 4. Aufl. Weimar.
- Schlette F. 1974: *Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna*. 2. Aufl. Leipzig.
- Schmalstieg W., 1959: The Indo-European semivowels in Balto-Slavic // *Language* v 35, N 1. 16–17.
- Schmid W. P., 1963: *Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum*. Wiesbaden.
- Schmid W. P., 1968: *Alteuropäisch und Indogermanisch*. Wiesbaden.
- Schmid W.P., 1973: Aisten // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Hrsg. Hoops, Beck. Bd I. 116–118.
- Schmid W. P., 1986: Alteuropa und das Germanische // *Germanenprobleme...* 155–167.
- Schmid W., 1989: Zu den germ.-balt. Sprachbeziehungen: die Komparative der Adjektive // *Indogermanica Europaea Festschrift für W. Meid zum 60. Geburtstag am 12. 11. 1989*. (Grazer linguistische Monographien 4). Graz 241–250.
- Schmid W., 1992: Die Stellung des Baltischen im Kreise der indogermanischen Sprachen // *Indogermanisch, Schlawisch, Baltisch. Materialien des vom 21.-22. September 1989 in Jena in Zusammenarbeit mit der Indogermanischen Gesellschaft durchgeführten Kolloquiums*. Hrsg. von B. Barschel, M. Kozianke, K. Weber. München. 201–222.
- Schmidt J., 1872: *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*. Weimar .
- Schmidt G., 1978: Das keltische und das germanische t-Praeteritum // *Zeitschrift für celtische Philologie* Bd 36. 13–22.
- Schmidt K.H., 1991: The Celts and the ethnogenesis of the Germanic people // *Historische Sprachforschung*. Bd 104 N 1. 129-152.
- Schmidt M., 2003: *Europa und der Mittelmeerraum zu Zeit der frühen Kelten und Germanen (von 900 v- Chr. bis 16 v. Chr.)*. Frankfurt am Main.
- Schneider R., 2006: *Der Übergang von der Bronze zur Eisenzeit. Neue Studien zur Periode VI des Nordischen Kreises in Teilen Dänemarks und Norddeutschlands*. Bonn.
- Schnetz J., 1923: Der Name Germanen // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* Bd 47. 470-491.
- Schönfeld M., 1965: *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*. Darmstadt.
- Schrijver P., 2001: Lost languages in Northern Europe // C. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds). *Early contacts between Uralic and Indo-Europeans. Linguistic and archaeological considerations*. Helsinki. 417–429. (MSFOu 242).
- Schrodt R., 1974: *Die germanische Lautverschiebung und ihre Stellung im Kreise der indogermanischen Sprachen*. Wien.
- Schwarz E., 1956: *Germanische Stammeskunde*. Heidelberg.

- Schwerdt J., 2001: Zur Bedeutung des *-nan*-Suffixes der gotischen schwachen Verben // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Bd 123. 175–210.
- Seebold E., 1986: Die Konstituierung des Germanischen in sprachlicher Sicht // *Germanenprobleme...* 168-182.
- Seebold E., 1998: Sprache und Schrift // *RGA* Bd 11. 275–305.
- Semino O. et al., 2000: The genetic legacy of palaeolithic Homo Sapiens in extant Europeans: A Y-chromosome perspective // *Science*. V. 290. 1155–1159.
- Setälä E. N., 1964: Über einen gutturalen Nasal im Urfinnischen // *Memoria saecularis E. N. Setälä* 27. II. 1964. (Suomalais-ugrilaisen seuran toimuksta Bd 135). 37–47
- Soares P. et al. 2010: The archaeogenetics of Europe // *Current Biology*. V. 20. 174–183
- Solta 1974: *Zur Stellung der lateinischen Sprache*. Wien.
- Sommer F, 1902: *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre*. Leipzig.
- Sprockhoff E., 1936: Zur Entstehung der Germanen- In: *Germanen und Indogermanen. Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur. Festschrift für Herman Hirt*. Hrsg. Von H. Arntz. Bd 1. Heidelberg. 255–274.
- Staaïj R.J., 1995: *A reconstruction of Proto-Italic*. Molenaarsgraaf.
- Stang Chr., 1942: *Das slavische und baltische Verbum*. Oslo.
- Stang Chr., 1966: *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo, Bergen, Tromsø.
- Stang Chr. 1972: *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen den Slawischen, Baltischen und Germanischen*. Oslo.
- Steinhauser W., 1955: Der Namensatz im Cap. 2 der Germania des Tacitus // *Rheinische Vierteljahrsblätter* N 20. 12–29.
- Steinhauser W., 1956/1957: Der Name „Germanen“ im Süden // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Bd 87, N 2. 81–104.
- Stedje A., 1984: Warum nur im Germanischen? Altes und Neues zum Ablaut der starken Verben // *Studier i modern språkvetsenskap*. V. 8. 96–113.
- Stenberger M, 1977: *Vorgeschichte Schwedens*. Neumünster.
- Steuer H., 1998: Ursprung und Ausbreitung der Germanen // *RGA* Bd 11. 318–327.
- Streitberg W., 1963: *Urgermanische Grammatik*. 3. Aufl. Heidelberg.
- Strinnholm A., 2001: *Bland säljägare och fårfarmare*. Uppsala.
- Strömbäck D., 1935: *Sejd. Textstudier i nordisk religionshistoria*. Stockholm. (Nordiska texter och undersökningar 5).
- Sykes B., 1999: The molecular genetics of European ancestry // *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological sciences*. V. 354 (1379). 131–139.
- Tambets K. et al., 2004: Western and eastern roots of the Saami – the story of genetic outliers told by mitochondrial DNA and Y-chromosomes // *The American Journal of Human Genetics*. V. 2004, N 4, 661–682.
- Thomas H.L., 1992: Archaeology and Ondo-European comparative linguistics // *Reconstructing languages and cultures*. Ed. E. Polomé, W. Winter. Trends in linguistics. Studies and monographs 58. 285–316.
- Thomason S. G., 2001: *Language contact. An introduction*. Washington D.C.
- Tilley Chr., 1996: *The ethnography of the Neolithic*. Cambridge.

- Timpe D. 1986: Ethnologische Begriffsbildung bei der Antike // *Germanenprobleme...*22–40.
- Timpe D., 1992: Der Sueben-Begriff bei Tacitus // *Beiträge zum Verständnis...*278–310.
- Timpe D., 1998: Germanen, Germania, Germanische Altertumskunde // *RGA* Bd. 11. 182–245.
- Thurneisen R., 1883–1885: Irische Miscellen // *Revue Celtique* 6. 91–109, 371–372.
- Torrioni A. et al., 1996: Classification of European mtDNAs from an analysis of three European populations // *Genetics*. V. 144 (4). 1835–1850.
- Torrioni A., et al., 1998: mtDNA analysis reveals a major late paleolithic population expansion from south-western to northeastern Europe // *American Journal of Human Genetics*. V. 62, issue 5. 1137–1152.
- Trier J., 1943: Zaun und Mannring // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Bd 66. 232–264.
- Tschirch F., 1966: *Geschichte der deutschen Sprache*. Bd 1. Berlin.
- Udolph J., 1994: *Namenkundliche Studien*. Berlin, New York.
- Underhill P. A. et al. 2010: Separating the post-Glacial coancestry of European and Asian Y-chromosome within haplogroup R1a // *European Journal of Human Genetics*. V 18. 479–484.
- Untermann J., 2002: Das Perfect der Sekundärverben im Oskisch-Umbrischen // *Novalis Indogermanica. Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag*. Hrsg. M. Fritz, S. Zeilfelder. Graz. 489–496.
- Vaan de M. 2008: *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, Boston.
- Vaillant A., 1970: La suffixe baltique *-ingas* // *To professor Christian S. Stang* 553–561.
- Vennemann Th., 1984: Hochgermanisch und Niedergermanisch. Die Verzweiflungstheorie der germanischen Lautverschiebung // *PBB*. Bd 106. 1–45.
- Vennemann Th. 1995: Etymologische Beziehungen in Alten Europa // *Der GinkgoBaum: Germanistisches Jahrbuch für Nordeuropa* 13. 39–115.
- Vennemann Th., 2000: Zur Entstehung des Germanischen // *Sprachwissenschaft* Bd 25. 233–269.
- Vennemann Th., 2003: Languages in prehistoric Europe north of the Alps // *Languages in prehistoric Europe*. Eds A. Bammesberger and Th. Vennemann. Heidelberg. 319–332.
- Vennemann Th., 2004: Phol, Balder and the birth of Germanic // *Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen. Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag*. Hrsg. I. Hyvärinen et al. Helsinki. 439–457.
- Villems R. et al. 2002: Archeogenetics of Finno-Ugric speaking population // *The Roots of Peoples ...IV*. 271–284.
- Vries J. de, 1960: *Kelten und Germanen*. Berlin, München.
- Vries J. de, 1961: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden.
- Wagner H., 1960: Keltisches t-Praeteritum, slavischer Wurzelaorist und germanisches schwaches Praeteritum // *Zeitschrift für keltische Philologie*. Bd 28 N 1/2. 1–18.
- Walde A., Hofmann J. B., 1938–1954: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde*. 3. neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg. Bd 1–2.

- Walser G., 1956: *Caesar und die Germanen*. Wiesbaden. (Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. Einzelschriften Heft 1).
- Watkins C. 1962: The origin of the t-preterite. Addendum: Transitive and intransitive in the Celtic preterite passive, Slavic root aorist and Germanic weak preterite // *Ériu*, v 19. 25–46.
- Wenskus, R., 1961: *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes*. Köln, Graz.
- Werbart B., 1999: De mänskliga kontakterna i Östersjöområdet. Yngre stenålderns fångstsamhällen // Burenhult G. (Utg.) *Arkeologi i Norden*. Bd I. Stockholm. 336–342.
- Werbart B., 2002: *De osynliga identiteterna. Kulturell identitet och arkeologi*. Umeå.
- Wiik, K., 1997: The Uralic and Finno-Ugric phonetic substratum in Proto-Germanic // *Linguistica Uralica* 33 N 4. 258–280.
- Wiik, K., 1999: North-European population and languages // *Indo-European-Uralic-Siberian linguistic and cultural contacts*. Ed. by A. Künnap. Tartu. 292–300.
- Wiik, K., 2002: *Eurooppalaisten juuret*. Juväskylä.
- Wiik, K. 2002: On the emergence of the main Indo-European language groups of Europe through adstratal influence // *The Roots of Peoples and Languages of Northern Euroasia IV*. Ed. K. Julku. Oulu. 285–292.
- Witkowski T., 1970: Baltische Orstnamen westlich der Oder? In: *Donum Balticum...* 562–573.
- Wolfram, H., 1990: *Das Reich und die Germanen*. Berlin.
- Wüst W., 1954: Ein weiterer idg./finnisch-ugrischer Zusammenhang? // *Uralo-altaische Jahrbücher* 26 N 3–4. 135–138.
- Zachrisson R. E., 1928: Germani, the name and its early history // *Studia Neophilologia*. V. 1. 18–33.
- Zachrisson I. et al. 1997: *Möten i gränsland. Samer och germaner i Mellanskandinavien*. (Statens Historiska Museum, Monographs 4). Stockholm.
- Zeuss K., 1837: *Die Deutsche und die Nachbarstämme*. München
- Zinkevičius Z., 1998: *The history of the Lithuanian language*. Vilnius.
- Zinkevičius Z., 2010: Ar Tacito Aestiorum gentes yra estai? // *Archivum Lithuanicum* 12. 345–352.
- Zvelebil, M., 2002: Indo-European dispersals and the agricultural transition in Northern Europe: culture, genes and language // *The Roots of Peoples and Languages of Northern Euroasia IV*. Ed. K. Julku. Oulu. 318–343.
- Athenaeus. *Deipnosophistae*, edited and translated by Ch. B. Gulik. Vol. I-VII. Cambridge, 1950.
- Афиней, Пир мудрецов в пятнадцати книгах. Книги I-VIII. Издание подготовили Н.Т. Голинкевич и др. М., 2004.
- P. Cornelius Tacitus. *De origine et situ Germanorum*. Hrsg. A. Önnersfors. Stuttgart 1983 (= P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. T. 2.2).
- Корнелий Тацит, О происхождении германцев и местоположении германцев // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы, малые произведения. Изд. 2. (пер. А. С. Бобовича). 337–355.
- Gaius Julius Caesar, *Commentarii de bello Gallico*. Edited by R. Holmes. Oxford, 1914.

- Гай Юлий Цезарь, *Записки Юлия Цезаря о Галльской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне*. Перевод и комментарий М. М. Покровского. 2-ое издание. М., 1962.
- Plutarchus, Gaius Marius // *Plutarchi vitae parallelae*. Bd. 3, Fasc. 1. Stuttgart und Leipzig, 1996.
- Плутарх 1994: *Сравнительные жизнеописания* в 2-х томах. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Т. 1. М. С. Plinius Secundus d. Ä, *Naturkunde: Lateinisch-Deutsch*. Hrsg. von R. König. Darmstadt, 1973–2004.
- Jordanis *Romana et Getica* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi* 5.1. Hrsg. von Th. Mommsen. Berlin, 1882.
- Иордан 2001. *О происхождении и деяниях гетов. Getica*. Изд. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб.
- Strabons *Geographika*. Ausgabe mit Übersetzung. Bd. 6 (liber V–VIII). Hrsg. von St. Radt. 2007.

INDEX VERBORUM

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- **(s)uer-*, 121
- **arkwo-*, 110
- **bheua*, 113, 114
- **bheua-*, 113
- **bheuə-*, 63
- **bhu-*, 95
- **dhe-*, 64
- **dwisno-*, 108
- **eis-*, 169
- **erm-*, 16
- **es*, 65, 66, 80, 82, 95, 96
- **es-ti*, 80
- **g'hel-uo-s*, 109
- **gherem-*, 15
- **ghwnt-*, 39
- **h₂ebh-*, 52
- **h₂ēp-*, 52
- **haitē*, 34
- **k'mtom*, 39
- **kəi-d-ai*, 34
- **kṛn-*, 38
- **kwekwl-*, 51
- **kwer-*, 16
- **nepōt*, 80
- **penkw*, 51
- **penkwe*, 80
- **pes-*, 185
- **pesno-*, 185
- **pl*, 100
- **s(e)uo-*, 20
- **se-*, 20
- **sēi*, 101
- **skel-*, 121
- **sp(h)er-*, 114
- **sue-*, 20
- **suēbho-*, 20
- **suer-*, 121
- **uen(ə)*, 162
- **uid*, 51
- **uid-to*, 51
- **u_lkw*, 51
- **uoidh₂*, 80
- **volk-*, 30, 165
- twizna-*, 108

Германские языки

- **abal-n-*, 102
- **ablu*, 102
- **aska*, 157
- **aṣal*, 102
- **bhūro*, 114
- **brūn-*, 157
- **dōn*, 63
- **drink-*, 48
- **durpul*, 102
- **elhia*, 115
- **erman*, 16
- **erman/ermun*, 16
- **faita/paita*, 116
- **falṣa/palta*, 116
- **finnōz*, 184, 185
- **folk*, 100
- **gadul*, 102
- **ga-ermanoz*, 16
- **gaiz-*, 14
- **garm-*, 15
- **ger-*, 14, 15
- **germ-*, 15
- **germanoz*, 14, 15, 16
- **guman*, 14
- **gair-*, 14
- **ha(u)bud*, 102
- **halluz*, 157
- **hanap-*, 57
- **hardjan*, 115
- **hebon*, 102
- **helmaz*, 121
- **himin*, 102
- **hurnan*, 79
- **jugo-*, 30
- **juka*, 30
- **juko-*, 30
- **kardian*, 115, 182
- **kaupan*, 115

- *magap*, 102
**nauta*, 115
**nautjan*, 115
**putV/fut*, 116
**saigw-*, 101
**saiw-*, 101
**saiwo*, 101
**saxsa*, 110
**sebjo-*, 20
**selbo-*, 109
**skelduz*, 121
**sprtó-*, 38
**spurða*, 38
**strauma-*, 29
**suēbōz*, 20
**svēbōz*, 25
**svēōz*, 25
**swar-*, 111
**swēb-*, 19
**swēba-*, 20
**swerða*, 121
**taikna*, 115
**tūs-k'mtyom*, 107
**twa-libu*, 106
**twa-lihwu*, 106
**uiros*, 40
**vļpo-*, 38
**walh-os*, 30
**wenepōs*, 161
**wissa*, 50
**wulfa-*, 38
**walhōs*, 164, 165
**χansō/kansō*, 116
**χargu/kargu-*, 116
Alista, 154
Ambra, 160
Ambricho, 160
Ambrones, 159
Ariovistus, 30
Ascapha, 157, 158
Ateste, 154
apil, 102
Bācenis, 32
Brunafa, 157, 158
Chariovaldus, 30
durpil, 102
Eistland, 168
Ennepe, 154
fenni, finnas, finnar, 184
Finderup, 184
Findinge, 184
Finveden, 184
gadil, 102
Haiomerus, 30
Halappe, 157
haubid, 102
hebun, 102
Honnef, 154
Horloff, 154
hund-, 39
ik – mik, 109
kampa, 30
Karwen, 167
Kawle, 167
Langobardi, 30
Lappalitz, 167
magiþ, 102
Marcomani, 30
napa, 30
Olpe, 154
Paperdein, 167
Persante, 167
Pirsna, 167
rengas, 30
Rhīnas, 113
Segesta, 154
slep-, 19
vandale, 162
vinnili, 162
Walluff, 154
wirk-, wurk-, 38

Готский

- aftiuhan*, 109
ahma, 14
aistan, 168
aips, 112
aiz, 110, 166
akrs, 29

- andbahti*, 112
arbja, 114
arbjins, 114
arbjons, 114
arhwazna, 110
at-aþni, 108
aþns, 111
attiuhan, 109
bairada, 34
bairan, 37
bairand, 30
bar, 37
berum, 37
bidjan – bēdum, 62
blindaim, 72
blindamma, 72
brēkum, 36
bundans, 35
eira, 168
eisarn, 112, 166
fadar, 54
fahan – faifah, 120
faran, 37
faran – forom, 62
fidwor, 51
fīf, 51
finf, 51, 80
finþan, 185
flōdus, 32
for, 37
frijōndi, 106
frijōndja, 106
fruma, 107
fulls, 100
gaits, 110, 121
gamain-dups, 108
ga-mains, 109
gatiuhan, 109
greipa, 108
greipan, 37
greipan – gripum, 37, 62
greipan – undgreipan, 105
gripum, 37
gulþ, 104
haiþi, 112
hals, 110, 121
hardiza, 73
hardus, 73
hatis, 110, 111
hilms, 121
hilpan, 108
hliuman-, 14
hoha, 115
hvaprō, 108
innana, 108
ist, 80
juk, 30
junda, 110
kwinowi liop, 183
lēkinon, 57
meina, 114
mik, 109
milha, 14
nati, 99
qairnus, 108
qēmum, 36
reiki, 112
reiks, 112
rūna, 112
saihvan – gasaihvan, 105
saiws, 99
salboþs, 35
seina, 78, 114
sētum, 36
sibja, 20
silan, 111
silba, 109
silubr, 107
sitjan, 37
skildus, 121
standan, 105
steigan, 81
stóp, 105
sunus, 40
swein, 81
swēs, 20
swi-kunþs, 20
tekan – taitok, 120
þahan, 38
þaim, 75
þaurp, 111
þeina, 114
þiuda, 111
þiudans, 108, 114

þiupisks, 1
þorp, 111
þreis tigjus, 107
tuggō, 110
utana, 108
wakna, 105
wair, 40
wairpan – *warp* – *waurpum*, 62
waist, 51
wait, 41, 66, 79, 80

(ge)wiss, 50
āc, 103
*ælfside*n, 116
æŕ, 110
āren, 110
ār, 110
béon, 66
būr, 113
cweorn, 108
deorfan, 108
ēad, 114
earh, 110
eāstes, 170
eofor, 160
ēstes, 170
fēower, 51
fīf, 80
fīf, 51
finnas, 81, 183
forma, 107
garden, 15
gebann, 46
geormanleaf, 15
gierran, 14
gōs, 67
hænep, 57
Heado-rīk, 112
heafðum, 78
helm, 121
hemeðe, 112
hofar, 104
hring, 81
hweowol, 51
īren, 112, 166
īsern, 112, 166
īstas, 170
læcnian, 57

waknan, 105
wandjan, 111
watins, 105
watō, 105
wili, 80
witan, 51
wulfam, 75
wulfs, 38, 51
wulla, 38

Древнеанглийский

léad, 112
lesan, 108
meolcum, 78
nefa, 80
nett, 99
reht, *riht*, 58
rūn, 112
ryge, 108
sæ, 99
sciold, 121
segl, 99
selma, 14
seolfur, 107
sib(b), 20
stīgan, 81
storm, 99
strand, 99
sunu, 40
Swæfe, 19
Swæfhere, 19
sweorð, 121
swīn, 81
þrymm, 110
wæter, 105
wāt, 80
wealh, 164
Wealhland, 164
weax, 108
Weonod land, 162
wile, 80
wine, 162
Wineda lond, 162
Winedas, 162
wulf, 38, 51
wunjan, 162
wyrd, *wyrca*n, 39

	Древневерхненемецкий
<i>aspa</i> , 108	<i>nein</i> , 109
<i>Audabert</i> , 114	<i>nezzi</i> , 99
<i>boucha</i> , 32	<i>reht</i> , 58
<i>būr</i> , 113, 114	<i>rocko</i> , 108
<i>Deot-pato</i> , 112	<i>scilt</i> , 121
<i>eih</i> , 103	<i>segal</i> , 99
<i>ēr</i> , 110	<i>selb</i> , 109
<i>ērin</i> , 110	<i>sēo</i> , 99
<i>este</i> , 168	<i>sīgan</i> , 101
<i>euur</i> , 160	<i>Sigi-mar</i> , 112
<i>fallan</i> , 46	<i>sīhan</i> , 101
<i>fimf</i> , 51, 80	<i>sippa</i> , 20
<i>fior</i> , 51	<i>sparro</i> , 110
<i>gelo, gelu</i> , 109	<i>sper</i> , 110
<i>gerōn</i> , 111	<i>sporte</i> , 38
<i>gibūr(o)</i> , 114	<i>stīgan</i> , 81
<i>giwis</i> , 50	<i>sturm</i> , 99
<i>glas</i> , 169	<i>sun</i> , 40
<i>grimmi</i> , 15	<i>swāba.</i> , 19
<i>hals</i> , 110	<i>Swābheri</i> , 19
<i>hansa</i> , 116	<i>swert</i> , 121
<i>heffu</i> , 109	<i>tag</i> , 77
<i>helfan</i> , 108	<i>Tagarīh</i> , 112
<i>helid</i> , 16	<i>tagu</i> , 77
<i>helm</i> , 121	<i>wahs</i> , 108
<i>hemidi</i> , 112	<i>walah, walh</i> , 164
<i>heri</i> , 16	<i>Walha</i> , 31
<i>hevis</i> , 109	<i>wazzar</i> , 105
<i>hevit</i> , 109	<i>weiz</i> , 80
<i>houwan</i> , 108	<i>wendisch unde wal</i> , 162
<i>ist</i> , 80	<i>wer</i> , 40
<i>lāchinōn</i> , 57	<i>wili</i> , 80
<i>lahs</i> , 108	<i>wini</i> , 162
<i>lēh</i> , 36	<i>Winidā</i> , 162
<i>lernēn</i> , 105	<i>wolf</i> , 38
<i>lesan</i> , 108	<i>Wolfmar</i> , 112
<i>līhan</i> , 36, 37	<i>wolfu</i> , 77
<i>līhan – lēh</i> , 62	<i>wolfum</i> , 75
<i>locc</i> , 46	<i>wonōn</i> , 162
<i>lôt</i> , 112	<i>zu houbiton</i> , 78
<i>marah</i> , 112	<i>zunga</i> , 110
<i>mik</i> , 109	<i>aspa</i> , 121
<i>naht</i> , 30	<i>Erman-arich</i> , 16
<i>nefo</i> , 80	

Древнесаксонский

appul, 102
brosmo, 14
dag, 77
dagu, 77
ēr, 110
ērin, 110
finnas, 81
formo, 107
gelo, gelu, 109
helm, 121
helpan, 108
hring, 81
īsarn, 112, 166
nett, 99

netti, 99
scild, 121
segel, 99
sēo, 99
sibbia, 20
silubar, 107
sittiu, sittian, 37
storm, 99
strôm, 29
sunu, 40
Swāfhere, 19
swerd, 121
wiss, 50
wulf, 51

Древнескандинавский (рунический)

**hanha*, 66
 **hurna*, 66
 **hurnan*, 66
 **svēaR*, 20
dagai, 35
dagaR, 35
dagas, 35
fi*na*, 81
Finnaithe, 184
 -*gastiR*, 29
ha(i)teka, 34

hite, 34
horna, 38, 66, 79
refr, 116
runu, 35
 -**runoR**, 35
seið, 116
swabaharjaR, 19
valhakurne, 165
Viðarr, 114
wraitha, 8

Древнеисландский

**apal(n)*, 102
 **apljaN*, 102
apaldr, 102
at höfðum, 78
auðr, 114
bær, 113
bann, 46
bók, 32
brók, 112
djarfr, 108
eið, 168
eik, 103
eir, 110
eisa, 168, 169
eista, 168
eistir, 170
epli, 102

es, 80
falla, 46
feitr, 116
fet, 54
Finn(h)eiðr, 184
finna, 81
finnar, 81, 183
fjorðr, 111
fjórir, 51
fuð, 116
garmr, 15
gás, 67
gaut, 36
Gipedes, 111
gjúta, 36
gjúta – gaut, 62

- glas*, 80
gómr, 108
grimmr, 15
hals, 110
hampr, 57
hár, 66
hjalmr, 121
hjalpa, 108
hoggva, 108
hörg, 116
hringr, 81, 111
illr, 115
ísarn, 112, 166
járn, 112, 166
jöfurr, 160
Jörmunr, 16
kvern, 108
lækna, 57
langær, 111
lax, 108
lokkr, 46
miðr, 53
móðir, 32
net, 99
ölprom, 78
ör, 110
osp, 108
óss, 111
ringr, 114
rugr, 108, 121
sær, 99
sannr, 111
sáttr, 111
segl, 99
sess, 50
sifjar, 20
síkr, 108
silfr, 107
sitja, 50
sjór, 99
skafa, 36
skafa – skóf, 62
skjöldr, 121
skóf, 36
spari, 110
sparri, 110
spjör, 110
sporðr, 38
stíga, 81
stormr, 99
straumr, 29
strönd, 99
sunr, sonr, 40
Sváfa, 19
Sváfaland, 19
Sváfarr, 19
svara, 111
Svealand, 20
své-dauðr, 20
sverð, 121
své-víss, 20
svíar, 20
svín, 81
svíþjóð, 183
Svíþjóð, 20
þegja, 38
þjóð, 111
þúshund, 107
þúshundrað, 107
þúsund, 107
tjara, 108
tún, 57
tunga, 10, 121
tvennar, 108
ulfr, 38, 51
ulfum, 75
una, 162
valir, 165
Valland, 165
vánder – vándi, 71
vár, 111
vatn, 105
vax, 108, 121
veit, 80
venda, 111
verr, 40
Vindir, 162
Vindland, 162
vinr, 162
viss, 50
vit, 80

Древнефризский

Finn, 184
Finnigast, 184
lôd, 112
net, 99

sē, 99
seil, 99
wird, wirka, 38

eirk, 111

Норвежский

Æistfors, 168
brinde, 114
finna, 72, 183
garma, gorma, 15
härda, 115, 182

Шведский

köpa i varuhuset, 91
köpa varuhusistä, 91
stora, 72
svēar, 20

Himmbersyssel, 57
Himmerland, 57

Датский

Svogerslev, 19

Немецкий

Adel, 99
arg, 99
arm, 99
Beere, 100
begehren, 14
Bein, 99
Birke, 103
Dieb, 99
Distel, 100
Eber, 103
Eiche, 103
Eisen, 103
er ist, 66
Erde, 103
fliehen, 99
Garbe, 103
gären, 14
Garten, 15, 103
Grund, 99
Gürtel, 15
Haken, 103
Harn, 103
Haß, 103
Heer, 103
Horn, 103
ich bin, 66
jener, 70
klug, 99

Land, 100
Latte, 103
laufen, 99
messen, 103
Mond, 103
Möwe, 100
Netz, 99, 100
Nord, 121
Ort, 99
Regen, 100
Reh, 100
Rohr, 100
Schild, 121
Schwaben, 19
Schwert, 121
See, 99, 100
Segel, 99
seihan, 101
Silver, 103
sprechen, 114
stinken, 103
Storm, 99
Strand, 99
Tag, 99
Taube, 100
Tausend, 107
Traube, 100
trinken, 99

Volk, 103, 121, 243
Weib, 99
Winter, 99

Zehe, 99
zu Häupten, 78
Helm, 121

Италийские языки

Латинский

**aba*, 52
**sakesna*, 110
**uelet*, 80
abdūcere, 109
acer-b-us, 20
addūcere, 109
aēnus, *aerātus*, 110
aerugo, 111
aes, 110, 166
aesti, 168, 169, 170
Aestiorum gentes, 168, 250
alius, 72
amnis, 52, 157
annus, 111
aqua, 52
arcus, 110, 148
aesti, 168, 169
arripio, 46
bi-ennium, 108
bīnī, 108
bucca, 46
brannos, 165
Brannovices, 165
caedo, 51
caestus, 51
camisia, 112
capio, 109
capis, 109
capit, 109
caput, 102
Catō, *Catōnis*, 68
catus, 68
cella, 47
Cimbri, 57
collus, 110, 121
comoine, 109
conduco, 106
condūctere, 109
conficio, 106
cornu, 38
cūdo, 108

dingua, 110, 121
dominus, 108
Epidii, 165
epos, 165
est – fuit, 65
extrā, 108
fāgus, 32
fenni, 81
fēram, 67
finni, 183
flumen, 14
frēgimus, 36
fūdī, 36
fundō, 36
fundō – fūdī, 62
Gabrantovici, 165
gabros, 165
gaesum, 12
gallus hannio gannio, 46
germānī, 13, 14, 16, 17, 18, 19
germānus, 13
gibba, 46
glesum, 169, 170
gothones, 81
gurdus, 38
haedus, 110, 121
hēbes, 111
helvus, 109
hostis, 29
illi, eii, huic, 75
illis, eis, his, 75
inferne, 108
invīsus, 50
iuventa, 110
lingua, 9, 110, 121
linquō– līqī, 36, 37, 62
longaevus, 111
maior, 73
māter, 32
mediae, 53
mulier, 38

nassus, 46
noenum, 109
Octavius, 58
ōs, 111
pango – pepigi, 120
panna, 46
pater, 54
patris, 75
pes, pedis, 54
plēnus, 35
-plētus, 35
portus, 111
primus, 107
pro-b-us, 20
quattor, 51, 157
quinque, 80
recte, 58, 151
rectus, 58
Rūfō, Rūfōnis, 68
rūfus, 68
sacena, 110
sanctus, 111
scabō – scābi, 36, 62
scriptae, 58, 151
sedeo, sedēre, 37
sedere, 50
sēdī, 36
sēdimus, 36
sessus, 50
silēre, 111
sons, 111

sparus, 110, 148
stella, 46
Suabi, Suavi, 18
Suebi, 14, 19, 22, 23
Suēbī, 3, 18, 19, 20
Suēbī / Suēvī, 18
suīnus, 81
Suiones, 23
super-b-us, 20
super-ne, 108
tacēre, 38
tango – tetigi, 120
tibi, 53
torreo, 46
tōtus, 72
triginta, 107
turma, 110
unda, 162
ūnus, 72
venedi, 161
venethi, 161, 162
vēnimus, 36
venus, 162
vēr, 111
vinoviloth, 183
vir, 40
virtus, 108
virtutis, 108
Volcae, 31, 57, 165
volpes, 38
vult, 80

Оскский, умбрский

aapam, 52, 157
aapas, 157
ahesnes, 110
cadeis, 110, 111
cringatro, 111
herest, 111
heriest, 111
krenkatrum, 111
krikatru, 111
mefiai, 53
pettiur, 51, 157
pir, 111

rehte, 58, 151
scriftas, 58, 151
sverruneí, 111
tefe, 53
tifei, 53
toutō, 32
toutō-, 111
treb-, 111
uend-, 111
úhtavis, 58
utur, 111

Венетский

mego, 109

sselb-, 109

Мессапский

Aplinis, 114
Aplo, 114
Aplonis, 114

veina, 114
βρένδον, 114
βυριον, 113

Кельтские языки

Ирландский

aball, 101
bann, 46
cúad, 108
dūn, 57
fer, 40
fine, 162
fiss, 51
gair, 16, 17
gairm, 15, 16
garit, 16
gerr, 17
iaran, 112

liaig, 57
oeth, 112
oir-, 16
olc-, 165
rī, 112
rīge, 112
rūn, 112
srūth, 29
-tauth, 111
treb, 111
ubull, 101
cethir, 51, 157

Валлийский

coed, 112
garm, 15

hud, 116

Бретонский

Cunomorus, 112

pedwar, 51, 157

Галльский

ambaktos, 112
brāca, 112
Catu-rīx, 112
Dagorīx, 112
Isarno-, 112, 166

-rīx, 112
Sego-māros, 112
Teuto-boduus, 112
марка, 112

Балтийские языки

Древнепрусский

abse, 108
alu, 78
billīt, 47
buttan, 47
dabber, 47
deiwas, 76
gillin, 47
guntwei, 39
gurcle, 38

kanapios, 57
massi, 47
pecku, 78
Persas, 167
Perses, 167
Perses upe, 167
pirmas, 107
tūsimtons, 107

Литовский

- Aisė*, 169
Aiseta, 169
Aista, 169
augančia, 106
augandi, 106
bėrė, 36
beria, 36
berti, 36
blogas – blogasis, 71
čiupti – sučiupti, 106
darbas, 108
derva, 108
dirba, 62
dirbo, 62
dirbti, 108
donis, 32
dvylika, 106
esmi – buvau, 65
geltonas, 120
geram, 72
geras, 69, 73
geras / gerasis, 69
gėrė, 37
geresnis, 73
geria, 37
geriems, 72
gerti, 37
gintaras, 170
girnos, 108
gomurys, 108
graibyti, 108
griebti, 108
gurklis, 38
kanapis, 57
karia, 37, 62
karia – korė, 62
karti, 37
kauju, 108
kerpa – kirpo kirpti, 62
keturi, 51
klausyti, 120
korė, 37, 62
kupra, 104
lāšis, 108
lesti, 108
lieka, 37
lieka – liko, 62
lietuviškas, 104
liko, 37
likti, 37
luginas, 46
matyti – pamatyti, 106
motėris, 32
naktis, 30
obelis, 101
obuolas, 101
penki, 80
pilnas, 100
pirmas, 107
pulkas, 100
puolu, 46
ranka, 35
rankai, 35
rugys, 108, 121
saitas, saitu, saisti, 116
sėdžu, sėdėti, 37
šeimos, 75
šelpiti, 108
sidabras, 107
šimtas, 39
slepia – slėpė, 62
spurti, 38
sraumuo, 29
sūnumi, 78
sūnus, 40
svodba, 32
syvas, 101
tauta, 111, 170
tiems, 75
trisdesimt, 107
troba, 111
vandens, 105
vanduo, 105, 162
vaškas, 108, 121
vilkams, 75
vilkas, 35
vilko, 35
vilkui, 35, 77
vyras, 40

Латышский

Aiša, 169
apse, 121
dzintars, 170
ercis, 110
īstnieki, 169
lasis, 108
lesa, 108

lest, 108
paparde, 167
sīgas, 108
sīws, 101
spurt, 38
straume, 29
zelts, 104

Славянские языки

Старославянский

**bheram*, 67
**ghans-*, 67
**konopja*, 57
**rankon*, 67
sěde, 36
sīnī-, 40
tětъ, 75
вѣрж, 67
вѣржштж, 106
вѣржшти, 106
волкоу, 35
вълна, 38
вълкъ, 35
гръло, 38
гжсь, 67
есмь – быхъ, 65
естъ, 80
злато, 104
истъ, 169

лѣгж, 105
плъкъ, 100
ржка, 35
ржжж, 67
ракита, *rakita*, *rokyta*, 110
рѹжкѣ, 35
сѣдѣж, 105
сѣждж, сѣдети, 37
сѣсти, сѣдѣж, 37
словѣнськъ, 104
собьство, 20
съто, 39
сынѣмь, 78
сърѣбро, 107
три десеть, 107
тысѣща, 107
яблань, 101
яблъко, 101

Русский

видеть – увидеть, 106
волка, 35
волкам, 75
воск, 108
гость, 29
дань, 32
желтый, 120
жернов, 108
ковать, 108
лосось, 108
он, 70
особа, 20
особый, 20
о-стров, 29

плох – плохой, 71
полк, 100
полный, 100
проснуться, 105
работяга, 104
ракита, *rakita*, *rokyta*, 110
рожь, 108
свадьба, 32
сиг, 108
слышать, 120
собственный, 20
тысяча, 107
хватать – схватить, 106
хорош / хороший, 69

Индоиранские языки**Древнеиндийский**

anyás, 72
astī, 80
áyas-, 110
bhānati, 46
ṣaṅkū-, 66
ṣarma(n)-, 121
ṣṛṇ-ga-, 38
gharmá-, 15
kāna-, 57
napāt, 80

rañsa-, 80
pratríam, 61
sincáti, 101
srávati, 29
sva-bhu-, 20
svayam, 20
veda, 80
vīrá-, 40
vṛkā, 77

ayah-, 110

**kana*, 57

gæn/gænæ, 57
rubas, 116

Авестийский**Скифский****Осетинский****Древнегреческий язык**

ἀγαθός, 68
 Ἄγαθων, 68
 αἰγίλωψ, 103
 αἰονάω, 101
 ἄρκευθος, 110
 γερμάνοι, 13
 ἔλεκτο, 37
 Ἐνετών, 161
 ἠδίων, 74
 θερμός, 15
 κάθομαι, 37
 καλίων, 74
 καλός, 74
 κάνναβις, 57
 κείμαι, 37
 κευθμών, 14
 κρατύς, 115
 λύγνος, 46
 ἀνθρωπίσκος, 104
 ὄιδα, 41, 80

οἰδέω, 168 Οὐνέδαι, 161
 οὐράνιος, 68
 Οὐρανίων, 68
 πάρετε, 37
 πατρός, 75
 πέντε, 80
 πέος, 185
 πλωτός, 32
 πρόμος, 107
 πρῶτος, 107
 ὀρεκτός, 58
 Σουαβοι, 18
 Σουηβοι, 18, 19
 στείχω, 81
 τριάκοντα, 107
 φέρεται, 34
 φεροντι, 30
 φίννοι, 81
 Χαριο-γαῖσος, 30

Хеттский язык

antuhšaš, 75
pesnas, 185

uk – amtuk, 109
Wa-na-at-ti-ja-ta, 161

Тохарские языки

laks, 108

Армянский язык

hayr, 54

het, 54

Албанский язык

burrë, 114

natë, 30

shparr, 110

shperdë, 110

shpreh, 114

Палеобалканские языки

Иллирийский

Audarus, 114

Audata, 114

Stravianaë, 29

Teutana, 114

Vidasus, 114

Фракийский

imm, 80

Στρώμων, 29

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

Венгерский 29

lúd, 49

zaj, 116

Хантыйский 36

päNk, 67

sui, soi, 116

Мансийский

sei, 116

Коми

rom, 67

Удмуртский

piš, piš, 57

Марийский

kyñe, 57

Финский

elkia, 115

heinä, 78

illan, 59

ilta, 59

juko, 30

kan-a, 114

kauppa, 115

kulta, 80

kuning-a-s, 114

kuokka, 115

linnun, 59

lintu, 59

lohi, 108

nauta, 114, 115

nauttia, 115

pää, 67

rengas, 81, 114

repo, 116

silta, 78

soida, 116

soittaa, 116
taika, 115
val-a-s, 114

eāst, 170
Eāstland, 170

**koaDēn*, 59
 **koattē*, 59
 **kota*, 59
 **kotan*, 59
bahá – bahás, 71
bahta, 116
bihtá, 47
bihttá, 47
bora, 80
borrat, 80
buodi, 116
buollda, 116
fiinnis – fiinna, 72
gierdat, 115, 182
glaase, 80
goađi, 59
goahti, 59
gonag-a-s, 114
guorgoi, 116
guossi, 116
jukko, 30
kuârgg, 116

**əntəj*, 49
 **jâmpə*, 49
 **pəŋkə*, 49

sjadai, 116

foggo, poggo, 49
jabbudaši, 49
oddu, 49

vant-u-s, 114
Venäja, 162

Эстонский

eesti, 170
Venema, 162

Саамский

loddi, 49
lok'ke manna, 71
lok'kes manna, 71
luossa, 108
moni, 47
monni, 47
reägg-a-s, 114
rieban, 116
sieiddis, 116
sieidi, 116
stuoris – stuorra, 72
tom:te, 49
tomt:e, 49
unni – unna, 71
vitt'e, 80
vup:t, 49
vupt:, 49
лон:ta, 49
лонт:a, 49
лаf:ka, 49
лаfk:a, 49

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Ненецкий

Энецкий

Ю. К. Кузьменко

Ранние германцы и их соседи

Лингвистика, археология, генетика

Подписано в печать 03.11.2011. Формат 60x84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 16,25. Заказ № 1943

Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru; www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812)622-01-23